
ПЕСНИ И СКАЗАНИЯ
О РАЗИНЕ И ПУГАЧЕВЕ
ACADEMIA


ACADEMIA

ФОЛЬКЛОР

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ Ю. М. СОКОЛОВА

ACADEMIA

МОСКВА - ЛЕНИНГРАД



РАЗИН

ПЕСНИ И СКАЗАНИЯ
О
РАЗИНЕ И ПУГАЧЕВЕ

Вступительная статья,
редакция и примечания
А. Н. ЛОЗАНОВОЙ



ACADEMIA
1935

Заставки—гравюры на дереве
А. И. Усачева

Переплет и суперобложка
по его же рисункам



КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ XVII — XVIII вв. В УСТНО-ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ

I

Революционные движения феодально-крепостной России — разинщина и пугачевщина — стоят в единой цепи всей истории классовой борьбы. Теперь — когда с них счищается налет классово-враждебных оценок — они открываются ярче и живее. Вожди движений отделены друг от друга столетием. Но во многом у них сходная судьба. Тот и другой кончают свою жизнь на плахе. И образы их в воспоминаниях, песнях и рассказах живут до настоящего времени.

Разинщина явилась откликом на закрепощение крестьян в XVII веке; дальнейшее развитие крепостничества в XVIII веке вызывает пугачевщину. Хотя и то и другое движение отличается своей особой спецификой, но оба они выливаются в сходные формы. Это — активный протест против всей феодально-крепостнической системы, которая в России достигает наивысшего развития в XVIII веке. За период XVI—XVIII веков крестьянские революционные движения регулярно повторяются и

в отдельных случаях колеблют до основания общественный порядок.

Энгельс, изучая историю крестьянской войны в Германии, пришел к выводу, что она должна многое объяснить во всем ходе новейшей истории Германии.

Изучение крестьянских восстаний феодально-крепостнической эпохи — разинщины и пугачевщины — также чрезвычайно важно для уяснения дальнейшей истории России. Устно-поэтические памятники, песни, рассказы, предания о разинщине и о пугачевщине являются ценнейшей, живой иллюстрацией и громадным дополнением к «чисто историческим» данным.

Оба крестьянских восстания разливаются могучим потоком, одно в продолжение четырех (1667—1671), другое — трех с лишним лет (1772—1775).

Основное ядро разинских отрядов сколачивается весною 1667 года и становится широко известным своими действиями. Разинцы плавают по Волге и Каспию, отбирают хлеб и товары у купцов, освобождают ссыльных и арестованных, проникают на Яик. Особую славу приобретают они походом в Персию, где за год разоряют Каспийское побережье до Баку, захватывают высланные против них персидские суда, богатую добычу и множество пленных. Военные успехи голытьбы признает и сама Москва. «Воровским казакам Стенке Разину со товарищи» посылаются увещевательные милостивые грамоты, а после персидского похода торжественно прощаются все их вины и дается разрешение вернуться на Дон. Однако с самого начала действия разинцев классово ясны. Они искореняют воевод, бояр и богатых купцов, выпускают из тюрем колодников, в занятых городах вводят казацкое устройство, уничтожают документы и архивы прежней власти. Разин вербует себе помощников — Василия Уса, Сергея Кривого, Федора Шелудяка,

уже известных правительству своими «винами». Беглые крепостные, холопы, бедняцкое казачество, судовые рабочие, угнетенные народы Приволжья и Прикамья тысячами встают под знамена Разина. С весны 1670 года начинается победное продвижение восставших. Громадные районы охвачены возмущением. Царицын, Камышин, Астрахань, Саратов, Самара быстро взяты. Ведется осада Симбирска; поднимается население Тамбовской, Пензенской, Нижегородской, Казанской областей. В центре, почти под Москвой, и на севере — в Вологодском и Вятском крае — движение находит живой отклик.

С большими усилиями правительство борется с восставшими. Наконец Разин выдан властям и казнен. И лишь казнями и пытками десятков тысяч крестьян и казаков правительство побеждает мощное крестьянское восстание XVII века.

Но через сто лет с новой силой разгорается повстанческое движение среди крестьян.

«Блестящий век» Екатерины не раз омрачался крестьянскими восстаниями.

Главное богатство господствующего класса составляют крепостные. Крепостной труд создает изящные усадьбы с причудливо подстриженными парками, наполняет комнаты поместий изысканными вещицами, роскошной мебелью и фарфором. Напудренные парики, расшитый бархат камзолов, гремучие шелка робов, этикет чопорных поклонов — составляют внешнее обрамление жизни екатерининской знати. Между тем на окраинах, в далеком Заволжье, в занесенных снегом уметах, у степных костров, то там, то здесь шопотом передаются слухи, что Петр III, о смерти которого было объявлено правительством, — жив.

Пугачевщина вспыхивает в Уральских степях и быстро охватывает весь Урал, Поволжье и часть Сибири.

Крепостные крестьяне, рабочие уральских заводов, народы, обобранные самодержавием, присоединяются к пугачевским отрядам. Бросают свои деревни, жгут усадьбы, расправляются с помещиками. Идут против укрепившихся порядков, за мужицкого царя, который освобождает от пошлин и налогов, «жалует» пашнями и рыбными ловлями, искореняет помещиков и заводчиков.

Восставшими легко взята вся оренбургская линия крепостей. Краевой центр Оренбург девятимесячной осадой доведен до отчаяния. «Бунт» загорается то там, то здесь. Взята Казань, Уральские заводы; Самара, Пенза, Тамбов, Саратов и окружающие районы охвачены восстанием. Правительство концентрирует все силы на подавление его, назначает громадные деньги за голову Пугачева. Наконец, предводитель, выданный властям, казнен (январь 1775 г.), замучены и почти все его помощники.

Однако волнения прекращаются далеко не сразу. Лишь большими военными силами и искусной тактикой крупнейших полководцев было потушено это крестьянское движение.

Конечно, оценка движений Разина и Пугачева была далеко не одинаковая в различных социальных слоях. Правительственные круги изощрялись в придумывании для восставших уничижительных эпитетов. Царские грамоты не скупятся на самые сильные выражения. «А если тот вор и богоотступник, церквам божиим враг, скверный пес Стенька Разин со товарищи на погибель свою смертную с Дону от вас ушел на Волгу, и наш великого государя указ в городы поволжские к боярам и воеводы нашим послан, велено ратным людям на них посылать и за такие их богомерзкие дела яко отступников побивать без пощады». Когда в Петербурге становится известно, что Пугачев захвачен, дворяне поздравляют друг



ПУГАЧЕВ

С гравюры неизвестного мастера

Гос. Музей изобразительных искусств

друга. Придворный поэт Сумароков пишет: «Станс городу Синбирску»:[1]

Москва и град Петров, и все российски грады,
Российско воинство и олтари, и трон
Стремятся, чтоб он был караем без пощады...

. . . .

Характеристика Пугачева должна внушать ужас:

Сей варвар не щадил ни возраста, ни пола,
Нес тако бешеный, что встретит, — то грызет:
Подобно так на луг из блатистого дола
Дракон шипя ползет...

Екатерина II в ответ на вопросы Вольтера старается изобразить все движение ничего не стоящим инцидентом, а самого Пугачева — жалким бродягой, которого можно ликвидировать очень быстро. В насмешку императрица называет своего соперника по трону «маркиз Пугачев».

Такова оценка движений в официальных кругах. Если же передовые умы дореволюционной России и проявляли интерес к Разину или Пугачеву, они встречали подозрительность, опасения, строгости цензуры. Пушкина привлекает Разин как яркая историческая фигура, по его выражению, — «единственное поэтическое лицо русской истории». Внимательно изучая пугачевщину, он, в «Капитанской дочке», гениально нарисовал образ Пугачева, как он ему представлялся на основе документов и непосредственных воспоминаний современников. Но в изучении истории Пугачева Пушкин почти первый. До конца 50-х годов и разинщина и пугачевщина остаются совершенно неизученными.

Лишь после севастопольских событий, накануне «реформ», радикальная разночинная интеллигенция, стре-

---

[1] Полное собрание сочинений А. П. Сумарокова, собр. и изд. Н. Новиковым. Изд. 2, М. 1787, ч. IX, стр. 94—97.

мящаяся найти опору своим тенденциям в крестьянстве, обращается к разинщине и пугачевщине, стараясь осмыслить и объяснить их. Затем в ближайшие десятилетия этот интерес находит отклик и в художественной литературе. Впоследствии революционное народничество изучает разинщину и пугачевщину, находя здесь аргументы для обоснования своих программ и деятельности.[1]

Однако необходимо отметить, что этот интерес охватывает сравнительно очень узкие круги; к тому же до начала 900-х годов он приглушен опасениями полицейского сыска и дореволюционной цензуры.

В основном главная масса русского дворянства и городской интеллигенции относится к разинщине и пугачевщине или индиферентно, или ориентируясь на мнения официальных дворянско-буржуазных историков.

Но в сознании крестьянства, а также сельского и городского в особенности приволжского пролетариата, а также бедняцкого казачества, образ Разина и образ Пугачева преломляются совершенно иначе, чем в оценке большинства так называемого «высшего» общества дореволюционной эпохи. Все, кто только писал об этих движениях, не скрывают того отношения, которое вызывают они «в народе».

В «Известии о бунте и злодействиях донского казака Стеньки Разина», взятом из хронографа «того же время», автор с сожалением отмечает, что массы были на стороне Разина и «везде ворам угождали, и лжи их люди были ради, где скажут великого государя войско, солгав, побили, и люди тому радовались; а как скажут, что воров великого государя ратные люди побили, и люди

[1] Вопрос об отношении русского общества к разинщине и пугачевщине освещен в статье Н. К. Пиксанова — «Социально-политические судьбы песен о Степане Разине. Художественный фольклор», М. 1926, вып. I.

станут унылы лицем и печальны о воровской погибели... и людем воры говорили: мы де идем, чтоб бояр побить, и вам дадим жить многие льготные годы».[1]

Иностранец Койэт, посетивший Московию в самый разгар разинщины, в своих записках указывает на эту разницу в оценке движения массами и знатью. «Злобный против вельмож, с которыми он обращался жестоко, он очень любовно относился к простым солдатам: он называл их братьями и детьми, и это доставляло ему такую любовь с их стороны, что, будь ему удача, он, без сомнения, сделался бы и остался бы замечательным государем».[2]

Сразу же отмечает противоречивость оценок пугачевщины Пушкин в «Истории пугачевского бунта»: «...Весь черный народ был за Пугачева; духовенство ему доброжелательствовало, не только попы и монахи, но и архимандриты и архиереи. Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства».[3]

«Грех сказать, говорила мне восьмидесятилетняя казачка, — пишет Пушкин в примечаниях к «Истории пугачевского бунта», — на него мы не жалуемся, он нам зла не сделал».[4]

На вопрос следственной комиссии, почему сами казаки не убили Пугачева, — один из ближайших помощников Пугачева, Зарубин, отвечал: «А если б его убили,

---

[1] Известие о бунте и злодействиях донского казака Ст. Разина — «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах», Спб. 1793, стр. 420.

[2] Посольство Кунраада фан Кленка к царям Алексею Мих. и Феод. Алексеевичу. Изд. Археогр. комиссии, СПБ. 1900, стр. 457.

[3] Пушкин, История Пугачевского бунта. Примечания, № 128.

[4] Там же, № 73.

так узнавши б многие бы и против нас восстали... и редкий невольник был в его толпу взят, по большей части сами прихаживали всякий день толпами». [1]

II

Во имя чего шли массы? К чему они стремились? Почему не останавливались ни перед какими жертвами? На эти вопросы отвечают не только официальные донесения, отчеты и протоколы допросов, но и еще важнейший источник, выразитель общественного сознания — устно-поэтическое творчество.

Крепостное крестьянство, широкие массы казачества, батраки и холопы — участники и сочувствующие движениям — отозвались на них множеством рассказов, песен и преданий.

Содержание и эмоциональная окраска этих песен и преданий, их разнообразие, пестрота и иногда противоречивость, а также вариации и изменения одного и того же сюжета (рассказа или песни) — являются живыми следами оценки, надежд, стремлений, борьбы втянутых в движения социальных слоев. Особенно богат и разнообразен фольклор о Степане Разине; пожалуй, это один из наиболее богатых циклов об историческом герое, начиная с XVI века. Фольклор о разинщине известен гораздо дальше границ самого движения. Песни о Разине раздаются и у Белого моря, в Восточной и Западной Сибири, на Каспии и по всей Волге, в Смоленщине и на Украине. Предания о Разине в одном Нижневолжском крае могли бы составить целую книгу. Множество холмов, оврагов, курганов связано с именем Разина или его приближенных. Многие клады, по преданию, оставил Ра-

---

[1] «Пугачевщина», т. III. Центрархив. Гиз 1929, стр. 136, № 41.

зин в пещерах по Волге. Чуть ни под каждым холмом население предполагает лодку с золотом, но получить ее дано не всякому.

Фольклор о пугачевщине более скуден.

Песни о пугачевщине, дошедшие до нас, могут быть сосчитаны по пальцам. Но это далеко не означает, что их было мало или что они не пелись. Наоборот, и предание, и даже «дела» и «расспросные речи» неоднократно подтверждают бытование песен о пугачевщине и большую любовь самого вождя к пению. Не отступает от действительности и Пушкин, когда изображает Пугачева и пугачевцев поющими на пиру.

Высокохудожественная сцена из «Капитанской дочки», где рисуются взаимоотношения Пугачева с его соратниками — дана Пушкиным в полном соответствии с преданиями и документами эпохи.

Вечером, после взятия Пугачевым Белогорской крепости, Гринев приходит в стан Пугачева.

«Пугачев на первом месте сидел, облокотясь на стол и подпирая черную бороду своим широким кулаком. Черты лица его, правильные и довольно приятные, не изъявляли ничего свирепого... Все обходились между собою как товарищи и не оказывали никакого особенного предпочтения своему предводителю... Поход был объявлен к завтрашнему дню. «Ну, братцы, — сказал Пугачев, — затянем-ка на сон грядущий мою любимую песенку. Чумаков! начинай!» Сосед мой затянул тонким голоском заунывную бурлацкую песню, и все подхватили хором:

Не шуми ты, мати, зеленая дубровушка,
Не мешай мне, доброму молодцу, думу думати...»

Конечно, все устное творчество о пугачевщине не дошло и не могло дойти до нас. Собиратели в один голос

утверждают, что рассказы и песни о пугачевщине неохотно передаются для записи; их очень трудно обнаружить, особенно если рассказчик убеждается, что собиратель не сочувствует движению.

Очень показательно, что воспоминания о Пугачеве, как о справедливом вожде, который наказывал только жестоких помещиков, живут в отрывках и до сих пор в Заволжье. На Среднем Урале в 1930 году мне пришлось записать отрывок песни-плача о Пугачеве, который, по рассказам исполнителей, пели остатки его отрядов:

Емельян ты наш, родный батюшка,
На кого ты нас покинул,
Красное солнышко закатилось...

И вот перед нами громадное богатство песен и сказаний о разинщине и сравнительно небольшой, но четкий репертуар о пугачевщине. Вероятно, многие из этих памятников, создавшись в современную событиям эпоху, передавались затем от одного поколения к другому два с половиной и полтора века. Но несомненно также, что некоторая часть репертуара возникла уже позднее, на основе прежних или новых ассоциаций. Также каждое поколение, каждый новый певец или рассказчик вносил что-то новое, свое, что так или иначе изменяло произведение.

Встают вопросы: как возникли эти песни и рассказы? кем сложены? как бытовали и изменялись за время своего существования? что утратили и что приобрели вновь? Конечно, и разинский и пугачевский фольклор дошел до нас далеко не в полном своем объеме и, может быть, в значительно измененном виде. Если вспомнить всю остроту и жестокость борьбы восставших народных масс с правительством (и в XVII и в XVIII

веках), то легко представить, насколько одиозны были песни и рассказы, воспевавшие Разина и его «помощников», и насколько ненавистными и опасными считались слухи и молвы о Пугачеве. Несомненно, что с самого момента своего возникновения рассказ и песня о Разине и особенно о Пугачеве — «Петре Федоровиче» — угрожает судьбе передатчиков. Застенки, допросы уводят этот фольклор в подполье, окружают его тайной. Почти все собиратели отмечают, насколько дореволюционный крестьянин был запуган начальством и как неохотно он пел и рассказывал для записи.[1]

Конечно, интерес к песням и рассказам о разинщине и пугачевщине в дореволюционном крестьянстве вызывал еще большую осторожность и недоверие. Собиратели неоднократно подтверждают это. В конце 60-х годов П. И. Якушкин передает, что казаки и судовые рабочие не решались спеть про Разина. Они рассказывают песню словами, так как уверены, что за исполнение её «на голос» «дадут по шапке».[2]

Молодой парень в песне о сыне Разина не решался долгое время произнести слово «губернатор»; он был смущен, что герой — сынок Разина — дерзко отвечает «губернатору».[3]

В последнее время опубликованы «Дела» (в архивах пугачевщины и разинщины) распространителей слухов и рассказов. «Дела» отмечают следствия распространения «молв», этих «врак» и «болтаний», этой «злодей-

[1] Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. М. 1915. Б. М. и Ю. М. Соколовы в предисловии к своему сборнику рассказывают, сколько противоречивых толков, волнений и догадок вызвал их приезд «За сказками и песнями» в Белозерский край в 1908—1909 гг.

[2] Якушкин, Сочинения. «Путевые письма из Астраханской губернии», Спб. 1884, стр. 411—413.

[3] «Киевская старина» 1882, XI, стр. 243—245.

ской эхи». Рассказчикам и передатчикам вырезают языки, наказывают кнутом и шпицрутенами, вкладывают в рот специальный кляп, ссылают под строжайшим надзором, с соответствующим внушением — забыть о своих рассказах.

Печатание фольклора о крестьянских восстаниях также встречает серьезнейшие препятствия со стороны правительственной цензуры, особенно в прошлом веке.

Пушкин собирает песни о Разине и подражает им. В 1827 году предполагает издать их в «Северных цветах» и посылает через Бенкендорфа на предварительную цензуру. По поводу этого Бенкендорф писал ему: «Песни о Стеньке Разине при всем своем поэтическом достоинстве по содержанию своему не приличны к напечатанию. Сверх того церковь проклинает Разина, равно как и Пугачева». Эти песни были опубликованы Анненковым лишь в 1881 году.

Николай I, просматривая рукопись «История пугачевского бунта», вычеркивает красивейшее предание о матери Стеньки Разина, введенное Пушкиным в текст: «В Озерной старая казачка каждый день бродила над Яиком, клюкой пригребая к берегу плывущие трупы и приговаривая: «Не ты ли, мое детище? Не ты ли, мой Степушка? Не твои ли черны кудри свежа вода моет?» И, видя лицо незнакомое, тихо отталкивала труп». — Император Николай I делает пометку: «Лучше выпустить, ибо связи нет с делом». И Пушкин принужден этот рассказ перенести в примечания.

Но и попадая в печать, песни и рассказы о героях крестьянских революционных движений нередко подвергаются изменениям и подправкам. В первой половине XIX века, когда еще не было выработано научной методики собирания, не ставилось требований совершенно точной записи собираемого материала, этнографы-фоль-

клористы зачастую изменяют и стилизуют тексты песен и рассказов. Но в дальнейшем, к 70—80-м годам, с разработкой методов научного собирания, эти явления в специальных изданиях уже изживаются. Среды редакторского карандаша особенно ясны в сборниках военных и казачьих песен с хорами, издававшихся вплоть до империалистической войны для полковых хоров. На элементы ретушировки и исправлений в некоторых песнях о Разине указывал еще академик В. Ф. Миллер в 1914 году. Определив репертуар разинских песен в казачьей среде, В. Ф. Миллер отмечает: «Но, быть может, среди казаков кое-где известны некоторые другие песни о Разине, не попавшие в печать по соображениям, не имеющим ничего общего с научным изучением *подлинной народной песни*. Предполагаем это на том основании, что при просмотре текстов казацких песен опытный глаз замечает кое-где следы редакторского или собирательского карандаша в смягчении некоторых неудобных черт или в подправках, придающих текстам более желательный, по некоторым соображениям, характер, особенно в виду исполнения песен полковыми хорами. Так, несомненно, разинские казаки сложили и пустили в оборот песню о взятии ими Астрахани, об убийстве воеводы князя Прозоровского, попавшую в «Старший песенник» Трутовского (ч. III), но затем уже не повторявшуюся (конечно, по цензурным соображениям) в других».[1]

Также сами певцы и рассказчики, пробуя нейтрализовать бунтарское содержание своего репертуара, нередко совершенно сознательно смягчают тексты, опуская наиболее резкие эпизоды, заменяя эпитеты и отбрасы-

---

[1] В. Ф. Миллер, Эпические песни XVI и XVII вв., «Очерки русской народной словесности». М.—Л. 1924, г. III, стр. 313. То же в Ж. М. Н. П., 1914, № 5 и 6.

вая концовки, которые зачастую содержат угрозу власти. Тем самым они подвергают тексты своей бытовой предварительной цензуре.

Несомненно, как следствие бытовой цензуры, отпала концовка в песне о сынке Разина (имеющаяся лишь в очень немногих вариантах), где угрозы Разина и его сынка расправиться с губернатором приводятся в исполнение.

К той же группе измененных относится и песня о том, как Степан Разин *пришел* во казачий круг и начал думать думушку с казаками. Среди казаков была распространена песня о неприходе Разина в круг; затем она была переделана в песню о приходе:

Доселева Степанушка в круги к нам не хаживал,
Крепку думушку с казаками не думывал,
А ныне и Степанушка в кругу стоит,
С казаками крепко думушку он думает...

Яркий пример перелицовки в духе повиновения властям представляет собою один вариант песни о сыне. Здесь вместо дерзких ответов сынка Разина и угроз расправиться с астраханским губернатором (о чем поется в остальных вариантах) губернатор сам угрожает сынку пулями и ядрами, и разинцы, испугавшись, обращаются в бегство. На вопрос молодца, чем воевода будет потчевать его батюшку, который собирается приехать, воевода насмешливо отвечает:

«Есть у меня наготовлены сухари.
«В Москве они крошены,
«В Казани сушены, —
«Ими встречу, буду потчевать».

Угроза воеводы приводит молодца в ужас. Прибежав к товарищам, он просит их:

«Пригряньте ко мне выкладну,
«Не оставьте меня при бедности,
«На нас воевода рассердился...»

В пугачевском песенном репертуаре тоже встречаем следы изменений текста в лойяльном тоне. Например, интересна песня об Оренбурге: «Ох ты, батюшка Ленбурх-город...»[1] Здесь в первой части подробно и с любовью описываются районы, где «гулял генерал Пугач». Во второй части поется о том, как молодой солдат, стоя на часах, думает, как бы в Оренбург сходить «Пугача убить». Обе части песни противоположны по настроениям, при чем первая из них так распета, а вторая так скомкана, что приходит мысль о механическом сцеплении двух совершенно разных песен, или о механической (наспех) переделке второй части.

Конечно, подобные изменения и перелицовка текста легче всего происходят в тех слоях крестьянства и казачества, которые враждебно вспоминают революционных героев. В этой враждебной среде песни и рассказы о Разине перестраиваются в осуждающем плане рассказов и песен о разбойниках и злодеях, великих грешниках. Уничижительные и осуждающие эпитеты дополняют эмоциональную окраску.

Необходимость максимального внимания ко всякого рода изменениям в тексте и в связи с социальными расслоениями среды, в которой бытует устное произведение, и в связи с цензурой правительственной и бытовой — подчеркнул Н. К. Пиксанов в статье «Социально-политические судьбы песен о Степане Разине». Отметив принципиальное и методологическое значение этих условий «для всего поэтического фольклора», он

---

[1] «Песни о пугачевщине», № 4.

дал ряд примеров различных перелицовок разинских песен.

Безусловно, постановка этих вопросов очень важна для освещения каждого фольклорного текста. Она приводит к основным задачам фольклорного исследования: кем и как создавалось произведение? как изменялось оно в процессе своей жизни? Вопросы эти трудны и сложны; и порой их легче поставить, чем разрешить. Однако, думается, в первую очередь для фольклора массовых крестьянских движений крепостной эпохи встает другой ряд вопросов, а именно: в чем заключается специфика этого крестьянско-революционного фольклора? в чем его основное содержание, каков его социальный акцент, в чем его социальный пафос?

Несмотря на полицейский сыск и преследования цензуры, песни и сказания о героях крестьянских движений феодально-крепостной эпохи — особенно о Степане Разине — широко собираются и проникают в печать. В наиболее ранние песенные сборники конца XVIII века проскальзывают полные тексты. Уже самое помещение их среди избранных текстов говорит за их массовую распространенность. Самое старшее издание разинского песенного текста с нотами относится к 1779 году, когда в третьей части песенника В. Ф. Трутовского появилась песня о взятии Разиным Астрахани. Ряд ценнейших текстов помещен в «Собрании разных песен» Чулкова 1770—1773 гг. В сборнике Кирши Данилова (80-е годы XVIII века), встречаем ста́рину об убийстве волжскими казаками астраханского губернатора, записанную с нотами, что опять-таки говорит за ее известность в голосовом исполнении. Здесь уже зафиксированы главнейшие сюжеты.

Большим дополнением к этому фонду явилось собрание П. В. Киреевского (30—40-е годы), где особенно

много вариантов песни о сынке Разина. Все это богатство проверяется и дополняется северными записями Рыбникова, Гильфердинга, Григорьева, Ефименко и других.

С развитием областной этнографии появляются также песни, записанные в казачьих областях, в Сибири, в Поволжье; нередко записи публикуются в местных газетах. Запись преданий начинается позже, с 40—50-х годов, и продолжается (так же, как и песен) до настоящего времени.

Пушкин — один из первых собирателей фольклора о Разине и основоположник собирания фольклора о пугачевщине. Он первый в 1833 году едет на Яик и в Оренбургский край для ознакомления с «воспоминаниями престарелых очевидцев» пугачевщины. Одновременно с ним Даль собирает песни о пугачевщине; Киреевский и Языков записывают их в Симбирском крае.

III

Чем же характеризуется фольклор о пугачевщине и разинщине? Каковы его основные мотивы и содержание? Почему он не заглох до последнего времени, почему Октябрьская революция не только не заслоняет его, а порой даже возрождает? Очевидно потому, что это творчество олицетворяло собой надежды и стремления масс и в художественно-поэтическом образе, в известном эмоционально-вокальном оформлении — стремления и подвиги борцов продолжали жить.

Основная тематика песен и сказаний о разинщине и о пугачевщине проявляется в каждом штрихе, в каждой детали. Это — оправдание борьбы и победы восставших над господствующими классами. Громаднейшее богатство песен о Степане Разине отражает это на каждом шагу.

В большинстве случаев поется о действительных событиях, о действительных ярких (хотя и непродолжительных) победах, о мести воеводам и властям. С ними восставшие расправляются без всякого сожаления:

Как грянули, прихватили к губернатору на двор,
Не успел губернатор Стеньки встретити,
Ах посадил-то Стенька Разин губернатора в тюрьму.
Мало того, его на виселицу.

Или в другой песне, о взятии Астрахани:

...Метался Стенька Разин на угольную на башню.
Что с великого раскату воеводу сбросил,
Его маленьких деток он всех за ноги повесил.

Почему восставшие вынуждены это делать, — песня об убийстве астраханского воеводы (в песне он назван губернатором) объясняет:

Ты добре ведь, губернатор, к нам строгонек был,
Ты ведь бил, ты губил, ты нас в ссылку ссылывал,
На воротах жен, детей наших расстреливал.

Победы голытьбы изображаются с особенной любовью. «Сынок» Стеньки Разина, один из его храбрых агентов, появляется в Астрахани и дерзко ведет себя по отношению к власти — воеводе, — не кланяется боярам, гордо идет, заломив за ухо шляпу с позументом, мимо богатых купцов. Он в роскошно-небрежном наряде и обращает на себя внимание. Его хватают по приказу губернатора, но на вопросы он отвечает вызывающе, — открывает, что он сын Стеньки Разина, грозит приездом отца; губернатор в ужасе.

Разинцы не нуждаются в казачьем круге. Атаман и его дружина не ходят туда, так как думают думушку «своей буйной головушкой»:

Во казачий круг Степанушка не хаживал
. . . .
Ходил-гулял Степанушка во царев кабак,
Он думал крепку думушку с голытьбой. . .
Ох вы гой еси, казачье наше вольное собранье.
Вы гребите, не робейте, белых ручек не жалейте.
Нам бы Астрахань-город ополночь пробежати,
Черноярский городочек, что на утренней заре,
Чтоб никто нас не увидел и никто бы не услышал.

Песни рисуют быстрое продвижение и излюбленный волжский маршрут революционных отрядов:

Астрахань-то, славну мати, пройдем с вечера,
Царицын-городочек во глуху полночь,
Саратов и Дубовку на белой заре,
А Самаре-городишку не поклонимся,
В Жигулинских горах остановимся. . .

То недолгое время, когда восставшие одерживали одну победу за другой, воспето ими в ярких картинах:

Спасибо те, спасибо, морю синему всему. . .
Спасибо те, спасибо, Колыванскому острову.
А и упито тут было, братцы, зелена вина,
Еще ж, братцы, уедено сорочинского пшена,
Еще ж, братцы, уношено цветного платья.

Настроения нижневолжской «вольницы», неоднократные ее походы «за зипунами» нашли свое отражение в известном песенном восклицании. Оно ассоциируется и с разинщиной.

Веслом махнем — корабль собьем,
Кистенем махнем — девицу возьмем. . .

Ненависть к боярам и воеводам, расправа с ними, мечта о вольных разъездах на богатых стругах — все эти факты, настроения, отразившиеся в песнях, вытекали из

того положения, в котором оказались широкие массы под гнетом феодально-крепостнической системы.

К половине XVII века положение крепостных крестьян и холопов стало настолько тяжелым, что острый протест с их стороны явился вполне закономерным. К этому времени крестьяне закрепощаются окончательно. В целях укрепления союза с боярством и дворянством, московское правительство раздает своим верным слугам земли и в центральных районах и на окраинах. Окраины, например Приволжские степи с тучной, нетронутой землей, начинают особенно привлекать землевладельца, при чем вместе с землею попадают под власть помещика и крестьяне, живущие на этих землях. Рабочие руки здесь используются тем же способом, как и в центральной России, — их закрепощают.

В устном творчестве встречаются яркие следы, характеризующие феодально-крепостнические отношения. Например, показательны некоторые пословицы: «чье поле — того и воля»; «в своем добре да воли нет»; «неволя — холопу, воля — господину»; «ваша воля — наша доля»... [1] Тяжесть монастырских поборов отразила песня о праваеже:

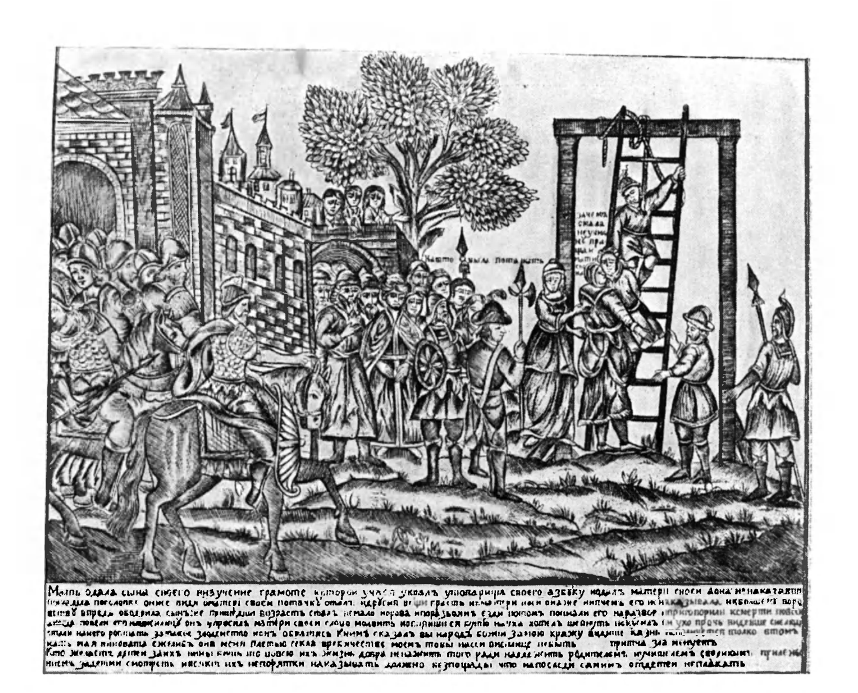
Уж как бьют-то добра молодца на правеже,
Что на правеже его бьют,
Что нагого бьют, босого и без пояса,
В одних гарусных чулочках-то, без чоботов,
Правят с молодца казну да монастырскую. [2]

«Монастырщина — что барщина», отмечает пословица.

---

[1] В. Даль, Пословицы русского народа, М. 1904, т. VII, стр. 96—99.

[2] «Песни, собранные Киреевским», М. 1864, вып. 6, стр. 197.



Казнь вора. — С народного лубка
Гос. Исторический музей

Особенно трудно приходилось населению пограничных областей и окраин. По отзыву С. Г. Томсинского, документы 60-х годов XVII века «представляют собой сплошной вопль разбегавшегося населения городов и сел». Здесь и жалобы «посадских людишек», и челобитные стрельцов, что они «должны обливать слезами хлеб свой». Жители очень часто сами просят освободить их от тех или иных повинностей и налогов, чтобы им «розно не разбрестись». Социальные взаимоотношения, которые развивал и укреплял феодально-крепостнический строй, определяют и социальный состав и расстановку сил в разинском движении.

Ведущую роль в разинщине играли обезземеленные крестьяне, беглые холопы, судовые рабочие, значительные скопления которых концентрируются на окраинах; это «голутвенные люди», по выражению актов, голытьба или «голь», о которой поют разинские песни.

В одной инсценировке, которая может быть возведена к XVII веку, изображается голытьба, разоренная помещиком. Но она протестует. Участники сцены, одетые в лохмотья, начинают гонять барина-толстяка прутьями и приговаривают:

«Добрые люди, посмотрите, как холопы из господ жир вытряхивают!» Так же наступают они и на купца, требуя, чтобы он делился с ними. Расправившись с барином и купцом, голытьба идет во царев кабак и поет:

Ребятушки, праздник, праздник,
У батюшки праздник, праздник,
На матушке Волге — праздник.
Сходися, голытьба, — на праздник.
Готовьтесь, бояре, — на праздник. [1]

---

[1] Т. А. Мартемьянов, Крепостное право в народной словесности. «Исторический Вестник» 1906, IX, стр. 856 и сл.

Голытьба воспета в разинском репертуаре; как и в действительности, она ближе всего к вождю. Не идя во казачий круг, он с голытьбою решает дела. Голь он приглашает на сине море гулять, называет ее ласковыми именами:

Судари, мои, голь кабацкая,
Поедем мы, братцы, на сине море гулять,
Разобьемте, братцы, басурмански корабли,
Возьмемте, братцы, казны, сколько надобно,
Поедем, братцы, в каменну Москву,
Покупим мы, братцы, платье цветное,
Покупивши платье цветное, да на низ поплывем.

Разинское движение создает новый художественный образ — «голь». Этот образ входит в устное творчество и о других героях. Революционные волнения феодально-крепостной России кладут свой отпечаток на былины, вносят яркий протест против князя и властей, протестуют против государственной религии. Илья Муромец превращается в старого казака, который спорит с князем Владимиром, стреляет по святым божьим церквам, ходит во царев кабак, знается с голью. Сынок Стеньки Разина, по некоторым песням, водит компанию с голью, угощает ее вином, она тоже оказывает ему услуги.

Этот собирательный персонаж создан революционными волнениями первого периода крепостничества. Это отклик и протест на закрепощение, выраженный в своеобразно художественной форме.

Активную, а в отдельных случаях ведущую роль играют в разинщине и пугачевщине угнетенные самодержавием народы — чуваши, татары, марийцы, мордва, удмурты, киргиз-кайсаки, в середине XVII века составляющие громадный процент населения обширных

поволжских районов. Здесь отношения феодально-крепостнической эксплоатации усложняются еще национальным моментом. «Инонациональное» население оттеснялось с своей земли метропольным феодалом и всячески отстранялось от рынка. У этого населения отнимали землю, леса, рыбные ловли, жестоко разоряли его. Так же тяжела и разорительна была для этих народов и насильственная христианизация. В документах не раз можно встретить упоминания о вымирании «целых селений». «Казачья служба татар и мордвы ныне впусте и пашни залегли, татарове и мордва померли, а детей после их не осталось, а иные татарове и мордва и их дети, покиня службы, бежали».[1] Движение чувашей, марийцев, мордвы направлялось прежде всего против колонизаторов. Но и сами «инородцы», конечно, не представляли собой единой, совершенно однородной массы. Однако они выступают сплоченно, единым фронтом, против русского колонизаторства. Поднимаются мордва, чуваши, марийцы, более всего страдавшие от колонизаторов. В области Тамбова, Симбирска, Пензы, Нижнего они являются ведущей силой в восстании и принимают на себя все репрессии.

Через сто лет после разинщины торговые связи в России принимают более осложненные и укрепившиеся формы. Интенсифицируется торговля с Западом; вывозится уже не только хлеб, но и различные продукты горной промышленности. Россия, по сравнению с некоторыми западными странами, уже не может считаться экономически отсталой страной. Расширение торговли и вывоза усиливает барщинное хозяйство. Для потребностей главным образом заграничного рынка идет усиленная стройка новых мануфактур. Расширяется денежное

---

[1] С. Г. Томсинский, Разинщина, «Проблемы марксизма», вып. II, Л. 1929, стр. 105.

обращение в хозяйстве; деньги выжимаются усилением крепостнической эксплоатации, которая с необычайной быстротой распространяется на все отрасли хозяйства. Крепостнический нажим вызывает ярый протест со стороны притесняемых.

Манифестом 18 февраля 1762 года дворяне освобождались от обязательной службы, и это подавало надежду крестьянам, что они также будут освобождены. Но через несколько дней по вступлении на престол Екатерины II в обнародованном ею манифесте говорилось: «Понеже благосостояние государства, согласно божеским и всенародным узаконениям, требует, чтобы все и каждый при своих благонадежных имениях и правостях сохраняем был, так как напротив того, чтобы никто не выступал из пределов своего звания и должности, то и намерены мы помещиков при их имениях и владениях ненарушимо сохранить, а крестьян в должном повиновении им содержать». [1]

Еще в 1760 году дворяне получили право по своему усмотрению ссылать крепостных в Сибирь «за разные продерзостные проступки», при чем крестьяне не имели права жаловаться: они могли сноситься с учреждениями только через помещиков. Правда, правительство здесь имело в виду также колонизацию далекой окраины, но, конечно, самим ссылаемым от этого было не легче.

Кроме того в 1765 году Екатерина II разрешила помещикам отдавать своих дворовых, «по продерзостному состоянию заслуживающих справедливого наказания», в каторжные работы и возвращать их обратно по своему усмотрению. Телесные наказания применялись на каждом шагу даже наиболее просвещенными представи-

---

[1] Полное собрание законов, XVI, II, 593, 3 июля 1762 г. В. И. Семевский, Крестьяне в царствование имп. Екатерины II, Спб. 1903, т. I, стр 420

телями эпохи. Известный поэт Г. Р. Державин, в ответ на просьбу четырех скотниц уволить их от страды, дает распоряжение своему приказчику высечь «хорошенько при сходе мирском, которые старее, — тех поменее, а которые моложе, — тех поболее».[1] Неограниченные права помещиков приводят в ужас даже некоторых современников. Один из них писал,[2] что крестьяне, «не имея от законов защиты, подвержены всевозможным, не только в рассуждении имения, но и самой жизни, обидам и претерпевают беспрестанные наглости, истязания и насильства, отчего неотменно должны они опуститься и притти в сие преисполненное бедствий как для их самих, так и для всего общества состояние, в котором мы их теперь действительно видим». Протест против крепостного права находит отклик и в литературе, но он выражается лишь в осуждении жестоких помещиков; вопрос же об отмене института крепостного права не поднимался.

Очень показателен один литературный памятник, изданный Тихонравовым в сборнике «Почин», под заглавием «Плач холопов прошлого века». Это произведение дает правдивую характеристику состояния крепостных и холопов под властью бар. Автор прежде всего указывает, что холоп не может распорядиться продуктом своего труда:

Что в свете человеку хуже сей напасти,
Что мы сами наживем, — и в том нам нет власти.

Холоп слышит одни лишь упреки:

Без выбору нас, бедных, ворами называют.
Напрасно хлеб едим — всячески попрекают.

---

[1] В. И. Семенский, назв. работа, стр. 200.

[2] Слова А. Я. Поленова, цит. по «Истории русской общественной мысли» Г. В. Плеханова, Сочинения, т. XXI, стр. 261.

«Плач» является живой иллюстрацией бесправия.

Боярин умертвит слугу, как мерина,
Холопьему доносу в том верить не велено.
Неправедны суды составили указ,
Чтоб сечь кнутом тирански за то нас.

Холопы обойдены и комиссией по составлению нового уложения:

Холопей в депутаты затем не выбирают,
Что могут де холопы там говорить?..

Они могут получить вольную только в могиле:

А когда холопей в яму покладут,
Тогда и вольный абшит в руки дадут.

Но тем неудержимее мечтает холоп о воле; если б они получили волю, то прежде всего расправились бы с господами.

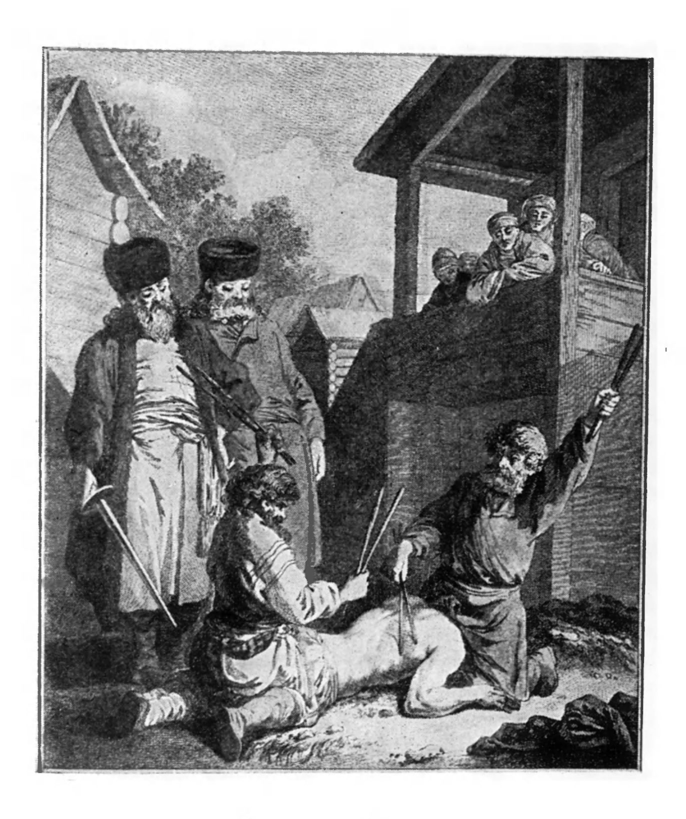
Всякую неправду стали б выводить
И злых господ корень переводить.[1]

Интересен также другой памятник подобного рода, известный в ряде рукописных редакций конца XVIII и начала XIX вв. Он рисует безвыходное положение крепостных, терпящих различные притеснения от царских чиновников. Он издавался под различными заглавиями.[2]

---

[1] «Почин». Сборник об-ва любителей российской словесности на 1895 год. М. 1895.

[2] Старинное остгрословие. Русск. Архив, 1775, кн. 3, стр. 255—256. — Жалоба саратовских крестьян на земский суд. Сообщ. П. Л. Юдиным. Русск. Архив, 1908, № 10, стр. 215—217. — А. Д. Седельников. Плач — памфлет о крепостной доле. (Неизданная редакция.) Литература и марксизм, 1931, кн. IV.



Наказание батогами
С гравюры Тильяра по рисунку Пренса
Гос. Исторический музей

Еще тяжелее жизнь крепостных и работников заводов. Петр I дал право и не-дворянам приобретать деревни, но только к мануфактурам. Работы на фабриках и заводах должны были исполняться таким же крепостным трудом, как и в сельском хозяйстве. Крестьяне являлись собственностью фабрик и заводов. Но в короткое царствование Петра III это право было отменено постановлением: «Всем фабрикантам и заводчикам... отныне к их фабрикам и заводам деревень с землями и без земель покупать не дозволять, а довольствоваться им вольными наемными по паспортам за договорную плату людьми». Поэтому таким успехом пользовалось имя Петра III. Рассказы о Петре III, который придет на царство и даст волю, быстро распространяются среди рабочих. Передатчики «молв» о Петре III — в большинстве случаев рабочие и крестьяне, приписанные к заводам. Конечно, это постановление о прикупке крестьян к фабрикам и заводам впоследствии обходилось; хотя и в меньшем размере, но прикупка все же продолжалась. Царствование Петра III было очень коротким, и в сознании заводских людей складывается убеждение, что постановление нарушается с ведома царицы. Оплата труда на мануфактурах крайне низка, так как повышение ее удорожило бы продукт, и уж не было бы столь выгодно вывозить его за границу. Заводчики выхлопатывают себе право ссылать своих рабочих за различные провинности, так же как и крепостных, в каторжные работы; хотя и с ограничениями, они получают это право. Но наказания крепостных рабочих, конечно, в полной власти владельца.

Когда именным указом Петра I тулянину Никите Демидову был отдан во владение казенный Невьянский завод и было разрешено построить другой завод, на реке Тагиле, ему давалось право:

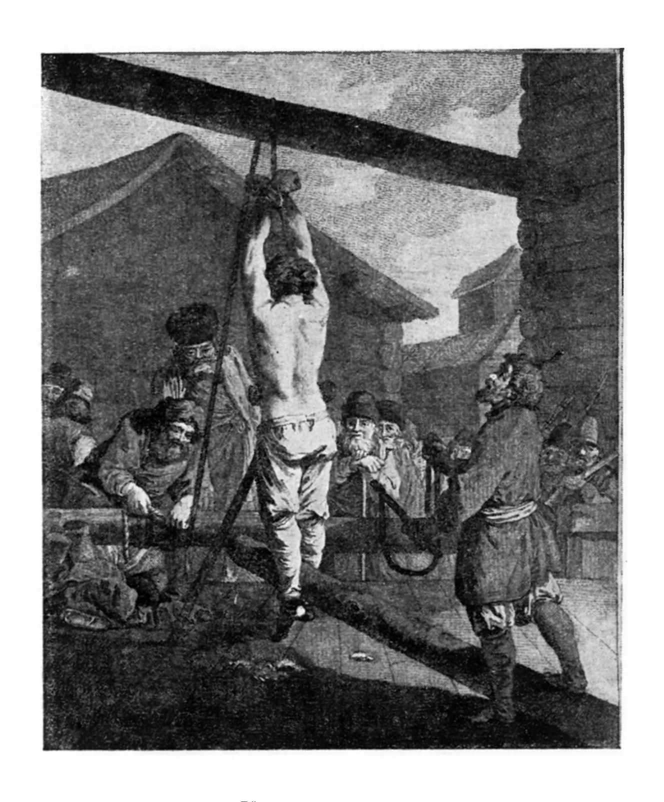
«В случае ослушания крестьян или лености на работе, наказывать их батогами и плетьми и надевать оковы». Конечно, на каждом шагу подобное право осуществлялось со всей жестокостью. Рабочие смотрят на свою работу как на каторгу. И на заводах, особенно на уральских, все время вспыхивают волнения. Низшие представители власти всячески притесняют рабочих. Например, мастеровые крестьяне в одной из своих челобитных на имя императрицы прилагают очень характерное для эпохи «краткое объяснение о происходящих мучениях, обидах при Невьянских Петра Собакина заводах». Особые обиды мастеровые крестьяне терпят от исправника, который «в угодность Собакину людей мучит, кого палками, а иного плетьми и батожьем и, сверх того, наложа колодку на шею и на руки...»

Тяжелые экономические условия, издевательское отношение, низкая заработная плата — все это приводило к громадному повышению смертности среди рабочих: средний век рабочего в половине XVIII века — тридцать-сорок лет.

Рабочие, проникнутые настроениями резкого недовольства и обиды, представляли собой исключительно благоприятную почву для возмущения. Кроме того эта армия могла производить все необходимое для военных действий — лить пушки и ядра. Условия для широкого восстания были налицо.

Та же, что и в разинском фольклоре, ненависть к барам и жажда мести ярко отразились в песнях и сказаниях о пугачевщине:

Судил тут граф Панин вора Пугачева:
«Скажи, скажи, Пугаченька, Емельян Иванович,
«Много ль перевешал князей и боярей?» —
«Перевешал вашей братии семьсот семи тысяч.



Наказание кнутом
С французской гравюры неизвестного художника
Гос. Исторический музей

«Спасибо тебе, Панин, что ты не попался:
«Я бы чину-то прибавил, спину-то поправил,
«На твою-то бы на шею варовинны вожжи,
«За твою-то бы услугу повыше подвесил...»[1]

По преданиям, генералы, посланные усмирять пугачевщину, приходят в ужас, так как убеждаются, что Пугачев — настоящий царь — Петр III. Граф П. И. Панин сам сообщает, что его приезд в провинцию, на места событий, вызывает слухи, что он едет встречать Пугачева.

«Чем далее вдаюсь я в сей край, то открывается во всей черни злодеево-бунтовщичье возжение и предубеждение предрассудка о нем более, по которому, всякие обстоятельства подлость превращая к его видам, не оставила и такое дерзновение произнесть, что я, как брат дядьки его высочества, еду встретить с хлебом-солью».[2]

Пугачев настолько важное лицо, что его

«Все московски сенаторы не могут судити».

Смерть Бибикова современные движению слухи объясняют в том же направлении. Это отражается в показаниях приписанного к Юговским заводам крестьянина Котельникова: «Бибиков съехался с государем (Петром III — Пугачевым) и, увидя точную его персону, устрашился и принял из пуговицы крепкого зелья и умер».[3]

Если поставить вопрос, как изображались вожди в фольклоре, какими штрихами обрисованы Разин и Пугачев, то в этом отношении мы найдем много сходных черт. Вся дальнейшая судьба этого репертуара, его бы-

---

[1] «Песни о пугачевщине», № 8.

[2] Д. Анучин, Граф Панин — усмиритель пугачевщины, — «Русский Вестник» 1869, № 3, стр. 25.

[3] «Пугачевщина», Центрархив, т. II, № 132, стр. 347.

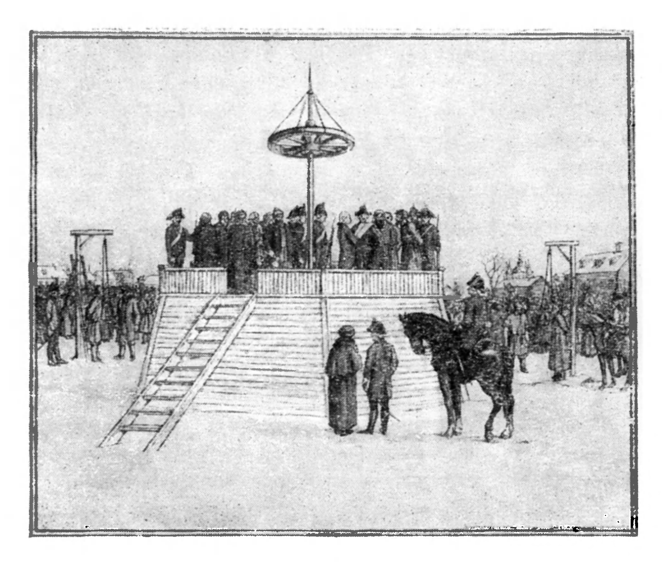
тование и передача из поколения в поколение доказывает в большинстве случаев устойчивость настроений — показ своих вождей великими и сильными.

Образ Разина и в песнях, и в легендах в большинстве случаев выявляет его силу и могущество. Его не берут пули и ядра. Он умеет их заговаривать и для своих товарищей. Он настолько могуч, что помогает грозному царю взять Казань-город. Он приходится родным братом Ермаку Тимофеевичу, покорителю Сибири. Разину, конечно, ничего не стоит освободиться из тюрьмы: лишь бы нарисовать мелом лодку, тогда он сразу переносится на Волгу в действительную лодку. Богатства атамана несметны. Отряды разинские непобедимы, так как атаман может не только себя, но и все войско избавлять от опасности. Не страшны вождю и змеи: он может их заговаривать, так что они не жалят. Под каждым ногтем у него спрыг-трава, и поэтому любой замок отпирается ему.

Устное творчество о пугачевщине — особенно предания и рассказы — проникнуто чувством глубокого уважения и любви к вождю. Все известные нам рассказы подчеркивают изысканную роскошь костюма Пугачева. но с особенной любовью оттенены внутренние качества вождя. «Штукарь он был, — восхищается рассказчик, — в одно ухо влезет, в другое вылезет... Воин настоящий — и храбрый, и проворный, и сильный, просто богатырь...» Эти основные мотивы, подчеркивающие необычайные, из ряда вон выходящие качества Пугачева, подтверждаются и в рассказах о судьбе его врагов. Все, кто шел против Пугачева, в конце концов терпят жестокое наказание, имеют печальную судьбу. И целый ряд рассказов построен именно на этом мотиве — наказания врагов Пугачева.[1]

---

[1] Например, «Предания о пугачевщине». № 28—32.



Казнь Пугачева

С увеличенной перерисовки в красках рисунка очевидца А. Болотова

Гос. Исторический музей

Предания, записанные от казаков в 50-х годах, а также и современные движению рассказы, о которых дают представление протоколы допросов, отражают недовольство крепостническим строем и укреплявшей этот строй царицей. Композиционный центр рассказа, к которому все устремляется, — это надежда на своего мужицкого царя, который защитит и не даст в обиду.

Оба крестьянских восстания оставили весьма характерные следы и в фольклоре угнетенных самодержавием народов. Хотя этот материал и отрывочен и в значительной мере случаен, все же он представляет исключительный интерес, как отражение надежд и стремлений народов, принявших активнейшее участие и в том и в другом движении. Сравнительно с движением Разина они в пугачевщине играют гораздо более видную роль. Их и численно гораздо больше, и разорены они гораздо сильнее, чем сто лет тому назад. Продвигающийся все более на восток торговый капитал затрагивает их чрезвычайно больно. Почти все заводы Южного Урала построены на башкирских землях. Для защиты их от прежних владельцев даже строится специально оренбургская линия крепостей.

Через сто лет налицо те же спутники укрепления феодально-крепостнического строя на востоке: отчуждение земель и насильственная христианизация со всеми ее последствиями, и вообще полный произвол колонизаторов в отношении «инонационалов», но все это распространяется еще на бо́льшие территории и касается более широких групп населения.

Если в русском фольклоре о разиновщине и пугачевщине сквозит ненависть угнетенных к господствующим классам, то в национальном фольклоре она чаще всего осложнена национальным чувством, необходимостью борьбы с общенациональным врагом — колони-

затором. Вождь пугачевщины и в то же время поэт, Салават Юлаев, один из талантливых башкир своего времени, в своих песнях с ненавистью упоминает о русских. Салават выдвигается в предводители башкир-пугачевцев, не достигнув еще и двадцатилетнего возраста. Башкирская песня о Салавате отмечает это:

Сколько лет Салавату...
Зеленая шапка на его голове...
Если спрашиваешь о летах Салавата, —
Четырнадцати лет он стал богатырем...[1]

Предание о беседе Салавата Юлаева с отрядами пугачевцев-башкир вкладывает в его уста изречения и поговорки, которые очень метко характеризуют настроения его соплеменников. Реплики-поговорки, которые предание приписывает Салавату, проникнуты сознанием того. что башкирский народ должен хотя бы ценою самой упорной борьбы и каких угодно жертв, но добыть себе самостоятельность:

«Борцом (pelvan) является не тот, кто всех побеждает на свадьбах и иных сборищах, а тот, кто завоюет себе славу умением вести за собой свой народ и одержать победу над врагами за свободу своей родины».

Горестно отмечает Салават унижения и бесправие своих соплеменников: «Разве имеется готовая для Башкирии воля — без того, чтобы выбранная тобою красавица не пролила бы слезы с кровью, и родители бы твои не согнули с горя свои спины?»

По преданию, Салават уверен, что только кровавой борьбой можно завоевать свои права: «Можно ли добиться равноправия без того, чтобы не харкать кровью, не отведав мяса на траве, не выпивши бульона из пенистой крови и не пролив свою чистую кровь?»[2]

---

[1] «Предания о пугачевщине», № 28.
[2] Там же.

Может быть, эти изречения и не принадлежат самому Салавату, а сложились позднее. Но показательно, что предание ассоциирует их именно с образом борца, соратника Пугачева.

Народы Верхнего и Среднего Приволжья и Прикамья — мордва, чуваши, марийцы, татары — становятся в ряды верных союзников Пугачева. Акад. А. А. Шахматов записал ряд преданий о пугачевщине от мордвы Саратовского края. Приводим русский текст:

«Пугачевцы крестьян не трогали, они очень не любили господ. Лишь только Пугачев найдет барина, он срубит ему голову и бросит, словно собаку. Господа видят — дело плохо, начали одеваться по-крестьянски. А крестьяне сердиты на господ, — скажут Пугачеву про барина. Пугачевцы подойдут к барину и спросят его: «Ты кто?» — «Я крестьянин», скажет барин. «Покажи-ка свои руки», скажет пугачевец. Барин покажет. «Твои руки больно белые, тебя надо повесить», — и повесят барина. Таким образом пугачевцы и перевешали всех господ. За то спасибо пугачевцам. Куда бог прикажет им итти, там пусть они увидят хорошее. . .» [1]

Почти все «инородческие» селения встречают Пугачева хлебом-солью. Многие подносят ему деньги, ценные вещи и прочее. По преданиям, чуваш Н. В. Никольский отмечает, что Пугачев «являлся к богатым, требовал у них хлеба и денег, раздавал то и другое беднякам. К последним он относился вообще хорошо. Освобождал чувашей из-под опеки духовенства и чиновников, вешал тех и других, чувашам позволял держать прежнюю чувашскую веру». [2]

---

[1] А. А. Шахматов, «Мордовский этнографический сборник», Спб. 1910, стр. 55—56.

[2] Н. В. Никольский, «Краткий конспект по этнографии чуваш», «Известия об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском университете», Казань 1911, вып. 6, т. XXVI, стр. 602.

Мордва и марийцы ведут от пугачевщины свое летосчисление. Автор воспоминаний о пугачевщине в Казанском крае указывает, что старики «от пугачевщины считают свои года и определяют хронологию разных народных событий». Этот же автор пишет, что в 1838 году один чувашенин показывал ему большую ореховую чашку, в которой дед его подносил Пугачеву серебряные монеты. Эту чашку у старика торговал один чиновник, но тот ни за что не хотел продать ее. Старик ставил на край чашки свечки и молился — просил благополучия и богатства.[1]

Положение народов в крепостную эпоху ярко рисуется в причитании о бедности, записанном акад. А. А. Шахматовым от саратовской мордвы. Основные настроения этого причитания могли бы быть отнесены, пожалуй, ко всему крепостному крестьянству. А. А. Шахматовым приведен мордовский текст и ниже — русский перевод. Жизнь крепостного так тяжела, что он предпочел бы даже совсем не родиться. Причина этих настроений — барщина. Поэтому в причитании проклинается тот человек, который устроил барщину:

Не вырасти было бы для меня хорошо,
На многое горе я родился,
Много нужды я видел.
Обе руки не берут,
Обе ноги не ходят.
Кто устроил барщину,
Тяжелый мор, чтоб на него,
Да умрет он собачьей смертью,
Да провалится он тартарары...[2]

---

[1] С. Михайлов, Воспоминания о пугачевщине — «Казанские губ. ведомости» 1860, № 28.

[2] Шахматов, «Мордовский этнографический сборник», Спб. 1910, стр. 620.

В последних словах проклинают того человека, который устроил барщину.

Поэтому так популярен образ простого — мужицкого царя. Поэтому во время самого движения и в первые годы после него широко распространяются рассказы о «нем». Носителями их и передатчиками являются наиболее заинтересованные в избавлении от гнета группы населения. Так, крепостной крестьянин Семен Трифонович Котельников, приписанный к Юговским заводам, на допросе передал рассказ, слышанный им от башкир. К сожалению, имеем его в передаче чиновников, производивших следствие. «...Подлинно государь Петр III, а не злодей Пугачев восходит попрежнему на царство; быв он по своему государству и разведывал тайно обиды и отягощения крестьянства от бояр и заводчиков, и еще было де, хотел три года о себе не дать знать, что жив, но не мог претерпеть народного разорения и тягости и принужден себя объявить». [1]

Вопрос о немцах-колонистах в пугачевщине до сих пор освещался неясно и скорее в том смысле, что они были далеки от «бунта», и если принимали в нем участие, то вынужденное. Однако Шмидт, посвятивший несколько статей пугачевщине в колониях немцев Поволжья, по-новому отвечает за него. [2] Немцы-колонисты, переселившиеся в Россию всего за несколько лет до пугачевщины, конечно, не всегда охотно выезжали в незнакомые пустынные степи. Многие трудности, которые пришлось им испытать на новых местах, строгости и притеснения со стороны русской администрации нередко

---

[1] «Пугачевщина», Центрархив, т. II, стр. 346.

[2] D. Schmidt, Studien über die Geschichte der Wolgadeutschen. Pokrowsk — Moskau — Charkow 1930. «Der Pugatschow-Aufstand und wolgadeutsche Kolonisten», SS. 92—107 (там же указана литература).

приводили их к мысли о необходимости возвращения на родину. И целый ряд нижневолжских селений выставил своих организаторов присоединения к пугачевским отрядам.

Несколько рассказов от немцев-колонистов Нижнего Поволжья по своим настроениям резко осудительны и направлены против пугачевцев.

Действительно, некоторые группы колонистов пострадали от пугачевских отрядов, разорявших их зажиточные хозяйства.[1]

Но также следует отметить, что определенный подбор рассказов объясняется желанием собирателей осветить действия немцев как чуждые стремлениям пугачевцев.

Итак, характерная особенность фольклора о разинщине и пугачевщине, инонационального и русского, складывается в одном общем для них направлении. Однако каждый из разделов ярко отличается своими специфическими особенностями.

Содержание фольклора о Разине развивается и бытует в двух основных видах: преданиях и песнях. Эпопея действительных событий развертывается главным образом в песнях. Песни, воспевающие, в большинстве случаев, действительные подвиги разинцев, нередко осложнены и украшены сказочными элементами; вождь голытьбы изображается богатырем, непобедимым героем.

Иное направление принимает фольклор о разинщине в предании и сказке. Действительные события, связанные с движением, отразились здесь слабо и бледно. Прозаический рассказ более подвижен; его не сдерживает ни мелодия ни песенный ритм, как это мы видим в песне.

---

[1] «Geschichte der deutschen Ansiedler an der Wolga 1766—1774», Saratow 1908.

Предания и рассказы о Разине проникнуты фантастическим элементом. Чаще всего Разин изображается великим чародеем. Хотя мотивы чародейства — заговариванье пуль, змей, замков и так далее — приписываются также сказочным героям и знаменитым разбойникам (Кудеяру, Ваньке-Каину и другим), но в характеристике Разина эти черты имеют особую специфику. Во-первых, некоторые из них, по всей вероятности, ведут свое происхождение от эпохи разинщины (например, способность переноситься на Волгу — мотив, встречающийся в разинских песнях). Кроме того в разинских преданиях мотивы чародейства чаще всего выступают в соединении с мотивами социальными: он — великий атаман, завоеватель — защищает и помогает бедным.

Но рядом с преданиями о Разине-герое довольно широко известны сказания, развивающиеся на религиозно-мистической основе. Главнейший мотив их в том, что Разин — не умер. Он живет и сейчас в лесу, в горах или на уединенном острове и страдает за грехи — свои и других людей. Каждую ночь или в известные дни месяца терпит он жестокие муки: змеи и всякие гады терзают его тело, высасывают кровь. По некоторым сказаниям, Разин олицетворяет собой муку мирскую. Он страдает за грехи людей. Он должен притти опять, когда увеличатся грехи и страдания людей. Некоторые из легенд подобного рода связывают разинщину с пугачевщиной. Пугачевщина — это возродившаяся через сто лет разинщина; Пугачев — это Разин, который снова пришел наказать людей за их неправду. Отдельные мотивы этих легенд имеют сходство с апокрифическими сказаниями о страшном суде и о мучениях грешников. Разинские легенды такого содержания вырастали, вероятно, в сектантско-раскольничьей среде. Известно, что раскольники принимали широкое участие в разинщине

и пугачевщине, стремясь отвоевать себе свободу вероисповедания. Известно также небывалое усиление раскольничьего движения после разгрома разинщины. Измученные, лишенные всякой надежды, широкие слои крестьянства бросаются в мистику. Они ищут забвения в страданиях и отречении, — бегут куда глаза глядят, нередко кончают самосожжением. Некоторые сказания о Разине-страдальце очень показательны. Они интересны тем, что под религиозно-мистической окраской здесь ясно проступают своеобразно оформленные мотивы социального протеста. Представления о классовых противоречиях феодально-крепостнической эпохи преломляются здесь через религиозно-мистическое мировоззрение («грехи людские», «неправда»); классовая борьба здесь отразилась в представлении о необходимости наказания людей за их неправду. Осознание разинщины как незаконченной борьбы, осмысление пугачевщины как возраждающейся разинщины — еще более подтверждает социальную значимость вышеотмеченных легенд. Эти легенды среды, по всей вероятности раскольничьей, которая сочувственно вспоминала разинщину.

Однако в слоях противников разинщины распространена другая интерпретация его образа. Здесь те же сказания развиваются по линии сюжета о великом грешнике. Разин страдает за свои «злодеяния» и за пролитую им кровь. Лишь особо тяжкими мучениями он может вымолить себе прощение у бога. Земля его не принимает. В легендах этой группы — акцент на наказании Разина за его грехи. Ясно, что трактовка образа Разина, как великого грешника, родилась в религиозно-реакционно настроенных и глубоко враждебных разинщине слоях. Может быть, то были потомки домовитых казаков, также кулацкие слои крестьянства, для которых действия разинских бедняцких отрядов были одиозны и

осмыслялись лишь как грабеж и убийство. Верные царскому правительству социальные группы расценивают разинщину, так же как и официальные круги, — как «бунт» и поход против церкви, и вождя бедноты — как еретика и злодея. Но, конечно, специфика разинских преданий не в мотивах о великом грешнике. Характерная черта их и их особенность в социальном пафосе, которым все они пронизаны. Образ исторического Разина дает главную канву для образа поэтического, и он, именно благодаря своей социальной значимости, настолько поражает воображение крепостного и вообще дореволюционного крестьянина, что оформляется героически-сказочными и религиозно-мистическими чертами.

Отличительное свойство фольклора о разинщине — это широкое богатство и разнообразие сюжетов. В русском дореволюционном фольклоре, пожалуй, не найдется ни одного героя исторического и былинного, вокруг которого сложилось бы такое множество песен, рассказов, преданий, легенд. Это является самым сильным доказательством того, насколько память о разинщине живет в массах.

Фольклор пугачевщины, зарождающийся через сто лет после разинского, в силу гораздо более сурового самодержавно-полицейского гнета, в силу иной, более тяжелой социальной обстановки, в которой оказались участники движения, — своей тематикой беднее фольклора о разинщине.

Без сомнения, в момент своего создания фольклор о пугачевщине был более богат. На это указывает довольно разнообразный песенный репертуар, который, к сожалению, дошел до нас лишь в виде случайных образцов, не имеющих вариантов. Он является лишь обломком прежнего более богатого репертуара.

Что касается рассказов, то они имеют (по тем данным, которые дошли до нас) строго определенную и

даже несколько замкнутую тематику. Они повествуют о Пугачеве — Петре III, который либо уже пришел, либо должен скоро притти на защиту крепостных крестьян. Защита и избавление от эксплоатации настолько жизненно необходимы, что требуют от рассказов реалистического плана. Здесь нет сказочных элементов; встречается лишь гиперболизация бытовых черт, и она только подкрепляет жизненность стремлений, которыми живут массы. Поэтому предания складываются не в сказку или легенду, а в рассказ о близком, почти семейно-дорогом человеке. В этом специфика фольклора о пугачевщине. В этом отличие его от фольклора о разинщине, при общности идеологических устремлений того и другого.

IV

Фольклор крестьянских революционных движений невозможно рассматривать обособленно от фольклора о крепостном праве.

В устной поэзии всей крепостной эпохи фольклор крестьянских революций занимает виднейшее место; он составляет здесь особую область. Он порожден крепостничеством, — но прежде всего теми моментами крепостной эпохи, когда вспыхивала наиболее ярко активная борьба с притеснителями. Устно-поэтическое творчество разинщины и пугачевщины развертывается на основе конкретных, незабываемых событий; оно поёт и рассказывает о своих определенных, всем известных героях.

Но кроме поэзии открытой борьбы, воспевающей активный протест, крепостничество порождает и другое устное творчество, развивающееся на основе постоянных, изо дня в день повторяющихся фактов. Ежедневные обиды и непосильная работа находят свое выражение в грустной лирической песне, в яркой сатирической

сказке, в меткой пословице и поговорке. Действующие лица этого повседневного фольклора эпохи крепостничества большею частью нарицательные, безыменные.

Главнейшие мотивы здесь — безысходная тоска, грусть, бесправие, полная власть владельца над судьбою его крепостных.

Как батюшку с матушкой за Волгу везут,
Большого-то брата в солдаты куют,
А середнего брата в лакеи стригут,
А меньшего брата в приказчики...[1]

Интересно отметить, что песни присваивают эксплоататорам как раз тот же эпитет, который дается протестующим угнетенным классам господствующими классами: «воры».

Что пропали наши головы
За боярами, за ворами.
Гонят старого, гонят малого
На работушку тяжелую,
На работушку ранешенько,
А с работушки позднешенько.[2]

Те же настроения выливались и в песни-стихотворения поэтов-крепостных. Очень характерное стихотворение найдено в «деле о бегстве» одного дворового князей Долгоруковых, который не мог вынести своего положения и бежал в Швецию.[3] По размеру и поэтике это стихотворение чрезвычайно близко лирической песне:

---

[1] П. В. Шейн, Крепостное право в народных песнях — «Русская Старина» 1886, № 2, стр. 490.
[2] Там же, стр. 489.
[3] Т. А. Мартемьянов, Крепостное право в народной словесности, — «Исторический Вестник» 1906, IX, стр. 866—867.

Ох, как был-то я, добрый молодец, во нёволюшке
Служил-то я своему князю верой-правдою,
Уж тому князю строгому,
Князю Николаю Сергеевичу Долгорукову.
Служил я ему тринадцать лет.

Поэт-крепостной, кроме горя, ничего не видел:

Не видал я дней веселых,
А всегда я был по кручинушке.

Со своими крепостными князь обращался жестоко:

Без вины он нас наказывал,
Он наказывал нас все палочьем,
Апосля того под караул сажал,
Под караул сажал на хлеб, на воду.

Князь не позволял своим дворовым даже обычных развлечений, не разрешал в хоровод ходить и, наконец, склонял к масонству. Встретив сопротивление, он придумал особый вид воздействия:

Надел на меня ожерелочек,
Еще сковал мне ноги скорые,
Ноги скорые, руки белые...
И хотел меня наказывать...

Поэту-крепостному остается один путь: бежать, — искать воли на чужбине.

Что с того время я гулять пошел
На чужую дальну сторону...

Ужас перед своей дальнейшей судьбой, целиком отданной во власть капризного господина и неумолимого цар-

ского чиновника, неуверенность в каждом дне своего существования — создает особый вид творчества крепостной эпохи — заговоры от гнева бар и властей. Вот такой заговор-молитва: богородица вручает Христу золотые ключи и просит положить их на престол; при этом также она отдает под его защиту и произносящего заговор. И «как те золотые ключи с престола из-под черных риз никто не может взять, рубить — не вырубить, ни князья, ни бояре, ни судейственные вельможи, ни все православные христиане, разноволосые, разноглазые, разнозубые, ни мужской и ни женский пол, так и меня, раба божия (имя рек), в суде и во всяком случае не могли бы ни князи, ни бояре, ни судебные вельможи сечь — не высечь, ни словом дерзнуть. Послежу я в чисто поле, в чистом поле тридцать дубов с дубом и тридцать кипарисов с кипарисом; стоят они крепко-накрепко, шататься — не шатаются, и трястись — не трясутся, так бы и мне, рабу божию (имя рек), перед князьями, боярами и перед судьями в суде и во всяком месте и случае стоять крепко и радостно, не шатнуться и не тряхнуться».[1]

Однако настроения придавленности и бесправия отливаются не только в лирические песни грустного содержания или в заговоры-молитвы. Очень часто ненависть к барам находит свое выражение в удалых и задорных песнях-куплетах (например, знаменитая песня «Барыня») или в сатирических сказках, где все, что в действительной жизни в условиях крепостничества не представлялось возможным, — в этих произведениях изображается вполне реальным и осуществимым. Интересны сказки и предания о разбойниках, грабивших только богатых, а бед-

---

[1] М. Л. Бродский, К воле. Крепостное право в народной поэзии. Изд. «Универсальной Библиотеки», М. 1911, стр. 150—151.

ным всячески помогавших. Тришка Сибиряк, герой сказки того же названия, узнав, что один барин вконец разоряет своих крестьян, придумал ему наказание: уплату большой суммы денег, часть которых идет Тришке, а другая должна быть разделена между крепостными и дворовыми. Кармелюк тоже, по преданию, отбирает сокровища только у богатых, бедных же всегда выручает.

В сказке становится возможным, что капризную барыню, которая беспощадно наказывает своих крепостных, ловкий солдат меняет местами с женой бедного сапожника; она должна испытать на себе все тяготы жизни крепостной бабы, включительно до побоев пьяницы-мужа. После этого урока барыня совершенно изменяет свое отношение к крестьянам. Сказка ставит барина в самое глупое положение и заставляет хохотать над ним до упаду аудиторию крестьян-слушателей. Лакей без конца дурачит барина и даже доводит его до смерти, а сам женится на барыне, которая, оказывается, этого лакея давно любила.

В сценах о барине голом, имевших чрезвычайный успех в широких массах, слуга-староста обманывает и издевается над барином; последний выведен непроходимым глупцом и лентяем. В «Газете с того света» изображаются мучения бар за все издевательства над крепостными. В мучениях баре тоже должны занять первое место, поэтому всем наказаниям они должны подвергнуться в первую очередь.

Во всех этих рассказах, песнях, сценах угнетенный класс громко заявляет о своих правах на пользование благами жизни. И обращение скоморохов к зрителям в одной из так называемых «народных» сцен проникнуто глубоким социальным смыслом:

«Эй вы, купцы богатые, бояре тароватые, ставьте меды сладкие, варите брагу пьяную, отворяйте ворота рас-

творчаты, принимайте гостей голых, босых, оборванных, голь кабацкую, чернь мужицкую, неумытую».[1]

Поэзия о повседневных переживаниях крепостного, хотя и без открытого призыва к действию, все же проникнута ясным социальным протестом; она также создает настроение для борьбы. Официальная цензура зорко присматривалась к этому фольклору. Добиться печатания каких бы то ни было устно-поэтических произведений было очень трудно. Иван Вас. Киреевский дает советы своему брату, Петру, как убедить начальство в необходимости издать народные песни: «Главное, на чем основывайся, — это то, что песни народные, а что весь народ поет, то не может сделаться тайною... Уваров это, верно, поймет, также и то, какую репутацию сделает себе в Европе наша цензура, запретив наши народные песни и еще старинные. Это будет смех во всей Германии».

Крепостническое дворянство тоже не терпит ни малейшего намека на протест. П. В. Шейн передает рассказ, что князь Волконский приказал выпороть ямщика, который в ответ на просьбу спеть хорошую песню, начал про Ваньку-ключника.

Но фольклор крупных революционных движений более динамичен и ярок. Его содержание — развертывающиеся события и подвиги героев. Выраженные им настроения масс — гнев и радость, печаль и ненависть — более определенны.

Моменты напряженной классовой борьбы вызывают подъем и творческой энергии масс, обусловливают зарождение и дальнейшее развитие революционной поэ-

---

[1] Т. А. Мартемьянов, указ. работа, — «Исторический Вестник» 1906, IX, стр. 856 Ю. М. Соколов, Сборник сказок «Барин и мужик». Изд. «Academia» 1932.

зии. Еще А. Н. Веселовский, выясняя вопрос о происхождении эпической песни-кантилены, особо подчеркивает борьбу (отдельных родов, племен), как движущий фактор для возникновения эпической песни: борьба объединяет и противопоставляет друг другу участвующих в ней, дает непосредственный материал для вдохновения... «Пели о победах и поражениях, выходили на сцену в освещении хвалы, порицания или страха одни и те же имена витязей и вождей; вокруг них собран интерес, вокруг них их боевые товарищи, дружина, о них слагаются песни брани и мести, поминальные и величальные; поются и циклизуются, притянутые тем или другим решающим событием, славой одного имени».[1] «И эти песни и сказания живут, передаваясь из поколения в поколение. Слагались, вызванные ex tempore одним и тем же фактом, подвигом, переходили из одного поколения в другое вместе с памятью подвига, что предполагает и его ценность в глазах потомства».[2]

Конечно, в последующих поколениях поэзия прошлых революционных действий может и не вызывать столь же интенсивных настроений, горя, мести или радости, как в момент непосредственного их переживания.

Зародившись как отклик, как художественное отображение революционных событий, в свою эпоху революционный фольклор выражает стремления и надежды определенных втянутых в движение социальных групп.

Изучение революционного фольклора должно вестись на основе общих, единых принципов подхода к устнопоэтическому творчеству — по общественно-экономическим формациям и затем по отдельным стадиям внутри самих формаций. Тогда развернется революционный

---

[1] А. Н. Веселовский, Три главы из исторической поэзии — Ж. М. Н. П. 1896, № 4, стр. 230.
[2] Там же, стр. 230—231.

фольклор различных периодов феодализма, фольклор эпохи капитализма, фольклор эпохи борьбы за социализм и т. д.

Фольклор о разинщине и пугачевщине — это революционный фольклор феодальной формации, и именно того периода ее, когда наиболее интенсивно развиваются крепостнические отношения. Сами движения и поэзия, порожденная ими, вдохновляют Пушкина; Киреевский и Языков усиленно собирают этот фольклор. Политические деятели (например, народники) обращаются к этим движениям, находя здесь ценный агитационный материал. Маркс изучает разинщину и внимательно вчитывается в разинские песни и предания.

Массы не довольствуются собственным творчеством и живо воспринимают и произведения поэтов о памятных моментах народного гнева (например, такова судьба стихотворения Д. Н. Садовникова «Из-за острова на стрежень», «Точно море в час прибоя» Сурикова и многие другие).

Поэзия крестьянских революций — песни и рассказы о борцах, павших в неравном бою против крепостнического гнета, — не исчезла. Своей героикой, своей эмоциональной боевой напряженностью — эта поэзия близка и нашей эпохе. И сейчас в поэтических воспоминаниях масс и в творческой переработке поэтов эта поэзия крестьянских восстаний возрождается снова в своем революционном значении.

Книга содержит две части: фольклор разинщины и фольклор пугачевщины. Каждый цикл песен и рассказов находит свое пояснение во вступительных заметках и сопроводительных примечаниях.

В виду того, что книга не имеет специально лингвистических целей, транскрипция текстов песен и сказаний дается иногда не в точной фонетической записи,

а в несколько смягченном, более привычном для читателя виде.

В заключение считаю своим долгом принести глубокую благодарность проф. Ю. М. Соколову, инициатору данного издания

Сборник составлялся в Фольклорной Секции Института Антропологии и Этнографии Академии Наук СССР, в обстановке товарищеской поддержки всех ее сотрудников. Но особую благодарность приношу руководителю Фольклорной Секции проф. М. К. Азадовскому за многие весьма ценные указания и советы. Также приношу глубокую благодарность члену-корреспонденту Академии Наук СССР В. И. Чернышеву за указания по словарю областных слов и сотруднику Историко-Археографического Института Академии Наук В. А. Забирову, взявшему на себя переводы рассказов о пугачевщине с башкирского и татарского языков.

А. Лозанова.



РАЗИН

ПЕСНИ,
ПРЕДАНИЯ И РАССКАЗЫ
О СТЕПАНЕ РАЗИНЕ

ПЕСНИ О СТЕПАНЕ РАЗИНЕ

Песни о Степане Разине являются едва ли не самым богатым циклом всего песенного репертуара с так называемым «историческим» содержанием.

Возникая как художественное отображение и осмысление разинщины, они явились откликом настроений широких масс закрепощенного крестьянства, бедняцких слоев казачества и других социальных групп, страдавших от феодально-крепостной системы.

Благодаря остроте своего классового содержания они являются актуальными для последующих поколений и эпох; кроме того они представляют интерес яркостью отображаемых в них исторических моментов, которые нередко осмысляются и воспроизводятся в новом освещении.

В данном собрании сгруппированы далеко не все разинские песни, но представлены все наиболее известные сюжеты. Например, о сынке Разина — самая распространенная и самая известная песня всего разинского репертуара; о походах разинцев — богатый цикл разнообразных песен, отразивший яркую динамику внешних событий разинщины; об отношении Степана Разина к казачьему кругу — песни, выразившие оценку разинщины и отношение к Разину в различных кругах самого казачества; лирические песни разинских отрядов о кончине их вождя. Каждому из сюжетов предпосланы вступительные замечания.

Впервые задача специального собрания текстов так называемых «исторических», в том числе и разинских песен, была поставлена акад. В. Ф. Миллером, но завершена уже его учениками в посмертном издании его труда, В. Ф. Миллер, Исторические песни русского народа в XVI и XVII вв. (Сборник отд. русск. яз. и словесн. Акад. Наук, II, 1915, т. XCIII.) Здесь напечатано 84 текста песен о Степане Разине.

В книге А. Н. Лозановой «Народные песни о Степане Разине» (Саратов 1928, изд. Н.-Волжского об-ва краеведения) перепечатаны все тексты из собрания В. Ф. Миллера, но также дополнены и новыми печатными и вновь записанными в 1923—1926 годах текстами. В библиографии о Степане Разине М. Н. Сменцовского («Каторга и ссылка» 1932, №№ 7, 8—9) отмечен целый ряд вариантов, не вошедших в названные выше собрания, а также зарегистрированы некоторые рукописные тексты.

Тексты из вышеуказанного собрания акад. В. Ф. Миллера в настоящей книге обозначены сокращенно, например: М. 330, М. 280 и т. д. (цифра показывает номер песенного текста).

Сокращения Л. 25, Л. 50 означают номера текстов из книги А. Н. Лозановой Народные песни о Степане Разине.

ПЕСНИ О СЫНЕ (СЫНКЕ) СТЕПАНА РАЗИНА

Песня о сыне, или сынке, Разина — самая известная из всех песен разинского цикла. Всюду, где только производились записи песен о Разине, записана и песня о сынке. По содержанию все имеющиеся варианты ее очень близки друг другу.

В Астрахани (иногда в неопределенном месте) появляется неизвестный молодец. В роскошном и небрежном наряде он разгуливает по городу, не кланяется воеводе (или губернатору) и привлекает общее внимание Губернатор приказывает доставить его к себе, спрашивает, откуда он. Молодец независимо отвечает, что он сын Стеньки Разина, и грозит приездом отца. Некоторые варианты изображают приезд отца и расправу с губернатором. Содержание песни — образ молодца, дерзость его по отношению к властям, допрос, угрозы, расправа с губернатором — все это характерно для событий разинского движения.

Песня сложилась на фоне событий, происходивших незадолго до и вскоре после взятия разинцами Астрахани (летом 1670 года).

Сынок, изображенный в песне, вероятно, один из агентов Разина, посланный в город для разведок и схваченный властями. Костомаров, также и Аристов полагали, что герой песни о сынке — определенное лицо, именно один из агентов, казненный за месяц до сдачи Астрахани разинцам. Задержанный, он был допрошен, заключен в тюрьму и после пыток повешен.

Случай этот известен со слов очевидцев-иностранцев: «... чтобы задержать нападение казаков на Астрахань, — сообщает Стрюйс, — приблизительно за месяц до ее взятия был отправлен оттуда флот под начальством кн. Семена Львова. Флот этот вышел из Астрахани 25 мая, в Троицын день. Чтобы настращать воинов и заставить их исполнить свои обязанности, во время салютов перед отплытием в виду всего флота повесили бедного полуживого казака».[1] Капитан первого русского корабля «Орел», Бутлер, в письме из Испании от 6 марта

---

[1] Путешествие Стрюйса, «Русский Архив», т. I, стр. 101.

1671 года, описывая астраханские события, которых он был свидетелем, также упоминает об этом факте: «В понедельник 25 мая отправили 40 лодок (barques) с 2105 человеками, взятыми большею частью из гарнизона. В этот день в виду всей армии повесили пленного казака, подвергнув его страшным мучениям».[1]

Конечно, факт прибытия в Астрахань так называемого сынка Разина на разведку не был единичным, но судьба агента, казненного перед всем флотом, и, вскоре после этого, быстрое взятие Астрахани отразились в песне наиболее ярко. Песня изменила и разукрасила события, но сохранила их историческую основу. Возможно, что астраханский агент Разина вызывающе держал себя и был схвачен; возможно, что заносчиво отвечал на допросах и грозил приездом батюшки. Песня превращает названного сынка в родного сына Разина; она опускает его судьбу после допроса и прямо переносит слушателя на Волгу, изображая отца, который спешит выручить сына и наказать воеводу.

Географическое распространение песни о сынке чрезвычайно широко: она известна и на севере, и в Сибири, и в центральных районах, и на Украине, и в казачьих областях, но особенно в Поволжьи, главным образом в нижнем. Пушкин записывает эту песню в 20-х годах прошлого века. Но она сохранилась и до последнего времени; ряд вариантов ее записан студентами Саратовского университета, участниками фольклорных экспедиций 1925 и 1926 годов; отрывок ее записан А. Н. Лозановой близ Астрахани в 1923 году.

За два с половиной века своего существования песня жила главным образом среди беднацких слоев крестьянства, рыбаков, судовых рабочих, беднацкого казачества. Ее содержание, насыщенное протестом против

---

[1] Путешествие Стрюйса, «Русский Архив», т. I, стр. 114

привилегированных и богатых, являлось художественным выражением классовых противоречий и укрепляло надежды на изменение существовавших порядков.

Следует отметить, что песня о сынке в процессе бытования и развития иногда меняет свое содержание. Утрачиваются и отпадают отдельные моменты — например, приезд отца на выручку сына, расправа с губернатором; некоторые эпизоды заменяются новыми: молодец приезжает свататься за дочь губернатора, неизвестный молодец оказывается Емельяном Пугачевым, и т. д.

Но, несмотря на отдельные случаи изменений, песня о сынке по своим композиционным формам и чеканности образов является одной из самых устойчивых во всем разинском цикле. Эпизоды — появление молодца в Астрахани, его роскошный наряд, иногда небрежно накинутый, гордость и независимость по отношению к власти (воеводе, губернатору), его заносчивые ответы — изображаются с любовной внимательностью и точностью. Именно эти моменты являются наиболее постоянными во всех вариантах. Они характерны для эпохи разинщины и крестьянских возмущений. Они отражают настроение борьбы и находят себе созвучия в последующих эпохах.

В этом главная причина живучести песен о сынке, и потому эти мотивы можно встретить вошедшими в песни о других, родственных героях: об «Усах», о Пугачеве, в казачьих песнях о кн. Волконском и других.

Из громаднейшего богатства песен о сынке Разина здесь мы помещаем лишь четыре: 1) один из наиболее полных северных вариантов; 2) вариант, записанный среди мордвы; 3) один из вариантов, привившихся на Украине, и 4) вариант песни о сынке, подчинивший себе былину об Илье Муромце и голях.



1

Как во славном было городе, во Вастракани,
Проявился там детинушка незнаем человек,
Как незнаемой детинушка, неведомой откуль.
Баско щепетно по Вастракани погуливает,
Уж он штапам афицерушкам не кланяется,
Вастраканскому губернатору челом ему не бьег.
А сапоженки на ножках шелком тачеными,
Черна шляпа на кудрях и перщатки на руках.
А й свой тот вишневой кафтан на одном плечи
таскал,
И как персидской кушачок во белых руках
держал.
Как увидел молодца, губернатор скрычал:
«Вы сходите, приведите удалого молодца».
Еще стал-то губернатор его спрашивати:
«А ты скажись, скажись-ко, детинушка,
незнаем человек,
«Из тиху ли ты Дону казак, аль казачей сын,
«Аль ты с нашего крепкого города,
из Вастракани».

Как проговорит детинушка, незнаем человек:
«Из тиху-то я Дону не казак, не казачей сын,
«Я не с вашего крепкого города, а из
Вастракани.
«Я со Камы-то со реки, Сеньки Разина сын,
«Посулился мой-то батюшко завтра в гости
к нам быть,
«Вы умейте-тко моего батюшка кормить его,
поить,
«Вы кормить его, поить и честно жаловати».
Вастраканьскому губернатору не слюбилися
словеса.
«Еще есть ли то при мне, а слуги верны при
собе,
«Вы сведите-тко молодца в белокаменну
тюрьму».
Взяли-брали молодца за желтыи волоса,
Повели его, молодца, в белокаменну тюрьму,
Сверху вниз было по матушки по Камы по
реки,
Что й по Камы по реки легка лодка пловет,
Как на той-то легкой лодке атаман воровской
сидит,
Атаман воровской сидит, Сенька Разин тот
сын,
«Еще что-то мне, братцы робятушка, тошным
стало тошно,
«Мне тошным стало тошно и тошнешенько;
«Вы подайте-тко воды с-под правый с-под
руки».
И над водой-то Сенька волховал и воду взадь
выливал:
«Видно, мой тут ведь сынок, а сидит в белока-
менной тюрьме,

«Приворачивайте, робята, ко крутому бережку,
«Уж мы стену разобьем, а и тюрьму по каменю
разнесём
«И вастраканьского губернатора в полон к собе
возьмем,
«И вастраканьскую губернаторшу
в наложницы».

2

Что и во городе, во Астрахани,
Тут чудился-проявился
Во незнамый, братцы, человек, (2)
Чисто щепетно
Мальчик по городу разгуливает,
Он разгуливает, молодец,
А во черной бороде;
На нем кафтанчик на распашечку,
На распашечку мальчик идет (2)
Хирсовый кушачок на его на правых плечах;
Белевые чулочки на его резвых ногах;
Сафьян-сапожки на его на белых чулках;
На нем черная шляпа
Только с пазументом
На его русых на кудрях.
Он ни князем, ни боярам
Не кланялся никому,
Астраханским купчикам
Он челом, мальчик, не бьет;
Астраханскому губернатору
Он под суд к нему, мальчик, нейдет.
Увидал же только губернатор,
Детинушку, его из окна:
Только вышел губернатор

На крашеный славный крылец;
Закричал же губернатор
Своим вышним голосом:
«Ой вы, слуги, мои слуги,
«Слуги верные мои,
«Вы подите приведите
«Удалого молодца».
Закидались, заметались
Слуги верные его
По трактирам, по кабакам,
По питейным домам;
Захватили молодца близ
Царева кабака;
Привели молодца
Губернатору прямо на двор.
Поставили молодца
Подле красного крыльца,
И вышел губернатор
На свой славный крылец:
Стал расспрашивать губернатор
Детинушку его одного:
«Ты скажи, скажи, детинушка,
«Всю правду про себя,
«Да чьего рода, из которого города,
«И сколько тебе лет?
«И питерский аль московский,
«Аль асрыханский ты купец?»
«Ни питерский, ни московский,
«Ни асрыханский я купец.
«Ни тебе, губернатор,
«Меня спрашивать, молодца;
«Я купец, только из огненной реки,
«Стеньки Разина я сынок».
И закричал губернатор

Своим вышним голосом:
«Слуги верные мои!
«Эк вы подите, его отведите
«В новокаменну тюрьму». —
«Ах, новокаменна тюрьма,
«Синя крепушка моя,
«Ах, как откроется весна,
«Придет батюшка скосна,
«Придет новый батюшка скосна,
«Новокаменну тюрьму
«По камешкам всю разберет, (2)
«Да все невольничек распустит».
Как открылася весна красна,
Пришел батюшка воскосна, (2)
Новокаменну мою тюрьму
Все по камешкам разобрал, (2)
Все невольничек распустил.

3

Був колись на Україні славний козак Гарасим, такий, як Максим Залізняк або козак Нечай. Як настала недобра година, Гарасима кілька раз сажали за камінні стіни, в тюрму, але славний Гарасим завше пробирав стінн й втікав. Він війська не мав, а як тільки свисне, то набіжить козаків зо всіх сторін!

От Гарасим як втік уже може в десятий раз з каторжноі тюрмы, зибрав козаків и пішов в Рассею, бо Украіва зі всіх сторін тоді була вже занята, а вперед Гарасим пустив свого сына, щоб раснізнав тіх людей и ту сторону...

Проявився дитннушка, незнакомий чоловік;
Він не заходить но Калугі, по калуінськім
мужикам,

Він почав дитинушка в кабаку гулять
И про себе пісьню запівать...
Губернатор, узнавши об іму, велів ёго привести:
«Ех, вы, слуги, вы, лакеі вірніі мої,
«Идіте, приведіте мужика
«З пишного кабака!
«Скуль ты, дитинушка, скуль ты родом, чоловік?
«Чи ты з Дону козак, чи ты козацький сын?»
«Я не з Дону козак, я не козацький сын;
«Мий батько хоче у вас в гостях бувать,
«Знайте ж, як мого отця приймать».
Разсердився губернатор на вдалого молодця:
«Ех, вы, слуги, вы вірніі, возьміте козака!
«Засадить ёго в тюрму, за каменну стіну».
«Якая ваша тюрма: каменна чи кирпичная?
«Мы вашу тюрму по кирпичу розберем,
«И вашого губернатора в полон візьмом!»

Гарасимів сын, кепкуючи над губернатором, як туйнув ёго, то вси вікна в губернаторському дворцё потріскались. Гарасимів сын ишов весело в тюрму, бо добре знав, що отець его в скорім часі прибуде и висвободить:

Ище не світ, ище не світ,
Красну лотушку видать!
Красну лотушку звидав,
Отец до ёго прибував.

4

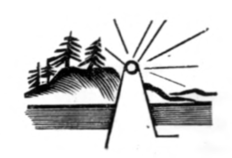
Во славном городе, во Астрахани
Проявился детинушка, незнам человек.
Щедро, шепетко по городу погуливат.

Черну шляпу с позументом носит на одном
ухе,
Рытого бархату кафтанчик носит на одном
плече,
Изарбацкую опояску во руках концы.
(Небывалыми словесы похваляется)
«Астраханскими купцами я не знаюся,
«Астраханскому губернатору я не кланяюсь!»
Привелося добру молодцу итти вдоль по улице,
Довелося добру молодцу зайти во царев кабак,
Открывает он двери на пяту,
Закрывает он крепко-накрепко.
«Ах, ты гой еси, целовальничек доверенной!
«Открывай ты погребы глубокие,
«Доставай ты мне цельнаго спирту на пятьсот
рублей,
«А с товарищами на три тысячи!»
Говорит тут целовальничек доверенной:
«Что это, братцы, за питух пришел, за горькой
пьяница?»
У дверей в углу стояла голь кабацкая.
«Что ты, целовальничек доверенной,
ошибаешься!
«Не питух тебе пришел, не горькой пьяница,
«По всей нашей Руси родовой казак».

. . . .

Тут спроговорил Незнамушка:
«Пей, гуляй, голытьбушка, на мой на счет».
Привелося добру молодцу итти опять вдоль
по улице
Мимо той ли канцелярии губернаторской.
Увидал то из окошка губернатор наш,
Тут вскричал он, заревел он зычным голосом.
«Вы подите, приведите мне Незнамушку!»

Тут пошли и привели ему Незнамушку.
Отпирает он двери на пяту,
Закрывает двери крепко-накрепко,
Он кланяется на все четыре стороны
(Губернатору и губернаторше на особице).
Губернатор у него стал выспрашивати:
«Царь ли ты, царевич, или царской сын,
«Король ли ты, королевич, королевской сын?»
У дверей в углу стояла голь кабацкая.
«Ах ты, батюшка наш, ты ошибаешься!
«Пришел тебе не царь, не царевич и не
царской сын.
«Не король, не королевич, королевской сын.
«По всей нашей Руси родовой казак
(православной царь)
«Под названием Петр Алексеевич!»
Говорит Незнамушка голи кабацкой:
«Чем тебя я, голытьбушка, пожалую,
«Генералом ли, адмиралом ли, тайным
советником?
«Принимай ты, генералушка, дома и казну!»
Говорит тут Петр Алексеевич:
«На приходе добра молодца не потчевал,
«На уходе добра молодца не учествовал,
«Заутра с тобой, собакой, переведаюсь!»



ПЕСНИ О ПОХОДАХ РАЗИНА

Походы разинцев и яркие события, связанные с ними, нашли себе отражение в богатом песенном репертуаре. Песни более всего отобразили поездки по Волге и Каспийскому морю, взятие Астрахани, некоторые моменты похода в Персию. Один из симбирских вариантов приписывает Разину даже взятие Казани.

Песни о взятии Астрахани известны по самым ранним записям. Старший вариант, из песенника Трутовского, наиболее точно передает историческую действительность. Что-то зачернелось на Волге — это струги разинцев, с белыми тонкими парусами. Атаман предлагает дружине грести как можно сильнее, чтобы быстро пройти мимо поволжских городов. Однако их замечает воевода и приказывает стрелять из пушек. Стенька заявляет: напрасно тратить порох и снаряды, так как его не берут ни пули ни ядра. В финале песня изображает расправу с воеводой. Приезд Разина в Астрахань и наказание воеводы изображаются также в некоторых песнях и о сынке (например, № 2). Иногда Ст. Разин признается, что в Астрахани он боится только девки-астраханки, которая ко «всему его приучила. . .» Песни о взятии Астрахани поэтически изображают события до перехода города в руки разинцев.

Один из крупнейших окраинных городов, Астрахань была опорным пограничным пунктом против кочевых народов приволжских степей, а также против беспокой-

ных для московского правительства низовых казаков. Московское правительство держит в Астрахани сильный гарнизон и напоминает астраханским воеводам, что необходимо жить «с великим береженьем». Еще в грамоте от 3 июня 1667 года правительство предписывает: «И буде где те воровские казаки объявятся, и на них посылать для промыслу служилых людей, а тем нашим служилым людям ходить на тех воровских казаков свестясь и над ними промысл чинить по нашему, великого государя, указу, чтоб одноличнo казаков с Волги сбить и на море не пропускать». (Акты Историч., т. IV, 378). Опасное положение Астрахани, как пограничного города, налагает на воевод большую ответственность. Кн. Хилков, не проявивший достаточной энергии в действиях против разинцев, смещен; вместо него астраханским воеводой назначен кн. Прозоровский.

Песни, изображающие разинцев, которые плывут по Волге на стругах, воспроизводят события, неоднократно повторявшиеся. Пушкари, стрельцы, часовые на башнях, о которых поется в песнях, — действительно охраняют город; летом 1669 года, в ожидании нападения разинцев, астраханский воевода усиливает охрану и разведку, чтобы не пропускать разинских судов. В городе строятся особые укрепления: «Болярин же в то время укрепляше градные врата кирпичем, по стенам же и по башням повеле расставить пушки и людей, разводя по бойницам и по стрельницам ради осады, иноземцев всяких земель на стену ради бою поставил» (Попов, Материалы, стр. 249).

Астраханская летопись отмечает, что накануне взятия города воевода, окруженный городской аристократией и слугами, сам руководит обороной: «...убрався с своими державниками и со всеми дворовыми людьми в ратную сбрую, и велел пред собою вести простых коней

под покровы и бить едучи тулунбасы и трубы трубити поход и поиде с головы стрелецкими и со дворяны и с детьми боярскими, с сотники, стрелецкими и подьячими в Белой город к Вознесенским воротам, где чаять их воровскому быти приступу»... (Попов, ibid., стр. 250). Однако, как известно, астраханская беднота давно ждала разинцев и, открыв другие ворота, не там, откуда ожидалось нападение, впустила их в город.

Песни о войске, посланном астраханским воеводой, изображают, возможно, определенное событие, когда (незадолго до взятия Астрахани) посланное против разинцев войско перебило своих начальников и перешло к Разину. Эти песни почти совершенно тождественны с песнями разинцев.

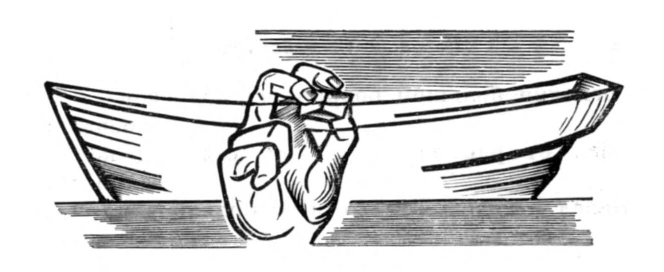
Интересна своей исторической точностью песня о взятии Яика-города. В действительности разинцы, уверив воеводу, что они желали бы поклониться святыням, таким образом проникают в город.

Некоторые моменты персидского похода разинцев нашли свое отражение в песнях. Замерзшее судно на море, дележ богатой добычи, правительственные отряды против казаков, гибель одного из есаулов Разина — все эти картины воссоздают обстановку событий.

Песни о расправе с астраханским губернатором на волжских стругах являются поэтическим откликом настроений казачества и нижневолжских вольных людей по отношению к астраханским воеводам и всяким ставленникам правительства. Песни этой группы отражают события, связанные с убийством на Дону московского посла кн. Ив. Карамышева (1630), расправу разинцев с астраханским воеводой, кн. Ив. Сем. Прозоровским, недовольство кн. Репниными, один из которых был астраханским воеводой с 1643 по 1646 год, а также недовольство строгим астраханским губернатором пе-

тровской эпохи, кн. Меншиковым. Здесь нет имени Разина. Но по основным настроениям, которыми проникнуты песни, по исторической обстановке и по картине изображаемого быта — они ближе всего к эпохе разинщины.

Тема о выборах атамана встречается как среди ермацких, так и среди разинских песен. Далеко на синем море (или в неопределенном месте) собираются добрые молодцы и думают-гадают, кому бы из них «атаманом быть, кому есаулом слыть». После выборов обсуждается вопрос, куда двинуться в поход. Содержание этого цикла сложилось на фоне условий жизни и быта голутвенного казачества и нижневолжской бедноты, часто менявших в борьбе с голодным существованием свое местожительство. По своей исторической обоснованности песни о выборах атамана скорее могут быть отнесены к ермацким. В этом отношении документальные данные о Ермаке содержат больше подтверждающих указаний, однако все их содержание также глубоко родственно и разинщине.



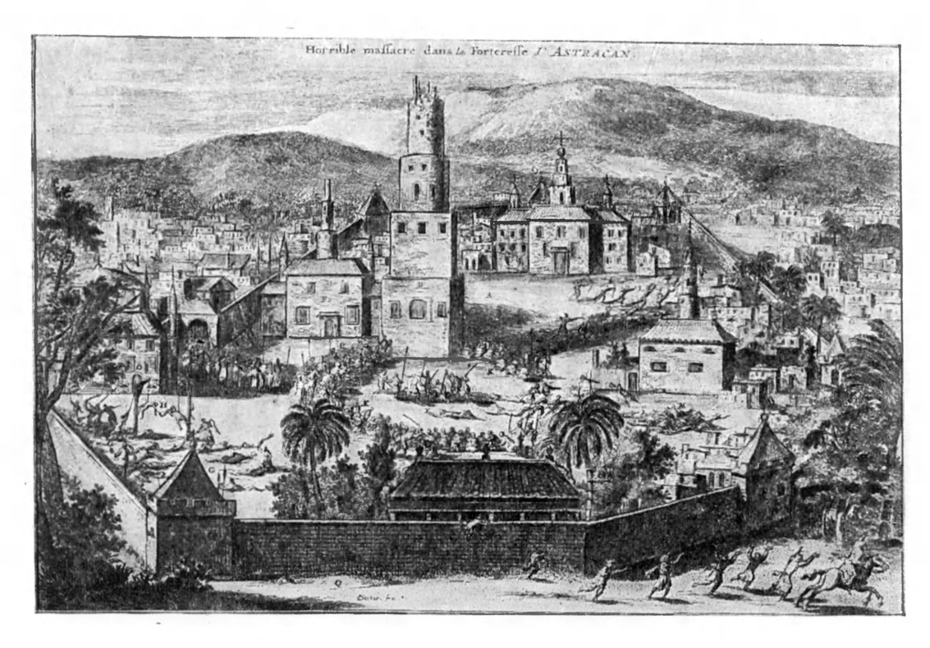
5

Что да на матушке на Волге не черным да зачернелось,
Не черным да зачернелось, не белым да забелелось,
Зачернелися на Волге черноярские стружечки,
Забелелися на мачтах тонкие-белые парусочки.
Что не черной ворон гаркнул, что возговорит Стенька Разин:
«Ох вы гой еси, козачье наше вольное собранье!
«Вы гребите, не робейте, белых ручек не жалейте,
«Нам бы Астрахань-город ополноче бы пробежати,
«Черноярской городочик, что на утренней на заре,
«Чтоб никто нас не увидел и никто бы не услышал».
Как один, братцы, увидел, и один, братцы, услышал.

Господин большой боярин, черноярской воевода:
Шел от ранния от обедни, велел в колокол звонити,
Велел в колокол звонити во большой, во набатной,
Чтоб стрельцы да собирались, пушкари бы снаряжались,
Они пушки бы заряжали и по Стеньке бы стреляли.
Што возговорит Стенька Разин городскому да воеводе:
«И вы пороху не теряйте и снарядов не ломайте,
«Меня пулечка не тронет, меня ядрышко не возмет».
Что метался Стенька Разин на угольную на башню,
Со великова раскату воеводу долой сбросил,
Ево маленьких деток он всех за ноги повесил.

6

Уж вы, горы мои, горы!
Прикажите-ка вы, горы,
Под собой нам постояти:
Нам не год-то годовати,
Не неделюшку стояти,
Одну ночку ночевати,
И тою нам всю не спати,
Легки ружья заряжати,
Чтобы Астрахань нам город
Во глуху полночь проехать,
Чтоб никто нас не увидел,



Взятие Астрахани войсками Разина в июне 1670 г.
С гравюры неизвестного художника
Гос. Исторический музей

Чтоб никто нас не услышал.
Как увидел и услышал
Астраханский воевода.
Приказал же воевода
Сорок пушек заряжати,
В Стеньку Разина стреляти:
«Ваши пушки меня не возьмут,
«Легки ружьица не проймут;
«Уж как возьмет ли, не возьмет
«Астраханска девка Маша».
По бережку Маша ходит,
Шелковыим платком машет,
Шелковым платком махала,
Стеньку Разина прельщала.
Стеньку Разина прельстила,
К себе в гости заманила,
За убран стол посадила,
Пивом-медом угостила
И до пьяна напоила,
На кровать спать положила
И начальству объявила.
Как пришли к нему солдаты,
Солдатушки молодые,
Что сковали руки-ноги
Железными кандалами,
Посадили же да Стеньку
Во железную во клетку:
Три дни по Астрахани возили,
Три дни с голоду морили.
Попросил же у них Стенька
Хоть стакан воды напиться
И во клетке окатиться:
Он во клетке окатился —
И на Волге очутился.

7

Разлилася матя Волга
Пу широкыму раздолью,
Пу усим па мхам, пу балотам,
Па сянным, братцы, пакосам.
Мы устанемтя, рибяты,
Па утру, раным-раниныка,
Мы умыимся, рибяты,
Ключавой вадой халодныю,
Мы утремтися, рибяты,
Тонким белым палатном,
Мы памолимся, рибяты,
Стараверскыму чудатворцу,
Мы поедимтя, рибяты,
Ки горыду Астрахану,
Ки горыду Астрахану,
Ки заутрени, сабору!
Нихто нас ня услышить,
Нихто нас там ня увидить,
Вот и услышить, вот и увидить
Адна деука-астраханка.
Приказал нам ваявода
Воротики запирати,
На развал пушки катати,
Сеньку Разина стреляти.
«И вы палитя, ни палитя,
И сваей силы ни губитя,
Мяне пушичка ня вобьеть,
Мелкая ружичка ня возьметь,
А только вобьеть и возьметь
Адна деука-астраханка,
Вот она мяне ссушила
И живот-серца сукрушила.

8

Течет Яик быстрехонько.
Урываючи круты бережки;
Желты пески сыпучие все поверх воды, сверх
воды несет.
Все поверх-то воды он несет.
Ни сверх было Яика, ни сверх было Горыныча
было самого,
Сверх Горыныча было самого.
Не серые гуси там все возгоковали,
возгоковали.
Возгоковали. Не черные там,
Черны там три ворона возлетывали,
возлетывали.
Из устьица там выбегали три стружка.
Один из них, стружек, наперед всех выбегал,
вперед выбегал.
Вперед он бежит, как сокол летит.
Уж как этот-то стружечек изукрашен был,
изукрашен был.
Изукрашен был знаменами он,
Дубовыми весельцами, копьями, ровно лесом,
усажен.
Середь этого все стружечушка
Золотой бунчук стоит, а под бунчуком сидит
атаманушка,
Атаманушка Степан, по имю Степан Разин.
Уж он громко речь возговорил, он
возговорил.
Он возговорил, как в трубу протрубил.
«Уж вы гряньте-ка, ребята, ко городу Гурьеву,
да ко Гурьеву,
«К крутому его, его бережку.

«Мы стружечки причалим и положим сходенки
на крут бережок».
И по сходенкам сошел воровской,
Сошел на берег душа воровской атаманушка.
«Вы пойдите доложите своему атаманушке:
«Жаловал, мол, к нему в гости Степан
Тимофеевич.
«Я приехал к вам не пить, не гулять,
«Не баталище с вами заводить, а святым
храмам поклонитися.
«Поклонитися и молебен отслужить».
Воротички отворились и пустили Стенюшку
со ватагою.

9

Тихохонько сине море становилося,
Ничем наше Каспийское не шевельнулося,
Что осенним ледочком покрывалося:
Замерз-то наш воровской стружок.
Что на том ли на стружке атаман сидит,
Что по имени Степан Тимофеевич,
По прозванью Стенька Разин сын.
Он речь говорит, братцы, как в трубу трубит:
«Ах, вы гой еси, удалы-добры молодцы!
«Вы берите еловчатые веселечики,
«Вы бейте-пробивайте тонкой осенней лед.
«Ах, как бы нам добиться до тихих мест,
«Что до той ли до проточинки Червонныя,
«Что до славного до острова Кавалерского.
«Ах, там ли вам, братцы, дуван делить,
«Нам отласу и бархату по размеру всем,
«Золотой парчи по достоинствам,
«Жемчугу по молодечествам,
«А золотой казны — сколько надобно».

10

Соберемся да мы, казаченьки,
Мы, казаченьки, соберемся
Во единый круг, во единый круг.
Во единый круг. Запоем, запоем.
Мы, казаченьки, споем, споем,
Песню новую, невеселую,
Невеселую, что певали-то
Мы, казаченьки, что певали
На синем море на Каспийскиим,
На Каспийскиим. Мы на Соколе,
Мы, казаченьки, Соколе,
Черном кораблике, черном корабле.
Черном корабле. Там не песни пели
Мы, казаченьки, пели,
Свое горе мыкали, горе мыкали.
Горе мыкали. Спотешали мы своего
Мы, казаченьки, спотешали
Есаулушку, есаулушку.
Есаулушку. Есаул-то ты наш,
Есаулушка ты наш,
Ты наш родный батюшка.
Родной батюшка. Ты бывал ли, бывал,
Есаулушка, бывал на том
На синем море, на Каспийскиим,
На Каспийскиим. Ты видал ли, видал,
Есаулушка, видал такой
Страсти ужасти, страсти ужасти.
Страсти ужасти: Как подула-то
Непогодушка, непогодь подула
Со святой, со святой Руси.
Со святой Руси. Как подернуло
Сине моречко, подернуло

Ледком тоненьким, ледком тоненьким.
Ледком тоненьким. Как подрезало
Все канатушки, подрезало
Все канатушки корабельные.
Корабельные. Понесло Соколика
По синю морю; понесло-то кораблик
На кряж, на Трухменский кряж.
На Трухменский кряж. И ударило.
Наш черный корабль ударило
О каменничек, о каменничек.

11

Как из славного царства Астраханского
Что не грозная тут туча подымалася,
Подымалась-снаряжалась грозна высылка,
Что разъезд она держит до Кругла острова,
До славного пристанища молодецкого,
До соборища бурлацкого, до притону ли
козацкого.
Козаки там сидя догадалися,
Что во легкие во лодки пометалися,
Одного ли добра молодца покинули,
Что не лучшего ль из молодцев ясаула.
Добрый молодец по острову похаживает,
И он добрую свою фузею за плечам носит,
И он острою своею саблей подпирается,
Сам горючими слезами обливается.
Он вскричал ли, возопил ли громким голосом:
«Государи мои, братцы, товарищи!
«Не покиньте доброго молодца при бедности.
«Уж как в некоторо время пригожусь, братцы,
вам,

«Заменю я вашу смерть животом моим,
«Животом моим и грудью белою!»
Как товарищи от молодца уехали,
Поймали молодца на острове.

12

Пропьемся мы, мазуры,
Промотаемся;
Мы в косточки, во карты
Проиграемся.
На что-то мы, мазурушки,
Надеемся.
Надеемся, мазуры,
На сине море...
Ничем нас сине море
Не потешило,
Злым несчастьем разудалых
Обнадежило...
Далеким было далеко
Во чистом поле
И еще того подальше —
На синем море,
На синем море —
На Каспийскием,
На том Черностовском славном
Острове.
Не ясны соколочки
Солеталися.
Во единый во кружок
Все персидские мазуры
Собиралися.
Их не много и не мало —
Сорок семь человек.

Они старые каблищи
Беспаспортные.
Они думали же думу
За едино все:
«Уж кому из нас, ребята,
«Атаманом быть,
«Атаманом быть,
«Эсаулом слыть?
«Атаманом быть —
«Степану Тимофееву,
«Эсаулом слыть —
«Ермошке Ермолаеву».
Атаман-от говорит, —
Как во трубы трубит;
Эсаул-от говорит, —
Как во свирель играет.
«Уж и полно нам, ребята,
«На море стоять,
«Разудалым молодчикам
«Разбой держать;
«Разбивать все бусы-корабли
«Армянски, бусурманские...
«Не пора ли нам, ребята,
«Возвратиться в Русь,
«Возвратиться в Русь
«По матушке по Волге вверх?
«Мы Астрахань-городочек
«Прошли в сумеречки;
«Мы Царицын-городочек —
«Во глуху полночь;
«Мы Камышин и Саратов —
«Спели кочеты;
«А мы Волжский и Хвалынский —
«На белой заре.

«Мы Сызрану и Самаре
«Не поклонимся,
«В Жигулевских горах
«Жить остановимся.
«Уж мы колышки вколотим
«Кипарисовы.
«А мы чалочки расчалим
«Все шелковые;
«А мы шатрики раскинем
«Канифасные;
«Самоварчики поставим
«Позолоченные».

13

Промеж было Казанью, промеж Астраханью,
А пониже города Саратова,
А повыше было города Царицына.
Ис тое ли было нагорную сторонушки,
Как бы прошла-протекла Камышевка река,
Своим усьем она впала в матушку Волгу-реку.
А по славной было матушке Камышевке-реке
Выгребали-выплывали пятьдесят лехких стругов,
Воровскиех казаков;
А на всяком стружечку по пятьдесят гребцов,
По пятьдесят гребцов, воровскиех казаков,
Заплывали-загребали в Коловинские острова,
Становились молодцы во тихих заводях,
Выгулять оне на зеленые луга.
Расставили майданы терские
И раздернули ковры сорочинские;
А играли казаки золотыми оне тавлеями,

Хто де костью, хто де картами, все удалы
молодцы.
Посмотрят молодцы вниз по Волге-реке, —
Как бы чернта на Волге зачернеетца,
А идут гребные из Астрахани.
Дожидались казаки, удалые молодцы,
Губернатора из Астрахани, Репнина,
Князя Данилу Александровича.
А на што душа рождена, тово бог и дал,
Подошли те гребные в Коловинские острова,
И бросали казаки оне потехи все,
И бросалися во свои легонски стружки,
Напущалися казаки на гребные струги,
Оне все тута торговых перещупали,
Оне спрашивают губернатора из Астрахани:
«А токоли он с вами, покажите ево нам,
«А до вас, до купцов, удалых молодцов,
и дела нет».
Потаили купцы губернатора,
У себя оне спрятовали под товары под свой.
Говорили молодцы, воровские казаки:
«А вы сами себе враги, за что ево спрятовали!»
Обыскали под товарами губернатора,
Репнина князя Данилу Александровича;
Изрубили его во части мелкие,
Разбросали по матушке Волге-реке;
А ево-то госпожу, губернаторску жену,
И со малыми детушкам,
Оне все, молодцы, воровские казаки,
помиловали;
А купцов молодцев ограбили,
Насыпали червонцам лехки свой струги,
Пошли по Комышевке-реке.

14

Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Протекала река матушка Камышенка,
Что вела-то за собою берега круты,
Круты-красны берега, луга зеленые,
Она устьицем впадала в Волгу-матушку.
Как по той ли реке матушке Камышенке
Выплывают ли стружечки есаульские.
На стружечках тех сидят гребцы бурлацкие:
Все бурлаки, все молодчики заволжские.
Хорошо все удальцы были наряжены:
На них шапочки собольи, верхи бархатны;
На камке у них кафтаны однорядочны;
Канаватные бешметы в нитку строчены;
Галуном рубашки шелковы обложены;
Сапоги на всех на молодцах сафьяновы.
Они веслами гребли да пели песенки,
К островочку среди Волги становилися:
Они ждали-поджидали губернатора,
Губернатора ли ждали астраханского.
Как возговорят бурлаки тут удалые:
«Еще что-то на воде у нас белеется?
«Забелелися тут флаги губернаторски:
«Кого ждали-поджидали, того ляд несет».
Астраханский губернатор догадался тут:
«Ой вы гой еси, бурлаки, люди вольные!
«Вы берите золотой казны, что надобно,
«Вы берите цветно платье губернаторско,
«Вы берите все диковинки заморские,

«Вы берите все вещицы астраханские».
Как возговорят удалы люди, вольные:
«Как твоя не дорога нам золота казна;

«Нам не дорого ни платье губернаторско;
«Нам не дороги вещицы заморские;
«Нам не дороги вещицы астраханские:

«Дорога нам твоя буйная головушка».
Буйну голову срубили с губернатора,

Они бросили головку в Волгу-матушку;
Сами молодцы ему тут насмехалися:

«Ты добре, ведь, губернатор, к нам строгонек был,
«Ты, ведь, бил нас, ты губил нас, в ссылку ссылывал,
«На воротах жен, детей наших расстреливал!»



ПЕСНИ ОБ ОТНОШЕНИИ РАЗИНА К КАЗАЧЬЕМУ КРУГУ

Песни об отношении Разина и разинцев к казачьему кругу — одни из наиболее ярких во всем разинском цикле. Здесь нашли себе ясное отражение противоречия и борьба между бедняцким казачеством, группировавшимся главным образом в верховых городах, и зажиточным — низовым, игравшим решающую роль в казачьем круге. Одним из главных организующих факторов разинского движения была открытая борьба партии разинцев, неимущей голытьбы, с партией Корнилы Яковлева — зажиточных собственников. Это расхождение проявляется еще до открытого разрыва — уже с 1667 года. Разинцы действуют самостоятельно. их предводитель появляется в Черкасске лишь в исключительных случаях.



15

У нас то было, братцы, на тихом Дону,
На тихом Дону, во Черкасском городу,
Породился удалый добрый молодец,
По имени Степан Разин Тимофеевич.
Во казачий круг Степанушка не хаживал,
Он с нами, казаками, думу не думывал;
Ходил-гулял Степанушка во царев кабак,
Он думал крепку думушку с голудьбою:
«Судари мои, братцы, голь кабацкая!
«Поедем мы, братцы, на сине море гулять,
«Разобьемте, братцы, басурмански корабли,
«Возьмем мы, братцы, казны скол[illegible]
надобно,
«Поедемте, братцы, в каменну Москву,
«Покупим мы, братцы. платье цветное,
«Покупивши цветно платье, да на низ
поплывем».

16

Как во славном-то было
Во городе было
В городе Черкасскним.
В городе Черкасскним.
Уж как жили там проживали
Да два братца родимые.
Два братца родимые.
В войсковую они канцелярию
Они мало хаживали,
Они мало хаживали,
С господами офицерами (они)
Мало разговаривали,
Мало разговаривали.
Они думали крепку думушку
Со своей голытьбой.
Со своей голытьбой.
Ты, голытьба, наша голытьбушка,
Голь наша несчастная.
Голь наша несчастная.
Собирайся-ка ты, голытьбушка
Наша, во единый круг,
Голь, ты во единый круг.
Во едином-то мы кружочке
Станем думу думати.
Станем думу думати.
Передумамши крепку думушку,
Мы станем коней седлать.
Станем мы коней седлать.
Оседламши-то своих добрых коней,
Сядем да поедем.
Сядем да поедем мы.
Уж поедем мы за Кубань-реку;

Там живет орда богатая.
Там орда богатая.
Уж мы эту-то ордыночку,
Выжгем ее, вырубим.
Мы рогатую всю скотинушку
Ее всю повырежем.

17

У нас то было на батюшке, на тихиим Дону,
Во славном было во городе у нас во Черкаске,[1]
Жила-была у нас тут благочестивая вдова.
Не имела-то она, братцы, бескорыстного греха,
А ныньче вдова себе сына родила. . .
Пошла слава по всему нашему тихому Дону.
Тут съезжались все попы, дьяки, архидьяконы,
Нарекали ему имечко Степанушкою.
Степанушка у нас, братцы, стал на возрасте,
Как млад ясен сокол стал на возлете.
Доселева Степанушка в круги к нам не
хаживал,
Крепку думушку с казаками не думывал.
А нынче Степанушка в кругу стоит,
С казаками крепку думушку он думает.
Возговорил Степанушка таковы слова:
«Ой вы, гой еси, казаки, братцы, добры
молодцы!
«Послушайте вы, казаченьки, своего атамануш-
ки.
«Меня, Степанушку, сына Тимофеича, Разина.
«Сядемте мы, ребятушки, в свой легкий
корабличек,

[1] Иные казаки, вместо Черкасска, упоминают в этой песне город Владимир. *(Примеч. собирателя.)*

«Побежимте мы, ребятушки, в сине море,
«Станемте, ребятушки, разбивать бусы —
кораблики:
«Татарские, армянские, все басурманские,
«Без того только без сиза орла, без осударева.
«Поедемте, ребятушки, к царю с повинною.
«Повеземте с собою, братцы, топор-плаху,
«Повеземте, братцы, царю дары драгоценные:
«Сребро, злато и каменья самоцветные.
«Тут нас станет царь благодарить — жаловать,
«И станет нас царь крепко спрашивать,
«Мы скажем царю всю правду истину».
Тут возговорит православный царь таковы
слова:
«Уж вы, гой еси, младые корабельщички,
«Степана Разина вы согласнички!
«Скажите мне всеё правду истину:
«Где вы были, где вы ездили?»
Тут возговорили младые корабельщички,
Степана Разина все согласнички:
«Уж ты, батюшка наш, православный царь!
«Мы скажем тебе всеё правду истину:
«Мы где были, мы где ездили.
«Уж мы были, уж мы ездили в синем море,
«Разбивали мы на синем море бусы —
кораблички:
«Татарские, армянские, все басурманские,
«Без того только без сиза орла, без осударева.
«Ты прости нас, батюшка, во всех винах,
«Ты пусти нас, батюшка, на Яик-реку.
«Мы заведем на реке Яике славный Яик-город,
«Заведем мы его между двух речушек:
«При первой речке при Яике быстрыим,
«При другой речке при Чагане тихиим».

Потом побывали они во городе Гурьеве,
Из Гурьева пошли они на матушку Волгу-реку,
С Волги они пошли на Узень-реку,
С Узень-реки переправились за Яик-реку,
Прошли-то они, изошли всю орду азиатскую:
Киргизскую, трухменскую, кызылбацкую.



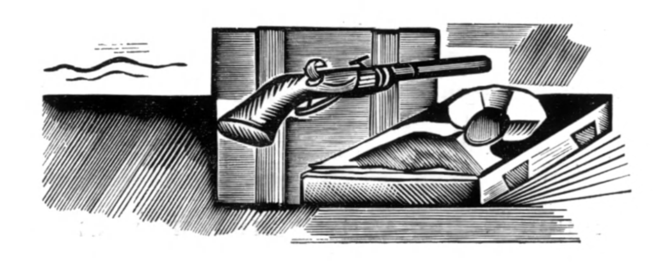
ПЕСНИ О ВЫДАЧЕ РАЗИНА МОСКВЕ

К сожалению, песня о выдаче Разина властям в настоящее время известна лишь в малом числе записей. Здесь изображается смятение среди донского казачества, когда встал вопрос о выдаче Разина Москве.

После поражения разинцев под Симбирском, атаман донских казаков Корнило Яковлев (крестный отец Разина, но вместе с тем глава партии зажиточных), через которого велись все сношения донцов с Москвой, официально отмежевывается от Разина. Он сообщает правительству, что значные казаки приносят повинную за свои прежние мирные отношения с восставшими. Разницы пытаются силой взять Черкасск и таким образом сломить партию Яковлева. Их нападение отбито. Корнило Яковлев просит у Москвы помощи на борьбу с беспокойной беднотой. Правительство присылает на Дон тысячу человек отборного войска в помощь партии зажиточных и наказывает Корниле Яковлеву «со товарищи» «промысл чинить» над Разиным.

В апреле 1671 года взят и сожжен центр разинцев, Кагальницкий городок, и Степан Разин захвачен вместе со своим братом.

Песни складывались на фоне этих событий. По колориту, обстановке и историческим штрихам они — казачьи; слагались, по всей вероятности, на Дону, в кругах сочувствующего Разину бедняцкого казачества.



18

Как во городе Черкасском ни со вечера у нас,
у казаченьков,
Есаул-то донской рано клич закликал:
«Уж вы, други мои, дружечки!
«Вы не пейте-ка дарового вина,
«Пойлица некупленного!
«По утру-то у нас, у казаченьков,
«Будет-то у нас восповальный круг!
«Во кругу-то стоит золотой бунчук,
«У стены стоит раскрашенный стул,
«На стуле-то сидит войсковой атаман,
«Перед ним-то стоит войсковой писарь,
«Во руках-то он держит три указушка,
«Они все скоро написанные,
«Они переписанные все про Стеньку Разина,
«Чтобы выслать его в каменну Москву!
«Никогда-то у нас Стенька Разин
«Да он в круг не хаживал,
«А теперь-то он во кругу стоит,
«На нем сапожки козловые на босу ногу,
«Зеленый его кафтанчик на распашечку,

«Свою шапочку-кабардиночку держит во подмышечке».
Возговорил он таковы речи:
«Не умыслы царские, умыслы боярские!»
Повернулся Стенька Разин, из круга вон пошел.

19

Как у нас было на батюшке,
На тихом на Дону,
Что на тихом Дону, на Иваныче,
Что во славном было городе во Черкаске.
Как со вечера у нас есаул гребенской
Клич закликивал:
«Уж вы, други мои, донские казаки,
«Вы испейте-ка дорогова вина,
«Дорогова вина, пойлица некупленного;
«По утру-то у нас, у казаченьков,
«Будет весь повальный круг.
«Что и всех ли то казачиньков
«Сорок тысяч будет,
«Кроме старых-стародавних,
«Кроме малых-малолетних...»
Во кругу стоит золотой бунчук,
Во кругу стоит атаманушка.
Перед ним стоит войсковой писарь,
Во руках держит три указа государевы.
Он читает указушки скорописные,
Чтобы выслать Сеньку Разина
Во каменну Москву.
А до этого Сенька Разин
В круг не хаживал,
А теперь у нас он во кругу стоит,
Во кругу стоит он и речь говорит:

«Что не царские-де эвто грамоты,
«А боярские-де эвто вымыслы».
И сказавши этак, он вышел из круга.

20

Вскричал атаман казачий
Подрушным своим:
«Вы сходитесь, казаченьки,
«Во единый ко мне круг,
«Во единый ко мне круг,
«На зеленый травки луг.
«Вы думайте думушку
«Заедино все.
«Пришла к нам с Москвы
«На тихой на Дон,
«На тихой на Дон пришла
«Нерадошна грамотка,
«За грамоткой пришел
«Такой же указ —
«За той ли за правой
«За ручушкой за царскою,
«За той ли за печатью
«За печатью сургучевою.
«Как нам будет взять
«Стеньку Разина!»
Бывало, жил Степанушка
На тихом Дону,
А ныне Степанушка
На синем мори,
Разбивает Степанушка
Бусы корабли латинские,
Латинские, армянские,
Армянские, басурманские,



Разин пойман и на него накладывают железа
С гравюры Давида по рисунку Монне
Гос. Исторический музей

А государевы кораблики
Он пропускивает.
«Давайте-ка сольем Степанушке
«Чуден золот крест. (2)
«От крестного батюшки (2)
«Пошлем благословеньице,
«Пошлем его на сине море:
— Вот тебе, Степанушка,
Чуден золот крест,
От крестного батюшки
Благословеньице тебе,
Царя Белого».

21

Как у нас на Дону, на Черкасском острову,
Как раным было, зарею, круг становится.
Середи круга стоит золотой бунчук,
А под бунчуком стоит раскидно стуло,
А на стуле сидит войсковой наш атаман,
Войсковой наш атаман — Корней Яковлевич.
Тут-то молвили казаки, среди круга стоючи:
«Ты скажи нам, надежа, войсковой наш атаман,
«Почто жалует государь-царь и князей и бояр?
«Почто ж нас, казаков, не пожалует ничем?»
Речь возговорил надежа, войсковой наш атаман:
«Царь пожаловал меня чудным образом,
«А вас, казаков, свинцом, порохом».

ПЕСНИ РАЗИНЦЕВ

Песни разинцев в большинстве своем лирические и грустные. Разинские отряды горюют, что лишились атамана, поют о своей тоске и одиночестве. Одна группа песен разинцев, более связанная с Донской областью, отразила настроения главным образом бедняцкого казачества в связи с гибелью вождя. — Есаул рассказывает казакам, что их атаман Степан Тимофеевич захвачен и казнен в Москве. Другая группа песен рисует переживания разинцев (по всей вероятности Центральной России и Верхнего Поволжья), отрядов, которые действовали и после смерти вождя, подвергаясь жестоким репрессиям. Эта группа песен разинцев тесно примыкает к безыменным песням «молодцов», «людей беглых», т. е. бедноты, разбегавшейся под влиянием крепостнического гнета, нередко в XVI и XVII веках группировавшейся в отряды вольных людей, и часто в разбойничьи шайки.

Безыменные песни нередко поют о молодцах, находящихся в тюрьме, о том, что они лишились атамана и чувствуют себя одинокими и покинутыми. Они обращаются к дождю, к туче, к солнцу, к горам с просьбой о помощи и защите, называют себя людьми беглыми, людьми беспаспортными, сиротами, разбойничками и так далее. Эти песни, широко известные среди угнетенных социальных групп еще и до разинщины, после гибели вождя и разгрома разинских отрядов возрождаются опять и приобретают новый смысл. Настроения побе-

жденной разинщины Среднего и Верхнего Поволжья и частично центра вливаются в готовые формы безымянных молодецких песен. Имя погибшего вождя, также названия местностей, где действовали восставшие его именем, воспоминания о прежних удачных походах, общая настроенность — все это вводит их в цикл разинских песен.

После захвата Разина и расправы с его приверженцами песни разинцев, вероятно, пользовались очень широкой известностью. Волнения на Волге, в центре и на Дону еще долго не прекращаются. Правительство все время посылает отряды для их усмирения и предписывает воеводам чинить строгий промысл над товарищами Разина. В грамотах, которые рассылаются на места, приказывается разорить пристанище беглых людей, и песня отображает подлинную действительность, когда поет, что «станы их разорены, и майданы запустели», «все майданики запустели, все несчастные приуныли, Стеньки Разина вот у нас не стало».

«Многие воры Стеньки Разина собранья», гласит правительственное распоряжение, «которые ушли из Астрахани из черты, живут ныне на Дону в верхних казачьих городах. И как к вам ся наша, великого государя, грамота придет, вы б, атаманы и казаки и все войско Донское... учинили о тех ворах всякой промысл собча, чтоб в тех местах по Дону и в степи воровства не было и чтоб тех воров переимать и пристанища их разорить...» (Свод законов, т. I, 944).

Песни разинцев, возникшие на основе безымянных молодецких, имеют широкое географическое распространение, особенно в центральных районах. Песни, связанные с донским казачеством, носят более локальный характер; записей их известно меньше.



22

На заре то было, братцы, на утренней,
На восходе краснова солнышка,
На закате светлова месяца.
Не сокол летал по поднебесью,
Ясаул гулял по насадику;
Он гулял, гулял, погуливал,
Добрых молодцев побуживал:
«Вы вставайте, добры молодцы,
«Пробужайтесь, казаки донски!
«Нездорово на Дону у нас,
«Помутился славной тихой Дон.
«Со вершины до черна моря,
«До черна моря Азовскова,
«Помешался весь казачей круг;
«Атамана больше нет у нас,
«Нет Степана Тимофеевича,
«По прозванью Стеньки Разина;
«Поимали добра молодца,
«Завязали руки белые,
«Повезли во каменну Москву,
«И на славной Красной площади
«Отрубили буйну голову».

23

Ах, туманы вы мои, туманушки,
Вы туманы мои непроглядные,
Как печаль-тоска, ненавистные!
Не подняться вам, туманушки, со синя моря долой,
Не отстать тебе, кручинушка, от ретива сердца прочь!
Ты возмой, возмой, туча грозная,
Ты пролей, пролей, част-крупен дождик,
Ты размой, размой земляну тюрьму,
Чтоб тюремнички, братцы, разбежалися,
Во темном бы лесу собиралися.
Во дубравушке во зелененькой
Ночевали тут добры молодцы,
Под березонкой они становилися,
На восход богу молилися,
Красну солнышку поклонилися:
«Ты взойди, взойди, красно солнышко,
«Над горой взойди над высокою,
«Над дубравушкой над зеленою,
«Над урочищем добра молодца,
«Что Степана свет Тимофеевича,
«По прозванью Стеньки Разина.
«Ты взойди, взойди, красно солнышко,
«Обогрей ты нас, людей бедныих,
«Добрых молодцов, людей беглыих:
«Мы не воры, не разбойнички,
«Стеньки Разина мы работнички,
«Есауловы все помощнички.
«Мы веслом махнем — корабль возьмем,
«Кистенем махнем — кораван собьем,
«Мы рукой махнем — девицу возьмем».

24

А из тихова, из мелкова из затону
Плывут-выплывают два стружечка.
Стружечик на стружечик набегает,
Есаулушка есаулушку окликает:
«Здоровы ли, братцы, спали-ночевали?
«У нас, братцы, на суденышке не здорово:
«Коренного нашего атамана вживе нету,
«Что нет вживе Степана свет Тимофеича».
Вы берите-ка, ребята, весла в руки,
Вы гребите-ка веслами, не робейте,
Уж вы тайной своей силушки не жалейте.
Пригрянемте, ребятушки, к бережечку.
Прими ты нас, крута гора, ночевати,
Не год-то нам, бурлаченькам, у те годовати,
Одну ноченьку, одну темную ночевати,
Дорогие нам товары просушити,
Крутой кашицы нам, бурлаченькам, наварити.

25

Степан-батюшка
Ходит бережком,
Зовет детушек,
Голых, бедныих.

Вы слетайтесь ко мне,
Собирайтесь скорей,
Кто в нужде и труде.

Слеза горькая...
Слеза горькая
Глаза выела.

На Руси уж давно
Правды нету-ти.
Одна кривдушка
Ходит по свету.



ПЕСНИ О КОНЧИНЕ РАЗИНА

К циклу песен разинцев близка нижеприведенная лиро-эпическая песня о кончине Разина. В ее содержании бо́льшее внимание уделено настроениям дружины, оставшейся одинокой без атамана. Песня эта более известна в Северном крае.

Возможно, что эта песня явилась откликом на захват и казнь Разина со стороны населения северных районов (может быть Беломорского побережья); здесь разинщина находила живое сочувствие, и имя вождя пользовалось популярностью.

Агенты Разина заходят к Белому морю; о Разине, как о великом вожде-чародее, встречаются упоминания в документах Соловецкого монастыря. На севере бытуют более полные варианты песен о сынке. Однако самая обстановка действий на Дону и Нижней Волге, повидимому, не была в подробностях известна на Севере, где, вероятно, родилась данная песня. Песня эта носит на себе яркие следы северной эпической традиции и сравнительно с другими песнями о Разине очень богата былинными элементами.

Все товарищи Разина переловлены, их станы разорены. Оставшись один в тоске и одиночестве, он идет на берег Дона или Дуная и просит перевозчиков переправить его на другую сторону.

Наступает его кончина, и он обращается с завещанием к своим товарищам. Песня в своем содержании не передает точных исторических событий; она является откликом далеких северных районов, захваченных разинским движением, но переживавших его самостоятельно.



26

Вы, леса ль мои, лесочки, леса темные,
Вы, станы ль мои, станочки, станы теплые!
Уж как вы ль, мои станочки, поразломлены,
Все товарищи, все приятели поразловлены,
По злодейкам по тюрьмам порассожены.
Только я то ли, добрый молодец, не пойман был.
По прозваньицу меня звали Стенька Разин сын.
Я не год гулял, я не два года,
Я гулял-то ровно тридцать лет.
Как пошел-то я ко синю морю,
Ко синю морю, ко Дунай-реке,
У Дунай-реки перевоз кричал:
«Перевезите-ка меня, добра молодца,
«На ту сторону, на белый камешек!»
На белом камешке стал скончатися,
При кончинушке стал наказывать,
Стал наказывать и выговаривать:
«Ах вы, милые сотоварищи!
«Похороните меня, добра молодца,
«Промежду трех дорог: первой Питерской,

«Другой Владимирской, третьей Киевской.
«Во в правую ручку дайте саблю вострую,
«Во в левую ручку калену стрелу,
«В головах поставьте чуден-дивен крест,
«Во в ногах поставьте ворона-коня.
«Кто ни йдет, кто ни едет мимо молодца,
«Мимо молодца, всяк помолится:
«— Что не вор ли лежит тут, не разбойничек,
«— Тут лежит-то Стенька Разин сын!»
Приходили тут сотоварищи,
Помолилися на чуден-дивен крест,
Тому-то, братцы, сдивовалися,
Стеньке Разину поклонялися:
«Уж ты выстань-ка, сотоварищ наш,
«Ты возьми-ка в руки саблю вострую,
«Во в леву руку калену стрелу,
«Ты ударь-ка буйной палицей
«По бедрам нашим широкиим!
«Кабы знали мы, уж ведали,
«Выручили бы с бела камня,
«С бела камня, со Дунай-реки,
«Со Дунай-реки, со широконькой.
«Покажи-ка нам златы латы тут,
«Златы латы тут серпентинные!»
Погрузили во Дунай-реку
Сотоварищи Стеньку Разина.
Со Дунай-реки сотоварищи
На Амур пошли думу думати;
У Амур-реки крута гора,
Крута гора высокая;
На той горе распрощалися,
Друг другу покланялися:
«Уж мы, братцы, разойдемтесь-ка,
«Разойдемтесь-ка по диким местам!»

27

Ище говорит-то атаман всё Сенька Разин-от:
«Ей, мне больше, атаману, по чисту́ полю не ежживать,
«Мне по чистому по полю, по темны́м лесам!
«У мня было на веку-то всё поежжоно.
«Ай не год у мня, не два было̀, не три года, —
«Я ведь ездил по чисту́ полю, темны́м лесом
«Ей тридцеть-то годочков поры-времени.
«Как теперь мою дружиночку хоробрую. . .
«Изымали их во руки, посадили всё,
«Посадили их по темну, темну тёмницю.
«Ей, за те ли их за крепки за замочки тут,
«За тема̀-ти всё за строгима за караулами.
«После ихного-то я после быванья ця
«Я ведь много-то делал пользи царю белому:
«Я ведь много губил да людей добрых-то,
«Я тут много убивал тотар поганыих,
«Я ведь силы-то неверной бусуманьскою,
«Я тут много ведь грабил золотой казны.
«Мне-ка больше золотой казны не грабливать,
«Мне-ка больше циста серебра не грабливать,
«Дорогого мне скацёного-то больше жемцюгу!
«Я поеду, атаман же, во чисто̀ полё,
«Во чисто̀ полё поеду ко всем товарышшам,
«Посмотрю своих товарышов в бело̀м шатре,
«Распрощусь-то я с има̀ на жисть на вечную».
Из циста̀ поля поехал ко Дунай к реки;
Приезжает он ко матушке к Дунай-реки.
Хороша течет Дунай да речка быстрая,
Речка быстрая течет, очунь широкая.
«Закрычу я у Дуная переводьшика;
Тут нехто меня ведь всё не перевозят тут,

Шьчо тово ли атамана Сеньку Разина».
Говорил он своёму-ту он добру коню:
«Ты останьсе-ко, останьсе ты, мой доброй
конь,
«Ты останьсе-ко, конь мой, в зеленых лугах,
«В зеленых лугах останься, в шолковой травы».
Тут поплыл-то реку да Сенька Разин-от,
Подоплыл ведь только речку до полу-реки,
До полу-реки доплыл да всё до камешка,
Всё до камешка доплыл до горючого;
Он выходил на горючой на сер камешок,
Написал он камню, шьчо ёму ведь надобно,
Шьчо ведь надобно ёму, да про себя пишот,
Он все пишот со слёзами со горючима,
Он своей пишот хороброю дружиночки:
«Уж вы милыи, моя хоробра ты дружиночка!
«Токо выпусьтят на волю вас же, добрых
молодцов,
«Токо будите на волюшки на вольнёю.
«Найдите, быват, вы атамана Сеньку Разина,
«Шьчо вы сильнёво могучого богатыря, —
«Росьпишу-ту вам, хороброй все дружинушки:
«Вы возьмите-тко отсюда тело белоё, —
«Вы возьмите-ко миня, всё увезите вы,
«Повалите вы миня во матушку в сыру землю,
«Положите межу трех славных дорожоцёк,
«Где съезжаютьце могуции сильни богатыри,
«Во котором они месьти думу думают,
«Думу думают они, совет советуют;
«Ай ведь тут миня повалите межу трех слав-
ных дорожоцьки:
«Шьчо перьву миня дорожку Питербурськую,
«Межу втору миня дорожку к матушки все
камянной Москве,

«Ко третьей миня дорожки славной Киевской,
«Повалите моё, положьте тело белоё,
«Телю белоё моё все богатырьское,
«Вы кладите мне-ка в матушку в сыру ȝемлю.
«Вȝ голову кладите мне чуден-от крест,
«Вы мне в ноги-ти кладите мой ведь страшон
мець,
«По праву ту руку мне кладите палицю
тяжолую,
«Ай к мецю-ту ставьте моего да всё добрà коня,
«К левой руценьки кладите вы булатной нож;
«Вы ȝакройте моё-то телю белоё,
«Навалите-ко плиту да камня серого,
«Росьпишите вы слова вси до единого,
«Отпишите вы мое имя, фамилию,
«Шьчо лежит-то ведь Сенька тут богàтырь
Раȝин-от.
«А пойдут-то, поедут многи вси люди добрыя,
«Быват, руськии могуции богàтыря,
«И пойдут-то молодци да красны девушки,
«Всё помянут-то моё да тело грешное;
«Как цюдну-ту кресту они помолятце,
«Они страшного меця все приужахнутце».
Тут ведь выпустили дружиночку-ту скоро
храбрую;
Тут наехала дружиночка хоробрая,
Отыскали тело бело богатырьскоё,
Повеȝли-то тело бело церес три дорожоцьки:
Церес Киевску, Москоську, церес
Питерську;
Хоронили-то его, да атамана-та, богàтыря,
Шьчо того-то ведь Сеньку его Раȝина.
Ище в голову-ту ставили чуден-от крес,
Ко ногам они положили страшон-от мець,

К правой рученьки положили да саблю
вострую,
К левой рученьки положили его булатный нож,
Добра̀ коня они поставили к его страшну мецю,
Накрывали-то плиту все камня серого,
На плиты всё расписали, как и он велел:
Отписали-то Сеньку все бога̀тыря,
Шьчо того ли бога̀тыря могуцего,
Могуцёго бога̀тыря Сеньку Разина.



ОБРАЗЦЫ ПЕСЕН, ПРИКРЕПИВШИХСЯ К РАЗИНСКОМУ ЦИКЛУ И ВОСПРИНЯВШИХ ИМЯ РАЗИНА

В этот ряд входят песни, сравнительно бедные конкретными историческими фактами. В своей основе они являются большею частью песнями о безыменных героях. Знакомое имя Разина вводится творческим сознанием в готовые формы безыменных лирических песен. Этот процесс, вероятно, начинается уже с самого зарождения песен о разинщине (как и о всякой героической эпохе), но особенно развивается впоследствии, когда уже начинает стираться яркость непосредственных живых впечатлений и воспоминаний о событиях. Таковы, например, песни о девице на разбойничьем судне, о вещем сне, отдельные песни о любовных связях разбойников, прикрепившиеся к имени Разина.

Встречаются также песни о различных иных героях, воспринявшие имя Разина (например, песни о взятии Казани, о подвигах богатырей и в том числе Степана Разина — на Соколе-корабле и т. д.).

Конечно этот процесс проникновения имени Разина в другие песни свидетельствует о разрастании, развитии вширь разинского фольклора.

Не ставя своей целью охватить весь репертуар этого рода, мы помещаем здесь лишь отдельные образцы.



28

Что ни по морю по морюшку,
По синю морю по Хвалынскому
Там плывет на Соколик-корабль.
Двадцать лет корабль на якоре не стаивал,
К бережку круту не причаливал,
И он желтого песку в глаза не видывал.
Что бока-то его сведены по-туриному,
А нос да корма — они по-змеиному.
Атаман был на нем
Стенька Разин он сын.
Есаулом был Илья Мурович — душа;
На Илюшеньке кафтан белый бархатный,
На кафтане пуговки они злаченые,
А на каждой-то пуговке по лютому льву.
Напали на корабль они разбойнички,
Что и те то они татары с персианами.
Как хотят они этот корабль
Все разбить его, разгромить,
Илья Муровича во полон его взять.
Как наш Мурович по кораблику похаживает,

Свои пуговицы злаченые поглаживает,
Его пуговки злаченые разгорелися,
Его лютые-то львы разревелися,
Уж злые-то татары испугалися,
Во сине море они побросалися.

29

Атаманушка сам по округу похаживает,
На ним бархатный кафтанчик на распашечку,
Бобровая его шапочка под пазухой,
Сафьянные сапожечки на босу ногу,
Он серебряной своей тросточкой помахивает.
Атаманушка речь возговорит, — как в трубу
струбит.
Есаул речь промолвит, — как в свирель заиграт.
«Уж как-то нам будет, братцы, пройти в славну
Астрахань?
«Мы проедем, братцы, в славну Астрахань
в глухую полночь,
«Уж и купим-то мы, братцы, атаманушке забавушку — коня доброго.
«А есаулу купим забавушку — ружье огненное».
И возговорит атаман Степан Тимофеевич:
«Под Казань-городок стоит белый царь.
«Ни много, ни мало стоит, — семь годов;
«Не взявши Казань-город хочет прочь итти:
«Пойдем-ка, удалые, на подмогу к ним!
«Волжский городок с вечера возьмем,
«Царицын городок во глуху полночь,
«Мелким городочкам не поклонимся,
«Казань-то городок на белой заре,
«Во самую во Микольскую во заутреню».
«Как нам, братцы, пристать к пристани?

«Ежели боком пристать, — станут палить из пушек;
«Ежели кормой пристать, — ловить станут,
«Ежели пристать носом, — примут под руки:
«На подмогу едут к нам».

. . . .

Вот царь Иван Васильевич шлет посланника:
«Ежели боком пристали, палить из пушек,
«Ежели кормой пристали, ловить их,
«Ежели ж носом пристали, принять их под руки».
И призывает он атамана:
«Скажись ты мне, кто?» —
«Слыхал ты? Степан Разин, Тимофеев, с молодцами». —
«Много ли у тебя посланников?» —
«Три ста человек». —
«Во всех я тея прощаю,
«Только скажи, как Казань город взять».

. . . .

Подвели подкоп под Казанку под реку,
Пуд порхву казну, затеплили свечи на бочках,
И вышли сами подле стены,
В руках тоже свечи держут.
Осердился царь Иван Васильевич, —
Свечи все дошли, а бочки не рвет;
И хочет его казнить.
«Царь Иван Васильевич!
«На верху свечка теплится,
«Ее ветром качает».
Только переговорили, — и зачало бочку рвать:
И полетели стены, где кого,
Где рука, где татарска голова.

. . . .

Приезжает царь Иван Васильевич в Москву,
Сделал пир, съехались господа к ему.
Где хвалится конями, где хвалится женами
хорошими,
Кто хвалится крестьянами богатыми.
. . . .

30

Не от пламечка ковыл-трава загоралася,
Горела она, разгоралася.
Подгорели у яснова сокола желты ноги,
Подпалило его крылья быстрые,
Крылья быстрые, златы перышки,
Не от ветричку белые палаты зашаталися,
Не от вихоря палаты отворялися.
Как идет-то во полатушки вор-изменник.
Во полатах-то расставлены столы дубовые,
На столах-то разостланы сукна дорогие,
На сукнышках стоят чернильницы золотые,
Во чернильницах-то — перья лебедины.
За столами сидят три царя, три государя.
Стал-то белый царь добра молодца
допрашивать:
«Ты откуда, добрый молодец, скажися:
«Ты не с Дону ли казак, казачий сын,
«Али ты из матушки каменной Москвы?» —
«Я не с Дону казак, не казачий сын,
«Не из матушки я каменной Москвы;
«Я удалый добрый молодец с Волги-реки,
«Атаманов я сын — Стеньки Разина.
«Заутра-то будет сам батюшко,
«Вы умейте его встретить, честь воздать».

Присудили цари его под суд отдать,
Под суд отдать, кнутом отбить.

31

«Ой не вечо̀р, то ли, не вечор
«Мне малы́м мало̀ спалось,
«Ой мне малым мало спалось } 2
«Во сне виделося:
«Ой будто конь мой вороной
«Разыгрался подо мной,
«Ой разыгрался, расплясался } 2
«Под удалым, добрым молодцом.
«Ой налетали ветры да буйны
«Со восточной стороны,
«Ой сорывали-то черну шапку } 2
«С моей буйной головы.
«Ой отрывался лук звончатый
«Со могучего плеча;
«Ой рассыпались каленые стрелы } 2
«Как по матушке сырой земле.
«Ой да и кто бы мне этот да сон
«Разгадал его бы он?»
«Ой есаулушка был догадливый, } 2
«Есаул тот сон все рассуживал:
«Степанушка ты наш Тимофеевич,
«По прозванью Разин сын!
«Сопадала у тебя с головы черна шапка — } 2
«Пропадет твоя буйна головушка;
«Отрывался, ой ли, лук звончатый —
«То мне, есаулушке, ой-ли, быть повешену;
«Ой, рассыпались каленые стрелы —
«То казаки наши, ой-ли, все разбойнички,
«Они во побег пойдут».

32

Как по морю, морю синему,
По тому морю, по Каспийскому,
Завиднелась в море легка лодочка,
Не простая лодка, разъездна-косна;
Хорошохонько лодка изукрашена,
Бурсым жемчугом лодка изунизана,
Молодцами лодка изусажена.
На корме-то сидел есаул с рулем,
А в носу сидел атаман с ружьем,
Посреди лодки — золота казна,
На златой казне лежит цветню платьице,
На цветном платье сидит красна девица.
Есаулушки она — сестра родная,
Атаманушке — полюбовница.
Как сидит она, слезно плачет;
Атаманушка плакать уговаривал:
«Ты не плачь, не плачь, красна девица,
«Мы поедем с тобой в твою землюшку,
«В твою землюшку, к отцу, к матери».

33

Как по ранней, ранней утренней заре,
Вниз по матушке по Волге по реке
Выплывает быстра лодочка легка,
Быстра лодочка легка о шести-то о гребцах,
Что в этой легкой лодочке сидит,
В ней сидит-то принаряженный купец,
Он плывет-то в славный город Астрахань,
В славный город Астрахань, по купеческую дочь.
Ох, красавица купеческая дочь!

Выходи-ко на высокое крыльцо,
Ты встречай-ко астраханского купца,
Стеньку Разина, удала молодца!
Ты сади-ко за набраные столы,
Меду-патоки с поклоном подноси,
Ты целуй-ко Стеньку в молодецкие уста,
Уж за это тебя Стенька наградит,
Шелку-бархату на платье подарит.

34

Уж загорелася в чистом поле ковыл-трава,
Добралася до белого до камешка,
Что на камешке там сидит млад ясен сокол,—
Подпалил-то свои крылушки быстрые,
Обжег-то сокол ноженьки скорые,
Прилетало-то к соколу стадо воронов,
Садились-то вороны вокруг сокола;
Что в глаза-то ясну соколу насмехалися,
Называли-то ясного сокола вороною:
«Ох, ворона ты, ворона, да подгуленая».
Возговорит в кручине млад ясен сокол:
«Уж как пройдет беда моя да со кручиною,
«Отращу-то я свои крылья, крылья быстрые,
«Заживлю я свои ноги скорые,
«Уж взовьюся я, ясен сокол, выше облака.
«Опущуся я в ваше стадо быстрой стрелой,
«Перебью я вас, черных воронов, до единого».
Когда был Стенька Разин во неволюшке,
Воскричал-то он, возопил громким голосом:
«Ой вы той еси, мои друзья, братцы, товарищи,
«Не покиньте вы меня во неволе, добра молодца.

«Уж пригожусь-то я вам, братцы, на время;
«Заменю-то я вам смерть животом моим,
«Животом моим да вольною волею».



ПРЕДАНИЯ И РАССКАЗЫ О СТЕПАНЕ РАЗИНЕ

Предания о разинщине и Разине отличаются от песен. Не охраняемые песенным ритмом и мелодией, они развивают свое содержание в оформлении свободного рассказа и разговорной речи.

Границы бытования преданий, по современным данным, сравнительно с песнями более сужены. Легенды и предания о разинщине встречаются главным образом в областях распространения самого восстания, более всего на Волге. особенно в низовьях. Но все же это не означает, что они совершенно отсутствуют в районах, отдаленных от мест действий самих разинцев. Необходимо иметь в виду, что предания и рассказы, известные нам сейчас, являются в значительной мере результатом случайных, непланомерных записей. Но несомненно, репертуар как песен, так и рассказов о разинщине более богат в районах непосредственных действий разинцев. По всему правому берегу Волги, начиная от Симбирска, указывают множество урочищ, связанных с именем Разина и его отрядов.

Легенды о Разине живут в Нижневолжском крае до сих пор. Много слышали о Разине в 1920 и 1922 годах участники фольклорных экспедиций под руководством покойного проф. Б. М. Соколова. Он писал: «Собранные по нашему краю легенды о нем одном (Степане Разине. — *А. Л.)* могли бы составить цельную книгу. Легенды

о нем обычно прикреплены к Разиновым горам или «буграм Стеньки», которых можно насчитать большое количество по правому берегу Волги. Почти все предания говорят о кладах, зарытых разинцами».[1] Встречаются и так называемые «записи» или «письма», с указаниями, как раздобыть разинские сокровища.

В Самарском крае Садовниковым записана громадная, яркая сказка и множество рассказов о Степане Разине. Интереснейшие рассказы записаны Железновым от уральских казаков. В 60-х и 70-х годах помещаются предания о Разине в областных газетах («Губернских ведомостях»). Но исторические факты периода разинщины в преданиях нашли себе большею частью лишь бледное и отдаленное отражение. Даже обстановку действия предания нередко изменяют: во многих случаях Разин изображается действующим на суше, его стоянка в лесу, он и его дружина ездят на конях.

Почти во всех преданиях организующим центром является чародейство Разина. Атамана не берут пули, он умеет их заговаривать не только для себя, но и для своих товарищей. Он летает или плавает по Волге на кошме; из тюрьмы он избавляется тем, что рисует на полу мелом или углем лодку и таким образом переносится на Волгу.

С помощью волшебной силы Разин заговаривает змей; любой замок открывается ему.

Несомненно, что рассказы и предания о разинщине и Разине складывались и бытовали как в среде друзей, так и врагов его. Блестящий успех походов и любовь к нему его дружины уже с самого начала порождают даже среди врагов рассказы о нем, как о могучем

[1] Саратовский этнографический сборник, вып. I, под ред. проф. Б. М. Соколова. Саратов 1922, стр. 12.

чародее. Еще в самом начале действий разинцев, в донесении царю 29 июля 1667 года кн. Ив. Дашков сообщает переданный одним из симбирских судовых рабочих и, видимо, получивший известность рассказ о Разине: «Сказывал де в Синбирску Синбирского насаду работник Федька Шеленок и иных чинов люди: донские-де казаки, атаман Стенка Разин да ясаул Ивашко Черноярец, а с ним 1000 человек, да к ним же-де пристают по их подговору, Вольские ярышки, караван астраханской остановили выше Царицына; а как они, воры, мимо Царицына Волгою плыли и с Царицына-де стреляли по ним из пушек, и пушка-де ни одна не выстрелила,— запалом весь порох выходил; а стояли от города в четырех верстах, и присылали они на Царицын ясаула, чтоб им дать Льва Плещеева да купчину Кизылбашского; и взяли на Царицыне у воеводы наковальню и мехи и кузнечную снасть, а дал им он, убоясь тех воров, что того атамана и ясаула пищаль, ни сабля, ништо не возмет, и все-де войско они берегут». [1]

Мотив чародейства чрезвычайно устойчив в рассказах и в песнях о Разине и, повидимому, был широко распространен как во враждебных, так и в сочувствующих движению кругах.

В основном содержание легенд и преданий о Разине складывается в двух направлениях.

Прежде всего — легенды с героическим содержанием. В них Разин — великий герой, чародей, завоеватель, защитник слабых и обиженных — умирает естественной смертью. Фантастика здесь подчеркивает величие и силу атамана. Этот цикл складывается и живет в рядах участников и сочувствующих движению и впоследствии ши-

[1] А. Н. Попов, Материалы для истории возмущения Стеньки Разина. М. 1857, стр. 23.

роко бытует среди угнетенных классов дореволюционной России.

Второе направление — рассказы религиозно-мистического содержания о мучениях Разина.

Одни из них говорят о Разине, страдающем за неправду и грехи людей; другие изображают самого Разина как великого грешника, который мучается за свои «злодеяния». Конечно, не всегда эти два плана выдержаны в рассказах в чистом виде. В процессе бытования тот и другой план смещаются, и иногда мотивы одного направления переходят в другой, противоположный план, получая там новое осмысление. Например, мотив о Разине-колдуне и приверженце нечистой силы, «дьяволе» (мотив плана осуждающего), соединяется с мотивом доброжелательного отношения к беднякам и обиженным. Разин-колдун защищает их, награждает золотом и т. д.

Несомненно, в рассказах о страдающем Разине налицо оценка разинщины, с одной стороны, сочувствующими, с другой — враждебными движению социальными группировками. В бедняцких крестьянских слоях, в среде, любовно вспоминающей разинщину как борьбу за новую жизнь, — держатся рассказы о Разине, страдающем за грехи и неправду людей, живут надежды на вторичный приход его.

Тяжелые условия и классовый гнет царской России питают эти рассказы о Разине — грозном мстителе за обиды и бесправие. В кулацких группировках, может быть, чаще всего среди домовитого казачества и его потомков, слагаются и бытуют сказания о Разине — великом грешнике. Они поддерживаются также воспоминаниями об отлучении Разина от церкви и торжественном проклятии его, о чем повторялось каждый год с церковного амвона.

Вероятно, все рассказы религиозно-мистического содержания находят особо благоприятную почву для развития более всего в раскольничьей среде.

В некоторые из преданий вошли отдельными эпизодами свободно пересказанные песенные сюжеты, например — о сынке, о девке-астраханке; однако в целом они мало влияют на общую направленность основного содержания рассказов.

В настоящем собрании даны сначала рассказы, предания и сказки по преимуществу героического содержания; затем рассказы о Разине-страдальце и грешнике; и рассказы, связанные с определенными местностями, об урочищах и кладах Разина.

К сожалению, необходимо отметить, что, в силу общих недостатков методики собирательской работы, особенно в 50—70-х годах, многие предания записаны в свое время не подлинными словами рассказчиков и сказителей, а в переложении собирателя.

РАССКАЗЫ, ПРЕДАНИЯ И СКАЗКИ ГЕРОИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ

35

Сенька Разин был из казаков из дòнских. Когда он предастся нарочи. Возьмет нитки, как лодке быть, и сядут в нее, и под нее плеснет ложку воды, и поплывут из острога по городу, и песни поют. — Он, по-нашему, как бы как дьявол был. Стреляют в них, стреляют, стреляют. «Стой-ко-те!» — кричит его сила. Перестанут стрелять; они снимут с себя одежды, повытряхнут пули и отдадут назад; а сами стреляют, как «прядь» делают. — Сенька заговаривал от пуль.

Слава о его похожденьях и о хорошей жисти у него была на всю Россию. Вместе с бродяжной, вольной народ ходил к нему нарочи.

Шел купец, две бочки вина положил на лодку. Разинцы остановили. Пристал. Товары набрасывают, набрасывают себе в добычу. Купец смекает, так весь товар выбросают. «Стойте», говорит, «братцы, у меня две бочки вина есть». — «А, вино есть! Клади товар в лодку, выкатывай вино-то».

Как пошел купец, его лямошник снял лямку и говорит купцу: «Прощай, не то иду к Сеньке»...

Приходит: «Возьмите меня». — «А мы таких и ищем!» Одели его, как купца, а стару лапоть побросали в огонь.

Сенька Разин из осилков был. Помер своею смертью.

Вот как не стало Сеньки, его товарищи пели:

Не спасибо тебе, матушка Волга-река, —
Исподелала часты городочки,
Испоставила крепки караулы...

36

Стенька Разин на своей кошме-самолетке-самоплавке перелетал с Дона на Волгу, а с Волги на Дон. На Дону было у него место, называется камень, а на Волге был у него бугор. Пограбит суда на Волге — полетит на Дон. Не было спуску ни царским судам, ни купеческим, ни большим, ни мелким: со всех судов Стенька брал подать; а кто вздумает обороняться, тех топил, а господ больших ловил да в тюрьму сажал. Вот и шлет к нему сам царь: «Зачем, говорит, ты царских судов не пропускаешь?» А Стенька говорит: «Я, мол; ваше царское величество, не знаю, какие есть суда царские, какие нецарские». Царь приказал на всех царских судах ставить гербы. Стенька поэтому не трогал их и пропускал, и дани не брал. Царь за это прислал к нему в подарок шапку. Только тогда купцы сговорились, да и на свои суда стали ставить гербы, а Стенька, как это узнал, и говорит: «Нельзя разобрать, какие суда есть

царские, какие нецарские!» — и опять со всех судов стал брать дань.

Много лет он таким образом летал с Дона на Волгу, с Волги на Дон; а взять его никаким войском нельзя было, для того что он был чернокнижник. Потом собрал он шайку и поплыл в Персию, и воевал он там два года, и набрал так много богатства, что и счесть и сметить невозможно, а как ворочался, в Астрахани воеводы не хотели пропустить его. Стенька говорит: «Пропустите меня, воеводы; я вам ничего дурного не сделаю!» Воеводы-таки не пропустили, а велели палить на него из ружей и из пушек, только Стенька, как был чернокнижник, — его нельзя было донять ничем; он такое слово знал, что ядра и пули от него отскакивали. Тогда подманила его девка Маша, как в песне поется, — но и тут Стенька улизнул от беды, и за эту штуку не простил воеводам. На другой год он пришел в Астрахань с войском и осадил кругом город. А в Астрахани жили больше все неверные. Стенька приказал палить холостыми зарядами и послал сказать, что жалеет православных христиан, а просит, чтоб христиане отворили ему ворота. Христиане и отворили ворота; он, как пошел, всех неверных ограбил, а иных досмерти побил, и воевод побил за то, что его не пропускали, как он ворочался из Персии, а христианам ничего худого не сделал. Тогда был в Астрахани митрополит; стал он его, Стеньку, корить и говорить ему: «Вишь, какая у тебя шапка — царский подарок; надобно, чтоб тебе теперь за твои дела царь на ноги прислал подарок — кандалы». И стал его

митрополит уговаривать, чтоб он покаялся и принес повинную богу и государю. Стенька осерчал на него за это, да притворился, будто и в самом деле пришел в чувствие и хочет покаяться, и говорит митрополиту: «Хорошо, я покаюсь; пойдем на соборную колокольню; я стану с тобой вместе и оттуда перед всем народом принесу покаяние, чтоб все видели, да и тоже покаялись». Как взошли они на колокольню, Стенька схватил митрополита поперек, да и скинул вниз. «Вот, говорит, тебе мое покаяние!» За это его семью соборами прокляли! Товарищи его как узнали, что он семью соборами проклят, связали его и отправили в Москву. Стенька, едучи, сидит в железах, да только посмеивается. Привезли его в Москву и посадили в тюрьму. Стенька дотронулся до кандалов разрывом-травою — кандалы спали, потом Стенька нашел уголек, нарисовал на стене лодку и весла, и воду, — все как есть, да, как известно, был колдун, сел в эту лодку и очутился на Волге. Только уж не пришлось ему больше гулять: ни Волга-матушка, ни мать сыра земля не приняли его. Нет ему смерти. Он и до сих пор жив.

Одни говорят, что он бродит по городам и лесам и помогает иногда беглым и беспаспортным. Но больше говорят, что он сидит где-то в горѐ и мучится.

37

Стенька Разин был колдуном; говорят, он и теперь жив. Благодаря своим заговорам он брал пошлины с проходящих по Волге судов. Во вре-

мена Стеньки Разина Астрахань принадлежала австрийскому императору. Разин задумал овладеть ею. Храброму атаману-колдуну легко было собрать большое войско; бывало, возьмет липовую лутошку, отрежет щепку, бросит в Волгу, и вот на реке появляется корабль с вооруженными казаками. Отправившись в поход против Астрахани, Стенька Разин плыл из Казани до Пешего базара в Саратове по сухому пути. Астрахань была покорена атаманом-колдуном и таким образом благодаря Стеньке Разину сделалась русским городом, а не австрийским.

38

За Волгой вот хорошо из-за этого, там ни одна змея не кусается. Всех их там заговорил Стенька Разин на веки-вечные. Он брался заговорить их во всей России, даже не одних змей, но всяку гадость, как-то: блох, клопов, вшей, комаров, вообще всяку гадость, которая кусает человека. Но, прежде чем заговорить, просил собрать дань в размере с каждой души по одной денежке. Нам это кажется очень дешево. Мы бы теперь не пожалели и копейки, а тогда жалко было денежку, так говорят крестьяне из молодых, но стары, напротив, старики говорят, что в то время денежка была дороже рубля, тогда с тремя денежками от нас можно было съездить в Саратов и оттоль, а нонче и на три рубля не съездишь. Вот поэтому тогда и не согласились на условия Стеньки Разина, вот через эти денежки и страдает от этой гадости весь мир православный.

39

Стенька начальству раз сам дался, руки протянул, и заковали его в железы. После положили и зачали пытать: и иголками кололи, и кошками били, — ничего не берет. Стенька знай только себе хохочет. Вот и выискался один знающий человек и говорит: «Да вы чего бьете-то? Ведь вы не Стеньку бьете, и не он у вас в кандалах, а чурбан. Он вам глаза отвел, да и хохочет». Сказал этот человек такое слово, — глядит начальство, а и в самом деле не Стенька лежит, а чурбан. Ну, после Стенька уж не мог вырваться; положили его при том человеке, стали бить, — прòбрали. А то бы он вовсе глаза отвел.

40

На Ураковом бугре предтеча Стеньки, разбойник Урак, имел свой притон. Разин, еще мальчиком, пришел сверху, из Ярославля, и пятнадцати лет поступил в шайку Уракова кашеваром. Раз Ураков этот хотел задержать судно, а Стенька закричал: «Брось, — не стоит, бедно». Ураков, не ожидая после такого замечания удачи, пропустил судно, но пригрозил Разину. Проходит другое судно — Стенька опять то же. Взбешенный атаман выстрелил в него из пистолета, но Стенька не пошатнулся, вынул из груди пулю и, отдавая ее Уракову, сказал: «Нà, — пригодится». Ураков от страха упал; разбойники, видя чудо, разбежались, а Стенька незаряженным пистолетом застрелил Уракова и стал сам

атаманом его шайки. Ураков схоронен тут же на своем бугре и, говорят, семь лет из могилы кричал проходившим мимо судам: «приворачивай!».

41

У Ермака Тимофеича, самого набольшего изо всех станишников, было много удалых товарищей, верных помощников. Правою рукою у него был Стенька Разин, а за Стенькою Разиным Ванька Каин, Иван Мазепа, Гришка Отрепьев. Жили сотоварищи долгое время в ладу, да Стенька-то Разин учал делать дела неподобные: бесчинствует без пути, рубит головы немилостиво, коней в церкву ставит, над святынею ругается, не хочет знать никого выше себя, самому Ермаку грубит. Не захотел Ермак сносить от Стеньки этакие грубости и отказал ему.

Видит Стенька, что дело плохо, и приходит к Ермаку Тимофеичу, низко-низко поклонился ему и проговорил: «Многолетнего здравия, Ермак Тимофеевич! Расположись-ка на совет ко мне! Мы поделаем людей соломенных, порассадим их по лодочкам, по лодочкам по дубовеньким, и дадим им по веселышку, оденем их в платья черна соболя, первое-то лодочку наперед пустим по Дунай-реке по широконькой, а сами поедем по Иртыш-реке, по Иртыш-реке, по Теплым станкам, у Теплых станков станем вокруг да подумаем, как бы нам поставить себе памятник».

Как поехали станишники по Иртыш-реке, собралось против них царское войско, хотят изло-

вить Ермака Тимофеича; увидели, что по Дунай-реке едет лодочка дубовенькая, а в ней сидят добрые молодцы, удалые казаки; стали царские люди считать соломенных людей — им счету нет. Тут на татар напал такой страх, что они и не видели, как подошел Ермак Тимофеич.

Переловил их Ермак Тимофеич до пятисот человек, засадил в избу, поставил стражу к избе, а сам с Ванькою Каином поехал к царю Ивану Васильевичу...

42

В некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы живем, недалеко было дело от Чечни, близ речки Дону, в тридцати пяти верстах от Азовского моря, жил в одном селе крестьянин, по прозванию Фомин, а по имени Василий Михайлов. Не старше он был тридцати восьми годов, народился у него сын, назвали его Михаил. Воспитал он его до шести лет. В одно время в прекрасное он поехал на работу, взял и сына с собой. Напала на них небольшая шайка разбойников, мать с отцом убили, а Михайлу с собой взяли. Привозят они его в свой дом, отдают его атаману. Атаман у них был старик, девяноста пяти лет. Принял он этого Михайлу на место своего дитя, стал его воспитывать и научать его своему ремеслу, в три страны велел ему ходить, а в четвертую не велел. Прошло три месяца, атаман Роман выдумал Михайле имя переменить, собрал шайку, чтобы окрестить его, и назвали его

Степаном. «Ну, теперь, мой сын Степан, слушай меня! Вот те шашку и ружье, занимайся охотой, дикой птицею двунотой и с руками и с буйной головой!» Степан вышел со двора и вздумал о родной стороне. «Где-то мамынька моя и родимый тятенька? В поле на меже свою голову скоронили, а я-то, Михайлю, остался у разбойников в руках». Сам заплакал и пошел в ту сторону, куды атаман велел.

Вышел на большую поляну, вдруг увидел себе добычу, лет семнадцати девицу. Он подошел к ней, сказал: «Здравствуй, красная девица! Что ты время так ведешь? Сколько я шел и думал, такой добычи мне не попадалось. Ты — перва встреча!» Девка взглянула, испугалась такого вьюноши: увидела у него в руках востру саблю, за плечом — ружье. Стенька снял шапку, перекрестился, вынул шашку из ножны и сказал: «Дай бог пòмочь мне и булатному ножу!» Возвилася могучая рука с вострою шашкою кверху. Снял Стенька голову с красной девушки, положил ее в платок и понес к атаману. «Здравствуй, тятенька! Ходил я на охоту, убил птичку небольшую. Извольте посмотреть». Атаман, выходя, взглянул на платок: на нем окровелённая голова, красовитое лицо. «Вот, Стеня, люблю за то!» Поцеловал его в голову. «Я тебя награждаю своим вострым булатом, с ним я ездил семьдесят пять лет, а теперь ко мне кончина приходит».

Атаман вскоре крепко заболел; собралась в дом его вся шайка. Он своим подданным и говорит: «Ну, братцы вы мои, выбирайте, кого знаете, а я вам не слуга». Вдруг вышел из

лесу невысокий старичок, левым глазом он кривой, правым часто подмигиват. Взглянули на него разбойники и в голос закричали: «Подойди, старик, сюда!» Он подошел, смеется и говорит: «Ну, чего вам от меня нужно?» — «Ну, старичок, рассуди нам дела: нас вот двенадцать человек, кто из нас будет атаманом?» И он им ответил: «Вы не выберете из себя. Я — сам главный атаман из такой-то шайки; мои подданные ездили на разбой, плохо сделали, уплошали: перевязали, в каземат посадили. Мне, старику, владать теперь таким домом нечего, я и пришел к вам». Все разбойники вскричали: «Как, мы тебя, старик, не знаем». — «Что вы, братцы, неужели вы Василья Савельича не знаете?» — «А вот-вот! Вот нам и атаман! Пущай нами владает!» У них есаул был из татар, повернулся и пошел. Пришел к старому атаману и говорит: «Мы нашли себе атамана, Василья Савельича». Атаман говорит едва-едва, только намекает: «Пошли, мол, его сюда». Василий Савельич пришел к старику, взял его за правую руку и сказал: «Прощай!» Тот промолвил одно слово: «Прими моего сына, Степана по прозванью! Вот еще скажу тебе: в три стороны своих посылай, а в эту вот сторону ни поногу не шагай»! После того умер атаман. Коронили его, все запели вечну память. Стал Василий своими подданными командовать и Степана научать. «Ну, теперича я тебе, Стенюшка, отец и мать. Слушай меня, что я тебе приказываю. Твой отец мне тебя на руки сдал, в эту сторону не велел ходить». Прошло три года с новым отцом; Стенька научился на охоту ходить; когда

птицу, когда две принесет. Возлюбил его атаман и так его лелеет, паче сына своего. В одно прекрасное время взял Стенька шашку и ружье, вышел за ворота и думает: «куда сегодня итти мне? Да что мне отец приказывает в эту сторону не ходить?» Подумал и поглядел на востру шашку в руках. «Тут дорога опасна; моя булатная шашка притупела». Стенька воротился назад, взял бросил шашку. «Вот, ты мне не слуга! Я выберу нову!» Выбрал первую, саму востру шашку, перекрестился и пошел по новой дороге. Шел он немного чащей и вышел на большую поляну. Вдруг видит перед собой огромную чуду. «Нет, это не так, думает, я здесь теперь должен погибнуть». Испугался, стоит на одном месте, не знает, что делать. «Куды же мне деться и как от этой чудищи скрыться?» Чудища подняла голову и увидала юношу, дохнула на него и стала двигаться к нему. Стенька заплакал и думает: «пропал! Говорил мне атаман: не ходи по этой дороге! Я его слов не послушал». Стал подходить ближе, вынул вострый меч, положил его на правую бедру. «Неужто», думает, «бог мне не поможет срубить Волкодира? Я не буду так трусить, и бог поможет!» Волкодир его тянет и хочет проглонуть сразу. Стал Стенька шашкой своей владать, все челюсти ему разрезать. Когда челюсти ему до ушей разрезал и нижняя часть отстала, захватить Волкодира силы не стало, развернулся Степан своей шашкой и давай голову рубить, сколько силы его хватало (потому что он был не богатырь). Отрубил голову, стал брюхо разрезать; разрезал брюхо, нашел в ку-

лак камень и дивуется над этим камнем. Повернулся и пошел. Идя, он дорогой думает себе: «что это за вещь такая, и какой это камень?» Взял, нечаянно лизнул и узнал все, что есть на свете, ахнул перед собой. «Вот, думает, этот камень мне дорог!» Пришел домой к отцу. «Здравствуй, тятенька, я ходил на охоту, и такая была удачна: погубил своего неприятеля, который нам ходу не давал». Отец ему и говорит: «Врешь, Степан! Твой прежний отец тут семьдесят пять лет жил с своими подданными, и то этого не мог сделать, а ты девяти годов мог такого противника погубить». Степан побожился и поклялся. «Правду, тятенька, говорю! Хошь, сейчас поедем, поглядим!» Под тот час съехалась вся шайка. «Ну-ка, братцы, — сказал Василий Савельевич, — оседлайте лошадей! Стенька говорит, что он нашего неприятеля срубил». Все в голос закричали: «мы жрать хотим!» Атаман и говорит: «Да ведь недалеко: скоро вернемся. Если правду говорит, мы пирушку сделаем!» Оседлали лошадей. Сел Степан на коня, сам вперед поехал, за нём атаман Василий Савельич. Доехали до долины, увидели Волкодира с отрубленной головой; закричали все: «ура! и Степану честь-хвала!» Воротились домой; атаман и говорит: «Ну, вот теперь, братцы, мы гулям!» Сделали пир, трое суток гуляли и все Степана восхваляли. «Теперь поживем», говорит атаман: «нам теперь воля на все четыре стороны! Кутнем-ка еще, братцы!»

Стал Василий шайку набирать и задумал по лесу раз погулять. Сел на доброго коня и

поехал вперед, по новой дороге. Выехал он на Азовское море и увидел он небольшой кораблик. «Вот, братцы, говорит, мы этим никогда не занимались: а хороша была бы нам добыча: и хлеба, и одежи, и казны вдоволь». Одни разбойники и говорят: «Эх, Василий Савельич, это что за добыча. Мой дед и отец в Саранских лесах жили,—так вот там добыча!»— «А что?» — «Что? Там скот дешев, и народ ремеслен, и всяких заводов много». — «Да нет, надо испытать», говорит Василий. «Нам уж туды некуда лезть, потому я стар, а вот сядем-ка в легку лодку да поедем вдогон». На берегу Азовского моря стояла небольшая косоуха. Сели в нее все двенадцать человек, взяли весла и грянули догонять кораблик. А на нем был капитан очень хитрый. Подогнал атамана к кораблю, а капитан на борт вышел, поддернул свои портки, — их на сорок сажен отбросило. Атаман вскричал громко: «Ай да, грянем веселее!»

Напустились они в другой раз; капитан их вплоть подпустил, шибко дернул за штаны, их угнало за полторы версты. «Нет, братцы, — говорит атаман, — я как этим делом не занимался, и вам не советую». Взял плюнул в лодку и пошел до коней. С такой досады они сели на коней и поехали домой. С эфтова время заболел атаман, стал подданным говорить: «Кто моим делом управлять будет? Я советоваю, братцы, Степана в атаманство посадить». Тут все стали на это роптать: «Мы сколько лет живем, а этого не видим. Недавно он пришел и атаманом хочет быть!» Степан вышел к товарищам и говорит: «Если я атаманом не буду, так не

хочу с вами служить! Ну, кто чего знат и какие искусства кто покажет? — закричал Степан. — Ну-ка, кто из вас такой ловкий? Преклони весь лес к земле!» Все выпялили на Степана глаза и ни слова не сказали. «Никто из вас не выбиратся?» — крикнул Степан. «Нет, никто не может». Вынул и поднял Степан шашку кверху и скомандовал: «Лес, преклонись к земле». Глядят разбойники, а лес на земле лежит. Закричали все: «быть Степану атаманом!» Степан ответил им: «Ну, братцы, служить со мной, — так служить! Покажите, как вы охотитесь, как бьетесь? Мы так жить не будем, а пойдем в привольные стороны». Разделил Степан свое войско на две части, скомандовал друг на дружку, в шашки. Они так бились и рубились, что никто друг друга не ранил и не убил. «Ну, братцы, я в надежде: могу итти с вами. Теперь мы здесь не заживемся: в привольны стороны пойдем! Забирайте все свое имущество, и выедем мы на Азовское море и отправимся в Саропский лес».

Собрались разбойники, сели на коней и поехали на Азовское море. На берегу нет ни лодки, ни расшивы; ни виду про них, ни слуху. «Ну, что же, братцы, будем делать? — говорит Степан. — На чем через море поедем? Давай сюда мою большую кòшму!» Степан разостлал ее на море, сделался вдруг большой корабль. Посадил на него шайку и лошадей поставил, громко вскричал: «Грянем, братцы, веселее!» Только его и видели. Приехал он к Саропскому лесу и говорит: «Ну, братцы, вы тут постойте, я съезжу, поразгуляюсь». Они на берегу себе

табор сделали, а Степан сел на коня и поехал по лесу. Разыскал он себе прекрасное место для дома (стана), вернулся на берег, — из семидесяти пяти человек убежало у него двадцать. «Куда ж они делись?» спрашивает. «Гулять ушли». (А они сами начальниками захотели быть). «Ну, да мне и этих будет», сказал Степан. «Теперь, братцы, пойдем, примемся за работу». Сели на коней и отправились на разысканное место, и выстроили себе дом. Стенька выехал на охоту и увидел перву встречу: красна девица, отроду семнадцать лет, зовут Афросиньей, а отца Егором, из богатого дома. Размыслился Степан: хотел девицу погубить. «Да что я ее напрасно погублю, лучше с собой возьму, пусть мне женой она будет». Взял ее с собой, пожил несколько время, написал письмо, послал к ее отцу, матери: «Дочери своей больше не ищите». И сколько родители ни старались, чтобы выручить из Степановых рук свою дочь: деревни четыре собрали народу и весь лес окружили. Подошли к Степанову дому, и разбойники все дома были. Увидал один толпу народа: кто с дубиной, кто с топором, кто с косой и ружьем; взбег к Степану и говорит: «Ну, атаман, видно, батюшка, мы пропадем!» — «Что такое? Еще не родился на свет тот, кто меня погубит! Где народ?» — «Наш дом они окружили, атаман!» Приубрался Степан в оружию, вышел на крыльцо и громко вскричал: «Ну-ка, подданные, садитесь скорее верхом! Не видите, что у нас?» Сели верхом. Степан вперед поехал, и народ расступился. Сели и поехали. Вернулся Степан назад к толпе народа и говорит громким голосом им: «Ну, что,

вы хотели меня пымать? Разве я зверь какой? Не волк и не медведь, разве вы не видите?» Толпа остолбенела: ровно болваны стоят. Взял Степан в руку плеть и погнал их от дома, как овец. Старик и бросил о своей дочери стараться. Степан остался с Афросиньей жить. Прожил он год, и забрюхатела она, родился у них сын. Дал Стенька имя ему Афанасий.

После этого прожил он три года и вздумал выехать на берег Волги разгуляться. Было у него подданных с ним восемь человек. Увидел он, что баржа небольшая бежит. «Хоша нас, братцы, мало, а силы попробовам!» Кидает с себя епанчу, расстилает на воду. «Садитесь!» Сели на епанчу. Громко вскричал: «Ну-ка, братцы, грянем». Догнали баржу, лоцманов в воду покидали, капитана подвесили на дерево и обобрали все имущество. «Вот нам, братцы, добыча! Мы, так я думаю, поселимся на Волге». «Как, атаман? Теперь есаул у нас старый, кого выбрать? Он в отставку хочет». — «А разве некого? А вон у меня есть Абсалямка; будет всеми делами моими управлять». Уехал Стенька домой и говорит молодой жене: «Ну, Афросинья, последние дни с тобой живем! Я тебя к отцу отправлю; только я тебя не обижу. Есть у меня семь коней; навьючу на них серебра и меди, а золота-то понюхать и самим нечего». Девка была его словам рада, ждет — не дождется.

Собралась вся шайка, семьдесят пять человек (во время разъезда пристали); вышел Стенька на крыльцо. «Ну-ка, братцы, много ли нас?» —

«Семьдесят пять человек». — «Ну, вот осталось пятьдесят, а теперь опять прибавка. Ай-да, кто хочет на Волгу! Кто охотники — вперед!» Все вскричали, кроме есаула: «Все желаем тебе служить! Пойдем!» — «Я желаю подальше выбрать место. Слыхали про Жигулинские горы? А только вот что: есаула надо выбрать». — «Кого желаешь, атаман, того и сажай в есаулы!» Он еще раз подтверждает: «Вот я желал бы Абсалямку!» — «Ну, и мы желаем его!» вскрикнули все. «Он человек хороший и проворный и все искусства знает. Выходи, Абсалямка, вперед! Командовай!» Вышел Абсалямка вперед, крикнул: «Ну, робята, слушайте, как атамана, так и меня! Мы скоро в поход пойдем по деревням; где что попадется, все тащить, зря не бросать!» — «Это», отвечает шайка, «наше дело: мы не проглядим, что висло висит!» Степан вскричал громким голосом: «Оседлайте таких-то лошадей и насыпьте полны мешки серебра и меди, привяжите покрепче, да вот таких-то четыре коровы. Сегодня я отправлю жену на село. Ну, есаул, выведи на дорогу, смотри, чтобы худого ничего не было». Вывели семь лошадей с мешками и четыре головы коров и привязали друг за дружку, на переднюю лошадь самоё посадили. Есаул вывел на дорогу и указал ее дом. На другой день Степан приказал ехать в Жигулинские горы. Оседлали коней и пошли упорством на Старо-Черкасску губернию, открыли огонь, сделали битву такую, что побили неприятелев триста тысяч и забрали город. Возвратились оттудова упорством на Саратовскую губернию. Кровolитие тут у них было

такое, что побили сто восемьдесят тысяч человек, забрали Саратов-город. Из Саратова выступили на Жигулинские горы, приискали удобное место, покопали себе землянки, устроили все в порядок. Стенька стал выезжать на Волгу разбивать суда и вздумал раз съездить в Саратов-город. Приехал туда и увидел у одного богатеющего купца прекрасну дочь, под названием Марья Федоровна, и так ему захотелось себе забрать ее в супружество. Дожидался он, когда она на разгулку или на балкон выйдет. Через некоторое время выходят на балкон и выносят большой самовар; купец с купчихой садятся чай кушать, и дочь их выходит. Стенька напустил воды, раскинул кошму и подъехал к балкону, взял купеческую дочь из-за стола, посадил на кошму и с собой увез в Жигулински горы. Купец: «Ах, держи, лови». Не тут-то было. Стал Стенька выходить на берег и не стал никому давать проходу: ни одной барже, ни расшиве. Стали доносить государю, царю Ивану Васильевичу: «Царь Иван Васильич! Стенька Разин не дает проходу ни пешему, ни конному и по Волге разбивает баржи, и купеченски, и даже казенны». Отписыват царь Иван Васильевич Стеньке: «Степан, ты разбивай хоть купеченски, а мои не трог, а то я на тебя пойду упорством!» Степан отвечает царю: «Вы на своих баржах делайте знаки, а если желате итти на меня упорством, милости прошу на Жигулински горы. Если вы хотите мне дань платить, то платите мне за каждый проезд и кладите знаки, а не хотите, я тогда упорством пойду до Москвы!» Подумал царь Иван Васи-

льич над Стенькиными словами: «Чем хочет взять? Семьдесят пять человек и до Москвы хочет дойти!» И вздумал то, что он в Старо-Черкасской губернии триста тысяч побил, под Саратовом сто восемьдесят тысяч. «Ну, у меня столько силы нет, значит, я в его руках». Собрал дань и отослал Стеньке. «Положьте, Степан, сколько за лето возьмете, за прокат — я заплачу». Сейчас взял, на казенных баржах сделал знаки, и с того времени Стенька стал казенны баржи пропускать, а купеческая редко проходила без того, чтоб он на ней не побывал. В одно в прекрасное время вздумал Стенька покататься по Волге. Ехал Волгой вверх, доехал до Спасского уезда, Казанской губернии, до села Болгар. Вздумалось ему закусить. Подворотили, вышли на берег, идут селом. Попадается им встречу девка двадцати семи лет, поздоровкался с ней: «Здравствуйте, красна девица!» — «А вы что за люди?» — «Мы купцы. Не слыхали чего про Стеньку Разина?» Вдруг девица испугалась, что такой разбойник селом идет. «Зачем вы сюда идете? Чего вам надо?» — «Мы вот есть захотели, не знаем, куда зайти». Сквозь зубов девка сказала: «Милости просим к нам. Я накормлю». — «А где твой дом?» — «А вот на берегу Волги угольная хата». Повела девка в свой дом, посадила за стол, напоила, накормила. Степан и говорит: «Нельзя ли, голубушка, с тобой познакомиться?» — «Отчето же, можно». И с этого времени стал Стенька к ней частенько ездить. Стала девка богата, так что первая на селе, и вздумала, как бы его изловить. Раз он приехал к ней и говорит: «Ну-ка,

сходи, принеси четверть водки! Та побегла, сказала старшине, что приехали к ней разбойники. Старшина взбулгачился, нарядил народу, и окружили дом. Она принесла водки; они стали пить. Тут гамят: «Давай его сюда! Иди к нему! Чего глядеть-то? Тащи его!» Но никто ничего сделать не мог. Попил Стенька, погулял и опять отправился на свое место. Народ только поглядел на него.

Прожил Стенька в Житулях семь лет, изобрал себе удобное место напротив Бирючей косы. Места эти не были забраты, он и думает себе: «Если итти упорством, то нам кабы осилить, а помоги никакой нет». Вдруг рано утром приходит неизвестный человек с письмом от Афанасия Степанова: «Степан Степаныч, прошу вас испытать силы. Я уж стал восемнадцати лет, я забрал город Ленбург». И думает Степан: «Неужели это сын ко мне пишет?» Отвечает: «Кто есть ты такой за Афанасий Степанович?» Сам приехал к Бирючей косе и делает упорство на неприятеля (турка) и усильством сбили их с позиции на Бирючую косу; забрали их в плен живьем. Утром, на солнечном всходе, приходит человек, приносит письмо: «Любезный мой папаша, я буду к вам в гости, в город Астрахань, а неизвестно когда». Так он этому письму обрадовался! Взошли они на Теплый остров, построили себе огромный дом. Между тем, пока он строил, сын приехал в Астрахань, гуляет по городу, не признает никого, никому шапки не скидает: ни господам, ни чиновникам, ни простонародью. Стали люди замечать, что он не из простых: либо из чиновников, либо из раскольх-

ников. Донесли губернатору. Губернатор сказал: «Когда пойдет, доложите мне». Вдруг вышел самый этот разбойник. Губернатору слути доложили, что он идет. Губернатор вышел из ворот и пошел навстречу. Тот ему никакого не отдает почтения. «Что ты есть за человек?» — «А нашто тебе?» — отвечает Афанасий. Закричал губернатор: «Держи его и посадить его в темницу!» После того Стенька приехал в Астрахань-город и узнал, что сын его в тюрьме, а кто посадил, — неизвестно. Долго он жил в городе и все разузнавал. В один праздник ему один человек и сказал, что сына его губернатор посадил. Когда ударили к обедне, стал народ съезжаться, идет губернатор. Стенька стоял на паперти, взял губернатора за руку и повел на колокольню. Взвел его на нее и вскричал: «Вот не ешь сладкую конфету, а попробуй луковицу с хреном!» Взял его в беремя и говорит: «Ну-ка, как кошка вывертыватся? Встанешь ли ты на ноги, как она?» И спустил его в окно за добродетель сыну своему. Выппел Стенька из церкви и пошел прямо в тюрьму, и сына выпустил, подвел его к губернатору и спрашиват: «Узнал ли ты своего неприятеля? Вот он тебя в тюрьму посадил, а сам летать захотел с колокольни, а садиться-то не умеет!» Попрощались сын с отцом. «Ну, сын, далеко ли пойдешь?» — «Я теперь отправлюсь в Перьму». — «Да как ты ее заберешь?» — «А как вы Бирючью косу забрали, так и я заберу». И пошел Афанасий в свою шайку. (У него немного было: сто семьдесят пять человек). Приехал в шайку, проздравил себя, что «был де я таким-то губер-

натором посажен в тюрьму и был в ней семь дней, покуда отец меня не выпустил, а сам губернатор вздумал полетать, а садиться не умел». «Теперь, братцы, в Перьму упорством пойдем». Собрались и сделали войну — боже упаси! Забрал Афанасий Перьму и шестьсот человек в плен. Когда Стенька узнал об этом, был очень рад и пошел упорством в Самарску губерню и забрал небольшу речку Урал. Поселились тут все подданные Стеньки, а он их наградил землею и лугами, и лесом, и рекою Уралом. «Если кто, говорит, будет у вас отбирать, то сделайте упорство!» Больше он в войну не пошел, и задумал Стенька отпустить свою Марью с малыим дитем; поехал в Житулинские горы домой. Приехал, видит, что Марья лежит на кровати мертвая. «Ну, бог с ней! Ладно, что не захватил». Так и оставил.

После того стало ему скучно. «Дай поеду на Каспицкое море!» Расправил свою толстую кошму, сел на нее и поехал к Каспицкому морю. Ехал не больше трех часов, приехал к столичному городу в Персии, видит: гуляет по балкону прекрасная королева Елена; вздумал: «Как я ущельем к городу проеду? Дорога тесная». Напустил воды, подъехал и взял ее с балкона, посадил на кошму и увез на Теплый остров.

Приезжает в дом, встречают его служащие. «Ну, братцы, проздравляйте меня с победою! Чего желалось, то я получил! Теперь мы займемся поиначе работать. Надо хлеба на зиму заготовить и всего. Съездите-ка в город Астрахань!» Поехали двенадцать человек, тринадцатый есаул, Абсалям. Приезжают; высмотрели

богатеющего купца магазин. Вот есаул и говорит: «Не поживимся ли малость?» Подрезали жестяную крышу, и один из ловких влез туда и давай оттуда все переть. «Что, будет? Кажись, все я повыкидал». — «Да вот пошарь-ка, нет ли еще? На одну подводу не хватат». Стал разбойник шарить и нашел: висит что-то. «На крюку что-то висит; я вам не выкинул». А это была кунья шуба с бобровым воротником. Выкинул ее оттуда, и сказал Абсалям: «Вот так шуба! Как бы ее от атамана скрыть, чтобы мы от нее поживились?» Положили на воз и отправились домой. Часу в первом остановились лошадей кормить на большой поляне, в лесу, не доезжая пяти верст до Волги. Перед самой зарей вдруг есаул сделал тревогу. «Что вы, братцы, спите, мы-то ухачи-воры, а у нас украли!» Поскакали разбойники впогонь, во все стороны. В это время есаул взял, шубу украл. Разбойники вернулись и спрашивают: «А много ли покражи было? — «Да вот, — говорит есаул, — шубу украли, а она мне всего дороже». — «Ну, делать нечего, — говорят разбойники, — видно, нам ею не владать!» Есаул помалкиват. Приезжают к атаману, говорят: «Господин атаман, проздравляй с добычей! Все ездили благополучно, только вот случилась беда: с возу кто-то шубу украл с бобровым воротником и обложену разным прозументом!» «Плохо, — сказал Стенька, — а вот бы и надо ее сейчас! Как украли? Расскажите!» — «Да вот мы с устатку на такой-то поляне отдохнуть легли», — начал один разбойник. Стенька сказал: «Идите на то место и поищите невдалеке кругом, не будет ли она тут».

Сели двое на лошадей и поехали на поляну, давай шубу искать. Не доезжая до одного небольшого кустика, видят: шуба лежит вверх воротником. «Эй, Митька, я шубу нашел!» Несет шубу на руке прямо к атаману. Атаман взял и говорит: «Да, стали от меня воровать! Не ладно, робята. Я на него надеялся, на есаула, ну, а теперь он из веры вышел». А Абсалям за дверьми стоял да слушал. Приходит в комнату и говорит: «Атаман, шубу мне отдай!» — «Как так? ты ее украсть хотел?» — «Нет, я тебе ее не подарю!»—говорит есаул. Сделалась у них большая ссора. Степан говорит: «Не быть тебе есаулом». — «Не буду я, — отвечал Абсалям, — есаулом, я буду атаманом!» Встал Степан со стула, рассердился, закричал на него: «Пошел вон отсюда!» Есаул повернулся, загнул свое рыло и вышел. «Дай-ка, думает, я оседлаю своего коня и поеду, куда знаю». И уехал в Сызрань, прожил на нем три лета, набрал небольшую шайку в девять человек, стал воровать и разбойничать. Узнал про это Стенька. «Дай-ка я съезжу, разузнаю, как живет Абсалям!» Взял трех с собой и поехал. Приехали в Сызрань, нарядились купцами и спрашивают: где разбойник Абсалямка? Все знали и указали, в какой лес ехать. Стенька подошел к его дому. Абсалямка как увидел, испугался и говорит: «Здравствуй, брат Степан, я очень болен». — «Здорово, Абсалям, вижу я, какая твоя болезнь. Я не за болезнью твоей пришел, а за шубу расплатиться». — «Я теперь весь в твоих руках», сказал Абсалям с покорной головой. Со стоном говорит Абсалям: «Прости, брат Степан, я та-

кой же атаман!» — «Не за тем я к тебе пришел, чтоб простить, а зачем ты от меня ушел?» Вынул Стенька вострую свою шашку и отсек Абсаляму голову, сел на доброго коня и отправился назад. Приехал домой и сказал: «Ну, робята, поминайте Абсалямку за покой его души. Вот вам жертва!» И отдал им меч. «Я сегодня братался с нём, снес ему голову своей вострой шашкой, ну, да будет про это толковать! Мы нового заведем. Как бы в Астрахань скорее попасть? Что-то мне скучно. Другого есаула нет, это не беда: мы одни исправим дело!» Оседлали новых коней. Стенька ясным соколом полетел. Проезжает он базаром, сам с улыбкой говорит: «Я и вновь здесь явился. Где же мой губернатор лежит? Я приехал к нему поздоровкаться, сказать: есаула пусть он встречает к себе в дом за его добродетель, чтобы мово сына в тюрьму не сажал. Мы после этого разговором займемся. Ну-ка, робята, поглядите, где нам добыча лучше будет! Заберемся мы к богатому купцу; он живет на самом краю, в полукаменном дому. Нам стены каменны нипочем: дочь-красавица у него; мы добра именья набрали, мы красавицу увезли». Привозил Стенька домой. «Вот тебе, любезная моя — сестра моя! (Это княжна-то.) Я долго не видал сестру, когда бунтовство было, я расстался с ней и сел на легку лодку, за тобой поехал, я время в этом проводил, в Персидское царство ездил, всех знакомых я узнал, купеченство разорял». Вздумал Стёнька съездить в путь-дорогу, в Казанскую губерню; мимо Болгар проезжал, про прежнюю вспоминал. «Дай зайду к ней!» Вышел

Стенька из лодки и завертыват в дом, в котором было веселье и гулянье. Он заставил стару девку баню истопить. Истопила она баню и побежала на село и сказала старшине: «Стенька парится в бане!» На тот случай идет старый старичок. «Что у вас за сходка?» спрашивает старик. «Вот мы хотим Стеньку изловить». — «Где вам, братцы, его пымать! Тот еще на свете не рожден. Рази мне старые кости потревожить и показать вам Стеньку?» Снял старик свою шапку, три раза перекрестился, подошел к бане и тихим голосом говорит: «Степан!» Громко Стенька отвечал: «Эх ты, старый хрен? Не дал ты мне помыться!» Ну, делать нечего, стал он собираться. Вышли они из бани, Степан на все стороны поглядел, перекрестился и пошел. Старик тихим голосом сказал: «Старшина, давай подводу». Посадил его на телегу, сам сел впереди. Привез до города, спросил полицейских. «Нате вот вам разбойника Стеньку Разина в казамат!» Весь народ сдивовался, что не простой старичок. Он спросил исправника: «Ну, как его сажать?» Исправник говорит: «Надо в железо его сковать!» Взяли в железо его сковали; Стенька тряхнул ногой, и железы прочь полетели. Старик и говорит: «Не поможет вам железо, лучше мне его связать!» Взял моченое лыко, ноги, руки ему связал, посадил его в острог. Трое суток он в нем сидел, на четвертые является губернатор: известен был такой разбойник всей ампирии. Распаленный губернатор закричал на него громко: «Может ли сидеть такой разбойник, связан мочалами? Заковать его в железы!» И сказал Степан: «Ну,

теперь, братцы, прощай!» Нарисовал середь полу легку лодку и сказал: «Садись, робята, со мной!» Полилась из острогу вода, отворилась дверь, и уехал Стенька в луга; увез с собой новых двенадцать человек, вернулся домой к молодой своей жене и к названной сестре (астраханке). И задумал Стенька переправиться в отдаленную дорогу, на Балхинско черно море, на зеленый Сиверский остров; и думат Стенька про свою молоду жену, княгиню: «Куда ж я ее возьму с собой? Неужели мне, удальцу, там жены не будет?» Разостлал Стенька платок, посадил двух девок с собой; под служащих — большой ковер, и сказал: «Грянем, робята! Недалеко: мы сегодня в Астрахань, а на утро будем в Рыбинском». Плыли они путину, молода его жена и сказала: «Куда ты меня завезешь?» — «А не хошь ты со мной ехать, полетай с платка долой!» Словом ее огорошил, — княгиня полетела вплоть до дна. Ехавши губерниями, народ видел его на платке, с девицей. Девица сидит, возмоляется: «Прощайте, нянюшки, мамушки и родимый мой отец!» Он услышал эти слова, подворотил к левой стороне. «Ох и город мой родной (Синбирской), уж я редко в нем был, а все знаю». Видит: сын навстречу идет, здоровается с ним и называет отцом. «Ах, сыночек Ванюшка, не знашь ли про свого братца?» — «Нету, тятенька, не знаю, я в несчастьи нахожусь: архерей меня в тюрьму посадил». — «Ну, какая честь будет ему, хвала?» — сказал Стенька сыну. Обнялись поцеловались. «Не плачь, сынок, я с ним рассчитаюсь. Я еще не таких видал: Астраханской губернии губернатора с колоколь-

ни кидал, и этому не миновать!» Утром рано он встал. Выходит архиерей из алтаря, берет его Степан за руку: «Ну, пойдем со мной за сына рассчитаться!» Взял его на вышний етаж и крикнул: «Сейчас получает наш архиерей за моего сына расчет!» Взял его и выбросил из окна. Народ взбунтовался. «Держи, лови». Но никто не видал, как Стенька весь народ прошел. Взял он сына своего, куды путь лежал, доехал до Рыбинскова: город славный, а стоять нельзя. «Оставайся, сынок, здесь, а я поеду, куда вздумал, по свету похожу, разузнаю, где что есть».

Приехал к морю и сказал: «Слава богу!» Стеньке от роду было девяносто семь лет. Переправился он через море на зеленый Сиверский остров, написал он письмо старшему свому сыну: «Я прощаюсь с вольным светом, и конец мне скоро будет». Построил себе дом близ большой дороги; имел проживанья три года, и кончил Стенька жизнь свою на Сиверском зеленом острове, но дети его не знают, где отец. Пролежал тридцать лет; стень ходила по земле, но народ она пугала и просила, чтоб над ее телом сказали вечну память.

Проезжал один из приказчиков с красным товаром; поднялась грозна туча, и ударил сильный дождь; он от дождя и заехал в дом Стеньки Разина. Стень подошла и шипом говорит: «Иди, возьми в такой-то комнате золота мешок и под таким-то звеном, под забором лежит Стенька Разин; скажи над нем вечну память, а прежде сведи коней со двора!» (А то землетрясение будет). Неустрашимый разносчик

разыскал золота мешок, навалил его на горб, повез со двора и думает: «ладно ли так будет?» Воротился назад, разыскал труп Стеньки Разина, впопыхах скоро сказал три раза вечную память; сам бегом со двора побег, пал на лошадь, тронул коня вожжой, но едва отъехал, — потряслась земля, и провалился труп Стеньки и закрылся землей. О Стеньке рассказу конец, а будем говорить о старшем сыне Афоньке.

Услыхал Афонька о смерти отца, и вздумал он съездить на Балхинско черно море, на зеленый Сиверский остров. Подъехал к морю, тихо было; сел в небольшую лодку и отправился сам на остров. Вдруг буря поднялась, раскачала лодку его. Тут-то Афонька страху наимался! Чуть не захлебнулась его лодка. Дошел до отцовского дома — стоят одни голые стены. Посмотрел на эти стены, сам заплакал и пошел; тихо во слезах слово сказал: «Смерть отца я не застал! Ну, прощай, отец! Теперь я до смерти не увижу тебя!» Отправился на море; поглядел — лодки нет. Вот беда и горе! Кто-то лодку угнал. Едут два перевозчика, он и крикнул: «Братцы, посадите меня». Те подъехали и говорят: «Что дашь за перевоз? Мы отвезем». — «Сколько возьмете?» — «Ну, садись!» Он сел в лодку и думает: «Денег у меня ни гроша, чем я расплачусь с ними?» Один у него в кармане кистень. Вынул он его тихонько; перевозчики сидят впереди, веслами гребут, друг на друга глядят. Загляделся один перевозчик, взял Афонька — цоп его в ухо кистенем. Этого убил до смерти, а другого из лодки вышиб, сам сел в весла и поехал, куды надо. Преезжает на сву

сторону, идет путем-дорогой, попадатся ему артель средних мужиков; идут с золотых приисков. Афонька говорит: «Здравствуйте, робята! Куда ходили?»—«Идем с работы». — «А мне таких людей надо! Я иду третий день не жрамши, хоть на кусок хлеба добьюсь себе!» Мужики друг на дружку взглянули и говорят: «Неужто мы живые одному в руки дадимся? Это вздор!»— «Ну, как же, мужики, денег много у вас?» — «Да есть у кажнего по сотняжке», — смеются между собой. «Ну, что ж, давайте мне на дорогу!» — говорит Афонька. «Эх, ты, дурак! Мы сами глядим, где бы взять». — «Да ведь с вами нечего так говорить: вы не знаете, кто я!» Вынул из кармани кистень и говорит: «Ну-ка, я примусь за прежнюю работу!» Тут Афонька развернул руку и дал одному плюху, а трое с испугу упали. «Я с вами вот как обойдусь». Поколотил всю артель, а деньги отобрал. «Будет мне на дорогу!» Идет и посмеивается, сам себе говорит: «Я теперь где ни взойду, голодом не умру». Пришел в свой дом: запустел, никого нет... И так досада его взяла, что из терпенья он вышел. «Где мои подданные товарищи, которые со мной были?» Вздохнул он тяжело и скрозь слезы сказал: «Прощай, моя изба! Больше я в тебя не приду!» Забрал все добро, сел на доброго коня. Проехал не больше пяти верст; стоит в лесу огромный дом. Он взъехал в него, выбегат к нему навстречу его есаул и говорит: «Здравствуй, брат Афанасий! Как твое здоровье? Где ты столько время был?» — «Неужто ты, брат, не знаешь, где я был? Я отца хоронил!» — «Ну, милости просим в наш дом.

Мы свой выстроили». — «А много ли вас здесь?» — «Да немного: двадцать пять человек», — сказал еасул. «Так что же? И меня в артель принимайте!» — «А, милости просим!» Но так его досада берет, что он из атаманов в подданные идет, — говорит есаулу: «Ну, что, атаман, здесь служить неловко: добычи мало! Поедемте в привольные стороны, где отец работал». — «И я думаю туда же отправиться».

В одно прекрасное время съехалась вся шайка, начали говорить: «Кто на Волгу хочет в город Синбирской?» Один из работников говорит: «Да ведь не знай, как мы попадем в Синбирской: там заведыват Ванька» (брат Афоньки). А Афонька говорит: «Вот мне и хочется узнать. Забирайте ограбленное добро». Забрали, лошадей оседлали, сели, поехали. Приехали на берег Волги в небольшое село, по прозванью Майну, разыскали тут удобство (небольшую рытвину), прежний готовый дом, остановились на время жить. Разузнали все дела, как живет Ванька, командоват своими войсками и гордится, управляет всей Волгой; занимает должность отца-старика: суда разбивает, лоцманов в воду кидает. «Ну, это он незаконно, — сказал Афонька. — Пусть бы он деньги и добро брал, а лоцманов в воду кидать незачем. Попробую силу его!» Написал Афонька письмо: «Ожидай меня в гости!» Ванька отвечал: «Милости прошу, незнакомый человек!» Собрались двадцать пять человек, разостлал Афонька епанчу, сели вместо лодки и поплыли в Синбирск. Ванька встретил гостя и говорит: «Какие вы люди?» — «Мы дети Стеньки Разинова, первый

сын Афанасий». Он этому делу не верит, хочет по шее из дому прогнать. «Врешь! у меня не такой брат!» Произошел шум и драка; открыли огонь, и Афонька упорством пошел, прогнал Ваньку из Синбирского во Рязанскую губернию. Остался Афонька в Синбирском свою жизнь продолжать и научился, как баржи разбивать. Вот плохая тут удача: народ хитрый нынче стал. Однажды погнался за маненькой баржей. Лоцман был не промах: сам рулем правит, рукой по голове гладит. На голове волоса были длинны: как назад их закинет, и Афоньку с Волги на берег кинет. «Эх, — говорит Афонька, — это, братцы, не так. Тут не поживёшься! Поедем дальше за ними». На путине баржа приотдохнуть и встала. Афонька — следом. «Вот где нам владать им, этим лоцманом! — шепнул Афонька. — Айда, братцы, за работу!» Взошли на баржу: лоцман стоит в своей хате. Отворил Афонька дверь и крикнул: «Эй ты, сонный тетеря, не отворяшь нам двери». С испугу лоцман вскочил, выбег на верхний борт, ножом горло перехватил. Разбили они эту баржу, златом и серебром лодку натрузили и отправились домой.

Получает Афонька письмо, неизвестно откуда; стал его читать: письмо — от родного брата. «Эх, братец, не знал я, что ты был у меня в гостях и войну упорную сделал. Я теперь третий месяц в несчастьи: в тюрьме сижу». Афоньке жаль стало: он и поехал в Рязанску губерню, разыскал брата в тюрьме. Увидел весь народ, что самый тот разбойник в таком-то году архерея с колокольни бросил (лицом схож

был). «Давай, держи, лови!» Шум поднялся и гвалт, а Афонька подошел тихо к за̀мку, выпустил свово брата и отправился в свое место. «Бросим это все дело, — сказал Иван брату. — Будет, брат, погрешили, пора на покаяние!» — «Нет, — сказал Афонька, — я до смерти свои дела не брошу!»

Отправился на свое место, на разбойное дело. Недолго ему царить досталось: натрянуло войско; пымали Афоньку в темном лесу, посадили его в тюрьму. Решил его суд сквозь тысячного строя три раза провести. Забили Афоньку до смерти, а Иван пустился во моление и покаялся в девяносто семи людских душах.

43

Предания о Разине в записях П. И. Якушкина

— Скажите пожалуйста, — обратился мой спутник к казакам, — кто такой был Стенька Разин. Тоже, должно полагать, великий был в свое время воитель!

— Воитель-то большой был воитель, этот Стенька, — отвечал один казак.

— Так что ж?

— Да с Пугачевым или Ермаком — не одна стать.

— А что?

— Пугачев с Ермаком были великие воители, а Стенька Разин и воитель был великий, а еретик — так, пожалуй, и больше, чем воитель.

— Что ты!..

— Правда!..

— Какое же его было еретичество?

— А вот какое. Бывало, его засадят в острог. Хорошо. Приводят Стеньку в острог. «Здорово, братцы», — крикнет он колодникам. «Здравствуй, батюшка наш, Степан Тимофеевич!..» А его уж все знали!.. «Что здесь засиделись? На волю пора выбираться...» — «Да как выберешься?.. — говорят колодники, — сами собой не выберемся, разве твоими мудростями!» — «А моими мудростями, так пожалуй и моими!..» Полежит так, маленько отдохнет, встанет... «Дай, — скажет, — уголь!..» Возьмет этот уголь, напишет тем углем на стене лодку, насажает в ту лодку колодников, плеснет водой: река разольется от острова до самой Волги; Стенька с молодцами грянут песни — да на Волгу!.. Ну, и поминай как звали!..

— Так и убежит?

— Со всеми колодниками!

— А часовой солдат отвечай?

— Знамо дело — отвечай!..

— Эко дело!..

— Только господа под последок догадались, — продолжал казак, — будет Стенька просить испить — не давай воды, пой квасом!.. А Стеньке с квасом ничего не поделать... так и изловили...

— Вишь ты дело-то какое!..

— Еретик! одно слово, еретик!

— Такой еретик: всю Астрахань прельстил, все за него стали; один только архирей. Архиреем в Астрахани был тогда Иосиф; стал Иосиф говорить Разину: «Побойся ты бога, перестань, Стенька, еретичествовать». — «Молчи, — крик-

нет Стенька Разин, — молчи, батька. Не твое дело». Архирей опять Стеньке: «Грех большой еретичеством жить!» А Стенька знай свое твердит: «Молчи, батька, не суйся, где тебя не спрашивают! Сражу, говорит, тебя, архирея!» Архирей свое, а Стенька свое. Архирей опять-таки Стеньке Разину: «Вспомни про свою душу, как она на том свете будет ответ богу давать!» Стенька мигнул своим, а те подхватили его да в крепость, да на стену, а со стены-то и бросили казакам на копья... Тут архирей Иосиф богу душу и отдал...

— Вишь дело какое!

— А у Разина свои казаки были?

— А как же, все равно как у Ермака. Пошел по станицам, крикнул по охотников на Волгу рыбу ловить. Кому надо, те уже знают, какую на Волге рыбу ловят, ну и соберутся. Так и Стенька Разин собрал себе казаков, да с теми казаками и пошел на Волгу, а там и в море пробрался, на персидского султана напал, сколько у него городов побрал...

— Ну, а за архирея ему никакого наказания не было? — спросили рассказчика.

— А кто его будет наказывать?

— Как кто?

— Ведь, чай, начальство было?

— Убил архирея и наказания никакого нет? — посыпались вопросы небывалых.

— Чай, начальству дали знать сейчас же, что Стенька Разин архирея сразил?

— Много он боялся того начальства, — отвечал рассказчик, — его и само-то начальство боялось: вот он был каков!

— Что же начальство смотрело?

— А вот что: как повоевал Стенька Персию, приехал в Астрахань, пошел к воеводе... тогда губернатор прозывался воеводой... приходит к воеводе... «Пришел я, говорит, к тебе, воевода, с повинною». — «А кто ты есть за человек такой?» спрашивает воевода. «Я, — говорит, — Стенька Разин». — «Как, это ты разбойник, который царскую казну ограбил... Столько народу загубил!» — «Я, говорит, тот самый». — «Как же тебя помиловать можно?» — «Был, — говорит Разин, — я на море, ходил в Персию, вот столько-то городов покорил, кланяюсь этими городами его императорскому величеству; а его царская воля: хочет казнит — хочет милует! А вот и вашему превосходительству, — говорит Разин, — подарочки от меня». Стенька приказал принести подарочки, что припас воеводе. Принесли. У воеводы и глаза разбежались: сколько серебра, сколько золота, сколько камней дорогих! Хошь пудами вешай, хошь мерами меряй!.. «Примите, — говорит Стенька Разин, — ваше превосходительство, мои дороги подарки, да похлопочите, чтобы царь меня помиловал». — «Хорошо, — говорит воевода, — я отпишу об тебе царю, буду за тебя хлопотать, а ты ступай на свои струги и дожидайся на Волге царской отписки». — «Слушаю, — говорит Разин, — а вы, ваше превосходительство, мною не брезгуйте, пожалуйте на мой стружок ко мне в гости!» — «Хорошо, — говорит воевода, — твои гости, приеду». Стенька раскланялся с воеводой и пошел к себе на стружок, стал поджидать гостей. На другой день

пожаловал к Степану Тимофеичу... — Тимофеичем стал, как подарочки воеводе снес — ...пожаловал к Степану Тимофеичу сам воевода. Воевода какой-то князь был... одно слово все равно, что теперь губернатор...Сам воевода пожаловал в гости к простому казаку, к Стеньке Разину. Как пошел у Стеньки на стругах пир, просто дым коромыслом стоит. А кушанья, вина там разные подают не на простых тарелках, или в рюмках, а все подают как есть на чистом золоте. А воевода: «Ах, какая тарелка прекрасная!» Стенька сейчас завернет да воеводе поднесет: «Прими, скажет, в подарочек». Воевода посмотрит на стакан: «Ах, какой стакан прекрасный!» Стенька опять: «Прими в подарочек».

— Это все равно что теперь у калмыков...

— Все одно...

— Ты к калмыку приедешь, да если совесть имеешь, ничего и не хвали, а похвалил что — твое, без того тебя не отпустят ни за что.

— Вот и воевода этот, князь, глаза-то бесстыжие, и давай лупить: стал часто к Стеньке в гости понаведываться. А как приедет — и то хорошо, и то прекрасно, а Стенька знай завертывай, да воеводе: «Примите, ваше превосходительство, в подарочек!» Только хорошо. Брал воевода у Разина, брал, да и брать уж не знал что. Раз приехал воевода-князь на стружок к Стеньке в гости. Сели обедать. А на Стеньке Разине была шуба, дорогая шуба, а Стеньке-то шуба еще тем была дорога, что шуба была заветная. «Славная шуба у тебя, Степан Тимофеич», говорит воевода. «Нет, ваше превос-

ходительство, плохинькая». — «Нет, знатная шуба!» — «Плохинькая, ваше превосходительство», говорит Разин: ему с шубой-то больно жаль было расстаться. «Так тебе шубы жаль!» — закричал воевода. — «Жаль, ваше превосходительство: шуба у меня заветная». — «Погоди ж ты, шельмец этакой, я об тебе отпишу еще царю». — «Помилуй, воевода! Бери что хочешь, оставь только одну мне эту шубу». — «Шубу хочу! — кричал воевода, — ничего не хочу, хочу шубу!» Привстал Стенька, снял с плеч шубу, подал воеводе да и говорит: «На тебе, воевода. шубу, да не наделала бы шуба шума. На своем стружке обижать тебя не стану, ты мой гость; а я сам к тебе в твои палаты в гости буду!» Воеводу отвезли на берег; не успел он ввалиться в свои хоромы, как Стенька Разин, со своими молодцами, казаками-атаманами, нагрянул на Астрахань. Приходит к воеводе Стенька. «Ну, говорит, воевода, чем будешь угощать, чем потчевать?» Воевода туда-сюда... А Стенька Разин: «Шкура мне твоя больно нравится, воевода!» Воевода видит: дело дрянь, до шкуры добирается! «Помилуй, говорит, Степан Тимофеич, мы с тобой хлеб-соль вместе водили». — «А ты меня помиловал, когда я просил тебя оставить мне заветную шубу? Содрать с него живого шкуру!» — крикнул Разин. Сейчас разинцы схватили воеводу, повалили наземь, да и стали лупить с воеводы шкуру, да и начали-то лупить с пяток... Воевода кричит, семья, родня визг, шум подняли. А Стенька стоит, да приговаривает: «А говорил я тебе, воевода, шуба наделает шуму. Видишь, я правду сказал, не

обманул!» А молодцы, что лупили с воеводы шкуру, — знай лупят, да приговаривают: «Эта шкура нашему батюшке Степану Тимофеичу на шубу». Так с живого с воеводы всю шкуру и содрали! Тут кинулись разинцы на Астрахань, кто к ним не приставал, — побили, а дома их поразграбили, а кто к ним пристал, того волосом не обидели.

— Так и содрали с воеводы с живого шкуру?

— Так и содрали.

— С живого?

— С живого.

— Ну, смерть...

— Да ведь Стенька Разин и выдумал такую смерть воеводе. Уж больно шибко обирать его стал воевода: на что бельмы вылупит, то и за пазуху.

— А богат был этот Стенька Разин! — проговорил кто-то из казаков.

— Да как же не богат! сколько раз воеводу угощал. Что стоит одно угощение, ведь воеводе не поставишь полштофа выпить да воблу на закуску. Да сколько пошло на подарки. Воевода на одно угощение не пошел бы.

— Знать, богат был!

— Коли не богат, говорит, на всех стругах, на всех до одного, шелко̀вые паруса были. Да все струги словно жар горели: все были раззолоченные, уключины были все серебряные.

— Знамо дело, не столько силой брал, сколько еретичеством: всякого добра было много, — утвердительно проговорил слушавший казак.

— А комара, небось, не заклял!



РАЗИН

С гравюры Беккера

Гос. Музей изобразительных искусств

— Комара ему заклясть никак невозможно было, — сказал рассказчик.

— А для чего?

— А для того... Да дело было вот как: вся Астрахань за Стеньку Разина стала, всю он Астрахань прельстил. Астраханцы, кому что надо, шли к Стеньке Разину; судиться ли, обижает ли кто, милости ли какой просит — все к Стеньке. Приходят астраханцы к Разину. «Что надо?» — спрашивает Разин. «К твоей милости». — «Хорошо, что надо?» — «Да мы пришли насчет комара: сделай такую милость, закляни у нас комара, от комара у нас просто житья нет!» — «Не закляну у вас комара, — объявил Стенька. — Закляну комара — у вас рыбы не будет». Так и не заклял.

. . . .

— А ведь и теперь еще остались внуки аль правнуки Стеньки Разина.

— А как же? На Дону и теперь много Разиных, все они пошли от Стеньки Разина.

— У Стеньки один только сын был, — утвердительно объявил казак Зеленая-шуба. [1]

— Любовниц было много. — Он холостой был, — возразил другой казак, вероятно, помнивший старину.

— Он холостой был, возразил другой казак.

— Может, от любовницы и сын был, — пояснил казак Зеленая шуба.

— От любовницы, может быть.

— А сын у него был, это верно, — говорил казак Зеленая шуба. — Про его сына еще и

[1] Один из участников беседы. *(А. Л.)*

теперь рассказывают, да и на голос эту историю положили, на голос она памятней гораздо выходит.

— Какая же это история?

— А как сына своего Стенька Разин из астраханского острога выручил.

— Ты знаешь эту историю?

— И на голос знаю.

— На голос здесь нельзя!

— Отчего нельзя?.. Можно... Только по шапке дадут, сострил кто-то.

— Да ты словами расскажи.

— Словами можно. Как по городу по Астрахани проявился там незнакомый человек, — начал рассказывать казак Зеленая-шуба. — Он незнакомый, незнакомый, мало ведомый. Как по городу он, по Астрахани, баско, щебетко погуливает, астраханским он купцам не кланяется, господам-боярам челом не бьет, к самому астраханскому воеводе на суд нейдет! Как увидел добра молодца воевода из окна... Приказал своим адъютантам привести к себе этого молодца, стал у него спрашивать: «Скажи, скажи, добрый молодец, какого ты роду имени. Княженецкий сын, боярский, аль купеческий?» — «Я не княжецкий, не боярский, не купеческий сын, — говорит ему добрый молодец, — а сын я Степана Тимофеича, по прозванию Стеньки Разина». — «Посадить его в острог», — крикнул воевода. А сын Разина все свое: «Приказал тебе батюшка кланяться, да приказал тебе сказать, что он, мой батюшка, Степан Тимофеич, к тебе в гости будет, да еще приказал тебе сказать, чтобы ты умел его угощать, умел потчевать». —

«Взять его в острог! — закричал воевода, — держать его в остроге, пока ему казнь выдумаю...» А сынок Стеньки Разина все свое: «Да приказал тебе еще мой батюшка, Степан Тимофеич, сказать: коли не сделаешь, как он тебе приказывает, то он с тебя, воевода, с живого шкуру сдерет». — «Посадить в острог!» крикнул воевода. Отвели молодца в острог, а тот и там не робеет: «Здравствуйте, говорит, господа колоднички. Не пора ли вам на волюшку?» — «Как не пора, — на то ему колоднички, — да как отсюда выберешься: двери, решетки железные, караулы крепкие!» А Стенькин сынок: «Посмотрим, говорит, господа колоднички, в окошечко: снаряжен стружок что стрела летит; на стружке мой батюшка погуливает, к астраханскому губернатору в гости спешит». Как приехал Стенька в Астрахань, с воеводы шкуру содрал; пошел в острог, сына выручил, всех колодников выпустил, а после весь город Астрахань разграбил: «Вы, шельмецы эдакие, не умели моего единородного сына выручить, так вот я вас выучу...» Ну и выучил: колодники, что Стенька из острога выпустил, да казаки, что со Стенькой пришли, так пошарили! Три дня грабили... Кабаки, трактиры разбили, не столько пьют, сколько на земѣ льют... И чего-чего они тут не поделали! знамо, колодники — отпетый народ.

— Ну, а казаки?

— Ну, и казаки хороши были... Пошли с еретиком, какого добра ждать.

— И казаки вместе с колодниками? — спросил казака верховой мужик с насмешкой.

— А что ж, друг, и казаки всякие бывают: бывают и добрые казаки, бывают и лядащие! .. Всякие бывают... А те, что пошли с Стенькой, народ грабили, молодых баб, девок обижали, в церкви с икон оклады обдирали, из сосудов церковных водку пили, святыми просвирами закусывали.

— Экое дело!

— Бог попускал!

— Грехов, знать, много былю!

— Знать, много было!

— На̀ голос это еще складнее выходит, заметил рассказчик.

— И Стенька долго грабил?

— Долго.

— Что же, его поймали?

— Поймать-то поймали, сколько раз ловили, а он все-таки вырвется, да вырвется на волю, да и опять за свое, за те же промыслы примется...

— Опять грабить? ..

— Опять грабить! .. Молодцы его уже знали, что Стеньке Разину недолго сидеть в остроге, так уж и дожидаются; а Стенька выйдет из острога, возьмет какую девку с собой за полюбовницу, да на свой струг и пошел опять на матушку Волгу с своими ребятами рыбу ловить...

— Небось, на какую девку кинет глазом, та и его?

— Знамо!

— Что ни есть красавиц выбирал!

— Роду не спрашивал?

— Какого там роду спрашивать... Какая ему показалась, — ту и тащат к нему... побалуется-

побалуется, да и бросит ее... другую возьмет...

— И без обиды пустит?

— Наградит?

— А как случится: какую наградит, а какую сразит до смерти... как ему вздумается...

— Сразит до смерти?

— Да вот раз как случилось, — заговорил казак Зеленая-шуба, — захватил Стенька Разин себе полюбовницей дочку самого султана персидского...

— Самого персидского султана?..

— Самого султана персидского, — продолжал казак Зеленая-шуба. — Ему, Стеньке, все равно было: султанская ли дочка, простая ли казачка, — спуску не было никому, он на это был небрезглив...

— Бей, значит, сороку и ворону, нападешь и на ясного сокола! — ввернул слово казак.

— Что же Разин с султанкой этой? — спросил жадно слушавший верховый мужик.

— Ну, с султанкой не совсем ладно вышло... облюбил эту султанскую дочку Разин, да так облюбил!.. стал ее наряжать, холить... сам от нее шагу прочь не отступит: так с нею и сидит!.. Казаки с первого начала один по одном, а после и крут собрали, стали толковать: что такое с атаманом случилось, пить не пьет, сам в круг нейдет, все со своей полюбовницей-султанкой возится... Кликнуть атамана!.. Кликнули атамана. Стал атаман в кругу, снял шапку, на все четыре стороны, как закон велит, поклонился, да и спрашивает: «Что вам надо, атаманы?» — «А вот что нам надо: хо-

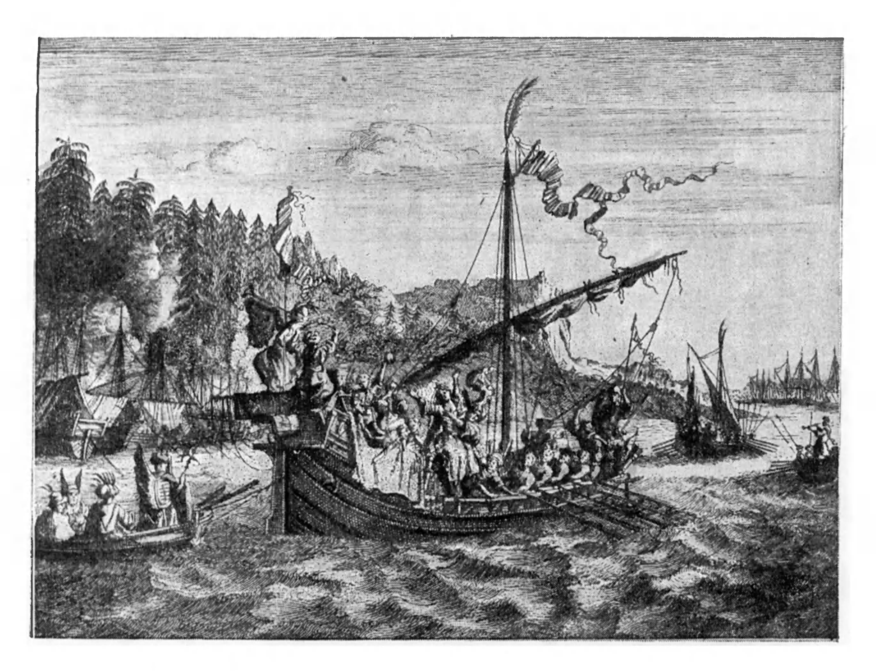
чешь нам атаманом быть — с нами живи; с султанкой хочешь сидеть — с султанкой сиди. А мы себе атамана выберем настоящего. Атаману под юбкой у девки сидеть не приходится». — «Стойте, атаманы, — сказал Стенька, — постойте маленько!» Да и вышел сам из круга. Мало погодя идет Стенька Разин опять в круг, за правую ручку ведет султанку свою, да всю изнаряженную, всю разукрашенную, в жемчугах вся и в золоте, а собой-то раскрасавица!.. «Хороша моя раскрасавица?» спросил Разин. «Хороша-то хороша», на то ему отвечали казаки. «Ну, теперь ты слушай, Волга-матушка!.. — говорит Разин, — много я тебе дарил-жаловал: хлебом-солью, златом-серебром, каменьями самоцветными, а теперь от души рву, да тебе дарю». Схватил свою султанку поперек, да и бултых ее в Волгу. А на султанке было повешено и злата, и серебра, и каменья разного самоцветного, так она как ключ ко дну и пошла... «Хорошо, казаки-атаманы?» спросил Разин, а те... архирея сразили... сам знаешь, какой народ есть... «Давно пора тебе, — говорят, — атаман, это дело покончить».

44

— Был ли у нас на Яике Разин? — спросил я Ивана Никитича Чакрыгина.

— Разин? Должно полагать, что был, — отвечал старик. Потом, немного подумав, сказал:

— То-ись в самом-то городе нашем, пожалуй, и не был, а был на низу, у Гурьева: там у него главный притон был. А город наших казаков



Стенька на Волге
С гравюры неизвестного художника
Гос. Исторический музей

в ту пору был иль-бо на Голубом-Городище, на острове Кош-Яике, близ Илека реки, иль-бо на Кирсановом-Яру, где теперь Кирсановский форпост. С Кирсанова-Яра на реку Чаган, то-ись на теперешнее место, город наш перенесен после Разина, по благословению Алексея митрополита. Слыхал?

— Слыхал!

— Ну, и ладно. А в Разину пору тут, то-ись где теперь Уральск, была глушь и заросль.

— Почем ты все это знаешь?

— Почем? Слухом земля полнится. Старики так из рода в род передавали.

— Старики могли ошибаться, могли перезабывать и перепутать обстоятельства, — заметил я.

— А песню-то куда денешь? — сказал старик. — Сказка — складка, песня — быль.

— Какую песню?

— А вот какую.

И старик, не дожидаясь, чтобы я просил его, стал читать мне нараспев следующую песню:

У нас то было на батюшке на тихиим Дону,
Во славном было во городе у нас во Черкасске,
Жила-была у нас тут благочестивая вдова;
Не имела-то она, братцы, бескорыстнюго греха,
А нынче вдова себе сына родила. . .
Пошла слава по всему нашему тихому Дону.
Тут съезжались все попы, дьяки, архидьяконы,
Нарекали ему имячко Степанушкою.
Степанушка у нас, братцы, стал на возрасте,
Как млад-ясен сокол стал на возлете.
Доселева Степанушка в круги к нам не хаживал,

Крепку думушку с казаками не думывал,
А нынче Степанушка в кругу стоит,
С казаками крепку думушку он думает.
Возговорил Степанушко таковы слова:
«Ой вы, гой еси, казаки-братцы, добры
молодцы!
«Послушайте вы, казаченьки, своего
атаманушки,
«Меня, Степанушку, сына Тимофеича Разина.
«Сядемте мы, ребятушки, в свой легкий кораб-
личек,
«Побежимте мы, ребятушки, в сине море,
«Станемте, ребятушки, разбивать бусы-
кораблики:
«Татарские, армянские, все басурманские,
«Без того только без сиза орла, без осударева.
«Поедемте, ребятушки, к царю с повинною;
«Повеземте с собой, братцы, топор-плаху.
«Повеземте, братцы, царю дары драгоценные:
«Сребро-злато и каменья самоцветные.
«Тут нас станет царь благодарить-жаловать,
«И станет нас царь крепко спрашивать.
«Мы скажем царю всю правду-истину».
Тут возговорит православный царь таковы
слова:
«Уж вы, гой еси, младые корабельщички,
«Степана Разина вы согласнички!
«Скажи мне всеё правду-истину:
«Где вы были, где вы ездили?
Тут возговорили младые корабельщички,
Степана Разина все согласнички:
«Уж ты, батюшка наш, православный царь!
«Мы скажем тебе всеё правду-истину:
«Мы где были, мы где ездили.

«Уж мы были, уж мы ездили в синем море,
«Разбивали мы на синем море бусы-кораблички:
«Татарские, армянские, все басурманские,
«Без того только без сиза орла, без осударева.
«Ты пусти нас, батюшка, на Яик-реку;
«Мы заведем на реке Яик славный Яик-город.
«Заведем мы его между двух речушек:
«При первой речке — при Яике быстрыим,
«При другой речке — при Чагане тихиим».
Потом побывали они во городе Гурьеве,
Из Гурьева пошли они на матушку Волгу-реку,
С Волги-реки пошли они на Узень-реку,
С Узень-реки переправились за Яик-реку,
Прошли-то они, изошли всю орду азиятскую:
Киргизскую, трухменскую, кызылбацкую.

— Слышишь, Степан Тимофеевич и его согласнички, младые корабельщики, собирались заводить город промеж быстрого Яика и промеж тихого Чагана. Значит, место было пустое, незанятое, — сказал старик.

— Однако Разин знал это место, — заметил я.

— Еще бы ему не знать! — возразил старик. — В этом и сумненья не нужно иметь. Степан Тимофеевич всю вселенную мог знать, как свои пять пальцев: он был с прибылью.

— С чем?

— С прибылью, — говорят!

— Что такое: с прибылью, — вот этого-то слова я не понимаю.

— Экой ты какой! Простого русского слова не понимаешь, а еще книжки пишешь. Это значит попросту ворожец, что чертями повелевает. Понял?

— Понял.

— Ну, и ладно! — сказал старик. — Еще надо и то в толк взять, что есть-когда не сам Разин, то его сподручники могли и вдоль и поперек искрестить наш Яик, разузнать, где какие речки, проточки, раскопать все, можно сказать, мышины норки: на то они и сподручники Разина. Один, думаю, Харко исходил, изъездил всю нашу землюшку из конца в конец.

— Кто такой Харко? — спросил я.

— Ну и славно! Харку-то не знаешь, а ведь по нем, добром молодце, и форпост Харкинский прозван, — сказал старик.

— Будто? — спросил я.

— Не будто, а на самом деле так, — сказал старик.

— Верю, верю, — сказал я. — А кто же такой Харко? Расскажи-ка.

— С великим удовольствием! — сказал старик. — Слушай.

— Харко, сударь мой, был сподручник Разина, первый, можно сказать, герой по нем. После того как Разина совсем порешили, Харко с двенадцатью человеками, с своими, значит, причетниками, и удалился с Волги на Яик.

В те поры наши казаки, известно тебе, жили на Кош-Яике, иль-бо на Кирсановом-Яру; значит, далеко от моря, верст без малого семьсот будет. Хоша казаки наши из предков всем владали Яиком, однако далеко на низ редко спускались по той самой причине, что красной рыбы было не в прибор и около города. Ну, и выходит, где пустыня, там, известно дело, и

орда: без этого быть нельзя. Говорится, без дурака город не стоит. Наподобие сему, можно сказать: без орды пустыня не бывает. Пустыня значит пустое место, а орда, знамо дело, пустой человек, никакого толка нет. Ну, одно к другому и идет. Казаки наши хоша не в частым бываньи хаживали в походы супротив басурманцев, гоняли басурманов от Яика, однако нет-нет да и прикочует кака-либо орда к Яику; знаешь, чтобы лугами казачьими поживиться. Так было и в ту пору. Прикочевала к Яику и села около Маринкина городка[1] одна орда, а казаки наши и не чуют. Этою ордой повелевала девка, воин-девка. У этой девки и гвардия была из девок. В старину такие оказии были не в диковину.

Харко с своими приспешниками пробирался к нашим казакам на Кош-Яик; но девка-воин преградила ему дорогу. Хоша воин-девка была и девка, попросту баба, однако дело свое знала не хуже мужчины. Созвала она совет и говорит своим гвардейкам и всей сущей орде:

— Нам и без того от них (то-ись от казаков наших) житья нет, а как еще этот дьявол (сиречь Харко) с своими причетниками соединится с ними, тогда совсем пропадем; тогда, говорит, не поживишься от них клочком травы или беремем дров, тогда, говорит, не дадут они нам и воды напиться из своего заповедного Яика. Надо, говорит, во что бы то ни стало не допускать до них Харку.

[1] Так называется одно урочище, где, по преданию, имела пребывание жена Лжедмитрия Марина после бегства ее из Астрахани, в 1614 году. *(Примеч. собирателя.)*

Сказала это и стала свое дело делать.

Тем временем и Харко держит совет с своими; говорит к ним таковую речь:

— Погуляли мы с батюшкой нашим, Степаном Тимофеевичем, по святой Руси и по всему вольному свету довольно-таки. Много погубили мы всякого народа, и крещеного, и некрещеного, где по делу, а где и не по делу. Знамо, некрещеным туда и дорога, а за крещеных доведется когда-нибудь ответ отдать на суде страшном. Теперь, братцы, настало время удобное, можно загладить, сколько ни на есть, грехи наши тяжкие. Давайте, говорит, очищать расейские границы от орды поганой. Давайте, братцы, доканаемте эту орду, чтобы она и воздухом здешним не дышала! Этим самым делом, говорит, мы сделаем три хороших дела: первое дело — отпущение грехам получим, второе дело — расейские границы от орды очистим, третье дело — яицких казаков хлопот избавим.

Сказал это и стал свое дело делать.

Воин-девка кибитки свои и весь скарб отправила от Яика в степь, к Кара-Кулю, в безопасное место, а сама с гвардейками вышла супротив Харка, и с его буйною головой, всего-на-все тринадцать человек. Но Харко был травленый волк: он не пошел на нее открытым боем, а пустился на хитрости.

Девка с гвардейками наступала на Харка, а Харко отступал. Таким манером хороводились они несколько дней. Напоследок Харко улучил темную ночь, обрядил двоих или троих своих согласничков в бирючьи (волчьи) шкуры и ве-

лел им подкрасться к конскому табуну гвардеек и броситься на него. Обряженные в бирючьи шкуры подползли на четвереньках к табуну, да и завыли, словно бирюки, — на всё были дотошники, — а потом и бросились в самую середку табуна. Лошади шарахнулись, и как был табун, так весь и понесся в степь, в разные стороны. Лошадям, знамо дело, лиха беда только чего испугаться, а там и сам чорт не удержит.

В лагере у гвардеек сделалась суматоха страшная, а Харко того только и ждал. Не медля ни секунды, он с остальными своими молодцами и нагрянул на гвардеек, да и пошел их душить. К утру он всех их пошабашил. Не отвертелась и предводительша: ее убил своею рукой Харко.

Покончимши дело с гвардейками и их предводительшей, Харко пошел за Яик искать ихнюю кочевку. Добрался и до кочевки. Там, сударь мой, много было золотой казны и цветного платья всякого. Все это добро Харко забрал и раздуванил по своим согласничкам. Там же, в кочевке-то, застали они сколько-то девок, — девки были все молоденькие, — иных побили, а иных, что были покрасивей, взяли по себе...

Пожили они тут сколько-то времени, отдохнули и стали собираться в путь-дорогу. Харко свою девку бросил, живую пустил на все четыре стороны; порешить ее совсем жалко стало: ведь так ли, сяк ли, а все-таки она жила у него заместо жены. Советовал то же сделать и своим причетникам, чтоб и они девок своих бросили,

а те не послушались: жалко было расстаться с девками; больно уж по сердцу пришлись. Тогда Харко говорит своим согласничкам:

— Все мы люди свободные, казаки вольные, приказывать вам не смею, а совета моего не слушаетесь. Ваше дело, воли с вас не сымаю. Ступайте, куда хотите, а я вам после этого не товарищ!

Согласнички говорят:

— Теперь девки нам не помеха, а когда будет нужно, — бросим.

Харко говорит:

— Когда будет нужно, тогда будет поздно.

Согласнички спрашивают:

— Как так?

Харко говорит:

— Эти девки не семьянны: оне, думаю, на своем веку и сами не мало нюхали человечьей крови. Мы же гнездо ихнее разорили: не забудут оне этого, и рано ли, поздно ли, порешат, доканают нас, — не мытьем, так катаньем, проклятые, доймут. Эй! послушайте меня: бросьте!

Сподручники смеются и говорят:

— Доселева, Харкушка, мы чли тебя за храбреца, а теперь видим, ты трусу празднуешь. Вспомни, давно ли мы, двенадцать человек, побили девок более двухсот. Ну, статочное ли дело, чтобы двенадцать девок осмелились супротивничать нам, таким молодцам?

Харко говорит:

— Открыто поле особь статья, постель особь статья. Слыхали, чай, сказание библейское про Олоферна, а если не слыхали, так я скажу.

Олоферн был не вам чета, однако отмахнула же ему голову жена слабая.

Подручники Харка только засмеялись, да промеж себя говорят: «трусу празднует!»

Харко осердился и поехал прочь.

Согласнички его поехали сами по себе. Выбрали они себе местечко на Красном-Яру, где теперь Красноярский форпост, и тут устроили стан.

Харко один остановился ниже этого места, верстах в пятнадцати, и тоже устроил себе стан, не на земле, а на дереве. Там он свил себе гнездо, словно Соловей-разбойник, и зажил в милу душу. Итти к нашим казакам на Кош-Яик пораздумал: ждал, что будет от его согласничков, думал, не образумятся ли, не разведутся ли с девками-то.

Пожили они на новых местах сколько-то времени, самую малость однако: Харко сам по себе, а согласнички его сами по себе. Вот, сударь мой, в одну ночь, на самой на заре, притащился к Харке с Красного-Яра один из его согласничков, весь, бедняжка, изранен, еле-еле дышит, да тихо, жалобно, чуть слышно и говорит:

— Сбылись слова твои, атаманушка: сгубили нас змеи скорпии...

Сказал это, да и тут же и дух свой испустил.

Харко тое ж секунду спрыгнул с гнезда своего, вскочил на бурого коня, что у дерева привязан был, и помчался к Красному-Яру. На восходе солнышка он был уже там и застал девок: те, бестии, дуван дуванят, значит, делят по себе добро убитых молодцов. Лишь только узрели

оне его, так и одурели на месте. Как тигра, с пеной у рта Харко бросился на девок с саблей в руке, да вдруг и остановился. «Этого для вас мало, бестии!» — сказал Харко, да и давай живьем вязать девок: всех перевязал, да и положил, словно осетров на багреньи, в ряд, одну подле другой. Славно! Осмотрел и согласничков своих, а те, бедняжки, все измясничены до-нельзя, узнать даже не можно, кто Карп, кто Иван: так, бестии, постарались. Съездил и за тем, что у его дерева умер. Потом вырыл двенадцать могил, положил в них убитых согласничков, а подле каждого из них положил по девке-душегубке: эти, бестии, были живые, кричали, визжали, просили Харку, чтоб он добил их; да не на того напали:

«Что торопитесь? успеете еще околеть!» — говорит Харко, и дело свое делает.

Потом, сударь мой, опустил в могилу к каждому согласничку по ноше серебра, по ноше золота, по сабле, по ружью, по копью, по паре пистолей, и все это, не торопясь, чин-чином, зарыл. Напослед всего на могиле каждого согласничка посадил по лесной яблоне. Покончимши это дело, Харко сказал:

— Не пропадай эта казна даром: дайся казна эта тому молодцу, кто на своем веку убьет двенадцать дюжин басурманов, иль-бо басурманок!

— Ну, а что клад? Дался ли кому? — спросил я.

— Нет! Казаться казался, а не дался, — сказал старик.

45

Один казачок-гулёбщик (охотник) плыл в бударке по Баксаю, не далеко от моря, плыл он это и увидал: на берегу в камыше, на небольшой поляне, стоит белый с красными узорами шатер, а в шатре как жар горит золотая маковица. Увидел это казачок, дивуется. «Что за оказия такая», думает сам про себя казачок, «уж не дьявольское ли навождение, уж не бес ли морочит?» Думает казачок, а сам и глаз не сводит с золотой маковки, да и не знает, что делать: пристать ли к берегу, где шатер-то стоит, или своротить скорее в какой-нибудь ерик, да и драть по-добру, по-здорову. «А что я скажу товарищам?—думает казачок. — Скажу: шатер, мол, с золотой маковкой видел, а что за шатер и кто в нем, не знаю — не ведаю. Поднимут тогда меня на-смех, проходу не дадут... Ну, была, не была», — сказал сам себе гулёбщик, взял да и пристал к берегу. Вышел он на берег и видит: около шатра у дверей сидит, пригорюнившись, девица, в расейском шелковом сарафане, да такая раскрасавица, что ни в сказке сказать, ни пером написать: белолица, круглолица, румянец во всю щеку, глаза — что твои спелые торновины, а русая коса чуть не до земли; просто девка кровь с молоком. Спервоначала, как увидел ее казак, — остолбенел. Однако он скоро подошел к ней, а сам читает про себя: «да воскреснет бог», думает, уж не шутовка ли (русалка) прикинулась, чтоб загубить душу христианскую. Подошел он к ней и говорит: «Здравствуй, красна девица!» — «Я, —

говорит она, — не девица...» Сказала она это, да и заплакала. «Кто же ты такая?» — спрашивает казачок. «Стеньки Разина полюбовница!» — сказала она, да пуще прежнего заплакала. «Ага, — подумал казачок, — видно я попался к медведю в берлогу!» И стал казак с испугом озираться кругом. «Ты не бойся, — сказала девица. (Она, значит, заметила, что казачок-то немного струхнул.) — Не бойся, — говорит она, — его здесь нет». — «Где же он?» — «На охоту со своими ушел».

Как водится, слово-за-слово, и разговорились они, казак и девица, меж себя. Девица пригласила казачка в шатер и угостила его кизляркой, а ее — сиречь кизлярской водки-то — был полный боченок, ведра в три или в четыре. Тут девица и рассказала казаку, кто она такова. «Я, — стала говорить девица, — из города Царицына, дочь богатого купца. В прошлом году Разин город наш разорил, отца и мать и всех родных моих побил, и меня пленил, да и держит при себе. Такая участь моя несчастная... На этом месте мы живем вот уже целую неделю. Здесь при нем немного его подручников, человек с двадцать, не больше; а прочие все разъезжают, кто по морю, кто по Волге. Он скоро ожидает всех к себе, послал уже гонцов во все концы, где только его подручники. «Как только слетятся орлы мои, — говорит он, — так сей же миг пойду на Каменный городок, возьму его, а стрельцов выгоню, засяду, говорит, в этом городке, да и пошлю в Яицкий город, к яицким казакам — клич кликать: «Ко мне, охотники!» Приманю, говорит, к себе всех

яицких казаков и ихних атаманов-молодцов. Тогда, говорит, все города по Волге покорю, да и в Белокаменну махну». Вот что он, злодей, затевает. . .»

«Ну, Улита-то едет, да когда-то будет, — сказал гулёбщик и выпил чару кизлярки. — Что он там ни толкуй, а мы мекаем свое. Якшаться с ним не намерены: супротив присяги и совести не пойдем, так и будет. А ты, красавица, — говорит он ей, немного погодя, — поедем-ка лучше со мной, чем жить у этого разбойника. Согласна, что ли?» — спрашивает казачок.

Покачала головой девица, вздохнула тяжелехонько, да и сказала: «Нет, молодец, не пойду я с тобой; все едино гибнуть: там ли, здесь ли. Ведь никоим манером не спасешься, не спрячешься от него, лиходея: на дне моря найдет он меня, негочию что на Яике у вас: живую он меня зароет в землю. Да и тебе, добрый молодец, даром это не пройдет, а что за охота гибнуть понапрасну из-за меня, ледащей женщины, на что я тебе гожусь и чего я стою теперь, — разбитого горшка, думаю, никто за меня не даст. . . Да и в священном писании сказано, я слышала от матери, что кто де бежит от беды-напасти, тот бежит от царствия небесного. Пусть будет со мной святая воля господня. . . стану до конца терпеть».

Прошло много ли, мало ли времени, и говорит девица казаку: «Поезжай, молодец, домой, скоро сам будет».

Нечего делать, простился казачок с девицей, сел в бударку, да и поехал во-свояси. Только

дорогой-то и втемяшилась казаку блажная мысль; знамо дело, шишига (дьявол) соблазнил: ведь он, окаянный, не об нем будь сказано, горами качает. «Дай, — думает гулёбщик, — ворочусь назад: девка-то больно хороша... Ну, то ли, се ли, — думает казачок, — ежели не успею уговорить, так... что тут церемониться... так хошь боченок с кизляркой увезу, что она для Стеньки, кизлярка-то, стоит. Вестимо, не покупная. Да и за девку-то, знамо дело, кладки не давал».

Вот с такими-то, братцы, нехорошими мыслями казачок и воротился назад; воротился, да и попал, как кур во щи: тем временем и Стенька воротился с своими молодцами в стан. Лишь только казачок вышел из бударки, его сцапали два разбойника. Они издали еще его увидали и караулили у берега в камыше. Сцапали доброго молодца, вырвали у него из рук винтовку, распетлили голубчика, да и повели к атаману, к самому князю-боярину, как величали разбойники Стеньку. Дотолева казачок был напорядках выпимши, а тут, как увидал вокруг себя с десяток харь, одна другой страшней, с мушкетонами да с безменными шишками в руках, так куда у голубчика и хмель девался, словно и не нюхал горького; протрезвился, индо в лихоманку бедненького кинуло.

Стенька сидел на богатейшем персидском ковре около шатра и потягивал из серебряного ковша кизлярку. «Этот, что ли?» — спросил он тихонько девицу и указал на казака.

Она кивнула головой. Значит, она рассказала, что у нее был в гостях яицкий казак. «Милости

просим, — сказал Разин казаку. — Садись, гость будешь. Пустите его», — сказал он разбойникам.

И ослободили разбойники казака. Но казак с умом-разумом не соберется, едва дух переводит и слова вымолвить не может. Он ждал, вот как хватят его по голове обухом, а тут слышит ласковые речи. Казак только поклонился. «Да что ты, немой, что ли, что ничего не говоришь? — спросил Разин и сам захохотал. — Аль язык у тебя ушел в пятки?»

Казачок опять поклонился, да уж кое-как, с запинкой, проговорил: «По имени звать твою милость знаю, а как величать тебя, доброго молодца, по батюшки, — хоть зарежь, не знаю...» — «Вот оно как, — говорит Стенька, а сам смеется, — в глазах-то со мной и отчество спонадобилось, а за глазами-то, чай, и именем не назовут. Так ли?» — «За других — не ответчик», говорит казак.

«Ладно, ладно, — говорит Разин. — А скажика мне: зачем твоя милость сюда опять пожаловала? Разве не знаешь, что от меня одна дорога — к чертям на кулички?..»

Казачок только было собрался с духом, а тут опять перепугался. Однако отудобил и пустился на хитрости, словно башкирец, которого в краже поймают. «Был я давеча, — говорит казак, — у твоей милости в шатре, ел хлеб-соль твою, вино твое, а самого тебя не видал, за угощенье «спасибо» не сказал: так совестно стало, вот я и воротился за тем, чтобы милости твоей честь отдать...» — «Ого! — говорит Стенька, а сам, бестия, смеется. — Да ты, вижу, продув-

ная каналья: складно поешь, только не выносишь, и хитришь хоть куда, вчередь схитрить так моему Анкудинке, а он ведь из московских приказных. Такого молодца, как ты, и губить кое-как жалко. Так и быть, велю расстрелять тебя, доброго молодца, на славу, из десяти иль из двадцати мушкетонов, чтоб на том свете помнил. Доволен ли?» — говорит Разин, а сам смотрит на казака, да и хохочет во все горло.

Казака дрожь пробрала. Он слышит, как позади защелкали курки. Однако видит, что Разин и говорит и смеётся. «Може он, потехи ради, только стращает, — думает казак. — Дай, — думает казак, — всю правду скажу». — «Есть когда на правду пошло, так слушай, Степан, по прозванью Разин, — говорит казак, а сам бодрится. — Ты, говорит, казнишь, да и милуешь, а я скажу тебе правду-истину, по-крайности будешь знать, что казак не любит врать. Воротился я сюда не за тем, чтобы персону твою видеть, — ее хоть бы век не видать; и не за тем, чтобы за хлеб-соль тебя благодарить, — хлеб-соль твоя не куплена, не трудами добыта; а за тем, чтобы боченок с кизляркой увезти. Вот за чем я воротился». — «Ну, а насчет ее, — сказал Разин и кивнул на девицу, — ну, насчет ее-то что скажешь? Чай, тоже думал поживиться, а? Говори, да правду говори. Смотри! — баловать не люблю».—«Что таить, — сказал казак. — Был грех, лукавый попутал, и на нее подумал. Да вот, как видишь, и попался, словно сом-блудник на самоловик. Теперича я в твоих руках. Хошь — казни, хошь — на волю

пусти: твоя власть. Казнишь — не буду плакать, отпустишь — спасибо скажу».

«Люблю таких молодцов, что ответ держать умеют! — сказал Разин и хлопнул казака по плечу. — Тебе давеча бы, спервоначала, это сказать, так у нас и речей бы об этом никаких не было! Давай-ка выпьем!»

И выпили они по ковшу-другому кизлярки.

«Ее (сиречь девицу-то, заметил слепой рассказчик), ее, — говорит Разин, — никому ни за какие тысячи не уступлю, за нее, говорит, самого чорта в бараний рог согну. А другой кто и не суйся лучше: всякого иного в лапшу искрошу, в муку измелю... Вот что! Слышишь? Ну, насчет кизлярки статья иная, так и быть, куда ни шло, уступлю для такого дорогого гостя, как ты, полбоченка: ты мне понравился. Только тут есть небольшая задёба. Давеча один из моих молодцов, вот этот, — Стенька указал на одного рослого разбойника, — вот этот хвалился, что в ста саженях попадет из винтовки в грош. За это я обещал на его пай полбоченка водки, однако — с уговором: если не попадет, как следоват, в цель, то заместо водки сто линьков горячих в спину, чтобы не хвастался понапрасну. Поспорь с ним, есть когда надеешься на свое молодечество, — говорит Стенька казаку. — Есть когда убьешь в цель лучше его, то кизлярка твоя, а есть когда нет, — не прогневайся: сто линьков в спину... Такой обычай: люблю за дело только награждать!»

Казак подумал и сказал: «Не берусь, что лучше его убью: кто знает, он може важный стрелок; а берусь, что не хуже его убью».

«Хорошо, согласен», — сказал Разин и велел устроить цель.

Отмерили двести шагов, поставили «нашесть» и к ней прилепили грош.

Первый выстрелил разбойник и попал в доску около самого гроша, но гроша не задел.

«Гм! не велика важность, — проговорил казак, — этак-то и мы, пожалуй, потрафим».

Вот после разбойника выстрелил и казак из своей винтовки, и попал в саму середку гроша; индо грош-то врезался в доску.

«Ай-да молодец, — сказал Разин. — Ну-ка еще!»

Еще выстрелили по разу. Разбойник со злости трясся, и в доску-то не попал, не токма-что в грош.

«Ну, дружище, — сказал казак разбойнику, — видно, у тебя двойная кожа, коли не умеешь стрелять, а идешь на спор».

Казак был уже тово... на порядках пьян: он позабыл, где он; думает, что он у себя на форпосте с товарищами, поэтому и разговорился.

Выстрелил и казак вдругорядь, и влепил опять в грош, индо перегнул его.

«Баста, твоя кизлярка,—сказал Разин казаку и велел из большого боченка нацедить в другой, поменьше. — А тебе, — сказал он разбойнику, — на три дня винной порции нет, а заместо того сто линьков в спину: осрамил, — говорит, — ты и себя и нас».

Опосля того Разин и казак еще выпили малую толику водочки, и казак в добром здоровье уехал от ласкового хозяина во-свояси. На про-

щанье Разин и говорит казаку, а сам, бестия, подмигивает и улыбается:

«Може, увидимся когда-нибудь: я к вашим хочу толкнуться. Примете, что ли?»

«Не знаю. Как «войско» захочет», — сказал казак и потупился в землю, а сам думает про себя: «Сунься-ка, приятель, — зуб скусишь».

РАССКАЗЫ О РАЗИНЕ— СТРАДАЛЬЦЕ И ГРЕШНИКЕ

46

— Давненько, — а как давненько, признаться, не умею сказать, запамятовал, — довелось мне разговаривать, вот этак, как теперича с вами, довелось, говорю, разговаривать с одним отставным солдатиком, и он рассказывал мне вот какие вещи. Служил он, этот солдатик, на своем веку в матросах и был на безвестных кораблях. А знаете ли вы, что такое «безвестные» корабли? — спросил слепой слушателей.

Ответ был отрицательный. Каждый из казачат, разумеется, имел общее понятие о корабле, но без всяких прилагательных, а просто как о судне, на котором плавают по водам. Но что такое «безвестный» корабль, — вот это было для каждого из них новостью. Слепой пустился объяснять.

— «Безвестный» корабль значит... — начал было старик, но объяснение его не ладилось: на слове «значит» старик запнулся; за словом этим другого, разумеется, самого главного, не последовало.

Слепой стал в затруднение, чего с ним почти никогда не бывало; рассердился слепой, не зная или не умея в коротких словах объяснить зна-

чение «безвестного» корабля, на что вызвался сам. Почмокав губами или, как говорится, «помузюкав» немного и потерев по лбу кулаком, старик сообразил мысли и сызнова приступил к объяснению.

— «Безвестный» корабль — значит вот какая штука, — сказал слепой. — Теперича, к примеру сказать, проштрафится какой ни на есть из набольших: со всяким грех случается... Сослать такого гуся сиволапчатого в ссылку, примерно туда, где солнца не видать, иль-бо смертию казнить, жалко: сердце-то не камень. Вот и велят до поры до времени посадить его, голубчика, в сибирку. «Посиди-ка там, — скажут доброму молодцу, — так и узнаешь кузькину мать». Приспокоят этого, а там, глядишь, еще какой-нибудь гусь голландский свихнется с пути истинного, позарится, примерно сказать, на царскую казну, да и запустит грабли-то глубоконько, индо не вытащить... Ну, и этого лакомку туда же, в сибирку, чтобы этак, знаете, отбить у него охоту лазить в неположенное место... Наберется таких молодчиков не один, не два, а многонько-таки. Знамо, кормить их даром убыточно. Вот и велят посадить их на корабль, — для этого и корабли особые имеются, старые, что выслужили срок, — да и выпустить в «киянь-море». «Ступайте-ка, голубчики, на все четыре стороны, — скажут им, — вы нам не нужны». А у киянь-моря и берегов-то нет: киянь-море, знаете, на кит-рыбе стоит. Поплавай-ка по киянь-морю, спокаисся, другу-недругу закажешь сосать невинну кровь... И простых солдат посадят на этот корабль, чтобы было кому

работать на нем; без людей, знамо, с лодкой не справишься, не токма что с такой махиной, как корабль... Солдат тоже берут больше из прoштрафленных, примерно из острога иль-бо из ристанских рот, значит, вместо пропажи. Ну, конешно, не все штрафованных, сажают и хороших, нештрафованных солдат, примерно музуриков, то-ись матросиков, которые по компасу понимают. Там какие ни на есть будь мудреные люди, а уж без компаса соваться в море не моги: заблудисся и в первый же день пропадешь. Этих, бедненьких, то-ись музуриков, по жребию посылают, кому уж такой выпадет. Дадут всему «кипажу», то-ись всем людям на корабле, — они все сообча зовутся «кипажем», так мне матросик сказывал, — дадут всему «кипажу» провизии на год, а раньше пяти годов вертаться домой не велят. Если найдешь в киянь-море чем питаться, питайся на доброе здоровье; не найдешь — умирай, а раньше пяти годов все-таки на Русь не вертайся, так уж искони бе узаконено, говорят, Петром Первым, что бороды велел брить! Если вернесся раньше, все едино, что в море пропал: смертию казнят, альбо живого в столб закладут, — и на это есть закон. В старые годы таких кораблей в киянь-море много выпускали, и почитай все они пропадали без вести. Разве-разве, что из десяти один, за чьи-нибудь молитвы, вернется, а то все сплошь пропадали: от этого и называются корабли безвестными, что без вести пропадают.

— Нынче, — продолжал слепой, — нынче, говорят, мало стали посылать в киянь-море без-

вестных кораблей; оттого, говорят, мало, что корабли жаль губить: корабли-то, вишь, ныне стали дороги. Взамен того нынче стали давать волчьи билеты.

— Вы, чай, и об этих билетах ничего не знаете? — сказал слепой. — Это значит вот что, — продолжал он, когда казачата отозвались, что в первый раз слышат о такой мудреной вещи. — Коль-скоро, слышите, проштрафится кто и обличен будет, ему и дадут в руки чистую отставку, то-ись билет с печатью, а в нем красными, будто огненными словами и напишут: Больше де трех ден сего человека ни в каком жительстве не держать, и в обчество отнюдь не принимать: с виновных-де штраф большой. Вот он, этот проштрафленный с ербовым билетом за пазухой, и ходит и бродит весь свой век, пока не умрет, из села в село, из города в город, аки волк презренный. От этого и билет прозывается волчьим.

«Ровно два годика, сказывал мне матросик, плавали они по киянь-морю, — продолжал слепой. — Провизия почитай вся вышла, даром что потребляли ее по полпорциям. Попадались им по морю кой-какие острова, и к ним они приставали. На иных находили еще какую ни на есть пищу, примерно: травы, коренья, иль-бо птиц, зверей; всем этим по малой толике запасались и пробавлялись. Иные острова были совсем пусты, хоть шаром покати, — одни гальки да ракуша (раковины). А на иных островах встречали дивиих людей: на лбу, примерно, один глаз, а посредь живота рот. На такие острова и не выходили, а мимо обходили: толь-

ко с корабля видали, как дивии люди грозили им да зубами щелкали.

А уж на самом киянь-море каких чудес не видали, господи, ты мой боже! просто ужасти! Как зачнет, бывало, матросик рассказывать, так вчуже мороз по коже подирает, индо волос дыбом стоит, просто такие страсти, что сказать не в мочь. В ину пору плывет корабль по зеленой воде, а вода-то светла, что твоя слезочка, все дно видно; а на дне гомозятся и ползают разные такие гады, что смотреть мерзко, иные на манер раков с верблюда величиной, с пребольнущими клещами, — как взглянешь, так сердце замрет. Это, сказывал матрос, море называется: Чудовищное море.

В ину пору корабль плывет по воде красной, что твоя кровь, только будто сейчас из быка выпущена, индо пар от нее валит, словно в бойне. Это — Красное море.

В ину пору корабль плывет по воде желтой, что твой сабур, или серпий. Это — Желтое море.

В ину пору корабль наплывет на такое место, что воды не знать, а заместо воды только букашки да вошки гомозятся, словно черви в падали. Корабль еле-еле движется по такой каше, и того и гляди, как совсем остановится и застрянет. Это — Вшивое море.

В ину пору корабль плывет хоша и по обыкновенной воде, но зато по сторонам-то его беспеременно выныривают чудовища: от головы до пояса — человек, а от пояса до ног — соминый плеск. Вынырнет это чудовище, встряхнет зелеными длинными волосами, индо брызги на вер-

сту летят, да и закричит глухим хриплым голосом: «фараон». Это фараоновы воины, что за Мысеим гнались да потонули. В ину пору эти самые чудовища,—их тоже зовут фараонами,— ухватятся за корабль ручищами, словно граблями, да и спрашивают: «Когда осподь с судом сойдет?» — «Завтра, иль-бо послезавтра», скажут им с корабля, чтоб только отвязаться. Ну, и отстанут, а без того ни за что не отстанут, такие привязчивые, право. Им, вишь, узаконено жить в море до преставления света. Тогда, вишь, их и рассудят с царем-фараоном: из-за него, ведь, погибли и сделались получеловеками. Это море так и прозывается Фараонское море.

Однова, сказывал мне матросик, подплыли они к острову и остановились за версту от него. Ближе нельзя было подойти: кругом острова, вишь, камни из воды торчали. А остров был большой и весь зарос лесом. Обрадовались они этому острову: чаяли найти на нем и воды пресной, и дичи всякой, а дотолева долго не видали такого острова. Поспускали с корабля несколько шлюпок, то-ись маленьких лодочек; и целая рота солдат с руяьями съехала на берег. По долобке (по трапе), сквозь густой лес, пошли солдатики в середку острова и вскорости вышли на поляну. Глядят и видят: в одной стороне стоит широкий двор, обнесен высоким тыном, точь-в-точь острог веселый. С другой стороны видят: из леса вышло стадо овец. а овцы такие прекрупнейшие, с коров наших. Позадь овец идет человек, как есть человек, истовый человек, но такой превеличайший, что твоя колокольня. В руках у него целое бере-

зовое дерево, в обхват толщиной, и не срублено, а просто-на-просто с корнем из земли вырвано, а он, этот уродина, помахивает им, деревом-то, словно наш брат тоненькой хворостинкой. Поровнялся он с солдатами, глянул на них, да и заворотил деревом-то всю роту к овечьему стаду, а потом погнал вместе с овцами, будто дело сделал. Солдаты и офицер, что был с солдатами, перепугались насмерть, не знают, что начать, и поневоле идут, только поглядывают друг на друга да молитвы шепчут. Загнал великан овец и солдат на двор, поставил чинным манером овец в угол, а солдат в другой. На дворе у одной стены врыты в землю четыре огромнейших, может ведер по сту, котла, а около котлов навалены «урсы» [1] обглоданных костей: значит, тут обжорство творится. У другой стены стоят ведра, по сороковой бочке кажинно ведро, да разная посуда, и все это во сто раз больше обыкновенной нашей посуды.

Натаскал великан воды откуда-то, из моря ли, из реки ли какой, — солдатам из-за ограды не видать было; натаскал он этой воды, налил в котлы и развел огонь, а ворота-то на запор. Смотрят солдаты, что-то будет. Стала в котлах вода закипать. Тогда великан подошел к солдатам и взял пятерых иль шестерых под мышку, столько же под другую, отнес к одному котлу, да швырнул их в него: только, бедненькие, и свету видели...

После того великан опять подошел к солдатам. Но солдатики, видя беду неминучую, ре-

[1] Большие кучи.

шились обороняться: не даром, видно, есть поговорка: «страх силы придает». Видя беду неминучую, солдатики и решились попробовать: всем разом выстрелить в великана. «Что будет, — думают солдатики, — убьем — не убьем, а попробуем: не даром же на варево итти». Как только великан подошел к ним, они и грянули из всех ружей, да прямо ему в рожу: глаз-то ему и выбили. Вот он и зареви благим матом, да и давай кидаться со слепу-то из стороны в сторону. А солдаты тем временем и улепетнули. Ворота хоша были и заперты, но подворотни не было. Великану, конечно, невдомек, что подворотни нет: ведь у него под полотнище ворот и лапа не подлезала, а для обыкновенного человека оставалось тут просторного места почесть по коленки. Вот в эту-то щель солдатики и повылезали. А великан, знай, орет себе во все горло, а из лесу ему откликаются другие, его братья, те еще страшней ревут, индо лес трясется, земля дрожит. Тут-то уж такой страх нашел на солдатиков, что и ружья, и муницу — всю побросали, да давай бог ноги. Бегут, голубчики, чуть не задыхаются, бегут, молодчики, земли не касаются, только пятки взмывают. Лишь только солдатики побросались в шлюпки и отсунулись от берега, еще до корабля-то не доплыли, как на то место, где стояли ихни шлюпки, прибежали великаны, человек до ста иль больше. Подняли они такой ужасный вой, индо лес закачался, море взволновалось. Принялись они из корня рвать сырыматеры дубы и кидать ими по лодкам и по кораблику, одну лодку раскололи и затопили, да

чуть-чуть и кораблик не повредили. Насилу пушками с корабля от них отбились и отплыли в море.

— Вот какие бывают на вольном свете страсти и ужасти, — прибавил слепой. Немного погодя, он продолжал:

— Таким-то манером, сказывал матросик, проплавали они два года, а на третий год корабль их разбило бурей. Он, этот матросик, да еще один музурик, его товарищ, ухватились за корабельную машту (мачту), и дня три носило их на ней по морю. На четвертый день море затихло, и машту прибило к берегу. В ту пору корабль-то из киянь-моря вышел в обыкновенное море; решились они, значит, пристать в ином каком царстве и отдаться неверному царю, чтобы не умереть с голода, — нужда до всего доводит... Отдохнули они, то есть матросик и его товарищ, на берегу, да и пошли в горы, — по берегу тянулись превысокие горы.

Много ли, мало ли ходили они по горам, да и наткнулись на избушку, или землянку, — все едино: не то изба, не то нора вырыта была в горе, одна дверь да маленькое окошечко с пузырем — вот и все. Вошли они в избушку и видят: в переднем углу на лавке лежит человек, не молодой, да и не старый, а так себе — «сердович»; на нем красная ликсандревская рубаха, козловые сапоги с кисточкой на голенищах, — значит, щеголь какой-нибудь. Глаза у этого человека закрыты, а сам он такой худой, такой бледный, что твой мертвец. Сначала они подумали, что он мертвый, а как не-

много всмотрелись, увидали, что спит. Не трогая его, солдатики тое ж секунду бросились к печке и на шестке в горшке нашли не то кашу, не то кисель, бог знает что, не могли разобрать, да и некогда было разбирать, — ведь голод не свой брат, а у них с голоду кожа трещала: шутка ли три-четыре дня были не емши. Покамест возились они около горшка, хозяин-то проснулся, сел на лавку, до и говорит им тихохонько порасейски: «Вы, братцы, мотрите... не много ешьте этой пищи, не хороша она для непривычного человека...»

Услыхамши расейский язык, солдатики обрадовались пуще не знай чего; бросили еду, подбежали к неизвестному человеку да в один голос и сказали: «Неужто мы в Расейской земле?» Покачал этот человек головой, да и сказал: «Нет, родимые, эта земля турского салтана». — «Да ты-то кто?» — спросили солдатики. «Я, говорит он, — Степан Разин. Слыхали, чай, о богомерзких делах моих?» Тех так и ошеломило. «Вам диво это?» — говорит он. Те ничего не говорят, только бледнеют да пучат глаза на человека, что Разиным назвался. — Вы не бойтесь, — говорит он. — Хоша я и настоящий Разин, но уж не тот, что в мое время разбойничал на православной Руси и творил всякое беззаконие в угоду врагу рода человеческого, сатане триклятому: теперь я совсем иной человек. Присядьте-ка и выслушайте меня, родимые, и после поведайте миру, как тяжело и горько окаянному грешнику ответ давать за дела безбожные.

И говорит это Разин тихо, плавно, смиренно, внятно, словно какой начетчик по книге иль-бо из книги. Солдатики «отудобили», присели на скамеечке супротив Разина. И он стал им говорить: «От начала мира и до сего дня не было ни в человеках — человека, ни в зверях — зверя, ни в змиях — змия, ни в гадах — гада, подобного мне, не было ни единой на свете твари, коя бы равнялась со мной по злобе и лютости: я всех превышал... Многое множество пролил я крови христианской, многое множество загубил душ неповинных. Мало того: я царю благоверному изменил, над верой православной надругался, от бога истинного отрекся, сатане треклятому предался — и вот за то мучусь и страдаю теперь. Вы, чай, знаете, что меня заживо предали анафеме, и потом, как поймали, казнили, тело мое на огне сожгли, а прах развеяли по ветру. Но этим дело не завершилось. Аки богоотступника, душегубца, изменника, еретика, душу свою и тело отдавши сатане, меня ни в рай не впустили, ни в ад не приняли, от меня и земля, и вода, и огонь, и воздух со ветрами буйными отказались. Тогда сила невидимая прах мой собрала и оживила, и вот в сии места уединенные поселила. Здесь я буду жить до второго пришествия, до суда страшного, тогда судьба моя окончательно решится, тогда и муку мне положат настоящую, по делом моим, какую заслужил. Теперь же пока тиранят меня два змия ужасные. По божьему веленью, в месяц раз они приползают ко мне и сосут кровь из меня, почти всю до капли высасывают. Один запустит жало под мышку, а другой под другую, и таким

родом точут кровь мою. Третьего дня они у меня были, — вот и раны, посмотрите, не зажили еще; а через двадцать семь — восемь дней, как я поправлюсь, кровью-то соберусь, они опять приползут. И вот таким-то родом мучусь я целых полтораста лет, не умираю и не умру, до христова пришествия не умру: земля меня, душегубца и еретика, не принимает... вот что... А всего горше для меня бывает в те дни, когда в церквах анафему мне провозглашают. Вот что...»

«Питаюсь я глиной: есть неподалеку отсюда, в одной горе, такая глина, что похожа на муку, — говорит Разин. — Варю ее, эту глину, в воде, и из того выходит какой-то кисель, — что сейчас и вы ели. Сначала пища эта мне не нравилась, как грузило ложилась в животе, а потом мало-по-малу стал привыкать к ней, и вот уже полтораста лет питаюсь — и ничего».

«Я видаю иногда, что по близости меня люди ходят, но ни меня, ни избушки моей не замечают: невидимая сила, значит, закрывает. Вот вы первые увидали и зашли ко мне: значит, невидимая сила над вами сжалилась, чтобы вы не умерли с голоду. По утренним и вечерним зарям слышу я отсюда на солнечном восходе колокольный звон: значит, там город христианский или село есть: в земле турского салтана и христиане живут. Ступайте в ту сторону».

— И точно, — заключил слепой, — солдатики в тот же день к вечеру пришли в селение, где жили греки, что турскому салтану подвластны.

От них уже через сколько-то времени и вышли они на Русь святую.

— Вот, детушки, какие чудеса бывают на вольном свете, — прибавил слепой. — Вдругорядь я порасскажу вам еще кой о чем, чего вы не знаете, а теперь, не бессудьте, устал, отдохнуть пойду.

47

За городом Царицыным в степной деревне жил, а может быть и теперь живет (писано в конце 50-х годов. — *А. Л.)*, стодесятилетний старик, и глухой, и слепой, и чуть движется, и трудно с ним говорить: надобно на ухо кричать во все горло; но он сохранил память и воодушевляется, когда вспомнит старые времена. Он собственными глазами видал Пугачева. «Тогда (говорил он) иным думали, что Пугачев-то и есть Стенька Разин; «сто лет кончилось, он и вышел из своей горы». Впрочем, сам старик не верит этому, зато верит вполне, что Стенька жив и придет снова. «Стенька (говорит он) это мука мирская. Это кара божия. Он придет, непременно придет, и станет по рукам разбирать... Он придет, непременно придет... Ему нельзя не прийти».

48

Шли люди молиться к Троице-Сергию, и, когда подходили к Москве, им встретился густой непроходимый лес. Долго они шли по этому лесу и вышли на поляну, и увидали на

этой поляне шалаш. Около этого шалаша был посеян огород с луком, редькой и т. д. и т. д.; но человека никакого не было. Долго они его искали, и, наконец, в «чащеве» (т. е. в чаще) увидали его, и он стоял и шел задом. Когда они его спросили, кто он такой, он тоже своего имени им не сказал. Только сказал им, что на его душе много пролито христианской крови. Потом он объяснил, что на него богом положено проклятие, ему нельзя видеть человеческого лица. Только благодаря особым усилиям им удалось узнать, кто он такой. Это был Стенька Разин. В конце концов он им сказал: «Я приду к вам опять!»

49

Теперь я собираюсь рыть клады, а наши рассказывают о них очень много. В долине (называющейся) Попов пчельник есть землянка. В той землянке три чана. В одном медь, в другом серебро и в третьем золото. На среднем чане постлан ковер-самолет, на нем лежит икона божьей матери, перевернутая ничком. На иконе пистолет; это все положил Стенька Разин и, когда клал это, сказал: «Кто хочет быть на моем месте и взять мои грехи, и блаженствовать с моим добром, то пусть тот возьмет пистолет в правую руку свою, а икону в левую и прострелит икону прямо в сердце. И тогда станет делать что хочет, а деньги возьмет и самолет, но только его душа будет на Стенькином месте. А, братцы мои! Знаете вы, где Стенька? Вы думаете, что он помер? Он не

помер, он живет в лесу. А вот я тебе расскажу, где он живет. Он живет в таком месте, куда и близко никто не может подойти, а сам он жив. Его проклял бог, земля его не принимает, а бог не принимает его души. Он и лежит на боку на каменистой земле. Когда сядет солнце, соберутся к нему из леса и змеи, и лягушки, и ящерицы, и всякие гады, и начнут его высасывать; с восходом солнца оставят только душу и кости, а с сердца один змей и не сходит, сосет день и ночь. Вот ночью так высосут, а днем опять вырастает на нем тело; как настанет вечер, опять то же, и говорят, что он будет так жить до скончания света. А если кто-нибудь прострелит икону и возьмет его добро, тот, после своей жизни, станет на его место.

50

Я слышал от старых людей насчет одного места, что там жил Стенька Разин. Это место и теперь можно очень хорошо узнать: огромная гора, похожая на двор, имя ее и теперь — Каменный двор, на середине ее бугор, на бугре дубовый лесок, а на самой середине, на вершине около бугра, три березы, под березами родник. Старики говорят, что на этом самом месте жили разбойники, а наружная сторона той горы с одной стороны похожа на ворота. А вокруг нее как есть двор. По самой вершине горы — лесок, словно крыша, а низ ее словно каменная стена. Эту стену называют лицевою стороной Каменного двора. В стороне от этого двора расположены две высокие горы, а вид их

словно девичьи титьки. Имя этих гор — Караульные горы. Старики рассказывают, что когда жил Стенька Разин, то разбойники на этих горах подкарауливали проезжавших по дороге, и будто оттуда сквозь землю была протянута цепь. Как только увидят проезжающих, они и дернут эту цепь, а к концу этой цепи был привязан колокол. Как услышат их товарищи тот колокол, они и выйдут на дорогу. А еще дальше к большой дороге есть овраг по имени Банный овраг, будто они ходили туда париться в баню.

51

Давно уже это было, лет сорок назад... Есть у нас на селе столетний старик, «Лапоть» прозывается. Промышлял он больше охотой и пошел в лес за дичью, да и заблудился. Никогда с ним допреж такой беды не случалось; идет туда, идет сюда, а лесу и конца-краю нет. Три дня бродит; харчи все повышли, да и пороху не стало; сутки уже без хлеба, а дороги все не найдет. На четвертый день к ночи видит он: стоит гора, а в горе пещера с широкими воротами. Возле ворот большой камень; упал он на этот камень и заснул, — шибко, значит, умаючись был. Много ли, мало ли спал, только проснулся он к ночи, протер глаза, осмотрелся и пошел в пещеру, — нет ли де тут какой ни на есть живой души. Только видит: стоят бочки, много их стоит везде, куда ни глянешь. Походил он промеж них, покликал, нет никого. Подошел он к одной бочке, открыл дно и обмер: бочка полна золота. Он к другой, третьей, —

везде золото. Только отошел от него маленько страх-то, и думает он: наберу я себе этого золота и пойду, — авось с голоду не помру, и как ни есть выберусь из леса; все ж таки с деньгами.

Стал он этта набирать себе золота и в картуз, и в карманы, и в полы, только вдруг кто-то хвать его за плечи... «Стой, говорит, старина. Зачем мое золото берешь?» «Лапоть» содрогнулся, сотворил трижды крестное знамение, глядит: стоит перед ним седой-преседой старик, борода по пояс белая, стоит и креста не боится. «Не пугайся, говорит, меня, не трону: я — Стенька Разин. Берегу, брат, я это золото про православных христиан, и разделю им его, когда наступит время. Возьми, говорит, себе, сколько нужно, а остальное поклади опять в бочку: будет на твой век и малого». Поклал «Лапоть» в бочку золото, — оставил себе всего два пригоршня, — поклонился старику в ноги и пошел. «Укажи, говорит, дорогу, куда мне итти». — «Иди, — говорит Стенька, — вот в эту сторону, а дорогу сам найди: указывать не буду. Как придешь домой, расскажи, что видел и слышал... Хотели меня бояре московские казнить, да не пришлось им. С той поры живу я здесь, проклятый православною церковью...»

Два дня шел «Лапоть» лесом, вышел, наконец, в поле, а там и до дому недалеко. С той поры живет он себе достатком. Много было охотников добраться до пещеры; много их ходило, много их искало, только никто не нашел; да и сам «Лапоть» в другой раз уж не нашел. Слыш-

но, Стенька кажинную ночь летает над Волгой, а к утру скроется; только я этого не видел.

52

Марина-безбожница и Стенька Разин

В Орловском-Кусте обитала атаманша Маринка-безбожница, а в Чукалах жил Стенька Разин. Местности эти в то время были покрыты непроходимым лесом. Марина со Стенькою вели знакомство, и вот когда Марина вздумает со Стенькою повидаться, то кинет в стан к нему верст за шесть косырь, а он ей отвечает: «иду-де», и кинет к ней топор. Марина эта была у него первой наложницей, а прочих до пятисот, и триста жен. И не могли Стеньку поймать. Поймают, посадят в острог, а он попросит в ковшичке водицы испить, начертит угольком лодку, выльет воду, — и поминай как звали. Однако товарищей его всех переловили и разогнали, а он сам ушел и спрятался в берегу, между Окой и Волгой, и до сих пор там живет: весь оброс мохом, не знать ни губ, ни зуб. Не умирает же он оттого, что его мать-земля не принимает. И оставил этот разбойник здесь клад, под корнями шести берез зарыл его, а узнали про это вот как. Сидел один мужичок в остроге вместе с товарищем-разбойником. Вот тот и говорит ему: «Послушай-ка, брат, в таком-то месте лежит клад, мы зарыли его под корнями шести берез, рой его в такое-то время». Стало-быть, уж он не чаял, что его выпустят на вольный свет, а может быть, раска-

ялся и дал зарок. Вышел этот мужик из острога, пошел в указанное место, а березы уж срубили и корней не знать; рассказал он про это всему селу: поделали щупы, однако клада не нашли, а клад-то, говорят, все золото да серебро — целые бочки.

РАССКАЗЫ ОБ УРОЧИЩАХ И КЛАДАХ

53

Очень давно шло по Волге судно; когда оно поровнялось с бугром Стеньки Разина, то один из бурлаков спросил товарищей, нет ли желающих побывать с ним на бугре. Нашелся охотник. Сошедши на берег, бурлак предупредил товарища: «Что бы ты ни увидал и что бы ни услыхал, молчи!» Взобравшись на бугор, они увидели отверстие, в роде погреба, с дверью: отворив ее, они увидали хорошо убранное подземелье, похожее на комнату: в углу висел образ спасителя в золотом окладе, осыпанном бриллиантами и разноцветными камнями; перед образом теплилась лампада. Посреди комнаты стоял гроб, окованный тремя железными обручами; возле лежал огромный железный молот и железные прутья. Вдоль стен расставлено множество боченков, насыпанных доверху золотом, серебром и драгоценными самоцветными камнями, а также ценная металлическая утварь.

Бурлаки помолились иконе; вожатый схватил молот и разбил обручи на гробе: крышка поднялась, из гроба встала красная девица, необыкновенной красоты, и выговорила: «Что вам нужно, ребята? Денег, утвари, камней само-

цветных — берите, братцы, сколько душе угодно». В ответ на это вожатый схватил прутья и начал стегать красавицу, безбожную Маришку, и сколько она его ни умоляла о пощаде, все было напрасно. Товарищ не вытерпел и сказал: «Полно, брат, что с тобою, с ума ты что ли сошел?» Но едва он успел произнести эти слова, как невидимая сила подхватила его и выкинула в дверь, которая тотчас же захлопнулась, и послышался голос: «Восемь, — девятого!» Вслед за тем дверь и отверстие пропали.

Испуганный бурлак едва добрался до судна; у него отнялся язык, и три года он оставался нем. После уже он рассказывал, что если бы он сумел помолчать и если бы они успели завладеть иконой, как говорил ему еще дорòгой вожатый, то все богатства перешли бы в их руки.

54

В селе Шатрашанах лежит казны — видимо-невидимо; тут клад — всем кладам отец. За рекой есть земляной вал, и в этом-то валу вырыт большой выход, который немного осыпался, а дверь в нем осела; поэтому можно видеть внутренность выхода в яркий солнечный день. На этот клад было письмо у старого шатрашанского мельника...

Шел раз по Шатрашану прохожий, не то хворый, не то разбитый ногами; остановился он отдохнуть на мельнице и разговорился с мельником. Слово за слово, зашла речь о вале и о кладе; прохожий показал мельнику письмо, как

взять этот знаменитый клад. На расспросы мельника, откуда достал прохожий это письмо, последний передал ему вот что:

Нанялся один странник бурлачить на Волгу, да и захворал на судне; его высадили на берег в Жигулевских горах; побрел он по тропинке и сбился в горах; долго бродил он в лесу, наконец наткнулся на другую тропинку, которая привела его к землянке. Думая, что это жилье угольщика, бурлак вошел в землянку, помолился богу, поклонился хозяину, — а тот был старенький старичок, — и стал проситься ночевать у него. «Пожалуй, ночуй, говорит старичок, — только выдержишь ли ты; страху много будет. . .» — «Ничего, дедушка, чего мне бояться! Только приюти от темной ночи», — сказал бурлак, а сам раздумывает: «если разбойники наедут, так у меня взять им нечего. . .» «Ну, бог с тобой, говорит старичок, — оставайся. . .»

Бурлак лег спать, а старичок все молился богу на коленях, с усердием. Вдруг в полночь разбудил прохожего страшный свист, гам, крик, двери с шумом растворились, и целая стая гадов, змей ворвалась в землянку; налетели они на старика и стали грызть его тело, рвать кожу и высасывать из него кровь. . . Но, как только пропели петухи, ватага удалилась, и все стихло. Бурлак был ни жив ни мертв и, едва рассвело, начал собираться в путь. Старичок, который все время лежал на полу бледный, без движения, опомнился и стал говорить прохожему: «Вот как мне суждено мучиться до скончания века. Ведь я Стенька Разин. . . Если

бы кто-нибудь достал мой клад в Шатрашанах, тогда бы я умер, тогда бы и все положенные мною клады вышли наружу, а их одних главных двенадцать. На всякий случай вот возьми это письмо и попытайся; не удастся ли тебе как-нибудь достать этот клад». У этого-то бурлака взял прохожий письмо и передал шатрашанскому мельнику. В письме было записано, как брать клад и какие страшные явления будут при этом: пройдут войска и звери страшные, ударит двенадцать громов, потрясется земля, приклонятся древа и травы. Письмо гласило, что выход, в котором лежит шатрашанский клад, выложен обожженными дубовыми досками, и стоит в нем икона божьей матери, а пред иконой горит неугасимая лампада. Прежде всего нужно взять икону, потом достать ружье, заряженное спрык-травой, а стоит оно в выходе за дверью; из ружья выстрелить и сказать: «Стеньке Разину вечная память!» Тогда умрет Разин, потому что в этом ружье заряжена его смерть. В выходе хранятся ломы и заступы, которыми нужно рыть клад. Казны и драгоценностей в кладе так много, что хватит на всю Симбирскую губернию, — в сорок лет не пропить и не проесть, а именно: сорок пудов (мер) золота, два сундука жемчугу. В приписке к письму сказано, что там же лежит еще четыре рубля меди брата Стенькина — Ивана, их раздать нищей братии.

55

Когда шел Стенька Разин на Промзино Городище (Алатырский уезд), то зарыл в окрест-

ностях его две бочки серебра. Конечно, зарыл он их не спроста, и теперь часто видят при вечере, как эти бочки выходят из подземелья и катаются, погромыхивая цепями и серебряными деньгами. Но достать их мудрено.

Один мужичок узнал, что они лежат в горе, отыскал место, дождался полночи и стал копать землю и разворачивать каменья; дошел уже он до плиты, закрывавшей заветные бочки, да как-то взглянул на противоположную сторону горы — и видит он: идет на него войско, так стройно, ружья все направлены прямо на него.

Он бросил все и бежал домой без оглядки; на другой день мужичок пошел на гору, но не нашел ни скребка ни лопаты. Если бы он не струсил, то, без сомнения, клад достался бы ему.

56

В селе Аргашах (Корсунский уезд) в лесу есть низкое место; там нечаянно забрел крестьянин в пещеру и увидел старичка старенького, седенького. Сидит он и считает деньги. Это был сам Стенька Разин. У крестьянина глаза разбежались на золото, и он попросил себе денег у старичка, который согласился, но с уговором: «Возьми, — сказал он, — только донеси до двора и не усни на дороге».

Насыпал Разин крестьянину в полу кафтана денег, тот понес их и дошел уже до своего гумна, как здесь сон его до того одолел, что он уснул. Проснулся — и денег как не было.

57

За Волгой на Синих горах, при самой дороге, трубка Стенькина лежит. Кто тое трубку покурит, станет заговоренный, и клады все ему дадутся и все; будет словно сам Стенька. Только такого смелого человека не выискивается до сей поры.





ПУГАЧЕВ

ПЕСНИ, ПРЕДАНИЯ И РАССКАЗЫ О ЕМЕЛЬЯНЕ ПУГАЧЕВЕ

ФОЛЬКЛОР О ПУГАЧЕВЩИНЕ.

Песни и предания о пугачевщине собирались сравнительно мало и почти не изучены.[1] Несомненно, фольклор о пугачевщине не дошел, да и не мог дойти до нас во всем своем богатстве. Песни и особенно рассказы широких масс, сочувствовавших пугачевщине и боровшихся за свое освобождение, встречали неуклонные преследования и запреты со стороны царских властей.

Этот фольклор бытовал только в узком кругу; в первые десятилетия после ликвидации движения он не выходит за пределы породивших его социальных групп. Для записей же он почти всегда передавался очень неохотно.

Между тем и официальные документы, и живое предание свидетельствуют о разнообразии и актуальной

[1] О пугачевском фольклоре можно назвать лишь следующие работы: С. Ф. Елеонский, Пугачевские указы и манифесты как памятники литературы, — «Художеств. фольклор» 1929, вып. IV—V, стр. 63, и две статьи А. Н. Лозановой: 1) Первоначальные рассказы и легенды о пугачевщине, — сб. «Литературные беседы», вып. II, Саратов 1930, изд. Об-ва литературоведения при Саратовском ун-те, и 2) Предания и легенды о пугачевщине, — сб. «Язык и литература», т. VIII, изд. Научно-исследовательского ин-та речевой культуры. Л. 1932. Н. О. Лернер. Песенный элемент в «Истории Пугачевского бунта». Пушкин. 1834 год. Изд. Пушкинского об-ва. Л. 1934.

силе песен и рассказов о пугачевщине, которые живут еще и в наши дни. Географически этот фольклор распространен главным образом в районах самого движения. Захваченные правительством пугачевцы на допросах показывают между прочим, что «яицкие казаки певали песню, нарочно ими в честь самозванца составленную. . .»[1] По преданиям, Устинья Кузнецова, — красавица-казачка, на которой женится Пугачев, — сама складывает песню о нем и поет ее при «Петре Федоровиче».

Один из собирателей отмечает, что в 50-х годах на Яике можно было наблюдать инсценировку свадьбы Пугачева, представлявшуюся в виде народной драмы. Жену Пугачева всегда изображала молоденькая девушка.[2]

Опубликованный в последнее время архив пугачевщины, с многочисленными показаниями участников движения, дает богатый материал (правда, в передаче канцелярских чиновников того времени) о быстром и широком распространении рассказов, так называемых «молв», о пугачевщине, слухов, которые рождались среди закрепощенного крестьянства, крепостных рабочих, и бродили среди угнетенных самодержавием кочевых народов. Даже манифесты самозванного царя Петра III насыщены элементами устно-поэтического творчества.

С конца 50-х годов, в связи с общим движением собирания и изучения старины и памятников устного творчества, начинает приводиться в известность и фоль-

[1] Показания казака Илецкой станицы Максима Горшкова. «Пугачевщина», Центрархив, т. II, ГИЗ, 1929, № 34, стр. 12.

[2] А. В. Арсеньев, Женщины пугачевского восстания — «Исторический вестник» 1884, № 6, стр. 627.

клор о пугачевском движении. В конце 50-х годов И. И. Железиов отправляется к уральским казакам со специальной целью записать сохранившиеся предания и рассказы о пугачевщине. В периодической печати 50—60-х годов помещаются отдельные справки, документы, статьи. В местных газетах, главным образом в Оренбургских, Пермских, Казанских, Саратовских губернских ведомостях, печатаются предания, рассказы и воспоминания. Фольклор о пугачевщине доживает до настоящего времени. В 1926 г. во время этнографической экспедиции от Центрального Музея Народоведения проф. Б. М. Соколов слушает рассказы о пугачевщине среди удмуртов и даже знакомится с «Пугаченком», потомком Пугачева, как упорно говорят об этом местные предания. В 1929 году в Саратове мне удалось записать два рассказа — воспоминания о пугачевщине. В следующем году на Среднем Урале я встретила отрывок песни-плача о погибели Пугачева.

Проза о пугачевщине богаче песенного репертуара; однако последний гораздо пестрее по своим социальным настроениям. По всей вероятности, это фрагменты репертуара борющихся общественных групп, захваченных движением (и сторонников и противников его). Но рассказы в сравнении с песнями более закончены по своему композиционному строю и содержанию.

Как песни, так и предания о пугачевщине реалистичны; они лишены фантастического элемента, и в этом их яркое отличие от преданий и песен о разинщине.

ПЕСНИ О ПУГАЧЕВЩИНЕ

Хотя песен о пугачевщине записано очень мало, однако по своему содержанию они представляют сравнительно большое разнообразие.

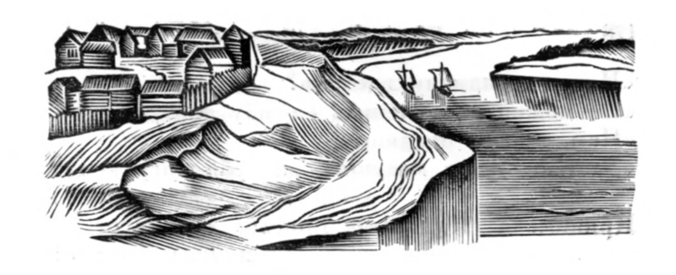
Основное ядро пугачевских песен, повидимому, песни, сложившиеся на Яике и в Оренбургском крае — главной арене действий самого Пугачева. Они создаются в рядах и сторонников и противников Пугачева.

Репертуар, остатки которого дошли до нас, отличается точностью топографических указаний и богатством исторических штрихов.

Вероятно этот репертуар был еще очень свеж во время приезда в Оренбургский край Пушкина.

Лишь одним отрывком (запись 1930 года) представлены песни о пугачевщине горнозаводских крестьян. Однако и эта запись, сделанная так недавно, показывает, насколько классово ярки воспоминания о пугачевщине; без сомнения, они находили себе живой отклик в дореволюционном бесправии царской России.

Песни о пугачевщине (11, 12, 13), возникшие на основе разинского репертуара, являются устно-поэтическим оформлением той тесной внутренней связи движения Разина с движением Пугачева, которая осознается крестьянской массой.



1

По славной было по низовой линии
И при славном было при Красноярском
форпосте,
Собиралося небольшое войско Яицко.
Прибегал к войску скорой курьер,
Матвеюшка, сын Петрович,
По фамилии Шубиченков;
Привозил от государыни повеленьице:
Объявил войску службу лицонну.
Тут восплакнули все казаки горючими слезми:
«Знать мы, добрые молодцы, перед господом
согрешили,
«Милосердой государыне прослужились».
Собиралися казаки во единый круг,
Они думали крепку думу за едину:
«Нет ли из нас, казаков, таковых добрых
молодцев, —
«Ехать к государыне с челобитною,
«Просить о службе лиционной».
«Гой еси, милостивая наша государыня.
«В чем мы тебе прослужились,

«Или где измену сделали?
«Не можно ли отменить службу лиционну,
«Нам, войску Яицкому!
«Заставь, наша матушка, за себя богу вечно молиться»...
Принимала государыня просьбу слезну от войска Яицкого
И простила во всех винах,
И отменила войску Яицкому службу лиционну.

2

Того месяца сентября
Двадцать пятого числа
В семьдесят первыим году
Во Яике-городу
Приходили к нам скоры вести:
Не бывать нам на месте.
Яицкие казаки —
Бунтовщики были, дураки.
Не маленькая была их часть,
Задумали в един час:
Генерала они убили.
В том не мало их судили:
Государыня простила —
Жить по-старому пустила.
Они, сердце свое разъяря,
Пошли искать царя.
Они полгода страдали
И царя себе искали.
Нашли себе царя —
Донского казака.
Донского казака, —
Емельяна Пугача.

Он ко Гурьеву подходил,
Ничего не учинил.
От Гурьева возвратился,
С своей силой скопился,
К Яику подходил,
Из пушечек палил.
От Яицкого городка
Протекла кровью река.
Он к Илецку подходил,
Из пушечек палил.
Илецкие казаки —
Изменщики-дураки —
Без бою, без драки
Предались вору-собаке.
В Татищевой побывал,
Всю Антилерию забирал.
Рассыпну крепость разбивал.
Из крепости Озерной
На подмогу Рассыпной...

. . . .
. . . .

В крепости Рассыпной
Был инералик молодой.
Инерал Лопухин был смел,
На коня он скоро сел.
На коня он скоро сел,
По корпусу разъезжал.
По корпусу разъезжал,
Антилерию забирал,
Всем солдатам подтверждал:
«Ой, вы, гой еси, ребята,
«Осударевы солдаты!
«Вы стреляйте, не робейте,
«Свинцу, пороху не жалейте.

«Когда мы вора поймам,
«Хвалу себе получим. . .
. . . .

3

В тем сударыня[1] простила,
Жить по-старому пустила.
Полтора года страдали:
Все царя себе искали.
Нашли себе царя —
Донского казака,
Емельяна Пугача,
Сын-Ивановича.
Он со силой собрался,
Под Гурьев поднялся:
Стрельба была несносна,
Стоять было не можно.
Он видит, что не взять:
Воротился взад.
С большой силой собрался,
Под Яик поднялся.
Под Яик подходил,
Батальицу сочинил.
Они зачали палить,
Силу-армию валить.
Из Яика-городка
Протекла кровью река,
Круты горы закачались,
Сыра земля затряслась,
Мелка рыба вниз пошла,
Мелка пташка со гнезда,
Мелка пташка со гнезда

[1] Екатерина II.



ПУГАЧЕВ

С гравюры Рюотта

Гос. Музей изобразительных искусств

Укрепила Пугача,
Сын-Ивановича.

4

Ох ты, батюшка, Ленбурх-город!
Про тебя, Ленбурх, идет славушка,
Слава добрая, наречье хорошее:
Будто ты, Ленбурх, на красе стоишь,
На красе стоишь, на крутой горе,
На крутой горе, на желтом песке,
На желтом песке рассыпчатом,
На трех речушках, на устьицах.
Да первая речушка течет — Самарушка,
Другая речушка — Яик-река,
Третья речушка — Урал-река:
По Урал-реке живут казаченьки,
По Яик-реке калмыченьки,
По Самарушке живут татарушки.
По Уралу гулял генерал Пугач.
Как во матушке было во каменной Москве,
Молодой-то солдат на часах стоит,
На часах стоит, себе речи говорит:
«Не дают-то мне, доброму молодцу, волюшки —
«Во Ленбурх сходить, Пугача убить.»

5

Как во месяце было во марте
В двадцатом числе,
Распоряжал вор-от Пугачеев,
Распоряжал свою альтарелью;
Уж вы стойте, ребятушки,
Уж стойте, не робейте.

Разобьем мы этот новый корпус,
Новый корпус Голицына князя,
Мы Московскую эту губернию
Сделаем границей.
Уж полно тебе, полно, Пугачов —
С Москвой воевати.
Разобьют Московския войска,
Расказнят тебя, вора Пугачова
На славном болоте:
Развезут тебя, вора Пугачова
По разным заставам.
Как во первою — во Тверскую,
Во вторую — во Ямскую,
А во третью-то Рогожску.
Не успел он, вор-собака
Приказу отдати, —
Приказ отдал князь Голицын:
Из пушек палити.
Как из пушек наши запалили,
Земля задрожала,
Не могли они воры стояти,
Бежали в сакманы;
Там гусары наши воевали,
В полон забирали,
Головушек они много
Долой поснимали.

6

Уж при славной было при царице,
При матушке при царице Катерине Алексеевне,
Уж весь-то народ русский жил во счастьице,
Во счастьице, во раздольице, во богатнем житью.

Уж как все-то купцы себе дом накопляли,
А бедные-то ни в чем нужды не видали;
Все жили и молили за царицу,
За матушку Катерину Алексеевну.
Но вдруг настало время злое,
Время злое, несчастливое:
Уж как нанесло-то вихрем
На святую Русь беду пагубную,
Беду пагубную, не минуемую,
Проявился у нас на славной на земле,
На славной на земле, на святой Руси,
Проявился вор-собака, проклятый человек,
Проклятый человек, Пугачев — казацкий сын.
Уж как этот-то собака вздумал по Руси гулять,
Вздумал по Руси гулять, а себя царем казать.
Много казнил, много вешал, много головы
рубил,
Много головы рубил и во ямушки валил.
Как пымали-то собаку во чистом поле,
Привезли эту собаку во Москву-город гостить,
Во Москву-город гостить, буйну голову рубить.
Как казнили-то собаку на главной площади,
Уж казнили, пятирили, буйну голову срубили.

7

Из-за леса, леса темного
Не беда заря занималася,
Не красно солнце выкаталося:
Выезжал туто добрый молодец,
Добрый молодец Емельян-казак,
Емельян-казак, сын-Иванович.
Под ним добрый конь — сив-бур-шахматный.
Сива гривушка до сырой земли.

Он идет — спотыкается,
Вострой сабелькой подпирается,
Горючьими слезми заливается:
«Что ты, мой добрый конь, рано спотыкаешься.
«Али чайть над собой невзгодушку,
«Невзгодушку, кроволитьеце».
Мы билися троя суточки,
Не пиваючи, не едаючи,
Со добра коня не слезаючи.

8

Судил тут граф Панин вора Пугачева:
«Скажи, скажи, Пугаченька, Емельян Иваныч,
«Много ли перевешал князей и боярей?» —
«Перевешал вашей братьи семьсот семи тысяч.
«Спасибо тебе, Панин, что ты не попался:
«Я бы чину-то прибавил, спину-то поправил,
«На твою бы на шею варовинны вожжи,
«За твою-то бу услугу повыше подвесил».
Граф и Панин испужался, руками сшибался:
«Вы берите, слуги верны, вора Пугачева,
«Поведите-повезите в Нижний-городочек,
«В Нижнем объявите, в Москве покажите,
«Все московски сенаторы не могут судити».

9

Емельян ты наш, рòдный батюшка!
На кого ты нас покинул.
Красное солнышко закатилось...
Как осталися мы, сѝроты горемычны,
Некому за нас заступиться,
Крепку думушку за нас раздумать...
. . . .

10

По волнам плывет золотой корабль,
На корме сидит казак, рулем правит;
Сам рулем правил, да не справился,
Закричал волнам громким голосом:
«Уж вы, волнушки, волны быстрые,
«Отнесите корабль в родну сторону,
«В родну сторону, к дому ближнему...»
Кинуло корабль волной на берег родной.
Там увидел казак отца с матерью,
Отца с матерью, молоду жену,
Молоду жену, малых детушек,
Малых детушек, все сиротушек...
«И зачем же ты по морю гулял?» —
«Я не сам пошел и не сам поехал,
«Погнала-то меня царска служба,
«Что царя-то служба — Петра Третьего...»

11

«Как во славном городе Астрахани
Проявился добрый молодец,
Добрый молодец, Емельян Пугач;
Обряженный он в кафтанчик сто рублей.
Шефорочек на нем в пятьдесят рублей.
Шапочку на бекрень держит;
Во правой ли руке тросточка серебряная,
На тросточке ленточка букетовая.
Хорошо он по городу погуливает,
А тросточкой упирается, ленточкой похваляется,
Со князьями, со боярами не кланяется,
К астраханскому губернатору и под лад не идет.
Астраханский губернатор призадумался;

Он увидел из хрустального стекла;
Посылает за ним слуг верных,
Допросить его словесным допросом.
Нагоняли его слуги верные,
Допрашивали его словесным допросом:
«Какого ты рода-племени,
«Царь ли ты или царский сын?»
А он им на то молвил:
«Я не царь и не царский сынок.
«Я родом — Емельян Пугач,
«Много я вешал господ и князей,
«По России вешал я неправедных людей».

12

Что во славном было городе Астрахане,
Вдоль по улице Мигач, вдоль по широкой Мигач,
Вдоль по широкой Мигач все похаживает,
И он с ножки на ножку прискакивает,
Он сапог об сапог поколачивает,
Ко девичьему двору приворачивает.
«Ах, девичья красота, иссушила ты меня,
«Иссушила ты меня: отпирай ворота,
«Отпирай ворота, пропуская Мигача,
«Пропуская Мигача, сына Ивановича».
И он скок на крыльцо, и он брякнул в кольцо,
Что во то ли кольцо з серебряное,
Во серебряно колечко, позолоченное.
Красна девка выходила — прибранивала,
Отпирала ему — приговаривала:
«Ах ты где, Мигач, бывал, и ты что, Мигач, слыхал,

«И ты что, Мигач, слыхал, что, Иванович, видал?» —
В Москве Мигач бывал, три диковины видал,
Три диковины видал, саламату едал,
Саламату едал и с девицами гулял,
И с девицами гулял, с молодицами бывал.
Молодушка молода, белолица, хороша:
У ней осмеро в запасе, по десятого пошлет,
А десятой — тот придет и еще приведет.

13

Хо́дил-то я, добрый молодец, по чисту полю:
Мягкая постелюшка — желто́й песок,
Изголовьица моя — шелкова̀ трава.
Как во селе было во Лыскове,
Тут построена крепкая тѐмница;
Как во той во крепкой тѐмнице
Посажен добрый мо̀лодец,
Добрый молодец, Чернышов, Захар Григорьевич.
Он по тѐмнице похаживает, сам слезно плачет,
Сам слезно плачет он, богу молится:
«Ты взмой, взмой, туча грозная,
«Разбей громом крепкие тюрьмы!
«Во тюрьма̀х сидят все невольнички,
«Невольнички, неохотнички».
Все невольнички разбежалися,
Во темны́м лесу они собиралися,
Сходилися они на полянушку,
На полянушку, на широкую.
«Ты взойди, взойди, красное солнышко,
«Обогрей ты нас, добрых мо̀лодцев,
«Добрых мо̀лодцев, сирот бедных,

«Сирот бедных, беспашпортных!»
Ниже города — ниже Нижнего,
Протекала тут речка быстрая,
По прозванью речка Волга-матушка:
Течет Волга-матушка
С диким-мелким камушком.
Как по речушке плывет легка лодочка:
Эта лодочка изукрашенная,
Вся молодчиками изусàженная.



ПРЕДАНИЯ И РАССКАЗЫ О ПУГАЧЕВЩИНЕ

Предания о пугачевщине не теряют своей актуальности вплоть до империалистической войны.

Несмотря на сравнительную скудость и некоторую случайность записей, — особенности рассказов о пугачевщине определяются вполне.

Основная устремленность их — это обрисовка образа Пугачева как защитника интересов и прав широких угнетенных масс, главным образом крепостного крестьянства. Однако в каждой объединенной группе рассказов эта обрисовка приобретает свое специфическое обрамление.

Наиболее полно представлены яицкие предания. Впервые в 1833 году с ними познакомился Пушкин. В 1858 году их усердно собирал Железнов. В 1900 году отголоски их слышал среди уральских казаков Короленко. Во всех преданиях развивается один и тот же мотив: Пугачев — защитник угнетенных. Однако в яицких рассказах он оформляется в духе надежд и стремлений яицкого казачества конца XVIII—середины XIX века (Пугачев — настоящий царь Петр III, защитник самостоятельности казачества). Предания мордвы, чуваш, башкир — развивают тот же основной мотив, но главным образом в плане своих ожиданий. Пугачев обрисовывается как избавитель народа от угнетения русскими. Русский материал из разных мест, большей частью из крепостнических районов средней полосы, изображает

Пугачева как мстителя дворянам, который вместе с тем заботится о крестьянах. Дворяне трепещут перед Пугачевым, даже заключенным в клетку. Пугачев наказывает жестоких дворян.

Рассказы о кладах Пугачева слагаются в обычном плане рассказов о зарытых сокровищах, которые даются лишь по выполнении трудных условий.

В данной главе мы помещаем сначала русские предания из разных мест (№ 14—21); затем — предания угнетавшихся царским самодержавием народов — мордвы, чуваш, башкир, татар (№ 22—32).

Рассказы яицких казаков в виду особенностей их передачи (литературного обрамления) помещены после всех других материалов.

РУССКИЕ ПРЕДАНИЯ

14

Про Пугачева у нас много дедушка знал. Рассказывал бывало все. Как сойдутся круг его, — он и пойдет, и пойдет... А его дед (как уж он мне-то теперь?) пастухом был, когда Пугачев к нам в село заявился. У речки, значит, встретил его со стадом, двое конных подъехали. «Чье, мол, стадо?» — «Мирское», говорит. «Ну, а барин у вас кто, обижает, мол, вас? Бай нам, мол, все, как есть...» — «Не могу, мол, знать, мы, мол, его не видим». А барин-то и не жил там — в экономии: все по заграницам катался да по столицам. Ну, приказчика главного, того пугачи с собой забрали. У нас старики есть, — они лучше про это знают.

15

А то еще перед войной был у нас управитель имения старичок. Ну, вот любил песни слушать. Баб, бывало, призовет, — пойте, мол! Я, мол, люблю песни. Ну, и поют... Были девки, старухи. Сами к нему ходили петь. Тут и про Пугачева пели. Ну, я этих не помню. И он — ничего, — баранок им надает в фартуки, орехов, конфетов — ребятишкам. Говорили, он эти песни списывал.

16

Предания о пугачевщине в записи П. И. Якушкина

— Да вот, хоть Пугача взять...

— Тоже богатырь был?

— Тоже воитель был храбрый.

— Кто ж этот Пугач был?

— Говорю, воитель храбрый, простой казак, наш донской, а по прозвищу Емельян Пугачев — храбрый воитель, только пил уж очень крепко.

— Не так давно: моя бабушка его видеть не видела, а слышать слышала его речи... на пол-аршина от него была, и того меньше, а видеть не видала! — прибавил казак Зеленая шуба. [1]

— Как так?

— А вот как: бабушка моя взята из Дубовки; когда под Дубовку подходил Пугач, бабушка моя была девка на выданье, женихи уж сватались, сватов засылали, да у ней еще сестра была. Как прослышал их отец, а мой, выходит, прадед, взял обеих дочерей и посадил под пол, а сам с попами в ризах, с иконами, со всеми казаками, да с колокольным звоном и. пошли навстречу Пугачу. Пугач ничего. Спросил, где все начальники. Прадед вошел к нему с хлебом с солью. «Все разбежались», — говорит прадед. Пугач принял. «К тебе в гости, атаман, приехал», — сказал Пугач, а прадед ему в ноги большим поклоном поклонился. Приехал Пугач

[1] Один из спутников Якушкина, участник общей беседы.

к прадеду верхом; лошадь, бабушке говорили, вся разубранная... вошел в избу, старым крестом перекрестился; сел за стол, велел подать водки, так всю ночь и прогулял со своими ребятами, и прадеда с собой посадил... Бабушка часто любила про Пугача рассказывать... Сама его не видала: она с сестрой всю ночь просидела под полом, а что слышала и что люди ей говорили, бывало, нам, покойница и рассказывает...

— И много бабушка ваша рассказывала?

— Сама-то она почесть Пугача-то и не слыхала: целые сутки под полом дрожмя продрожала; ей было только про свою душу помнить, а после что от людей слышала, она и рассказывала нам; мы еще тогда ребятишками были.

— А зверь был этот Пугачев?

— Нет, человек был добрый! Разобидел ты его, пошел против него баталией... на баталии тебя в полон взяли; поклонился ты ему, Пугачеву, — все вины тебе отпущены и помину нет... сейчас тебя, коли ты солдат, — а солдаты тогда, как девки, косы носили, — сейчас тебя, друга милого, по-казацки в кружок подрежут, и стал ты им за товарища... Добрый был человек: видит, кому нужда, сейчас из казны своей денег велит выдать, а едет по улице — и направо и налево пригоршнями деньги в народ бросает... Придет в избу — иконам помолится, старым крестом, там поклонится хозяину, а после сядет за стол. Станет пить — за каждым стаканчиком перекрестится. Как ни пьян, а перекрестится... Только хмелем зашибался крепко!..

— Ну, а кто пойдет супротив его, возьмут кого в полон, а тот не покоряется, — тогда что?

— Тогда что: кивнет своим, — те башку долой те и уберут. А коли на площади или на улице суд творил, там голов не рубили, там, кто какую грубость или супротивность окажет, тех вешали на площади тут же. Еще Пугач не выходил из избы суд творить, а уж виселица давно стоит. Кто к нему пристанет, ежели не казак, — по-казацки стричь, а коли супротив его, — тому петлю на шею... Только глазом мигнет. молодцы у него приученые... глядишь, уж согрубитель ногами дрыгает...

17

— Накануне второго спаса вышла я с пирогами утром рано, уставила скамейку и покрикиваю: «Пирогов с начинкою, масляных горячих, отведайте, молодцы, молодушки и малые ребята». Подходят ко мне человек пять, такие урванцы, что не много встретишь, говорят, где, дескать, бояре проживают? Мы, дескать, посланные царские слуги. Меня — как иголки от их слов по шкуре закололи, — что, думаю, делать? Люди они, повидимому, недобрые. Отвечаю им: «Не знаю, молодцы». — «Как не знаешь? Ты, дескать, торгуешь, здешняя, стало — скрываешь». Один из них как толкнет меня. «Ахти, — говорю, — что ты, окаянный пострел?» — «Как пострел? Я, дескать, царский слуга». Давай меня трепать, отняли корчагу, вырвали кошель с деньгами и полетели на Соколовую гору. Плакала я, пла-

кала, а помочь горю нечем, — я к этому старичку (указав на Острякова[1]), — он в то время был молодец молодцом. Совета не подал, говорит: «Не до тебя, дескать, Вахромеевна. Пугач около Саратова, а его разбойники грабят и буйствуют». Так и быть, молчу: ни денег, ни корчаги. На самый второй спас утром пришел на Соколовую гору Пугач, с ним ехало народу видимо-невидимо. Пугач ехал верхом на белой лошади, на нем была высокая, пушистая шапка, чапан синий, шаровары и бекешка с золотом; вокруг него были верховые с саблями и ружьями; позади везли пушки. Перед обеднями поставили палатки и виселицы. Слышу, из тюрьмы колодников выпускают; думаю себе: неспроста милости дают, дай дойду. Собралась с духом, да и туда. Помню, как сейчас: около палатки Пугача собрались казаки, посадские, сам Пугач ходит по народу. Я ему в ноги, и молвила, что, дескать, обидели меня его слуги. Он сказал: «Не плачь, помогу», и велел отдать мне деньги. Конный вынес из палатки пригоршни медных денег и высыпал мне в передник. Слава богу, думаю себе, потихоньку вышла из толпы, да, сколько было силы — бежать с горы.

При мне к Пугачу на гору привели барыню и двух дочерей, связанных. Пугач на них кричал, грозил повесить за то, что барыня укрыла мужа своего, а дети не сказывали, где отец, которого Пугач намерен был повесить. Дочери так плакали голосом, упрашивали Пугача отпу-

[1] Сосед рассказчицы.

стить их, что одна из них упала замертво. Пугач умилостивился, приказал отвести всех в дом и сказать отцу, что, дескать, не за покорность его, а за слезы детей милость дает.

18

Сказывали тогда, что Пугач-то был колдун и проклятой, отступник от бога, от отца и от матери и самозванец: выдал он себя за царя Петра Федоровича. А он был простой казак уральской. Тогда же пронесся слух по Саратову, что по приказу царицы послан был генерал из немцев, с войском, догнать Пугача. Пугача догнали с вольницей у Царицына, в Заволжьи (а вольница-то видит — дело плохо, кто куда попало и разбежались; которых, сказывают, и переловили), и заковали Пугача в цепи, посадили в железную клетку и повезли к Москве. В каком-то городе одна барыня услыхала, что Пугача поймали и везут в клетке. Боярыня-то и захотела повидать Пугача; приходит и видит сидящего Пугача в клетке железной и говорит: «Ты, проклятый, моего мужа повесил...» А Пугач отвечает, да как тряхнет цепями, да клетку зашатает и молвит: «Если бы я был на воле, я и тебя бы повесил». Боярыня-то испугалась, упала возле клетки, да и богу душу и отдала. Сказывали потом, что привезли Пугача в Москву и, по приказу царицы, пятерили: сперва отрубили руку, потом ногу, потом еще ногу и голову. Хоть и был колдун Пугачев, а сорокой не прикинулся и не выскочил в трубу. А генерал-то из немцев небось не

боялся колдуна, посадил небось и колдуна в железную клетку, да и заковал в цепи. Сказывают, в Немеции-то колдунов этих не водится, только у нас много на Руси.

19

Пугач и Салтычиха

Когда поймали Пугача и засадили его в железную клетку, скованного по рукам и ногам в кандалы, чтобы везти в Москву, — народ валма-валил и на стоянки с ночлегами и на дорогу, где должны были провозить Пугача, — взглянуть на него; и не только стекался простой народ, а ехали в каретах разные господа и в кибитках купцы.

Захотелось также взглянуть на Пугача и Салтычихе. А Салтычиха эта была помещица злая-презлая, хотя и старуха, но здоровая, высокая, толстая и на вид грозная. Да как ей не быть было толстой и грозной: питалась она — страшно сказать — мясом грудных детей. Отберет от матерей, от своих крепостных, шестинедельных детей, под видом, что малютки мешают работать своим матерям, или другое там для виду наскажет, — господам кто осмелится перечить? И отвезут-де этих ребятишек куда-то в воспитательный дом, а на самом-то деле сама Салтычиха заколет ребенка, изжарит и съест.

Дело было под вечер. Остановился обоз с Пугачом на ночлег; приехала в то же село или деревню и Салтычиха: дай-де и я погляжу на разбойника-душегубца, не больно-де я из робких. Молва уже шла, что когда к клетке подхо-

дил простой народ, то Пугач ничего не разговаривал; а если подходили баре, — то сердился и ругался. Да оно и понятно: просто черный народ сожалел о нем, как жалеет о всяком преступнике, когда его поймают и везут к наказанию, — тогда как, покуда тот преступник ходил по воле и от его милости не было ни проходу пешему, ни проезда конному, готов был колья поднять, — сожалел по пословице: «лежачего не бьют»; а дворяне более обращались к нему с укорами и бранью: «что-де, разбойник и душегубец, попался!..» Подошла Салтычиха к клетке; лакеишки ее раздвинули толпу. «Что, попался разбойник?» — спросила она. Пугач в ту пору задумавшись сидел, да как обернется на зычный голос этой злодейки и, — богу одному известно, слышал ли он про нее, видел ли, или просто-напросто не понравилась она ему зверским выражением лица и своей тушей, — да как гаркнет на нее; застучал руками и ногами, индо кандалы загремели; глаза кровью налились: ну, скажи, зверь, а не человек. Обмерла Салтычиха, насилу успели живую домой довезти. Привезли ее в именье, внесли в хоромы, стали спрашивать, что прикажет, а она уже без языка. Послали за попом; пришел батюшка; видит, что барыня уж не жилица на белом свете, исповедывал глухою исповедью; а вскоре Салтычиха и душу грешную богу отдала. Прилетели в это время на хоромы ее два черные ворона... Много лет спустя переделывали дом ее и нашли в спальне потаенную западню и в подполье сгнившие косточки.



Пугачев в клетке
С гравюры неизвестного художника по рисунку Петерсена
Гос. Музей изобразительных искусств

20

О взятии Пугачевым города Курмыша и Алатыря народное предание рассказывает одинаково, хотя исторически это не точно. Народ сообщает, что самозванец взял город Алатырь с бою, окружив его со всех сторон казаками, которые полезли на стены крепости и скоро ворвались в город, потому что многие из жителей помогали им взбираться на укрепления. Храбрым и главным защитником Алатыря был наместник его Бердо, который и поплатился за свою отвагу и смелость жизнью; а бояре, проживавшие в городе, зная о злобе против них Пугачева, оставили Бердо одного с гарнизоном и разбежались по отдаленным своим деревням.

Взяв Алатырь, самозванец торжественно въехал в город на белом коне, с вострой саблей в правой руке, богато наряженный и окруженный разукрашенной многочисленной свитой. Духовенство всем собором встретило его с иконами и хоругвями у городской заставы, и со всех церквей лился колокольный звон; приняв от именитых горожан хлеб-соль, Пугачев направился к главному храму. Отслужили благодарственный молебен за здравие и спасение государя, и громогласно возгласили певчие многолетие царю Петру Федоровичу. Затем дьякон прочитал с амвона манифест высочайший православным христианам, и началась поголовная присяга жителей на подданство императору, а не царице.

В это время Пугачев отрядил молодцов разбить винный подвал и угощать народ на цар-

ский счет. «Пейте, говорит, детушки, за царское здоровье, на-радостях, до-отвалу». Вместе с посланцами много прибежало складчиков из горожан, живо разбили казенный подвал и выкатили бочки; чтобы скорее достать вина, они начали выбивать дно поленьями: как хлопнут по бочке, так и потечет вино под гору к реке Суре. Ручьями текло вино, а все охотники до выпивки подставляли шапки, черпали под горой и пили вдоволь, сколько душа примет. После всеобщей попойки разбрелся народ по всем окрестным селам и забунтовал от имени царского.

Когда происходило это угощение войска и населения местного, Пугачев потребовал к себе храброго наместника г. Алатыря — Бердо. «Как ты смел не пускать царя Петра Федоровича в свой город, который ему достался по наследству от блаженных предков?» — закричал при народе самозванец. «Царя Петра III нет в живых, — отвечал храбрый Бердо, — а управляет теперь русским государством его супруга, императрица Екатерина II». — «Значит, ты веруешь и повинуешься бабе и подчиняешься боярским прихотям? Бояре завладели царицей совсем — и ты за ними! Ребята, он непригоден нам, пустите его рыбу ловить».

Разумеется, казаки тотчас увели наместника и утопили в Суре-реке.

Недалеко от этой реки, в Алатыре, показывают курган, в котором похоронены, как говорят, защитники города и убитые по взятии его Пугачевым.

21

В Самарской губернии, Ставропольского уезда, в селе Старом Урайкине, побывал Пугач и с помещиками обращался круто: кого повесит, которого забором придавит (приподымет забор, голову помещичью сунет под него, да и опустит забор на шею). Была в Урайкине помещица Петрова, до крестьян очень добрая (весь доход с имения с ними делила); когда Пугач появился, крестьяне пожалели ее, одели барыню в крестьянское платье и таскали с собой на работы, чтобы загорела и узнать ее нельзя было, а то бы и ей казни не миновать от Пугача.

МОРДОВСКИЕ ПРЕДАНИЯ

22

Одна старуха вот что рассказала:

— Ух, сынок, — говорит старуха. — На моей памяти была баба Цебарка (имя); она умерла двухсот лет, она хорошо помнила пугачевское время. В старину (бывало) Цебарка выйдет на улицу, сядет на завалинку и скажет: «Эй, собирайтесь-ка близ меня, послушайте меня, что я расскажу вам о пугачевском времени». Народ соберется, станет вокруг Цебарки и слушает. Цебарка начнет рассказывать: «Когда придут пугачевцы, мы все спрячемся. Пугачевцы видят, что никого нет, начнут нас манить: «Хорошенькие женщины, добрые женщины, выходите. Пугачев ушел назад, кубанцы-собаки ушли назад». А мы знаем, что он заманивает, не выходим. Потом мы привыкли, стали жить с пугачевцами в одном месте. Пугачевцы крестьян не трогали, они очень не любили господ. Лишь только Пугачев найдет барина, он срубит ему голову и бросит, словно собаку. Господа видят, — дело плохо, начали одеваться по-крестьянски. А крестьяне сердиты на господ, скажут Пугачеву про барина. Пугачевцы подойдут к барину и спросят его: «Ты кто?» — «Я крестьянин», — ска-

жет барин. «Покажи-ка свои руки», — скажет пугачевец. Барин покажет. «Твои руки больно белые, тебя надо повесить», — и повесят барина. Таким образом пугачевцы перевешали всех господ. За то спасибо пугачевцам. Куда бог прикажет им итти, там пусть они увидят хорошее. Однако не только господам делали зло пугачевцы, и нам они сделали много горя: они крали много женщин и девушек. Другой раз женщина выйдет за дровами, за водой, постирать или куда в иное место, — пугачевцы схватят ее, потащат в свою землю. Однажды украли девушку, отдали ее в жены татарину. Затем украли мальчика, дали в няньки к той девушке, а мальчик был братом той девушки».

23

А вот я забыл рассказать тебе. Когда амбар был цел, по этой местности проходили пугачевцы. Они все вешали господ и попов. Они хотели повесить барина Кропотова, но он оставил свой дом, да сюда. Лошадь он пустил, а сам к нам, говорит: «Спрячьте меня, и я вам сделаю добро». Дедушка мой и спрятал его в амбар; да ты подумай, вот где было смеху, когда его не нашли. Дедушка ввел его в амбар, а сусеки были полны хлеба. Он завалил его в сусеке в хлеб, а в рот дал ему камышевую дудку, чтобы он не задохнулся. Пугачевцы и спрашивали и искали, — не нашли. Говорят, они заходили и в амбар. Видят, полон хлеба, ничего в нем нет, и ушли. А его потом выпустили.

24

Рассказывают даже, что здесь (в Оркине. — *А. Л.)* был сам Пугачев (вероятно, из его атаманов, которых всех звали *Пугачами)* и останавливался в хате мордвина Скупцова, жена которого украла у него мешок с деньгами и спрятала сначала их в солому на крышу, а потом перенесла «на зады» и там высыпала в кучу лежавших бревен, где они и остались целы. Оттого Скупцовы и до сих пор богаты.

25

С пугачевцами ушло из Оркина несколько человек мордвов, которые вскоре вернулись с обрезанными ушами и носами. Свернув с большой дороги на Оркино, — рассказывает предание, — обезображенные беглецы постыдились итти в таком виде в свою деревню и решились лучше умереть, почему, при входе в лес, они бросились друг на друга и перерезались ножами.

РАССКАЗЫ ЧУВАШЕЙ

26

Прискакал гонец от самозванца в село Туваны и объявил от имени царя грамоту, в которой говорилось о преследовании бояр и попов и о будущих народных льготах. Чуваши села Туван и окрестных сел знали уже, что идет войско и во главе его царь, что он вешает попов и господ; по обнародовании манифеста они поднялись, заволновались и сами принялись за дело: стали ловить укрывавшихся священников и вешать. Уже более десятка успели чуваши погубить духовных лиц; но в это время правительство приняло меры и прислало в село Туваны три роты солдат для усмирения бунта. Чуваши решились лучше умереть, чем выдать зачинщиков мятежа в их селе, но хорошенько не могли определить, царское это войско или царицыно.

— Кто здесь бунтовал и вешал попов и господ? — спросил воинский начальник.

— Здесь, бачка, все было тихо и смирно, никто никого не думал вешать. Мы занимались своими делами и ничего даже не слыхали.

— Так кто же, не знаете ли, вешал попов здешних, если вы не участвовали в этом деле?

— Знать не знаем! Видно, они сами повесились.

Видя явное соглашение и запирательство чуваш, начальник отряда прибегнул к хитрости, чтобы разведать, кто были главные зачинщики волнения. Зная, что самая дорогая вещь для чуваш соль, он им сказал:

— Ах, вы, дураки! Что же вы скрываете от меня. Ведь я нарочно прислан царем похвалить вас за усердие и пожаловать. Молодцы вы, ребята, что хорошо расправились с попами и господами и стояли за государя Петра Федоровича; он вам прислал большую награду за верность: кто из вас вешал попов, тому жертвует царь воз соли; ступайте в город Чебоксары (уездный город Казанской губернии, называемый чувашскою столицею), там из казенного подвала отпустят вам по двадцать пудов каждому, вот только я напишу и дам вам грамотку.

Вручил чувашам туванским воинский начальник письмо, распрощался с ними ласково, скомандовал солдатам и ускакал с отрядом. Тут чуваши — большие охотники до соли — стали тотчас запрягать лошадей, поехали в Чебоксары и виновные и частью невиновные; а военный начальник с солдатами поджидал их около дороги в лесу, недалеко от села Туван. Каждого проезжающего чувашенина ловили солдаты и приводили к своему командиру, а тот допрашивал их:

— Ты куда едешь?

— В Чебоксары за солью, царь пожаловал.

— Да ты ведь не бунтовал и попов не вешал, даром казну разорять уздумал.

— Как не бунтовал! Вон и вожжи мои были; на них я повесил туванского попа с другими товарищами.

Разумеется, таких смельчаков солдаты брали и вязали им руки и ноги; иные сознавались, что поехали за солью даром, не участвовали в бунте, а только смотрели, как вешали попов другие. Этих чуваш прогоняли обратно в село нагайками, и те скакали без оглядки, считая себя обманщиками царя.

Таким образом разведали, кто были главные зачинщики и кто пособники бунта. Привезли их в село Туваны и перед собранием всех чуваш жестоко наказали батогами да вдобавок натерли им спины лакомой приправой их кушанья — солью.

27

...Рассказывают про Пугачева. Он являлся к богатым, требовал у них хлеба и денег, раздавал то и другое беднякам. К последним он относился вообще хорошо. Освобождал чуваш из-под опеки духовенства и чиновников; вешал тех и других, чувашам позволил держать прежнюю «чувашскую» веру.

БАШКИРСКИЕ ПРЕДАНИЯ

28

В эти дни среди казаков (русских) происходят большие события. С Дона появился некий Пугачев-богатырь и начал войну против русских чиновников (tureler). Среди народа ходят такие слухи, что этот богатырь является мужем царицы-бабушки — Петром. От этого богатыря я получил известие. Он говорит, что башкирам даст свободу; пусть они сами управляют своей страной, где они, по своему желанию, могут летать подобно птице и плавать подобно рыбе. Очень плохо относится он к русским чиновникам, боярам и сенаторам.

Со всех башкирских селений я получил известия. Бурьянцы, тамианцы, тамауровцы, усергенны, табинцы, катаевцы, зюрматинцы и кипчакцы — все поголовно, воспользовавшись этим моментом, хотят восстать. Является ли Пугач царем или нет, — это нас не интересует. Пугач — против русских чиновников, генералов и бояр, — для нас это достаточно. На протяжении тридцати восьми лет мы пробовали жить спокойно, неся службу русским чиновникам, исполняя все их повеления и удовлетворяя все их требования. Но на этом не прекращались

обиды и гнет русских. Воспользовавшись нашим спокойствием, Башкирия наводняется русскими боярами. Сотнями и тысячами грабится наш скот, и при помощи фискалов ежедневно сотнями убиваются, избиваются и высылаются наши почтенные люди.

В чем были повинны Кельмек Абыз, богатырь Акай, Кучум, Кучук, Альдай, Карасакал, Айдар, Амин и мулла Батырша? Кельмек Абыз и его сторонники восстали против постройки города Оренбурга и против заселения башкирских земель русскими боярами, признавая, что это превратится во вражеское гнездо. В результате он, попав в руки табинских русских, был повешен в присутствии нескольких тысяч башкир. Затем на арену борьбы за свободу башкир выступил Карасакал, который также был повешен.

Спустя четыре года появился мулла Батырша. Богатыри Буриан и Амин, присоединившись к нему, пробовали было захватить в свои руки Сибирскую и Ногайскую дороги. Старшина Айдыр — из Тамиана и Куват — из Усергена пали жертвой за Башкирию. Богатырь Айдар со своим сыном Аканом попал в руки капитана; Акан умер от розги. Когда Айдар не был умерщвлен бесконечной розгой, ему отрезали уши, нос и губы и, закованного по ногам, сослали на тяжкую работу в Заморье.

Мулла Батырша был выдан мещерякским старшиной, некиим Сулейманом, за тысячу рублей. После подавления башкирского восстания и после того, как все руководители движения были взяты русскими, — явился вновь к баш-

кирам майор, некий Бахметьев, с тремястами солдатами, который поджигал башкирские селения и забирал в плен всех башкирских женщин.

Обращаясь к своим войскам, Салават продолжал:

Присоединившись к Пугачу, мы должны отомстить за всех павших жертвой в защиту Башкирии и за башкирскую свободу — за убитых у устьев Ори пять тысяч безоружных башкир, за утопленных в Нике три тысячи башкир, за убитых в Мензелинске Алдаря, Кельмек-абыза, Альшайа, Юлдаша, Амина, муллу Батыршу и за сожженные семнадцать лет тому назад башкирские селения.

Собравшимся тут бакширам Салават приводит следующие поговорки:

Борцом (pelvan) является не тот, кто всех побеждает на свадьбах и иных сборищах, а тот, кто завоюет себе славу умением вести за собой свой народ и одержать победу над врагами за свободу своей родины.

Кто ни именует себя богатырем, но при виде неприятеля, не имеет сноровки, и кто ни признает себя краснобаем (sisen), замолкая при несчастье?

Разве имеется готовая для Башкирии воля — без того, чтобы выбранная тобой красавица не пролила слезы с кровью, и родители твои не согнули с горя свои спины?

Кому в судьбе не сопутствовала сова, кому не служила постелью сучковатая трава и ковыльная степь? Где только не оставалась голова башкирского героя, на воротах которого птица

вила себе гнездо и на щеке которого размножались мухи и комары?

Можно ли добиться равноправия без того, чтобы не харкать кровью, не поведав мяса на траве, не выпивши бульона из пенистой крови и не пролив свою чистую кровь?

После этих слов богатырь Салават, показывая пальцем на кусок уголька, сказал:

Это является угольком сожженных русскими чиновниками башкирских селений и домов; пусть этот уголек будет свидетелем, — на этом месте мы должны принесть клятву в том, что мы отомстим за кровь башкирских джигитов, за честь проданных и оскорбленных башкирских женщин.

Все башкирское войско тут же приносит клятву, поцеловав этот уголек, отправляется для присоединения к Пугачу.

РАССКАЗЫ ТАТАР

29

Я встретил его в деревне Средней Елюзани, Кузнецкого уезда. Усманов — человек уж очень престарелый, но довольно твердой комплекции. Старик сидел у ворот на камне и, видимо, грелся на солнце. Я подошел к нему. Старик вежливо встал и поклонился.

— Что ты, бачка, на меня посматриваешь, как волк на хорька? — спросил он.

Я заметил ему, что, верно, старик греется на солнышке.

— Да, бачка, стары кости парю... Бывало, в молодости ходил браво. Я, бачка, Пугача помню. Сам видел его.

— Как так?

— Да. Он в клетке железной сидел, — вон там, над речкой, стояла подвода: его здесь везли.

— Здесь?

— Да, вот оттуда, по той дорожке.

— Расскажи, пожалуйста, что за зверь был этот Пугач? каков на вид? Правду ли ты говоришь?

Татарин быстро взглянул на солнце, обеими руками коснулся лица и, проговорив «Валлабилла!», начал рассказывать:

— Нам задолго было сказано, что Пугача везут, прямо через Среднюю Елюзань, из степи. Мы, бачка, и салмы не приготовляли, ожидали. Ну, вот и послышалось в народе: «Везут, везут! . .» Наши, бачка, татары — и взрослые, и парнишки, и бабы — все выбежали из домов на дорогу. Прежде показался народ, потом солдаты, казаки, о! много, много было кругом клетки! Вот, бачка, привезли, остановились над речкою. Наши старики вынесли провожатым хлеба и вина, просили допустить к клетке посмотреть. Ну, вот, бачка, провожатые немного отстранились; видел, бачка, Пугача, помню: Валла-билла! Сидел он в клетке, вот так на корточках (татарин присел), не большого и не малого роста, крутой (крепкий), борода рыжая-кургуза, глаза, бачка, точно у волка, ну, Пугач, страшно вздумать, а на шее у него была верно цепь. Мальчишки в него издали бросали камешками. Он что-то, бачка, все рычал, верно, сердит был. Повезли его от нас на Верхнюю Елюзань; народ повалил за клеткою. Не знаю, куда его девали. Говорят, в Москве отрубили у него голову, руки и ноги. Ну, бачка, таковской был, народ его боялся, с мальчишками как скажешь «Пугач-Пугач», то и молчат и не шалят. Помню, бачка, помню. Алла, Алла, ох, какой был Пугач. . .

30

— Пугачев раньше был донским казаком. Прибыв к Яику, был в работниках у одного яицкого казака на хуторе — пас скот. Он был

человеком, искусно владевшим речью, умел себя держать, и на лицо привлекательным. Это было во времена кончины царя Петра Федоровича. Но среди народа ходили слухи о том, что он жив, не умер, что он скрывается. Однажды какой-то старый казак спросил Пугачева: «Не Петр ли Федорович ты?» Пугачев моментально ответил, предупредив: «Однако, дед, об этом никому не говори». После этого случая старый казак втихомолку начал говорить каждому: «Смотри, не будь радивым, вот он, Петр Федорович!» В эти времена, когда царицей стала бабушка, был объявлен приказ яицким казакам, чтобы они брили бороды. По причине насильного и принудительного бритья и облачения яицких казаков в форменные мундиры, в эти времена они были в состоянии беспомощности и измучены. После этого Пугачев по всему Яику принимает известность под именем Петра Федоровича. Народ начинает собираться к нему. Вначале он, возведенный на коня и выведенный из хутора, повел за собою батраков-пастухов, затем все население Яика, и осаждали город Оренбург. В это время в Оренбурге была большая нужда, и много людей погибло с голода. В это время брат нашего дедушки Аита — Сагит жил в Оренбурге. Он рассказывал,—население города до того изголодалось, что ели разбросанные около кузницы куски, выскобленные при ковке лошадей из-под копыт. Сам же дедушка Сагит, по его рассказам, питался имевшейся у него с пуд ржаной мукой, зарытой им в землю, размешивая ее понемногу в теплой воде. Еще рас-

сказывал он: Однажды во время осады города Пугачевым, и когда Оренбург был в состоянии сдачи не сегодня так завтра, река Яик за ночь покрылась тонким слоем льда. По приказанию губернатора, егеря ночью организовали вылазку некоторого количества войск, которые, опираясь на палки, перешли через лед и открыли по пугачевцам огонь. Последние, приняв их за прибывшие на помощь осажденным войска, в беспорядке разбежались во все стороны. Рассказывал еще отец: После этого Пугачев прибыл к Казани. Наш дедушка Аит в это время проживал в Яицке. В Яицке в это время говорили, что Пугачев пошел занять Казань. Дедушка Аит отвечал им, что Пугачеву так скоро не удастся занять Казань, даже царь Иван Васильевич занял ее только после семилетней осады. Об этом его заявлении донесли яицкому атаману — ставленнику Пугачева. По приказанию атамана, его, связанного по рукам и ногам сырым сыромятным ремнем, выбросили в поле. Друзья дедушки Аита тут же принимают меры — идут к атаману и заявляют, что он невиновен. После благовидного их разговора получают приказание развязать его. Неизвестно, сколько времени пришлось деду пролежать, однако от сильно натянутого сырого ремня руки и ноги так распухли, что его не было видно; старика спасли, срезав ремни. Дедушка Аит тотчас после этого случая преподнес атаману два шелковых платка для знамени пугачевских войск. Еще рассказывал дед Аит: После этого в Яицке был такой беспорядок, — из моих нескольких тысяч овчин пугачевцы

сделали мост через брод реки Яика и переправили войска.

То, очевидцем чего был мой отец.

Покойный отец говорил:

— Когда Пугачев прибыл в Казань, тогда я был мальчиком, приблизительно, лет десяти. Во-первых, казанский губернатор... получив сведения о приближении Пугачева, запретил бистинцам (жителям татарской слободы) выезд на макарьевскую ярмарку. По прибытии Пугачева в Казань, в эти времена предводителем казанских татар был некий Ибрагим... Ибрагим распорядился собрать вместе все припасы — лепешки, баурсаки, сухари, хлеб, мед, масло, яйца, брагу и прочие припасы, приготовленные на макарьевскую дорогу — и разложить на скамейках, поставленных для этой цели во дворе мечети. Это и было сделано. Через некоторое время стали подходить башкиры из пугачевской армии, чуваши, черемисы и прочий сборный народ, некоторые из них были в поповском облачении, некоторые одеты в штофные одеяния и некоторые в женских халатах; некоторые были одеты в шелковые и штофные женские (русские) платья и вооружены пиками, ружьями, железными вилами, косами, а иные пикообразными жердями, с обожженными острыми концами. Все старики, во главе с упомянутым Ибрагимом, собрались у мечети. Прибывшие из пугачевских войск башкиры спрашивали: «В мире ли вы или во вражде?» Старики отвечали: «В мире, в мире»,

башкиры: «Если вы в мире, то идите к батюшке нашему и дайте присягу в верноподданстве». После чего казанцы, высадив их с коней, кормят и поят, а затем башкиры, уходя, повторно предлагают пойти к их батюшке и дать присягу в верноподданстве.

Господин Аитов Мухаммедзян говорил: за год до похода Пугачева на Казань из нашей Казани было отправлено несколько человек на военную службу в Бугульминск. Среди них были — не то отец красильщика Мухаммедьяра-Губайдулла, не то его дед мулла Юсуф — человек воинственный. Встретив в Бугульминске упомянутого муллу Юсуфа, пугачевский полковник, некий Аит, спросил: «Знаешь ли ты моего друга Аита, проживающего в (татарской) слободе?» Получив утвердительный ответ, полковник передал шапку из куницы, говоря, что эту шапку он снял с только что застреленного им насмерть русского полковника. Однако нам неизвестно, как могли встретиться люди противоположных лагерей.

После такого рода двух-трехдневных мытарств и беспрестанных предложений, старик Ибрагим заявил народу: «Теперь делать нечего». Вооружив и посадив на коней семнадцать человек и повязав на правые руки синие тряпки — знаки пугачевцев, под руководством (Ибрагима), вооруженного луком и дубиной, обходом белых песков, кругом Мокрого, направились они на Арское поле. Увидев в это время в направлении московской дороги поднятую большую пыль, он сказал: «Ой, джигиты, сойдите с коней, подкрепите ремни от

седел и перевяжите синие тряпки на левую руку». После этого, распорядясь сесть на коней, сказал: «Эта пыль, очевидно, поднята войсками генерала Михельсона, идущего от падишаха (царицы) на помощь городу. Идите к нему». Эти джигиты, поскакав галопом, присоединились к отрядам Михельсона. В то самое время пугачевские войска, шныряя по улицам, убивали первого попавшегося русского. В то время, когда мы высматривали через щель лавки (магазина), увидели, как один башкир, догнав поповского сына, колол его пикой около лавки. Поповский сын раздирающе крикнул. Однако пика, оказывается, не задела его. Он влез в расщелину нашей лавки. В эти дни, боясь держать дома, отправили нас в Новую слободу — меня, Мусу и одну из девиц-прислуг. Почему-то мы влезли под какую-то лодку под Новой слободкой. Муса был молод и шаловлив. Когда он под лодкой начал шалить и голосить, то это очень испугало прислугу, — она завопила, что он погубит нас. После этого вечерком мы вернулись домой. Тут и там валялись павшие кони, разбитые седла, пики и шашки. Оказывается, гусары, объезжая все улицы, уничтожали пугачевцев. Все происходило после прибытия Михельсона. Пугачев был разбит и рассеян. Население крепости изголодалось. В течение нескольких дней запрещали открыть городские ворота. Старик Ибрагим все собранное продовольствие относил к крепости и через пушечные бойницы раздавал солдатам. Затем в городе было организовано судебное учрежде-

ние, и, приступив к разбору дел пугачевцев, некоторых повесили, некоторых зарубили (избили). Был один беглый солдат, Исмагил по имени, который, оказывается, состоял командиром батареи. Его повесили между двумя (татарскими) слободами (в настоящее время на этом месте находится изгородь для конского косяка). Еще одного повесили на берегу озера. Один донской казак, не осведомленный о разгроме Пугачева, явившись в город, спрашивал: «Где наш батюшка?» На вопрос «кто твой батюшка» — он ответил: «Петр Федорович». Он был человеком с большой бородой. Тут же ему вытянули и отрезали язык.

Затем был разговор в судебном учреждении о бунтовщиках. Говорили, что казанские татары заодно с пугачевцами, всех их нужно истребить. Все члены судебного учреждения согласились с этим. Но, оказывается, в войсках Михельсона был один генерал из крещеных татар, — он не дал своей подписи. Он сказал, что татары своими ружьями (или припасами) помогли нашим войскам. Затем и запертые в городе солдаты заявили: «Если не кормили бы нас татары, то мы умерли бы; после выхода Пугачева из города нас кормили татары», — после чего казанцы были прославлены как помощники русских войск, сказывал он.[1]

В этом году прибытия Пугачева в Казань, то есть в 1774-м, Пугачев дотла сжег и разрушил Казань. До прихода Пугачева вокруг кре-

[1] Т. е. отец Мухаммедзяна Аитова. В. З. (Примечание переводчика. — *А. Л.*)

пости было несколько башен («минаретов»), — они им разрушены. Время прихода Пугачева в Казань стариками, в минувшие дни, было употребляемо в качестве исторической даты и эпохи. При определении возраста спрашивали друг друга: «Сколько лет было тебе в пугачевщину?» Одним было десять лет, другим — три года, а некоторые говорили, что он родился в пугачевском году, или: «я еще находился в утробе матери».

РАССКАЗЫ УДМУРТОВ

(в краткой передаче проф. Б. М. Соколова)

31

Мне пришлось побывать в большом вотском селе Завьялове, находящемся на пути между теперешней столицей вотяков (ныне удмуртов. *А. Л.*) г. Ижевском и камской пристанью Гальяны. Завьялово расположено на удивительно живописном месте в 17 верстах от Ижевска.

Здесь мне предложили познакомиться с проживающим в Завьялове «Пугаченком», т. е. потомком Пугачева, как упорно об этом говорит молва...

Передо мной предстал пожилой степенный крестьянин с густой седой бородою, высокого роста и крепкого сложения. В завязавшемся оживленном разговоре Ив. Дм. Иванов действительно подтвердил, что его род связывают с именем Пугачева, и показал на висевший на стене большой, почерневший от времени портрет своего прадеда, Андрея Григорьевича Иванова. Под портретом имелась теперь уже стершаяся вотская надпись «Пугач — пи» — «Пугаченок» и фамилия художника, писавшего портрет, О. М. Евграфова. Портрет изображает довольно представительного с окладистой бородой и выразительными глазами мужчину, с низким

лбом и суровым видом. Это и был, по преданию, ближайший потомок Пугачева.

Местное предание говорит, что проезжавший через Завьялово Пугачев, направляясь от Камы к Ижевскому заводу, пробыл в вотском селе Завьялове не более дня, чтобы дать отдых людям и лошадям, уставшим от езды по непроходимому лесу.

Местное население при внезапном приближении Пугачева большей частью разбежалось, убежал и предок Иванова.

Однако его жена осталась дома. Пугачев нашел у ней на дворе много наваренного пива и кумышки и расположился на ее усадьбе.

Близости Пугачева к гостеприимной хозяйке народная молва приписала укрепившееся за родом Ивановых характерное прозвище «Пугаченки».

32

Прозванье рода Ивановых «Пугаченками» или «Пучонками» объясняется тем, что принявшая Пугачева вотячка только недавно перед этим разрешившаяся сыном, встретила Пугачева у себя на дворе летом, став на колени и подняв ребенка кверху. Пугачев обласкал ребенка и выразил большое удовлетворение, что она не убежала от него, в то время как другие крестьяне его перепугались. Пугачевцы говорили: «Не бойся, не тронем, не на крестьян идем, а на Ижевск». Вотячка отдала все наваренное для крестин ребенка пиво и вино. Это еще больше понравилось Пугачеву. «Две бочки — ведер 15 выпили». На прощанье Пугачев оставил ласковой хозяйке кошелек с золотом.

РАССКАЗЫ УРАЛЬСКИХ КАЗАКОВ

(в передаче И. И. Железнова)

33

Из рассказа калмычки-монахини, А. В. Невзоровой

— Скажи-ка ты мне: сколько тебе отроду лет?

— Много, много, дитятко: кажись, сотенный годок пошел, — отвечала Августа.

— В Пугачев, что ли, год родилась?

— Ой, нет, дитятко! в Пугачев год я была годов десятку, коли не больше.

— Значит, помнишь Пугачева?

— Как не помнить?! Хоша многого-то и не помню, а все-таки кое-что осталось в памяти. Как теперь смотрю на него, голубчика: такой был мужественный, величавый, настоящий царь...

— Как царь? — перебил я. — Бродяга, как есть бродяга! А вы царем его считаете. Смешно!

— Ах, дитятко! Что ты говоришь! Можно ли его царскую особу так обзывать? — возразила монахиня. — Он был настоящий царь, истовый Петр Федорович! А что он был бежавший, это правда, дитятко, точно что бежавший,

супротив этого спорить не буду. Да ведь это со всяким может случиться: век пережить — не поле перейти: ныньче князь — завтра в грязь...

— Как бежавший? — спросил я.

— Да так, просто-напросто бежавший, от налога, значит, бежал, и царство не взлюбилось, — отвечала монахиня. — Между нами будь сказано, — продолжала она, погодя немного, — невмоготу стала жизнь ему в Питере... Да ты, кормилец, не поставь мне в осуждение мои простые, бесхитростные слова, — оговорилась монахиня.

— Говори, говори, матушка!

— Ну, то-то, дитятко! Слушай-ка. Я перескажу тебе, что я в молодую мою пору слышала от старых людей. Отец моего свекора близок был к Петру Федоровичу; да и дядюшка мой родной его же руку держал. Дядюшку моего и с сыном, двоюродным братцем моим (Кораблевы прозывались) убили на приступе к крепости... Вот и выходит, что мне было от кого слышать.

— У него, — продолжала монахиня, — у Петра Федоровича, между нами будь сказано, вышло несугласье с супружницей его, матушкой царицей Катериной Лексевной. Господь их ведает, из-за чего у них там стало, не наше дело, суди их царь небесный, а нам не подобает разузнавать и допытываться, что как было. Поговаривали только, что он, батюшка наш, был ревнивый, ревнивый такой, а она, матушка наша, супротив него была непокорлива такая. И пробежала, знать, между ними черная кошка.

Супротивниками ему были еще эти Чернышевы, Орловы, Пановы (Панины) и иные прочие енералы, что в Питере при дворце служили. Он видит, что одному ему супротив всех не совладать, взял да и скрылся тайно из дворца, как святой Алексей божий человек скрылся из палат своего отца-царя.

— Да как же все это случилось? — спросил я монахиню. — Царь, и тайно скрылся из дворца! Что-то мудрено, матушка.

— Мудреного ничего нет, дитятко,— сказала монахиня: всячина бывает на белом свете. Цари — цари, а и с ними перетурка бывает... Об этом самом деле поговаривали в народе, что случилось это таким побытом. Он, Петр-то Федорович, хоша природой-то был и нашего царского корня, но родился в иной земле, там, вишь, и вырос. Значит, были у него там и сродники, и приятели, и, между нами будь сказано, приятельницы. В ту самую пору, как вышло у него с матушкой-то Катериной Лексевной несугласье, вот в эту-то пору, словно на грех, к нему и приехала из иной земли на кораблях со свитой какая-то иностранная прынцесса, может и нарочно, чтобы в огонь масла подлить. Он обрадовался и пошел к ней на корабль в гости, да и загулял, батюшка!.. А гулять-то он, сказывали старики, гулять-то, не об нем будь упомянуто, куда охотник был. Трое суток, говорят, не выходил из ее банкета: все пунши, да танцы, да музыка. Матушке-то Катерине Лексевне, знамо, показалось это за великую досаду. Вот она на четвертый день выходит и шлет к нему посла, чтобы он оставил

банкет и шел в свою царскую семью, а он не слушает. Она другого шлет; он и другого не слушает. Она третьего, а он и третьего не слушает. Напоследок сама матушка Катерина Лексевна идет на корабельную пристань, но не показалась ему на глаза, а посмотрела только в стеклянные двери, как он там прохлаждается. Посмотрела матушка, покачала головушкой и удалилась во дворец, только промолвила: «Нет, не исправишь!» Адъютанты и приспешники, что были при Петре Федоровиче, и говорят ему: «Пора-де до дому, ваше царское величество, а то долго ли до беды: сама-де царица здесь была и ушла больно-де сердитая. Быть беде».

— Пустяки! — говорит Петр Федорович. — Жена не посмеет ничего супротив меня сделать. Коли захочу, в монастырь ее упеку. Только одно слово скажу...»

— Ан и посмела! — заметила монахиня. — Женщина она, а лютая была. Чрез сколько-то времени, — продолжала рассказчица, — в ночную пору царь пошел во дворец понаведа́ться, что там такое деется, подошел к воротам, а они на запоре. Вот тебе и не посмеет! Часовой, что у ворот стоял, окликает:

— Кто идет?

— Царь! — говорит Петр Федорович.

— Нет у нас царя! У нас царица! — говорит часовой дерзким манером.

Петр Федорович кинулся было к нему, хотел, значит, ударить его и вразумить, а он, не будь дурен, уставил в него ружье: «Застрелю! — кричит. — Уйди лучше!»

Нечего было делать, побился, побился он около ворот и часового и ушел опять на корабельную пристань, сел на корабличек и уехал в иную землю.

Таким-то побытом и стал он, батюшка, странствовать из царства в царство, из королевства в королевство. То к тому придет царю, то к другому. Все по тайности его принимали, все его поштовали, а помощи ему не давали. Один говорит: «Не могу в чужие дела входить — своих много». Другой говорит: «Свой дерись-бранись, а чужой не приставай». С их стороны это был только отвод один, а на самом-то деле они крепко побаивались матушки Катерины Лексевны. Ведь она даром что женщина была, а какая разумная, да и воевать-то была горазда, что твоя Ольга премудрая: супротив нее ни один царь не стоял — всех побивала. На что уж пруцкой король Фридрих воин был, говорят, от всего света, и богатырь: железные подковы разгибал, всех суседних царей побивал, а она, наша матушка, и его побивала. Значит, всех сильнее, войничее была! Сколько она земель отбила от супротивников, сколько городов побрала, сколько дани перебрала, — и не перечтешь! Турского салтана, говорят, вдосталь забила. Все Черное море своими кораблями покрыла, Очаков, Анапу взяла. И к Царюграду подступала, да не взяла: время не пришло, дитятко, — по писанию святых отцов, возьмут наши Царьград в последнее время при царе Константине... Однако много с турского салтана отсталого взяла и обязала его, век-повеки, платить нашему царю дань. И платит

с той поры турский салтан нашему царю дань великую: оттого самого наши цари и богаты. Вот она какая была, наша красавица! Ну, кто ж супротив нее смел итти? Никто, дитятко! Все на нее зубы грызли, а супротивничать не смели. Особенно зол был на нее турский салтан. Из досады-то, что она его доншибла, данью обложила, в корень, что называется, разорила, он, говорят, и шепнул Петру Федоровичу, когда тот к нему в Царьград пришел: «Ты, говорит, что по чужим-то огородам шатаешься? У тебя, говорит, свой зеленый сад стоит. Толкнись-ка ты, говорит, к орлам своим брадатым, сиречь к казакам яицким: присугласи, говорит, их к себе и уж через них, говорит, получишь ли, нет ли, что тебе следует. Они, говорит, орлы-воины, кремень-воины; я, говорит, знаю их, по их сродственничке, по Игнат Некрасове; все, говорит, одной породы. Они, говорит, знаю, постоят за отечество. . .»

— И впрямь, кормилец, — вмешала рассказчица свое замечание, — какие и воины-то были эти старые казаки, не нынешним чета. Любо-дорого было смотреть на старого казака. Разоденется, бывало, в кармазинный зипун, в широкие шаровары, в ину пору парчевые, на голову нахлобучит высокую баранью шапку с вострым бархатным верхом, за плечи закинет винтовку иль-бо турку под серебряной насечкой и с серебряными бляхами, в руки возьмет пику острую, древко, ленточкой перевитое, к боку прицепит кривую саблю турецкую в серебряной оправе иль-бо сайдак (лук) с колча-

ном, — и этим старые казаки рудовать умели, — да как сядет во всем убранстве на лошадь, так и раздуется: гора — горой, копна — копной, ну, просто богатырь старинный, примерно, Илья Муромец, иль-бо Добрыня Никитич. А теперь что? Тарань — таранью!

— Слышал, слышал, матушка! — перебил я хвалебную речь монахини старым яицким казакам. — О Петре-то Федоровиче ты мне рассказывай!

— Прости, дитятко, заговорилась немного. Старинку-то, знаешь, вспомнила, ну и того... мысли-то и разгулялись. На чем, бишь, я остановилась? Дай бог память, — сказала монахиня.

— Турский султан присоветовал ему итти на Яик, — подсказал я.

— Да, да, вспомнила, — сказала монахиня, и потом продолжала:

— И говорит салтан турский Петру Федоровичу: «Не мешкай, ступай к яицким казакам; объявись, говорит, им, кто ты есть, и обещай, говорит, царским своим словом, пожаловать их вашим крестом и бородой. Они, говорит, теперь в загоне, претерпевают от графа Захар Григорьича Чернышева великую изневагу насчет вашего креста и бороды. А коли ты пожалуешь их крестом да бородой, то, говорит, постоят же они за тебя, никому не дадут тебя в обиду. Я, говорит, знаю яицких казаков, они, говорит, и ко мне не прочь перейти, есть когда в отечестве станут обижать их насчет креста и бороды, а у меня, сам знаешь, казаки Игнат Некрасова

никакой изневаги насчет креста и бороды не претерпевают. Это, говорит, я говорю тебе из жалости одной: человек-то ты добрый, гонимый; а то, что̀, говорит, за охота отбивать мне у самого себя доход: не ныне — завтра, знаю, все казаки, что ни есть в Российском царстве, будут в моем обладании, стоит только клич кликнуть. Игнат Некрасов показал дорогу. Ступай, говорит, куда велю; не трать понапрасну время, и так, говорит, не за что, не про что пропало лет десять, как ты без места». — Вот он и пришел на Яик, наш батюшка, — заговорила монахиня.

— Какой батюшка? Пугач-то? — спросил я.

— Какой Пугач, родимый? Не Пугач, а сам Петр Федорович! — сказала монахиня таким тоном простоты и уверенности, что, казалось бы, и возражать не следовало; но я все-таки возразил:

— Ах, матушка, как же и обманули вас! Ведь то был проходимец, простой казак с Дона, Емельян Пугачев.

— Нет, нет, дитятко! — говорила монахиня. — Это выдумали враги его, супротивники, питерские енералы и сенаторы, что сторону Катерины Лексевны держали. Они и Пугачем-то прозвали его и распустили в миру славу о нем. Он, видишь ли, воин был, *пугал* их, так и прозвали его: Пугач, да Пугач! А он был на самом деле Петр Федорович. Есть когда б он был не Петр Федорович, — продолжала монахиня, — то б не то и было, тогда бы и духу нашего не осталось на Яике, даром что Яик-то наш, родной кровью заслуженный.

Я тебе вот что расскажу, дитятко. Как только солучилось в ту пору на Яике завороха, сиречь, как только объявился Петр Федорович и наши казаки признали его за государя и уверовали в него, — то недели через три и прискакал на Яик от матушки-царицы гонец, чтобы, знаешь, потушить, замять это дело, чтобы, знаешь, не дать огласки и в Расеи, и в иных землях. А наши казаки, — знамо, не сами собой, а с приказу Петра Федоровича, — наши казаки возьми да и приспокой этого гонца (при этих словах монахиня сделала очень выразительный и вразумительный жест, как приспокоили гонца...) Видно так надо было, — прибавила она с какой-то не то насмешливой, не то жалостливой ужимкой. — А как узнали в Питере об этом гонце, что приспокоен, то все эти Чернышевы, Орловы и взъелись на наших казаков: «Их, говорят, это дело, — никто другой тут не виноват».

Приступили к царице и дают ей такой совет, чтобы всех казаков на Яике, даже до сущего младенца, искоренить, чтобы и звания нашего не было, чтобы и город наш с землей сравнять, камня на камне не оставить. Однако мудрая Катерина Лексевна такому злому совету не вняла: «Никогда, говорит, этого не будет! Ведь они (сиречь, казаки-то наши), ведь они, говорит, не за мужика какого стоят, а за царское имя». Вот и выходит, что то был не Пугач какой, а все-таки он сам, сиречь, анператор Петр Федорович.

— Опять вот что скажу тебе, дитятко, — говорила монахиня. — Как он впервые-то обо-

значился, в ту пору многие из наших казаков признавали его в лицо. Мой свекор — тогда-то, знамо, он не был свекром, а стал после — родной мой свекор ехал из города в Танинские хутора, а навстречу ему, на Белых-Горках, попалась партия казаков с харунками (знаменами). Наперед всех, в парчевом одеянье, ехал мужчина, такой мужественный, такой величавый, индо свекор мой испугался, остановился, скинул шапку и поклонился.

— Чей ты? — спросила особа.

— Перстняков! — говорит свекор и опять поклонился.

— Как твоего отца зовут?

— Иваном! — говорит свекор.

— Помню, помню! — говорит особа. — Воротись, говорит, домой и скажи своему отцу, чтобы сию минуту явился ко мне и представил бы жалованный ковш, что я пожаловал ему в Питере, когда наследником был: он знает».

— И поскакал свекор мой сломя голову назад в город и рассказал своему отцу: «Так де и так, батюшка!» На ту пору отца свекора била лихоманка (лихорадка), однако велел сыну запречь в телегу лошадь, а сам достал из сундука жалованный ковш, оделся по-праздничному и поехал в Белы-Горки, а на Горках поделаны уже были рели, словно для качалок, а на релях качались удавленники, человек с семь: это были из наших же казаков, кто не признавал Петра Федоровича. А он не давал никому потачки, кто не веровал в него — казак ли, баба ли, барин ли, барыня ли, — все единственно, всех, значит, смерти пре-

давал. Отец моего свекора как взглянул на него, так с первого же раза и признал его, нашего батюшку, и поверовал в него. А признал его потому, что в Питере его видал, когда он был еще наследником. И не один отец свекора, а и иные многие казаки, что в Питер с царским кусом езжали, признавали его. А он и сам многих признавал. Бывало, достанет из кармана бумагу и читает: «в таком-то году, вот тот-то приезжал; того-то вот тем-то, а того-то вот тем-то дарил». И все выходила правда. Значит, и был он настоящий царь. . .

— И с той самой поры пошел трус — мятеж по всему нашему войску! — продолжала монахиня. — Чего, чего, кормилец, не было: и давили, и топили, и расстреливали — ужасти господни! . . Ночью, бывало, по улицам не ходи. Бесперечь окликают: «Кто идет?» Скажешь: «Казак!» Спросят: «Чьей стороны?» Ну, и не знаешь, как сказать, не знаешь, с какой стороны спрашивают. Одно было спасенье: «Калмык!» — скажешь, и лучше. Их чтой-то не трогали. Мы, кормилец, жили в самых куренях, близ самой, выходит, крепости, и я наслышалась страстей-ужастей вдоволь, индо и доднесь мерещится. Бесперечь на приступ ходили, подкопы вели, из пушек, из пищалей без умолку палили индо мать сыра земля стонала, а с крепости смолой, варом обливали! Сколько народу погибло — страсти господни! Я чаю, от зачатка нашего города не бывало такого кровопролития. Моего родного дядю, по матери, и с сыном — Кораблевы прозывались — на при-

ступе убили. А в поле-то, бывало, съедутся, то же самое. Примерно, сторону царицы держит отец, а сторону царя — сын. Лошади под обоими семьянны. Как съедутся, лошади-то и заржут, — знамо, спознают друг дружку. По лошадям и воины-то спознают друг друга. Отец, бывало, кричит сыну: «Эй, сынок! иди на нашу сторону! Не то убью!» А сын отцу в ответ: «Эй, батюшка! иди на нашу сторону! Не то убью!» А тут подскачет какой-нибудь полковник, да и гаркнет: «В поле съезжаться — родней не считаться! Бей!» И хватит, выстрелит кто-нибудь из пищали, иль-бо отец в сына, иль-бо сын в отца! Таковое-то было кровопролитие за грехи наши.

Монахиня замолчала и перекрестилась. Немного погодя, я спросил:

— А знавала ли ты, матушка, Устинью, жену Пугачева?

— Устинью-то Петровну? — отвечала монахиня. — Как не знать? Шаброво дело, всего только через два дома друг от дружки жили.

— Как же этакое дело случилось, что Пугач на ней женился? Сам что ли он захотел, или присоветовал кто?

— Не знаю, как сказать тебе, кормилец, чтоб не солгать на старости лет, — сказала монахиня. — В ту пору мое дело было детское, а после, как подросла, слышала на-двое: одни говорили, что Петр Федорович сам захотел, другие говорили, что графы да сенаторы ему присоветовали. . .

— Какие графы, сенаторы? — спросил я.

Монахиня улыбнулась и отвечала:

— Да все воины наши — все эти Орловы, Чернышевы и иные прочие. Ведь у него целая свита была набрана из наших казаков: кто графом Орловым звался, кто Чернышевым, кто другим каким енералом, сенатором, что в Питере при Катерине Лексевне состояли. Ну, с лентами через плечо щеголяли, прости господи, и грех и смех. . .

Монахиня опять улыбнулась. Немного погодя, она продолжала:

— Сидит это он, Петр-то Федорович, под окном и смотрит на улицу, а Устинья Петровна на ту пору бежит через улицу, в одной фуфаечке да в кисейной рубашечке, рукава засучены по локти, а руки в красной краске. Она, видишь ли, занималась рукодельем, шерсть красила да кушачки ткала, такая мастерица была. Увидал ее Петр Федорович, — а она была красоты неописанной, — увидал ее и влюбился; спрашивает своих сенаторов:

— Чья эта девица?

— Дочь казака Кузнецова!? — говорят сенаторы.

— Сию же минуту, говорит, ведите меня в дом к казаку Кузнецову.

И пошли в дом к Кузнецовым. Посмотрел Петр Федорович на Устинью Петровну пристально, а она вышла к нему обряжена, как следует, в азарбатном сарафане, в жемчужной поднизке, с монистами и жемчугами на шее, в черевичках, золотом расшитых, — как следует девице хорошего отца-матери. Посмотрел на нее Петр Федорович, и пуще прежнего полюбилась она ему: больно уж красотой взяла.

— Хочу, говорит, на ней жениться.

А сенаторы будто бы ему в ответ:

— Нельзя делу этому статься.

— Как так? — спрашивает Петр Федорович.

А сенаторы будто бы ему в ответ:

— Мы, чай, не басурманы: от живой жены жениться закон воспрещает.

— А я вам скажу: закон не воспрещает! — говорит Петр Федорович.

— Как так? — Это уж сенаторы-то будто спрашивают его.

— А вот как! — говорит он. — С женой моей я разошелся давно, больше десяти годов, говорит, живем мы с ней порознь, а закон разрешает после развода жениться через семь лет. Теперича возьмите в толк вот еще что, — говорит Петр Федорович. — Ведь цари-то — не как простые люди, цари не связаны никаким законом, цари сами закон, — когда захотят, тогда и женятся, на ком хотят, на том и женятся. Кто им смеет указывать?

— Вот такими-то словами будто бы и урезонил Петр Федорович своих енералов и сенаторов, — сказала монахиня, — и женился на Устинье Петровне. А другие говорили иное, — присовокупила, немного погодя, монахиня. — Другие говорили, будто Петр Федорович не сам собой женился, а графы да сенаторы присоветовали, сбили его с пути истинного. Ему, видишь ли, хотелось иметь ее, сиречь Устинью Петровну, — прости, господи, за слово! — хотелось иметь ее полюбовницею. А сенаторы-то и стали проть него, особенно, говорят, Мишка Толкачев. Правда, надо сказать, Мишка пер-

вый ходок был у Петра Федоровича по таким делам. Однако, как коснулось дело до сродственницы — он сродни был Кузнецовым — так запел другое. По его, говорят, совету, сенаторы наши приступили к Петру Федоровичу и говорят: «Бесчестно отецкой дочери быть наложницей. Не подобает и царской особе пребывать в грехе... А есть когда угодно твоей царской милости, чтоб стецкая дочь была твоей, то, говорят, сочетайся с ней законным браком». А он им в ответ: «Нельзя этому делу статься, сами знаете, у меня жена жива». А они ему говорят: «Какая у тебя жена? Та, что ли, что в Питере-то живет и мудрит? Что она тебе за жена? Не жена она, а супротивница!.. Что тут много толковать, — говорят сенаторы, — есть когда Устинья Петровна тебе полюбилась, — женись да и баста! А на ту нечего смотреть: немного она нацарит. Ты только положись на нас. Грудью за тебя постоим, жизни не пожалеем! Всю анперею с тобой пройдем, Москву возьмем, Питер возьмем, и самое ее пленим!»

«Таким-то побытом, — продолжала монахиня, — графы, сенаторы и соблазнили Петра Федоровича, на грех навели и этим самым делом, сиречь женитьбой-то Петра Федоровича на Устинье Петровне, всю кашу испортили. Как узнали в миру про женитьбу Петра Федоровича, так народ-то усумнился и весь отшатнулся от него, а то бы, глядишь, не то и было... Армия, что из Москвы на него шла, вся армия, касатик, хотела преклонить пред ним знамена и покориться ему, как законному своему анпе-

ратору. А как узнали, что он от живой жены женился, так и захлестнуло. «Пугач, а не царь!» — сказали солдаты и командиры ихние и с той поры стали супротив него.

Узнала об этом и Катерина Лексевна и крепко разобиделась, матушка. «Есть когда он так поступил, сказала государыня, — то и я поступлю с ним по-свойски! — Поезжай, — говорит она князю Голицыну, — поезжай на Яик и беспременно разбей его, греховодника! Живото или мертвого, все единственно, говорит, представь его ко мне; будет, говорит, ему прокуратить и мир мутить; пора, говорит, положить предел его затеям, им же несть конца!»

— И князь Голицын разбил его у Татищевой, как приказывала государыня, — сказала монахиня таким тоном, который ясно выражал сочувствие рассказчицы к неудаче Пугачева. — А дотолева все командиры и енералы потрафляли Петру Федоровичу, мало с ним стражались, а коли и стражались, то неохотно, касатик: знамо, и сами опасались, — дело было закрыто: почем знать, чья бы взяла? Есть когда бы не женитьба, не то бы и было. Так старики говорили. От Татищевой он бежал на Волгу, — продолжала монахиня, — но нигде большой удачи не имел, по той самой причине, что мир-то в нем усумнился, да и казаки наши все почесть от него отшатнулись — самая малость при нем осталась. От Волги он опять бросился было к Яику, да дальше Узеней оттуда, голубчик, не пошел. Сами же казаки, что при нем оставались, привезли его с Узеней в город и сдали командирам, а командиры, знамо дело,

представили его в Питер к государыне. Там, значит, и кончил он дни свои в мире и тишине.

Монахиня перекрестилась.

— Как в мире и тишине? — перебил я. — Его, как буяна, душегубца, казнили!

Монахиня улыбнулась.

— Казнить-то казнили, дитятко, — сказала она, — да не его, а другого, подставного какого-то человека, такого, видишь ли, подыскали колодника, кой согласился умереть за него за деньги. Деньги-то, знамо, пошли детям его, этого колодника.

— Как так? Не может быть! — возразил я.

— Так, так, касатик! Ты уж лучше не спорь, всяк тебе то же скажет, — сказала монахиня. — А есть когда хочешь знать это до всей тонкости, то поезжай на Свистун и отыщи там кого-нибудь из старожилов из Кузнецова дома: они лучше дело это знают, потому семья их тут замешалась.

— Да, кстати, матушка, скажи-ка: что сталось с Устиньей? — спросил я, когда речь снова зашла о Кузнецовых.

— Устинья Петровна и две сестры Толкачевы, — обе девушки, что во фрейлинах при ней состояли, — взяты в Питер, касатик, — отвечала монахиня. — Царица призывала их к себе, смотрела одеянья на них и похвалила: «прилично де и красиво». Только Устинье Петровне сделала слегка выговор за башмаки, что золотом были вышиты: «Не подобает, Устинья Петровна, украшать башмаки золотом, сказала царица. — Я вот законная царица, да и то башмаки у меня без золота:

золото идет только на украшение святых икон, а на башмаках ему не следует быть». После того фрейлин Толкачевых обдарила государыня и отпустила на Яик, а Устинью Петровну оставила при себе в Питере, а на Яик не отпустила. Там, в Питере-то, значит, Устинья Петровна и жизнь свою кончила.

— Несчастная! — невольно сорвалось у меня с языка. — Пропала ни за что!

— Ах, что ты говоришь, дитятко! — возразила монахиня. — Что она за несчастная! Разве что умерла не на своей стороне, а то, что̀ за несчастная? Дай бог всякому такого несчастья. Матушка-царица приспокоила ее в каком-то хорошем монастыре, где Устинья Петровна и прожила во всяком изобилии и удовольствии. И сынка-то ее матушка-царица осчастливила...

— Какого сына? — спросил я.

— Какого? — в свою очередь, спросила меня монахиня, видимо озадаченная моим неведением. — Неужто ты не знаешь? Ведь Устинья Петровна осталась беременна от Петра Федоровича; живши в Питере, она и родила сына. Вот этого-то самого сына матушка-царица и воспитала, как подобает, за царского сына; а как дошел он до отроческих-то лет, взяла да и подарила его какому-то бездетному королю иной земли, чтобы престол его наследовать. Разве это плохо? — заметила монахиня.

— Коли плохо! — сказал я, улыбаясь. — Только правда ли?

— Еще бы неправда! — сказала монахиня. — Есть когда мир болтал, то и я болтаю. Только

как же, касатик, всему миру-то болтать, — прибавила она. — «Глас народа — глас божий». Еще вот что не забудь, касатик: есть когда б все это болтовня была, то посуди: отчего Мартемьян Михайлыч не узрил родину, а пропал в Питере, в одночас, говорят, умер, а може и не умер, може, и в темнице весь век томился. . .

34

Рассказ Ивана Михайловича Бакирова

— Если б жив был родитель мой, — царство ему небесное, — вот он бы рассказал тебе об *нем* не так, как я, — так начал речь свою Иван Михайлович Бакиров, когда я заговорил с ним о Пугачеве. — Бывало, заведет это он речь об нем, говорит, говорит, что твои гусли; слушаешь, слушаешь, а все слушать хочется: такая уж суспиция любопытная! Да ты, чай, и сам кое-что слыхал и помнишь от родителя моего, когда есаулом был у нас, — прибавил Бакиров. — Ведь помню: бывало, вернется родитель домой поздно вечером, спросишь: «Где был, батюшка?» — «У есаула!» — скажет. «Что так долго?» — спросишь. «Да что, долго! — скажет. — Все о Петре Федоровиче спорили». Чай, помнишь? — спросил меня Иван Михайлович.

— Помню, что споры-то мы вели, — сказал я. — Помню, Михайла Михайловича, — царство ему небесное! Михайла Михайлович, бывало, говорит, что Пугач был не Пугач, а я,

бывало, говорю, знаешь, по книжке, что Пугач был настоящий Пугач, то есть беглый с Дона казак, это-то помню. А вот главного-то не помню. Не помню, примерно, что Михайла Михайлович говорил мне о пруцком короле, о турском салтане, о корабельной пристани, о заморской прынцессе...

— О какой заморской прынцессе? — перебил меня старик-собеседник, внимательно следивший за каждым моим словом.

— А о той, что на корабельной-то пристани с ним гуляла, — сказал я, и тут же прибавил несколько подробностей, слышанных мною от монахини Августы.

Иван Михайлович несколько раз отрицательно покачал головой, потом заговорил:

— Кто ни на есть другой тебе напутал, а не родитель мой, иль-бо сам ты запамятовал, а я от родителя моего ни слова не слыхал ни о какой заморской прынцессе. Правда, всему миру, чай, известно, гулял он на корабельной пристани, да только не с заморской прынцессой, а с российской дворянкой, девицей, прозваньем, как бы не солгать, Воронцовой. Она была питерская, дочь какого-то енерала ли, графа ли, князя ли, — хорошенько не умею сказать, а только, за верное знаю, наша была, то-ись российская, а не иностранная какая прынцесса иль-бо маркграфиня...

Имя Воронцовой, слышанное мною в первый раз из уст простого старика, яицкого казака, признаюсь, несколько удивило меня, и я, разумеется, тотчас же пожелал узнать, почему Ивану Михайловичу известна эта статья.

— Почему же знали здесь, на Яике, про Воронцову? — спросил я.

— Как почему? — отвечал старик. — Ведь он под веселую руку всю подноготную о себе рассказывал своим приближенным и наперсникам.

— Да он мог врать! — заметил я.

— Зачем ему было врать? — возразил старик-собеседник. — Да хоша бы он и не говорил ничего, так и без того об этой статье здесь знали. Ведь от нас, сам, чай, знаешь, испоконвеку кажинный год раза по три, по четыре ездили казаки в Москву и в Питер с царским кусом. Так как же не знать, что там деется? Шила в мешке, батенька, не утаишь.

— Да кого ни коснись, болячка эта очненно больна, — говорил Иван Михайлович. — Как донесли шпионы матушке-царице, что он прохлаждается на корабельной пристани с своей возлюбленной, то-ись с Воронцовой, она, царица-то, не стерпела и сама туда побежала. Пришла к нему и говорит: «Не будет ли гулять? Не пора ли домой?» А он ей говорит: «Давно ли яйца стали курицу учить? Пошла домой, покуда цела!» Она было еще заикнулась что-то сказать, да он не дал: затопал ногами, зацыкал на нее, — она и убежала домой. Пришедши домой, созвала к себе Орловых, Чернышевых и других, кто ее руку тянул, подняла из церкви образа, отслужила господу-богу молебен, присугласила полков пять гвардии, привела их к присяге, да и надела на себя царскую корону и сделалась анператрицей, повелительницей всей анперии, замест Петра Федоровича. А на корабельную пристань послала

строжайший именной указ ко всем корабельщикам, чтобы они отнюдь его к себе не принимали. А он, вишь ли, хотел с Воронцовой-то бежать на корабле в иную землю, знамо, к приятелю своему, пруцкому королю,— ведь закадычные друзья были, — да не мог бежать: ни один корабельщик не взял на корабль, все застращены были. Царица-то в указе писала: «Кто де осмелится это сделать, — велю де того догнать и злой смерти предать!» Так он и остался на нашем берегу, словно сокол с подрезанными крыльями. А около дворца государыня караулы расставила, чтобы и близко не подпускали его, велела стволами бить, есть когда будет силиться. На другой день, под вечерок, он и взаправду пришел было к ней, да караулы не дремали, не допустили его, — едва-едва и сам-то ноги унес.

Затем старик рассказал сцену с часовым, почти слово в слово, как монахиня говорила; а потом продолжал:

— Он не смотрит на часового, силится во дворец, а часовой отводит его стволом, однако не смеет ни бить, ни колоть. Напоследок часовой крикнул: «Караул, вон!»

С абвахты, что у ворот была, и высыпал караул, и стал под ружье. Петр Федорович подходит к караулу и спрашивает:

— Признаете ли вы меня?

Караульный офицер говорит:

— Нет, не признаем! В первый раз и видим тебя.

— Я ваш анператор! — говорит Петр Федорович.

— Нет у нас анператора: у нас анператрица! — говорит караульный офицер.

— Анператрица! — кричит Петр Федорович. — Знаю, есть у нас анператрица. Да я-то анператор! Муж вашей анператрицы!

Но офицер так и не пустил его.

Ничего не поделаешь, — заметил рассказчик. — Петр Федорович должен был уйти. А она, царица-то, открыла в палатах сверху окно, высунулась оттуда, засмеялась, да и крикнула ему взад-то:

— Что взял? Ступай теперича, — говорит, — к своей возлюбленной, а я, — говорит, — и без тебя проживу: на свете не без добрых людей... Кто да нибудь и научит уму-разуму, как царством владать. Не я, говорит, первая, не я, говорит, последняя из женска пола царствовать буду.

Остановился он, прослезился, с досады, значит, сжал кулак, погрозил ей в окно, да и сказал:

— Ну, добро же, голубушка: будет и на моей улице праздник. Солью тебе я крест, да и вызолочу. На свете не без добрых людей: кто да нибудь и поможет мне подобрать тебя к рукам. Смотри, крепись тогда!

— Ступай, ступай! — говорит она, и захлопнула окно.

Постоял, постоял он под окном, ничего не выстоял. Ушел.

Спервоначала бросился было опять на корабельную пристань, а и там получил то же, что и во дворце: знаешь, именным указом царица застращала корабельщиков. Куда деваться?

Никуда больше, как итти переночевать в загородный дворец: там еще этого дела не знали. И удалился он в загородный дворец. На другой день, помня присяжную должность, к нему пристали полк ли, два ли гвардии, верного не умею сказать, да и сам-то он, родитель, мне говорил, и сам-то он верного не знал, до того ли было ему; только малость какая-то пристала к нему. С этими полками он и хотел супротивляться царице, однако сила ее силу его преодолела. Она со всей гвардией и со всей антилерией, — а у него ни одной пушченки не было, — выступила супротив него, словно Бобылина супротив турок; учинила с ним за городом стражение и победила — ловка была! — а самого его в полон взяла, словно турка, и в том же самом загородном дворце под караул посадила. Какова? Нечего сказать, ловка. Посадимши его под караул, велела отпускать ему по царскому окладу жалованье, а воли ни на один пядень не давать, то-ись никуда за порот дворца не выпускать его и к нему никого не допускать, кроме этих троих прислужников, да караульного офицера. И тут же, при всех енералах и сенаторах, при всем духовном чине, обязала его подпиской, то-ись взяла с него по форме запись в такой силе, чтобы ему в царство не вмешаться, а быть бы век-по-веки отставным царем, а царствовать ей одной. Волей-неволей он и покорился и дал за своей рукой такую запись.

— В ту пору, как он содержался в заключении, — продолжал рассказчик, — близкие-то к государыне енаралы и графы, эти Орловы



ПУГАЧЕВ

С портрета маслом, написанном на портрете Екатерины II

Гос. Исторический музей

и Чернышевы и иные прочие ненавистники Петра Федоровича, разными обинякам советовали государыне, как ни-на-есть извести его, чтобы, знаешь, не вышло чего после, — чтобы не было, знаешь, какой придирки от иных царей и королей, его сродников, особенно опасались пруцкого короля Фридрика, — ведь приятель был нашему-то, то-ись Петру Федоровичу-то. Однако, государыня, отдать ей справедливость, не поддалась, не согласилась. Да и как, в самом деле, согласиться на такое беззаконие? — прибавил рассказчик. — Ведь какой ни-на-есть, а все-таки он муж, а все-таки он царь, помазанник божий, — дело великое! Да и царевич, Павел Петрович, был уже на возрасте... Поэтому самому она и берегла его, крепко сторожила, чтобы не вышло какой пакости от Орловых.

— И просидел он в заточении не мало — не много, ровно семь годочков, — продолжал Иван Михайлович. — Хоша он содержался и не в настоящей тюрьме, в каких содержатся колодники, а в палатах, и ни в чем не имел недостатку, примерно, ни в питьях, ни в яствах, ни в другом в чем, всего было вдоволь, однако не сладко же ему было сидеть. Первое — царства лишился; второе — свободы не имел. Не мимо, видно, говорится: «крепка тюрьма, да чорт ли в ней». На восьмом году уже вырвался из заточения и узрил свет божий.

— Как же он вырвался? — спросил я.

— Добрые люди помогли, — отвечал рассказчик. — Ведь и у него были кой-кто добро-

желатели, — продолжал старик. — Вот они-то и выручили его из заточения. Опоили ли чем сторожей, или подкупили казной, — верного не умею сказать, а только одно знаю: добрые люди выручили его.

— Выдравшись на волю, он и бежал прямо к прущкому королю, Фридрику, да ничего от него не получил, — говорит старик. «Есть когда не дал бы ты запись, я б беспременно за тебя вступился, — говорит Фридрик Петру Федоровичу, — ведь все-таки, говорит, ты мне приходишься сродни маленечко. А теперича, — хошь гневайся, хошь нет, твоя воля, — ничего не могу в удовольствие твое сделать, сам, чай, знаешь. Вот она, бумага-то печатованная, — говорит Фридрик, — ничего супротив нее не поделаешь. Нет, нет, товарищ! Она (то-ись Катерина Алексевна, — пояснил рассказчик), она, батенька, не в пример умнее нас с тобой, даром что женщина: на кривой лошади не объедешь. Взямши от тебя таковую запись, чтобы тебе не вступаться в царство, она, — говорит Фридрик, — тот же день велела напечатовать ее, да и разослала по всем царям и королям, чтобы всяк ведал, а ко мне, говорит, прислала две, мало, видно, одной-то. Вот возьми, читай! Пожалуйста, — говорит Фридрик, — не проси меня: ничего не могу сделать, сам знаешь наши уставы: коль скоро кто из владык земных откажется от царства и даст в том на себя запись, то век-по-веки должен оставаться без царства, по той самой причине, что царское слово свято, во веки веков нерушимо, не нами узаконено. Есть когда, к при-

меру, я за тебя вступлюсь, — говорит Фридрик, — то на меня вся Европия запияет, а одному супротив всех итти нельзя. Советую итти к турку, — говорит Фридрик, — он орда, нехресть, для него закон не писан; може он не посмотрит на твою запись, да едва ли и есть она у него; а я, говорит, секретным манером, сколько смогу, буду вспомоществовать тебе и деньгами, и иным чем, в чем нужда будет, а армии, говорит, дать не могу».

— Вот такими-то словами и улещал Фридрик Петра Федоровича, — продолжал рассказчик. — А на самом-то деле — толковать ли! — его не запись страшила, а страшила сама матушка Катерина Алексеевна. Ведь она хоша и женского пола, а всех королей побивала: умна больно была.

— Таким манером, — говорил Иван Михайлович, — он, Петр Федорович-то, и объявился у нас, в Яике-городу, в семьдесят первом году...

— Не в семьдесят первом, а в семьдесят третьем году, — поправил я рассказчика.

— Как в семьдесят третьем? — спросил Иван Михайлович. — По нашим сказкам, он появился в семьдесят первом.

— Ошибаетесь вы все, Иван Михайлович, — сказал я. — В чем другом — не спорю — вы, может быть, и больше нашего знаете, а уж насчет года не спорь, Иван Михайлович. Верно: в семьдесят третьем.

— Как же так? — говорил с недоумением старик. — Ведь насчет него и песня есть.

И, не дожидаясь моей просьбы, Иван Михайлович тотчас же запел:

Того месяца сентября
двадцать пятого числа
В семьдесят первыим году
Во Яике-городу
Приходили к нам скоры вести:
Не бывать нам на месте.
Яицкие казаки —
Бунтовщики были, дураки,
Не маленькая была их часть,
Задумали в един час:
Генерала они убили,
В том не малю их судили:
Государыня простила —
Жить по-старому пустила.
Они, сердце свое разъяря,
Пошли искать царя.
Они полгода страдали
И царя себе искали.
Нашли себе царя —
Донского казака.
Донского казака —
Емельяна Пугача!
Он ко Гурьеву подходил,
Ничего не учинил.
От Гурьева возвратился,
С своей силой скопился.
К Яику подходил,
Из пушечек палил.
От Яицкого городка
Протекла кровью река.
Он к Илецку подходил,

Из пушечек палил.
Илецкие казаки —
Изменщики-дураки —
Без бою, без драки
Предались вору-собаке.
В Татищевой побывал,
Всю антилерию забирал.
Антилерию забирал,
Рассыпну крепость разбивал.
Из крепости Озерной
На подмогу Рассыпной,

. . . .

В крепости Рассыпной
Был инералик молодой.
Инерал Лопухин был смел,
На коня он скоро сел.
На коня он скоро сел,
По корпусу разъезжал.
По корпусу разъезжал,
Всем солдатам подтверждал:
«Ой, вы, гой еси, ребята,
«Осударевы солдаты!
«Вы стреляйте, не робейте,
«Свинцу, пороху не жалейте.
«Когда мы вора поимам,
«Хвалу себе получим»...

. . . .

. . . .

— Дальше запамятовал, — сказал Иван Михайлович, кончив пение. — Да и с молоду-то я не очень любил петь ее: солдатска она!

Солдаты же, чтобы их одрало, — прибавил рассказчик, — солдаты же, знамо, и приплели тут:

Донского казака —
Емельяна Пугача!

— А по-нашему, — продолжал старик, — по-нашему, он был не Пугач, а настоящий Петр Федорович!

. . . .

. . . .

— Пробираясь, по совету турского салтана, к нашим казакам, Петр Федорович поторопился, взял да и объявился на Волге, в Царицыне, — понадеялся, значит, на народ, да и на волжских казаков. Народ хоша и признал его и поверовал в него, да солдатские командиры держали руку царицы, оттого и вышла запятая. Знамо, простой народ, примерно мужики, купцы, поддержать его не могли. Знамо, расéйский народ не воин; расейский народ просто баран — больше ничего. Возможно ли простому народу устоять супротив солдат? И думать нельзя! И на волжских казаков была плоха надежда. Сколько их? Горсть одна, да и те на разброде, то-ись разбросаны: станица от станицы верст на сотню. Таким манером куда, бывало, он ни придет, народ везде встречу ему делал, как подобает, с хлебом-солью, с колокольным звоном, а командиры гоняли его. Устал он шляться из города в город попусту, взял да и удалился с Волги на Узени. Вот она, история-то, настоящая история!

Узнала об этом государыня и тотчас же разослала с кульерами по всей анперии секретные указы ко всем командирам в такой силе, чтобы нигде его не принимали, а есть когда будет где усиливаться, то зарестовали бы и прислали бы за конвоем в Питер. И повелела об нем пустить в мире такую славу, якобы-де это не Петр Федорович; он-де, волею божиею, скончался, — а это-де беглый с Дона казак Емелька Пугач. Уж так, бог знает почему, приплели тут донского казака, — заметил рассказчик, — благо под руку попался. Не надоумились, видно, кого бы получше приписать. Ай, ай! — сказал Иван Михайлович и покачал головой. — Хитрый народ, эти питерские енералы, — что и баить! хитрей теленка однако не будут.

После того, как на Волге-то он ославился и ушел на Узени, ему нельзя было прямо притти в наш город и объявиться всем казакам: в городе нашем, видишь ли, в ту пору солдаты стояли, и командир их сторожил его. Значит, и туда дошли царицыны указы об нем; везде, значит, царица упредила. По этой самой причине он, до поры до времени, и приютился на Узенях, — место в ту пору было дикое, уединенное. А укрывали его там кое-кто из наших же казаков, особенно Толкачевы: большая была семья, и в городе дома имели, и в Бударине, и в Танинских хуторах. У них в семье по секрету и харунки шили, шелками и золотом расшивали. А в самом-то городе еще не знали, где он обретается. Слышать — слышали, — молва, батенька, далеко идет, — слышать — слышали, что был-де в городе Цари-

цыне и ушел-де оттуда, а куда — не знали. Но вскорости обозначился.

Раз двое гулебщиков (охотников) из города едут около Сакрыла,[1] и увидали на чистеньком бережке на песочке у самой воды стоит холодничек,[2] а в нем и лежит он, то-ись Петр Федорович. Около него было человек пять наших казаков.

— Знаете ли вы эту особу? — спрашивают казаки гулебщиков.

— Нет, не знаем, — говорят гулебщики.

— Это царь! — говорят казаки. — Да вы, до поры до времени, молчите.

Тут и сам он сказал им, кто он такой есть. Говорил, что враги его гонят и нигде не дают ему покою, что у него одна надежда на яицких казаков. Тоже просил их, чтобы они, до поры до времени, никому не говорили, что видели его, а то-де хлопот себе наживут.

Охотники вернулись в город и сначала ни слова о том, что видели на Узенях, а потом не утерпели, кой-кому по секрету сказали. Вскорости молва разнеслась по всему городу. Услыхал и солдатский командир, что городом-то нашим в ту пору правил, и тотчас потребовал к себе гулебщиков. И те сказали ему всеё правду, ничего, значит, не утаили. Того же дня командир послал на Узени команду, чтоб схватить его, а его там и след простыл, — Митькой звали! Солдатский командир хотел, знаешь, выслужиться пред государыней, да не успел;

[1] Озеро между рр. Большим и Малым Узенями.
[2] Среднее между шатром и навесом.

по той самой причине, как зверь, рассвирепел на гулебщиков, что не тое ж минуту по приезде объявили ему, и велел забить их досмерти. И забили бедных. А чем виноваты? Так занапрасно пострадали эти гулебщики, царство им небесное! — сказал Иван Михайлович и вздохнул.

— Тужишь ты о двух гулебщиках, Иван Михайлович, а в эту пору сколько, чай, кроме гулебщиков пострадало народа! — заметил я.

— И то правда, — сказал Иван Михайлович. — Сколько погибло в те времена тяжкие народу, — не сочтешь! Не даром в песне поется:

От Яицкого городка
Протекла кровью река...

— Уж какое-то, в самом деле, кровопролитие было на Яике в то время, как он гласно-то объявился народу, — индо старики не запомнят! — продолжал рассказчик. — От самого зачатия нашего войска не бывало таких трусов — мятежей и кровопролитных браней. И диву бы неприятель какой, что ли, напал, как в древние времена агаряне нападали, иль-бо как в двенадцатом году француз с два-десятью языками нападал; тогда хошь то знаешь, что бьет тебя басурман, и ты бьешь басурмана, а то свои замутились, заколобродились, брат на брата, сын на отца восстал! Чудное дело, батенька! Родитель мой сам видел в городе, как брат брата застрелил; Горбуновы прозывались... родитель знал их. Один брат, молодший, в крепости был и стоял на валу, — зна-

чит, руку государыни держал; а другой брат, старшой, на приступ шел и лестницу нес, — значит, держал руку Петра Федоровича. Младший брат кричит с валу: «Братец родимый! Не подходи! Убью!» А старший брат ему в ответ: «Посмотрю, как убьешь!» Брат с валу: «Пожалуйста, братец родимый, не ходи! Убью!» А брат с лестницей ему в ответ: «Я те дам — убью! Постой, влезу на вал, надеру тебе вихор, — вперед не будешь стращать старшего брата». Сказал это и поставил лестницу к валу. Но, лишь только занес ногу на первую ступеньку, младший брат с валу — бац в него из пищали! И покатился старшой брат в ров. Родителя моего вчуже пробила слеза, а он тое ж секунду бросил стражение и бежал из города в обоз. Уж такое-то было кровопролитие, батенька! Бывало, мороз по коже подирает, как слушаешь стариков, что в ту пору жили и своими глазами видели... Значит, сбылось пророчество святых отцов.

— Какое пророчество? — спросил я

— Как какое? — спросил в свою очередь старик. — Ты ведь не знаешь, али знать не хочешь, — продолжал старик, понизив голос и придав ему таинственный тон, — а у нас во всем народе известно, из предков идет пророчество Алексея-митрополита. Когда наши праотцы задумали основать город между Яиком и Чаганом, — а допреж того они жили вверху, на Кирсановском Яру, — вот тогда-то, видишь ли, являлся им святой Алексей-митрополит, на море где-то, и возвестил, что на новом-де месте постигнут их трусы — мятежи и кровопро-

литные брани. «А в едино-де время, — пророчил Алексей-митрополит, — а в едино-де время появится между вами такой набеглый царь, и из-за него-де вы примете много горя». Оно так и случилось, — добавил Иван Михайлович. — Ты думаешь, — продолжал он, — ты думаешь, что Пугач, по-вашему, просто так себе Пугач, явился да и вся недолга. Как же! Нет, батенька! Он явился неспроста, а по определению божию. Значит, и был он не Пугач, то-ись не донской казак Емельян Пугачев, а сам настоящий Петр Федорович. И спорить нечего.

— Да я и не спорю, — сказал я. — Говори-ка, что дальше-то было?

— Что дальше-то было? — сказал Иван Михайлович и призадумался. — Как тебе пересказать, что дальше-то было, я уж и не знаю, — промолвил он, немного погодя. — На что уж родитель мой жил в ту пору, многое своими глазами видал, а и тот, бывало, махнет рукой и скажет: «Кутерьма была!» Знамо, — продолжал старик, — народ, как един человек, поверил в него, а начальники держали руку государыни и отклоняли от *него* народ: говорили, что он не царь, — тот-де давно умер, — а самозванец. От того самого и заварилась каша, поднялась пыль столбом от всего света: кто за царя, кто за царицу. На что уж наш Мартемьян Михайлович (Бородин), кажись, должен бы стоять за него, потому — должен бы знать, что он не самозванец, — а и его солдатские командиры соблазнили: и он поднял руку на него...

— Почем же Мартемьян Михайлович должен был знать? — прервал я рассказчика.

— Как почем? — отвечал рассказчик. — Ведь его многие из наших казаков признавали, и он многих признавал. К примеру, спросит, бывало, он: «А жив ли у вас сотник, иль-бо старшина такой-то?» Скажут: «Жив!» — «А где он? — спросит. — Позовите-ка его ко мне!» И приведут, бывало, к нему, кого спросит. «Здравствуй, — говорит, — Иван, иль-бо Сидор!» Тот скажет: «Здравствуйте, батюшка!» — «А что, — спросит, — цел ли у тебя жалованный ковш (иль-бо сабля жалованная), что я тебе пожаловал, когда ты, тогда-то вот, приезжал в Питер с царским кусом?» — «Цел, батюшка!» — скажет тот, и тут же вынет из-за пазухи, иль-бо домой сбегает и принесет жалованный ковш, иль-бо другое что, чем жалован был в Питере. Как же он не царь-то был? — сказал старик. — Как же он не царь-то был, есть когда знал, кто, когда и чем жалован был? — повторил старик. — А раз вышел, сударь мой, такой казусный случай, — продолжал старик. — Спросил он одного казака, цел ли у него жалованный ковш. А тот, сдуру ли, с испугу ли, бог его знает, — возьми да и отрекись. Говорит, что никогда ничем не был жалован. Разгневался Петр Федорович на него и приказал повесить как супротивника, — и повесили! Лишь только вздернули бедняжку на рели, в эту самую пору кто-то из домашних нашел жалованный ковш, где-то в сусеке с мукой, — вишь куда запрятал, — и представил к Петру Федоровичу, на ковше-то и подпись была, кому пожалован.

Однако поздно было: умер тот в петле. Значит, от своей глупости пострадал. Да что об этом толковать! — сказал старик. — Всему миру было известно, что Пугач был не Пугач! Стало быть, и Мартемьян Михайлович знал, однако не поверовал в него, а пристал к солдатским командирам, присугласил к себе человек с триста иль-бо с четыреста наших казаков и бежал с ними из Яицкого городка Бухарской стороной в Оленбурх (Оренбург) и во все время, покуда продолжалось бунтовство, стражался супротив него. Знамо, выслужиться хотел перед государыней, и впрямь выслужился! — прибавил рассказчик. — Как кончилась завороха, Мартемьян Михайлович атаманство получил, да та беда, что атаманства-то своего не видал, да и родину свою не узрел: в Питере пропал! А все он его доехал, то-ись Пугач, по-вашему.

— Спервоначала Петр Федорович большую имел удачу́, — продолжал старик, — по той самой причине, что многие из солдатских командиров, хоша явно и не приставали к нему, хоша и распускали об нем славу недобрую, — знамо, боялись государыни: та тоже шутить не любила: чуть не так — в Сибирь! иль-бо другое что, не лучше Сибири! — все-таки, помня присяжную должность, несколько потрафляли ему. Где бы, примерно, надобно выслать супротив его армии полк иль-бо два, а они вышлют только роту иль-бо много что две; где бы нужно выставить супротив него целую батарею, примерно пушек двадцать-тридцать, а они, словно на смех, выставят пушченку иль-бо много что две. Пух! Пух! — да и драла от него.

Только славу сделают, что стражаются, а на самом-то деле словно в кулюкушки играли... И то надо сказать: боялись и его. Почем знать, куда б дело повернулю? Есть когда бы он взаправду овладал царством и сел на престоле, — тогда б им и от него не уйти, — не стал бы и он их гладить по головке. Но женитьбой своей он всю кашу испортил. Как только узнали, что он женится на Устинье Петровне, так все и запияли: «Какой он царь, — все заговорили, — коли от живой жены женился!» Женитьбой, ничем другим, он и подгадил сам себе, — прибавил рассказчик.

— Кстати, Иван Михайлович, каким родом он женился? — спросил я. — Сам, что ли, захотел, или кто смутил его?

— Знамо, смутили! — отвечал старик.

— Кто же? Наши, что ли? — спросил я снова.

— Куда нашим! — отвечал старик. — Нашим, чай, и во сне бы не пригрезилось лезть в родню с царской фамилией.

— Да кто же?

— Знамо кто! — сказал Иван Михайлович. — Из Москвы или из Питера, все единственно, оттуда, вишь, подослали на Яик такого сахарамедовича: он и соблазнил его и всех приближенных ввел в грех великий. Шутка ли, в самом деле, от живой жены жениться? — прибавил рассказчик.

— Мудрено что-то, Иван Михайлович! — заметил я.

— Вовсе не мудрено, — сказал старик. — Родитель мой насчет этого дела рассказызал так:

«Хоша-де государыня и огласила, что это не царь, а Пугач, однако не много этим взяла: народ все-таки поверовал в него, и везде, во всех, значит, городах и селах, куда он являлся, встречал его, как подобает, с хлебом-солью, с крестами, образами и колокольным звоном. Царица рассылает во все концы анперии указы, чтобы не веровали в него, а он рассылает свои, чтобы ей не верили. Ее указы не действуют, а его указы действуют. Знамо, мужу больше веры. По этой самой причине Москва начинает волноваться. Что Москва! — вся Расея стала волноваться и потребовала царя! То же самое и армия: стала, как говорится, на распутьи: ни туда ни сюда». Я уж сказывал, как армия-то стражалась: только отвод делала, а не стражалась. Государыня видит, что дело плохо, и пошла на выдумки. И выдумала, говорят, такую штуку, чтоб ославить ей, острамить его на весь мир, взяла да и подослала к нему такого лукавого человека: он и соблазнил его, наплел ему турусов на колесах. «Яицкие казаки, — говорит подсыльный Петру Федоровичу, — первые тебя признали, первые в тебя поверовали, первые они тебя поддержали, по их-де милости ты престол себе добываешь: по этой самой, говорит, причине ты и должен отблагодарить их, возвысить род их, то-ись взять в супруги себе из ихнего роду честную девицу, — а та, что в Питере, сам знаешь, для тебя не годится, одна-де дорога ей в монастырь. А из другого какого рода брать супругу тебе не приходится по той самой причине, говорит, что должен же ты осчастливить яицких казаков: ведь

они кровью своею за тебя разливаются». Говорится: «на всякого мудреца довольно простоты». Так и с ним случилось, то-ись с Петром Федоровичем: положился он на слова лукавого человека и погубил себя! А на наших казаков болтают, якобы они соблазнили его на женитьбу; вовсе не они, — прибавил рассказчик. — Если и был грех с их стороны, то такой же, что и они поверили словам лукавого человека.

— Смешная, однакож, история, — заметил я. — Трудно поверить такому несообразному делу. Сам посуди, Иван Михайлович, статочное ли дело, чтобы царь женился на своей подданной, на рабе, можно сказать?

— Смешного в этом деле ничего, батенька, нет! — отвечал рассказчик. — Рази он первый, что ли, женился на своей. . . на своей рабе, как ты называешь? Рази встарь благоверные цари наши не женились на своих, то-ись на расейских боярышнях? А? — спросил меня рассказчик. — Женились, женились, батенька! На своих женились. Между нами будь сказано, ведь Петр Первый Алексеевич, дедушка Петра Федоровича, проявил такую моду, женился на иностранной. С той поры цари наши и стали жениться на иностранных царевнах, а до него этого, почитай, не бывало, — до него цари наши брали себе в супруги из расейских боярышень, какая кому полюбится. А что боярская дочь, что казачья дочь — ра̀зи не все равно? А? Никакой отлики нет: всяка жена по муже честна. Петр Федорович мог проявить и свою моду, потому волен был! Вся притча, батенька, не

в том, что он женился на казачьей дочери, а в том, что от живой жены женился, — вот это-то самое и погубило его.

Против такого довода я не возражал. Старик продолжал:

— С той самой поры, как он женился на Устинье Петровне, мир и усумнился в нем. Выходит, он не соблюл божеского устава, на семи вселенских соборах установленного. Спервоначала ему следовало овладеть престолом и по уставу семи вселенских соборов развестись с Катериной Алексевной, а потом уже и приступить к новому бракосочетанию, с Устиньей ли Петровной, или с какой другой — все единственно; а он этого не соблюл, потому, значит, лукавые люди соблазнили: им того только и хотелось. Усумнился в нем народ и мало стал оказывать ему почтения и покорности. То же самое и казаки наши. Сначала все горой за него стояли, а тут мало-по-малу стали от него отклоняться, хотя и не стражались супротив него, а и за него не стояли, лыняли... А пуще всего солдатские командиры с этого самого времени ободрились, подняли головы и стали наступать на него по-настоящему, по-всправски, все смелее да смелее, — смекнули, значит, что ему царства не видать, как ушей своих, а напоследок загнали его, голубчика, на Узени, словно тушкана (зайца) на прежнее логово. Тут и похождениям его конец! С Узеней чинным манером взяли его и представили в наш город, а из нашего города представили в Москву, к государыне. Только его и видели. Государыня, значит, приспокоила его.

— То есть казнила! — подсказал я.

— Как бы не так! — возразил старик. — Не точию его, а и тех, кто из наших казаков при нем в графах и сенаторах состоял, и тех, сударь мой, никого не казнили.

— Как так? — спросил я с крайним изумлением.

— Да так! Не казнили, и вся недолга! — сказал Иван Михайлович. — Я ведь русским языком говорю, что то был не Пугач, а сам Петр Федорович. Так как же его-то казнить? Надо с ума сойти, Христос с тобой!

— Воля твоя, Иван Михайлович, а я не поверю этакому несообразному делу, — сказал я. — Ведь всему миру известно, что его казнили в Москве, среди белого дня, при собрании всего московского народа.

— Все знают, что казнили, — возразил рассказчик. — А кого казнили? Не всякий, видно, знает. Казнить-то казнили, что и бать! — прибавил старик, — да не его, — об этом и подумать-то грешно, — а другого казнили, такого, вишь, человека подыскали из острожников, что согласился умереть заместь его. Московский народ, — продолжал рассказчик, — знамо дело, не знал, не видал, кто воевал на Яике. Сказали: «вот де Пугач!» Ну, и ладно! Пугач — так Пугач! Нечего, значит, и толковать. А наши казаки, кои в ту пору были в Москве, своими глазами видели, кому голову отрубили. Говорили, что похож-де обличьем на Петра Федоровича, а не он. Вот она, притча-то какая, — прибавил рассказчик. — Значит, один близир показали. То же насчет приближенных его, наперсников:

ни одного, батенька, не казнили; всех, значит, отстоял, никакого не дал в обиду, все померли своей волей, кому когда конец пришел. Жили кто в монастыре, кто на островах, а Зарубин, он же и Чика, весь век прожил на Яике и умер своей волей на Яике, только жил по тайности, под чужим именем, прозывался Заморшеевым.

Я посмотрел на рассказчика с крайним удивлением и хотел было заметить о нелепости подобной сказки, но старик предупредил меня, сказав:

— Ты не дивись, батенька! Врать тебе не буду. Родитель мой своими ушами слышал об нем от покойного благочинного Асафа Карчагина, — чай, помнишь его? Недавно умер. А благочинный Асаф не раз видал Зарубина, в Сергиевском ли, в Бударинском ли скиту, — хорошенько не помню. Он же перед смертью Зарубина исповедывал и причащал его. Хошь верь, хошь не верь, а я не лгу, — прибавил рассказчик. — Благочинный Асаф — всем известно — не такой был человек, чтобы с ветру болтать.

— Быть по-твоему, Иван Михайлович! — сказал я немного погодя. — Однако растолкуй-ка мне вот это: как же он, самоназванный ваш Петр Федорович, был незнающий грамоты?

— Болтают, болтают! — отвечал старик энергически. — Господа сболтнули про него. Он, видишь ли, поперек горла им стал, солон показался, так из ненависти одной и навели на него эти наводы, чтобы унизить его. А он, правду

надо сказать, куда был лют для них, не спускал им.

Пластал и резал,
На кол сажал и вешал...

И все значит из-за того, что сами они ему много насолили: невестке, значит, на отместку. Не знающий грамоты! — говорил старик, покачивая головой и улыбаясь. — Да кто в здравом уме поверит такому несуразному делу? А? Царь — и грамоты не знал! Смешно! Да ведь он был вполовину немец, чудак ты этакой! А немцы народ мудреный, не хуже агличан. Так как же ему грамоты не знать? Он, я думаю, на всяких языках знал. Только рази по-калмыцки да по-татарски не знал. Как же ему расейской-то грамоты не знать? Чудно толкуешь. Есть когда бы сызмальства не знал, то, жимши в Расеи, научился бы. Толковать ли!

— Да ведь во всех бумагах, во всех книгах значится, что он не знал ни аза в глаза, — заметил я.

— Что ж, что в бумагах, в книгах значится? — возразил старик. — Бумаги, книги кто писал? Господа писали! Поди и верь им. А ты слушай, коли хочешь знать всеё правду-истину, ты слушай, что старики говорили, — продолжал рассказчик. — Старики говорили вот что: бывало, соберутся в каком доме по тайности часы ли, всенощную ли отслужить, — он так отчитывает «псалтыри», «апостолы», любо-дорого слушать, вчеред де иному канонику или уставщику прочитать. Вот что говорили старики, а *господа,* не в обиду будь сказано, бол-

тают... В чем другом не спорю, — може, *господа* и не лгут, — продолжал Иван Михайлович, — а уж насчет его, якобы он был Пугач, то-ись самозванец, якобы и грамоты не знал, якобы и в одежке нужду имел, — насчет этого болтают! Примерно, насчет одеянья. Ну, кто в здравом уме поверит этакому несообразному делу, якобы он в ту пору, как объявился народу и покорил под свою державу Яицкий город и все форпосты вверх по Илецкого города, в ту пору якобы он не имел на себе хорошего, приличного его званию одеянья? А? — нападал на меня Иван Михайлович. — Ведь ты же говорил моему родителю, когда есаулом у нас был, — я помню, родитель мой долго-долго после того смеялся над такой несуразностью, — ты же говорил, якобы он ходил оборванцем в ту пору, как объявился народу под своим званием, и разжился якобы хорошей одеждой в Илецком городке после атамана тамошнего, Портнова? А? Не правда, что ли? Ведь об этом в книгах написано? А? — вопрошал меня Иван Михайлович.

— Да! — сказал я и утвердительно кивнул головой.

— И ты веришь? — спросил старик.

— Как не верить? — отвечал я. — Дело статочное.

— Не верь, батенька! — сказал старик. — Совсем дело нестаточное, дело несуразное. Болтают, болтают! А ты верь старикам: они не солгут. Родитель мой, — продолжал рассказчик, — родитель мой сам лично удостоился видеть его близ Бударина, или Кожехарова, в ту

самую пору, как он только что прибыл с Узеней и объявился народу, еще и к нашему-то городу не подступал, а об Илецком городке и слухом не слыхать было. Вот, видишь ли, в какую пору родитель мой видел его. И на нем, батенька, в ту пору одеянье было нарядное, пышное, — просто с брызгу! Парчевый кафтан, кармазинный зипун, полосатые канаватные шаровары запущены в сапоги, а сапоги были козловые с желтой оторочкой, — родитель все заприметил, — шапка на нем была кунья с бархатным малиновым верхом и с золотой кистью, а кафтан с зипуном обшиты широким, в ладонь, прозументом. Лошадь под ним была белая, словно лебедь; седло киргизское, с широкой круглой лукой, оковано серебром, а в середке вставлен сердолик с куриное яйцо; то же и уздечка, нагрудник, пахвы, стремена — вся конская збруя убрана была серебром и сердоликом, — родитель мой все заприметил. Вот он каким оборванцем-то был! — заключил старик свое описание.

Немного погодя, он продолжал:

— Пущай, родитель мой и не видал бы его, а я в жисть не поверю, чтоб у него хорошей одежды не было. Спервоначала, как по тайности жил, нешто, он и в армячишке ходил, чтобы не признал кто его, дело видимое. А в ту пору, как объявился настоящим своим званием, в ту пору, батенька, хоша бы у него и не было своего хорошего одеянья, в ту пору Толкачевы иль-бо другие кто из наших казаков могли бы, чай, обрядить его как следует; ведь, к примеру, бабьих-то сарафанов да фуфаек не зани-

мать стать было; а из одного сарафана парчевого или азарбатного — в старину все парчи да азарбаты в ходу были — из одного бабьего сарафана два-три мужских кафтана сшить можно. Как теперича, так и в старину во всяком мало-мальски справном доме, где есть молодые бабы и девки, — во всяком доме отыщется шелковья настолько, чтобы обрядить одного человека, об этом и толковать нечего, — заключил старик.

— Ехали тогда наши казаки в город с рыбой, — продолжал немного погодя Иван Михайлович, — ехали, и в полдни при Бударином ерике остановились кормить. Только что выпрягли лошадей и навели котлы, как увидели: со степи едут на рысях вершники, человек пятнадцать-двадцать, и все с харунками, а у иных харунки по две, по три в руках; харунки все намотаны на древках, одна только развевалась. Казаки наши дивуются, что бы такое это значило. Вдруг во весь мах подлетел к ним один вершник и закричал:

— Царь едет! Царь едет! На дорогу выходите!

Тут только наши догадались, в чем дело. Вышли все на дорогу и пали на колени. А вершники подскакали к дороге и стали во фрунт и все харунки распустили. А харунки были и алые, и голубые, и желтые — всякого цвета, с крестами, с кистями, расшиты и шелком, и канителью, — любо смотреть было! А *он* тихо, важно выехал на дорогу, подъехал к обозникам, — тут и родитель мой был, — поздоровался с ними, назвал их детушками и велел встать.

Все встали. А он, не слезая с коня, протянул руку, и все один за другим подходили, прикладывались к его ручке. Почесть со всяким он разговаривал, спрашивал: как кого зовут, откуда, куда и зачем едут? И все ему отвечали с почтением, как подобает; говорили, что едут в город, везут рыбу на продажу, чтобы запастись мукой и всякими нужностями, чтобы оружие исправить, свинцом-порохом запастись.

— Дело хорошее, — говорит он. — Поезжайте с богом! Да не торопитесь, говорит, обратно ехать, може вы мне пригодитесь в городе, може — чего боже сохрани! — може доведется мне добывать город ваш вооруженной рукой. Там, говорит, знаю, недруги мои сидят.

— Это, — пояснил рассказчик, — намекал он на солдатских командиров. Вот тут-то, — продолжал Иван Михайлович, — родитель мой и насмотрелся на него досыта, с ног до головы оглядел, заприметил, в каком одеянье он был: одеянье на нем, батенька, было нарядное, первый сорт, с брызгу, а вы толкуете — оборванцем ходил. Пустяки!

— Ладно, ладно, Иван Михайлович, — сказал я, — быть по-твоему. А объясни-ка вот что: в песне говорится:

Он ко Гурьеву подходил,
Ничего он не учинил.

— А по бумагам, по книгам, — продолжал я, — не значится, чтобы он подходил к Гурьеву. Растолкуй-ка?

— Что правда, то правда, — сказал старик. — Он точно, что к Гурьеву не ходил своей осо-

бой, а посылал туда Максимыча Сереберцова. Этот был из наших же казаков, состоял при нем в графах. Сам Петр Федорович пошел от нашего города вверх к Оленбурху, а Сереберцову препоручил итти на низ к Гурьеву, — приводить, значит, народ к присяге. И Сереберцов пошел, сначала шел он Бухарской стороной, чтобы не столкнуться с теми, кто держал руку царицы, — ведь и из наших были такие, что не веровали в него, а все, знамо, Мартемьян Михайлович смущал. В Мергеневе перешел на Самарскую сторону и прошел всю линию вплоть до Гурьева. С форпостов казаков забирал. В Калмыковой попа повесил и еще кой-кого, кто Петра Федоровича не признавал, Гурьев осаждал и приступом взял, роту солдат, что в Гурьеве стояла, всю перебил, а казачьего старшину, что в Гурьеве атаманом над казаками был, в пример и страх другим, плетьми отшлепал и повесил: вишь ли, и он не веровал в Петра Федоровича. В отряде Сереберцова был с нашего Краснюярского форпоста казак Степан Ефремов. Этот гораздо старше был родителя моего, я уж в ребячестве помнил его древним стариком. Много он денег вывез с собой из этого похода, все золотом, — в Гурьеве добыл. А Железнов, Тимофей Митрич, дедушка иль-бо прадедушка Железновым, что в Гребенщикове живут, этот был хорунжим в отряде Сереберцова, а после состоял в каких-то больших чинах при самом Петре Федоровиче. Я и его помню, Тимофея-то Митрича. Вот от него-то я и слышал про поход Сереберцова к Гурьеву, как они там резолюцию делали непокорливым:

В Гурьеве пристал к Сереберцову Ларочкин, гурьевский казак, — тоже воин был, не давал никому спуску, кто не корился Петру Федоровичу и не признавал его. Попа гурьевского, старого старика, повесил, — тот не хотел народ к присяге приводить. Сын попа, тоже поп, только помоложе, как ни упрашивал Ларочкина, с крестом к нему выходил, чтоб помиловал старика-отца, — нет! не упросил; не помиловал Ларочкин, — такая уж душа была злющая... Три раза вздергивали попа на рели, и три раза петля обрывалась, а поп пощады не просил. Каждый раз, как повиснет, так и перекрестится, да бороду станет расправлять, чтобы в петле не завязла, — вишь, и старик-то был какой устойчивый, нравный, даром что поп. В четвертый раз не оборвался, — повис... Еще, говорили, Ларочкин же повесил одну казачью женщину, беременную, батенька, — вот что нехорошо, — и повесил-то за одно какое-то слово... сдуру ли, али с чего другого, сказала она что-то нехорошее насчет Петра Федоровича. И Максим Сереберцов, говорили, не одобрил его за этакое дело. Да Ларочкину горя мало. Не об нем будь сказано, он много крови пролил занапрасно... не лучше был Карги...

— А Карга? — спросил я.

— Зверь! — сказал Иван Михайлович. — Настоящий зверь лютый был, что греха таить. Хоша и за царя стоял, а многих, кого бы совсем не следовало, многих загубил из злобы одной... Я тебе расскажу об нем, что сделал он с одной женщиной, — родитель мой сам был тому свидетелем.

Из всех наших казаков, что состояли при Петре Федоровиче в графах и енаралах, самым первым яроем был Каргин, иль-бо Карга, все единственно, — говорил рассказчик. — Все эти Перфильевы, Зарубины, Толкачевы и иные прочие в подметки не годились Карге, все они супротив Карги агнецы были, батенька мой; а Карга... — одно слово — Карга, — готов был у отца родного глаз выклюнуть. Раз он сделал донос на одну старшинскую жену, чуть ли не Донскову, хорошенько не знаю, родитель называл по имени, да я запамятовал. А донос был в той силе, якобы она провожала сына своего, молоденького малолеточка, с Мартемьяном Михайловичем в Оленбурх, плакала над ним и причитала: «легче-де мне видеть тебя, ненаглядное мое дитятко, убитым, нежели-де на службе у разбойника». Женщину присудили на смерть и подвели к релям. Женщина была средних лет, красивая, высокая, дородная, лебедь-женщина и — беременна. Петр Федорович посмотрел на нее и сжалился. Походил он около релей и говорит:

— Не напрасно ли мы ее казним?

— Коли ее жаль казнить, то казни меня! — говорит Карга.

Петр Федорович походил, походил около релей, да и опять говорит и смотрит на Каргу:

— Не напрасно ли, граф?

— Коли не ее, — говорит Карга, — то меня казни!

— Видишь ли, Карга злобу питал на всю ту семью, из которой женщина была, — прибавил рассказчик. — Може, она и слов-то тех совсем

не говорила, что Карга на нее взвел, да уж сказано, он злобу питал на ее семью, и кончен был! Ему, значит, нужно было утолить злобу на ком ни на есть из этой семьи. Женщина-то и попалась.

Петр Федорович опять говорит:

— Беременна она, граф: зачем губить в утробе невинного младенца? Родится и. царю пригодится.

— Не младенец в утробе у ней, — говорит Карга, — а щенок от тех кобелей, что на твою царскую милость лают!

Петр Федорович махнул рукой и отошел прочь.

— Делай, как знаешь, — сказал он Карге.

Карга просиял от радости. Вздернули бедную женщину на рели, а петля оборвалась. Другую навязали, и та оборвалась. Карга и тут не очувствовался, снял с себя шелковый пояс и на нем удавил бедную. А младенец в ней так и затрепехтался, так и затрепехтался, индо роба на всех нашла. Все, кто тут был, все так и попадали наземь, чтобы не видать мученья женщины. Только Карге нипочем: ухмыляется, да за ноги подергивает удавленную. Вот он какой злющий был, этот Карга! — заключил рассказчик.

— Нечего сказать, хорош был и главный-то заводчик! — заметил я.

— Каков бы ни был, хорош ли, дурен ли, не наше дело, суди его царь небесный, а не мы, — промолвил старик таким тоном, который ясно давал разуметь, что о поступках Пугачева мы, ничтожные смертные, не должны рассуждать.

Потом, немного погодя старик продолжал:

— Пожалуй, что хошь про него говори, как хошь его называй, — язык без костей, все мелет, — а все-таки он был не самозванец, а настоящий царь.

Правда, и он много перевел народу, супротив этого говорить нельзя. Да рази солдатские командиры под конец бунтовства меньше перевели народу? Пожалуй, еще и больше! .. Он, к примеру, казнил и вешал тех, кто не веровал в него, а солдатские командиры казнили, вешали тех, кто веровал в него. Поди и разбирай, кто прав, кто виноват. И выходит — все были хороши. Про него, примерно, говорится:

Пластал и резал,
На кол сажал и вешал...

А вот про солдатских-то командиров никто, чай, и заикнуться не смеет, что они народ вешали да на глаголь вздергивали.

— На глаголь? Это что за штука? — спросил я.

— Это штука проста, да и забориста! .. — сказал старик и улыбнулся. — Это, батенька, был столб, а на конце его, в бок, рычаг приделан. И был столб этот с рычагом, похож на слово (букву) глаголь, что в азбуке. По этому самому он и назывался глаголем. Понял? — спросил рассказчик.

Я утвердительно кивнул головой. Старик продолжал:

— Так родитель мой мне рассказывал, он видел эти глаголи, видел и то, что на них делали. На конце рычага кольцо было приделано,

в кольцо веревка продета с железным багром. Кого надо, заденут за ребро багром, да и вздернут на воздуси, вертись, как хошь, а не сорвешься... Вот она какая штука, этот глаголь! Во всех главных, то-ись причинных местах стояли рели и глаголи, на чем народ казнили после бунтовства. И, я помню, в Калмыкове и Кулагине остатки их долго стояли после бунтовства. Когда, бывало, случалось ехать мимо, родитель указывал на них и говорил: «Смотри, Ваня, и помни: на этих самых столбах народ усмиряли».

35

Рассказ Никифора Петровича Кузнецова

— Мы тоже люди темные, безграмотные, — сказал старик, — а умеем различать, кто грамотен и кто безграмотен; достанет и у нас ума понять, кто может быть безграмотен и кому ни под каким видом нельзя быть безграмотному. Конечно, дело темное, закрытое, — прибавил старик, — доказать этого мы вам не можем. По нашим приметам, он царь, по вашим — не царь; по сказкам наших стариков, он грамотен, а по вашим — нет. Кто теперича разберет? Пущай будет по-вашему, пущай это был не царь, — такая уж, видно, планида его, не хочу спорить. Кто бы он ни был — это все единственно. Теперича я вот к чему речь веду. Задумал он называться царем не в один же час, — примерно с вечера задумал, а к утру взял да и ухнул то-ись взял да и объявился. Вероятно, он готовился к этакому делу не малое время. Еще



ПУГАЧЕВ

С гравюры неизвестного художника

Гос. Музей изобразительных искусств

года за полтора допреж того, как объявился у нас, он объявился на Волге. Так как же ему не научиться было грамоте хотя для этакого случая? Человек он был лютой, дошлый на все руки: и армией предводительствовал, и крепости брал, и сам в крепостях отсиживался, и пушки отливал, и порох, говорят, делал. Такой человек, хотя бы и сизмальства и не умел грамоте, все-таки к этому случаю приспособился, нарочно бы научился, хоть сколько-нибудь, хоть, к примеру, имя свое подписать да какую ни на есть бумагу, хотя по складам, прочитать. Грамота не бог весть какая вещь мудреная: все дело ума человеческого. К примеру расскажу вам один случай из нашего простого быта, — говорил старик немного погодя. — Жил-был и теперь здравствует казак С. . в.

— Федул Иванович? — прервал я.

Старик улыбнулся и спросил:

— Али знаете?

— Как не знать! — сказал я. — Четыре года сряду был и поваром и экономом в полковом штабе, в М. Весь штабный люд поучал чтением душеспасительных книг: примерно, о пришествии антихриста, о проклятой траве-табаце, о картофеле, — откуда он взялся, — о Цареграде, о воинах, урядою казаках брадатых, кои Царьград возьмут. . .

— Значит, знаете, по какому случаю Федул Иванович с сединой в бороде выучился читать и писать? — спросил меня собеседник.

Я утвердительно кивнул головой. Старик продолжал:

— Ну, есть когда знаете, нечего и толко-

вать. Теперича я вот к чему говорю: уж коли Федул Иванович, человек с белужинкой,[1] в два-три месяца научился читать и писать для того единственно, чтобы получить чин урядницкий (унтер-офицерский), то можно ли сумневаться, чтобы он, Пугач по-вашему, не научился грамоте, — он, такой лютый и дошлый человек, он, который задумал произвести себя в цари, который, между нами будь сказано, чуть-чуть не перевернул вверх дном всю Расею?! Что на это скажете? — спросил старик, глядя на меня пристально и слегка улыбаясь.

Выслушав такое сравнение, приведенное стариком не в смысле чистого убеждения иль-бо неопровержимого факта, а в смысле остроты иронии, я от всей души засмеялся. И вздумал же, в самом деле, старик сделать такое, повидимому наивное, а в сущности саркастическое сравнение.

— Важно, Никифор Петрович! — сказал я сквозь смех. — Теперь поверую, что Пугач знал грамоту.

— Ваша воля, хотите верьте, хотите нет, для меня все единственно, ведь не я выпяливаюсь с ним перед вами, а вы сами допытываетесь, — сказал старик тоном, более уже серьезным. — А мы, кроме шуток, верим, что он знал грамоту.

— Когда он задумал жениться, — говорил старик тем же серьезным тоном, — тогда со всего нашего города и со всех ближних и дальних хуторов собирали девушек на смотрины

[1] С умственной простотой. *(Примечание И. И. Железнова).*

в дом к Толкачевым. Девушек собирали что ни самых лучших, кои красотой и смиренством славны были, а кое-каких не тревожили. Тут же, то-ись на смотринах, была и Устинья Петровна. Она доводилась родителю моему тетушкой, а мне, значит, доводится бабушкой. Девушка она была красивая и «лютая». Сама, говорили, сложила про *него* песню и, как он пришел, спела. Песня, говорили, была хорошая, такая жалостная, все насчет него, как он страдал за правду и как бог незримо за доброту его навел на добрых людей, которые рады животы свои за него положить... Понравилась ему песня, понравилась и Устинья Петровна. Обошел он всех девушек от первой до последней, всех кое о чем расспрашивал, и все, знамо дело, сидели ни живы ни мертвы, говорили «да» да «нет», а от иных и слова не добился. Одна только Устинья Петровна не обробела, смело с ним обходилась, словно век жила с такими персонами. Сказано: девка лютая была. Он и выбрал ее себе в невесты. И тут же, собственной своей рукой, отметил на бумаге, то-ись на ерестре, — девушкам ерестр был сделан, — и отметил, говорю, собственной рукой пером: быть-де ей, то-ись Устинье Петровне, его обручальницей. Значит, пером владеть умел.

Сестру Устиньи Петровны, Хавронью Петровну, молодую женщину, вдову, назначил к ней в штат-дамы, а двух девушек, сестер Толкачевых, определил к ней во фрейлины, чтобы они ходили за ней, как за настоящей царицей.

Хавронью Петровну и я помню. Старушкой жила она у нас в доме, а когда умерла, в ту

пору мне было лет десять с чем-нибудь. Много, бывало, покойница рассказывала о разных разностях, что было в ее пору и в городе нашем, и в самом Питере, да всего-то не упомнишь.

Когда немного поуспокоилось на Яике, Устинью Петровну и с штат-дамой и с фрейлинами, со всем значит, по-ихнему, штабом, взяли в Москву, а из Москвы в Питер. Фрейлин Толкачевых недолго держали в Питере, скоро отпустили на родину, а Хавронья Петровна во все время безотлучно находилась при своем месте, то-ись при Устинье Петровне, до той самой поры, как вышло решение от государыни насчет всего этого дела. А жили они, Устинья Петровна и Хавронья Петровна, в одном дворце с государыней, только в особых покоях. И кушанье подавали им с царского стола.

Раз позвали их обеих, то-ись Устинью Петровну и Хавронью Петровну, в упокои к государыне. И было там многое множество енералов и сенаторов, и все они стояли в вытяжку, словно солдаты во фрунту. Одна государыня сидела на стуле, с короной на голове и державой в руках. Когда они вошли, государыня посадила Устинью Петровну рядом с собой по левую сторону на другой порожний стул, поменьше того, на котором сама сидела, а Хавронье Петровне приказала стать позади Устиньи Петровны за стулом, — так следовало по чину штат-дамы. Посидели они сколько-то времени, помолчали; напоследок государыня говорит Устинье Петровне:

— Устинья Петровна! узнаешь ли своего обручальника?

— Как не узнать! Узнàю, — говорит Устинья Петровна.

Государыня подала знак, платочком махнула.

Растворились сбоку двери, и вывели из них под руки человека в красной хламиде, обличьем похожего на Пугача.

— Этот, что ли, Устинья Петровна, твой обручальник? — спрашивает государыня.

— Нет! Это не обручальник мой! — говорит Устинья Петровна.

Государыня махнула платочком, и человека этого вывели вон из упокоев в те же двери, откуда ввели. Немного погодя растворились с другого боку двери, и вывели оттуда под руки настоящего Пугача в белой хламиде.

— Устинья Петровна! Этот, что ли, твой обручальник? — спрашивает государыня, а сама закусила губки, чтобы не улыбнуться...

— Да! Это мой обручальник! — сказала Устинья Петровна.

Государыня опять махнула платочком, и Пугача вывели вон из упокоев в тё же двери, откуда ввели. Когда вводили его, он только сверкнул глазами сперва на государыню, а потом на енералов, — знамо, все недруги его были, — потупился и ничего не сказал. А когда повели его из упокоев, он взглянул жалостно так-то на Устинью Петровну, вздохнул да и сказал:

— Грех будет, есть когда станет обижать ее: она ничем непричинна.

— Не беспокойся об ней: будет сохранна! — промолвила государыня.

Немного погодя государыня встала со стула и сказала:

— Ну, прощайтесь сестра с сестрой!

И бросились Устинья Петровна и Хавронья Петровна друг дружке на шею и зарыдали. Долго плакали они, рыдали, напоследок, почитай силой, развели их в разные упокои. С той минуты Хавронья Петровна не видала Устинью Петровну.

После того, через некоторое время, государыня обдарила Хавронью Петровну деньгами и с миром отпустила на родимую сторону, а Устинью Петровну отвезли на острова, и там кончила она жизнь свою, когда час воли божией настал. На островах выстроен был для нее особый дворец, и жила она в нем до конца дней своих во всяком изобилии: ей, значит, шло из казны царское жалованье.

Хавронья Петровна ехала из Питера через Москву и видела там, как казнили подложного Пугача, того, значит, самого человека, что в упокоях у государыни показывали, обличьем-то похожего на Петра Федоровича. Вывели его перед народ на площадь, подвели к столбу, прочитали молитву, и палач отрубил ему голову, воткнул ее на шпиль на столбе и раза три прокричал народу: «Смотри, народ православный! Вот голова Пугача-самозванца!» А он, этот казенный человек, в ту самую минуту, как палач стал замахиваться топором да примериваться, перекрестился и сказал: «Умираю за матушку Расею да за батюшку-царя...» Хотел, видно, еще что-то сказать и рот было разинул, да палач не дал: хватил топором и с однорезки отсек ему голову. Хавронья Петровна все это видела своими глазами, слышала своими ушами;

она близехонько стояла у столба, где казнь совершали; ей, значит, начальство супротив других дорогу дало. Этим самым и прекратилось замешательство.

— У Устиньи Петровны был строк от Петра Федоровича, — говорил далее старик.—Сама государыня воспитывала его. Отрок был дельный, разуменый, в сенате заседал, да недолго прожил: извели его бояры, так и пропал без вести... Ненавидели они самого Петра Федоровича, по этой причине ненавидели, гнали, искореняли и семя его. Об этом рассказывал в семье нашей шурин царский, Андриан Петрович. После всей этой заворохи он езживал иногда в Питер с царским кусом, видал там и отрока, только не открывался ему, а издали видал, нельзя иначе было. Видал изредка и самоё Устинью Петровну, ездил к ней по тайности на острова. А как отрока извели, с той самой поры и не стали допускать Андриана Петровича до Устиньи Петровны. Знамо, бояры мудрили из ненависти.

— Под последний конец замешательства, когда Петр Федорович встречал везде одно утеснение и по тому самому укрылся было опять на Узенях, казаки стали совещаться насчет его особы, чтобы, знаете, выдать его начальству, — говорил далее старик. — Хотели вины свои искупить и к тому же награждение получить, потому что объявлены были от государыни большие деньги, кто задержит и представит его к ней, живого или мертвого — все единственно, — на то, значит, дело пошло: она иль-бо он, а обоим несовместно стало. Петр Федорович тотчас догадался и сказал:

— Совет держите обо мне! Что ж мыслите? Приступайте, приступайте! .. Ничего, братия, не сделаете. Только выдадите начальству, да я этого не боюсь. Смотрите, сами после не раскайтесь! ..

Тут же был царский шурин, не Андриан Петрович, а другой, старший брат, Егор Петрович. Петр Федорович подозвал его к себе, вздохнул и тихо, жалостно проговорил:

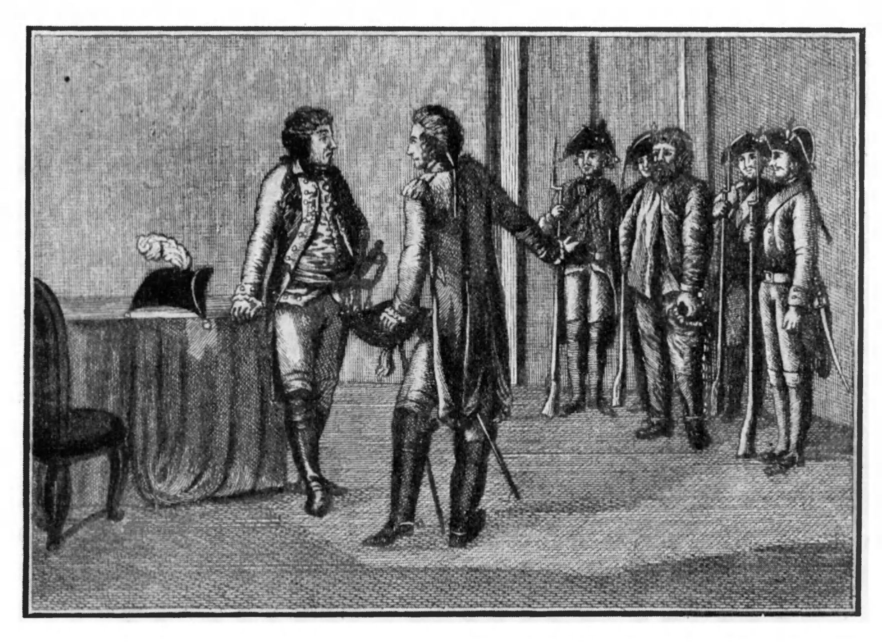
— Не светить двум солнцам на небе, — не бывать двум царям в едином царстве. Одно солнце перед другим должно померкнуть, — один царь другому должен уступить место: это — я!

Минуту спустя он заговорил другим, сердитым, громким голосом:

— Смотри, Егор Петрович! Будут казаки меня брать, ты рукой до меня не моги дотронуться. Боже сохрани. Ты знаешь, кто я, и чувствуй это! Ты родину свою узришь, а им воскресу не будет! ..

Стали переезжать Большой Узень повыше Порогов. Одна половина казаков переехала прежде на этот берег, а другая половина осталась на том берегу. И Петр Федорович оставался на том же берегу. Напоследок стали переезжать и остальные казаки и, как доехали до середины реки, тут и решились исполнить свое намерение: в лодке же и взяли его. Он не противился, а только примечал, кто из казаков накладывал руки на него.

Когда представили его в наш город, в ту пору всех казаков, кто при последнем конце при нем на Узенях находился, — всех тех казаков угнали в Оленбурх по канату и там рассадили по



Привод Пугачева в Уральск в 1775 г.
С офорта Гейзера
Гос. Исторический музей

острогам. Егор Петрович по канату же шел туда, но года через два его освободили, и он приехал из Оленбурха в наш город один-одинехонек, сплыл по Яику в лодочке на одно весло, а прочих всех разослали по разным удаленным местам в гармизоны, а тех, кто взял Петра Федоровича, тех в Сибирь на каторгу сослали. Выходит, правду он сказал, что им воскресу не будет, и не воскресли. А Егор Петрович узрил родину свою и на родине век свой кончил.

Ложь ли, правда ли, говорили, что всех тех, кто до последнего конца за него стоял, всех тех он обстоял, никого из них не казнили, а все кончили жизнь свою обнаковенным порядком, кому как на роду написано; все жили по тайности в скрытных местах, а про Ивана Чику говорили, что изжил век свой на Яике в Сергиевском скиту.

— Насчет женитьбы не знаю, как сказать, — говорил Никифор Петрович, когда я коснулся этой статьи. Все разное толковали. Каким манером случилась такая оказия, что он от живой жены женился, — не точию из посторонних, а из нашей семьи никто верного не знал, иль-бо уж говорить-то не хотели, бог их знает. По крайности в ту пору, как я помнить себя стал, — а родился-то я после Пугачева лет двадцать спустя, — разные ходили толки. Хавронья Петровна, помню, так говорила, будто еще до смотрин он влюбился в Устинью Петровну и потому сам собой захотел на ней жениться, и никто супротивничать ему не смел, — волен был, одно слово: царь. А со стороны говорили и так, буд-

то Толкачевы погрешили в этом деле, будто бы они вложили в него такую мысль: «Есть когда-де ты возьмешь себе в жены девицу из природных казачек, то-де всех казаков, что ни есть в Расеи, привлечешь на свою сторону». Он будто бы и польстился на это. А у Толкачевых. говорили, была такая мысль: «Казаки-де мы славущи, дочери-де у нас красивы: авось-де из нашего дома возьмет, тогда-де род наш возвысится». А он взял из нашего дома, — заметил старик.

Были и такие толки, будто бы лукавые люди нарочно смутили его жениться, для того, единственно, чтобы веру в него у народа помутить.

— Дело темное, — продолжал старик, — осталось оно на душе у тех, кто рудовал этим делом. Сам ли он дал маху — от живой жены женился, нарочно ли кто соблазнил его, чтобы испортить дело его, или кто из наших, примерно Толкачевы, с простоты вложили в него такую мысль, — разузнать этого теперь не можно. Одно верно, я так мекаю, да и другие вам скажут то же самое, — говорил старик, — одно верно, что во всем этом было произволение божие. Не женись он — кровопролитие не скоро бы утишилось; не женись он — к нему многие б енаралы с полками преклонились: кровопролитие пошло бы тогда в оттяжку. А как сведали, что он от живой жены женился, так во всем народе и во всей армии пошло сумнение, и стали от него отпадать: кровопролитие-то и прекратилось. Значит, предел божий, — значит, так тому и быть.

— Что ж с ним-то сделали, есть коли казнили не его, а подложного? — спросил я моего собеседника.

— Да то же, что и с Устиньей Петровной! — отвечал собеседник. — Как она изжила век свой на островах под секретом, так, значит, и он изжил век свой в каком ни на есть удаленном месте под секретом же.

— Мудреная вещь! — заметил я.

— Точно, что мудреная! — заметил в свою очередь и рассказчик.

РАССКАЗЫ РАЗНЫХ ЛИЦ

36

— . . .Дядюшка мой, Василий Степанович Толкачев, и товарищ его, Иван Иванович Ерофеев, оба молодые парни, были в числе приближенных к Петру Федоровичу, — говорил мне семидесятилетний старик-казак Толкачев, житель Чаганского форпоста. — Когда еще он не объявлялся всенародно, — продолжал старик, — а жил по тайности на Узенях, в ту пору сознакомился он там с дядюшкой моим, Васильем Степановичем, а дядюшка Василий Степанович, изволите ли знать, гулебщик был первой руки, часто езжал на Узени по дикого зверя. Через Василья Степановича Петр Федорович сознакомился и со всей нашей семьей, а семья наша была большая, справная. У нас в семье и харунки вышивали; для этого и золото, и серебро, и золотые бахромы и прочее доставляли Петру Федоровичу из Москвы сугласничики его. Так в семье нашей после рассказывали, — добавил старик.

— Еще при нем был, — продолжал старик, — не то товарищ, не то дядька, бог его знает, какой-то неведомый человек, должно быть, не из расейских, а из иностранных: говорил он не

чисто по-русски, а на̀поко. И мудреный же был этот человечек, отдать справедливость, — дошлый на все, и чертовщинки, видно, знал. Одно слово, голова!..

Раз пошли они на охоту, дядюшка Василий Степаныч и этот иностранец. Пришли к ильменю. Плавает на ильмене лебедь, да слишком далеко, убить нельзя, никакое, значит, ружье не дострелит. Дядюшка поворотил прочь, а иностранец и говорит:

«Васенька! али не хочешь бить?»

«Далеко оченно! — говорит дядюшка... — Не убьешь. Зачем даром заряд терять?»

«Ничего не далеко, — говорит иностранец. — знай, ложись на ра̀жки, близко будет».

Дядюшка послушался, взвел курок и прилег на ра̀жки. Иностранец отошел немного прочь и стал шептать что-то. Вдруг лебедь ни с того, ни с сего замахал крыльями и на хлопка̀х пошел прямо на дядюшку; подплыл сажен на десять и остановился, словно привязанный. Дядюшка прицелился и выстрелил, лебедь свернулся. Выходит, иностранец слово такое знал, что тварь слушалась его.

Под последний конец замешательства человек этот пропал, словно в воду канул, сказывал дядюшка; убили ли его на какой баталии или сам собой отшатился, бог весть, а только дядюшка Василий Степанович месяца за два до последней баталии, что была на Волге, не видал его. А допрежь того, дядюшка сказывал, допрежь того он безотлучно находился при Петре Федоровиче и подавал советы, как баталии вести.

— На Волге не счастливилось ему, Петру-то Федоровичу, — продолжал рассказчик. — В одной в недобрый час, видно, зачатой баталии он потерял и пушки, и порох, и казну, и харунки, и вся армия его расстроилась и разбежалась. Оставшись ни при чем, он перекинулся на сю (луговую) сторону Волги и укрылся опять на Узенях, где и прежде привитался. Дядюшка Василий Степанович и товарищ его, Иван Иваныч Ерофеев, вместе стражались, друг от друга ни на шаг не отставали, выходит, друзья были. Когда победили их на Волге, они думали, что последний конец пришел, бросились в Волгу и поплыли на сю сторону. Какие-то люди гнались за ними в лодке, однако не догнали, посередь Волги опрокинулись и пошли на дно. Дядюшка мой был о двуконь. Бурый мерин был сильный и надежный конь, а и мухортый был хорош, однако супротив бурого не стоил, немножко послабее, пожитковатее бурого был. Дядюшка понадеялся на бурого и привязал ему под шею мешок с золотом, фунта с два весом, а пучок ассигнаций, замест пропажи, привязал к холку мухортому, чтобы на всяк случай не обмочить. Мухортый мерин переплыл реку благополучно и спас хозяину бумажки, а бурый, на кого надежда-то была, бурый-то, сударь мой, не доплыл до берега сажень пять-шесть, утонул, а с ним и золота казна пропала. Знай дядюшка, что такой грех случится с бурым, привязал бы золото на мухортого, иль-бо поровну разделил. Да почем было знать? Не знаешь, где найдешь, где потеряешь.

— Когда выдали его начальству, — продолжал собеседник, — дядюшка Василий Степанович и

Иван Иванович Ерофеев со многими казаками, кои несогласны были на этакое дело, то-ись чтобы выдать его начальству, оставались на Узенях и долгое время скрывались там в камышах, питались от охоты, били, значит, кабанов и сайгаков, тем и продовольствовались. А в дома возвратились тогда только, когда вышел от царицы милостивый манифет. В ту же пору и указ от государыни последовал таковой: «Не называть-де впредь Яик-реку Яиком, а называть Уралом, и яицким-де казакам не называться впредь яицкими, а называться уральскими». И с той поры река наша стала называться Уралом, а сами мы уральскими. И такая перемена в имени нашем сделана в наказание нам: больше ничего нельзя было сделать... Выходит, он был не простой побродяга, не самозванный, а настоящий царь!— заключил старик.

37

— Бежал он из Питера от «налоги» и прибежал к нам на Яик, — говорил слепой и очень старый казак Лоскутов, житель Красного умета. Спервоначально никому из наших невдомек, что он бежавший царь. Был он у севрюг[1] в обозе у казаков в кашеварах. Бывало, соберутся позавтракать али пообедать, и он собирает им на стол, кормит, прислуживат, а как дойдет дело до сухарей, схватит пригоршни и

[1] Название рыболовства, специализировавшегося исключительно на ловле севрюг. Казаки сокращенно называют его: «севрюги», например, «итти по севрюги», «был у севрюг».

бросит в чашку иль-бо в котел с азартом и скажет: «Царь сухари ест!» Все только засмеются да меж себя потолкуют: «Какой прокурат, какой забавник наш кашевар!» А то и в башку никому не придет, оболтусам, что кашевар-то не просто побродяга, а сам царь. О себе, значит, наветки давал.

Пришли от севрюг и забыли про кашевара. А он живет у кого-то из наших казаков — у Толкачевых ли, у Пьяновых ли, у Шелудяковых ли, наверное не могу сказать, да это все единственно, у кого бы там не было. Живет он себе по убожеству в передбаннике. Каково? Из царских-то палат в передбаннике, в кажинную, бывало, ночь затеплит перед образом свечку и молится. Однажды хозяева и подслушали: читает он, батенька, канун заздравный, а за кого? Чудеса, батенька мой! Читает он за царя-наследничка, за Павла Петровича, величает его рожденным чадом своим! Хозяев, как услыхали они это, словно колотушкой кто огрел по лбу. И разнеслась об этом слава по всему городу. Тут только и раскусили слова его у севрюг: «Царь сухари ест!» Пристали к нему: кто он такой? Он и повинился. И дивился же народ такому чуду! Царь — кашевар! Царь сухари ест! Царь в передбаннике! .. Чудны, чудны дела господни.

С той поры он и стал оперяться: взял вскорости силу большую и пошел кстить! И пошел! И пошел! Дым коромыслом встал. Дрогнула мать сыра-земля, и застонала вся Расея! Не проходило дня, в кой бы не повесил он кого, что не веровал в него. Особенно господам доставалось, долго, чай, помнили его, — никому не

спускал, кто в руки попадался, всякого на рели вздергивал, а все за то, что сам от них натерпелся муки вволю. Значит, долг платежом красен, — невестке, значит, на отместку. А к простому народу был милостив.

Начал он свое похождение от нашего города и пошел супротив солнца к Оленбурху (Оренбург); от Оленбурха поворотил на заводы, оттуда на Волгу, с Волги пришел на Узени, — все, значит, шел супротив солнца. На Узенях остановился. Дальше никуда не пошел. Там, значит, предел был положен! — заключил старик.

Потом, погодя немного, продолжал:

— Привезли его с Узеней чинным манером в наш город и при всем народе заковали в кандалы да и повезли за конвоем в Москву. Конвойным был наш Мартемьян Михайлович Бородин, самый первый супротивник его. Ладно. Пугача, значит, нет в городе, — увезли. Хорошо. Слушай-ка, что вышло.

Вечером в тот день, как увезли его, Кузнецовы, родня его, сидели за ужином. Вдруг отворились двери, и входит купец. «Хлеб соль!» сказал купец. Кузнецовы вздрогнули, и ложки выпали у них из рук: это, значит, *он* был; они по голосу его узнали. «Не бойтесь, это я! — говорит он. — Пришел проведать вас и успокоить, что не пропал я. Хоша Мартемьян Михайлович и везет в Москву Пугача, да не того, кого бы хотел. Я, — говорит, — по милости божией, не пропаду. Ну, прощайте! Живите по добру, по здорову!» Сказал это, да и был таков. Только что Кузнецовы опамятовались, сию ж минуту выбежали на двор, чтобы воротить его и толком

поговорить, а его и след простыл, — Митькой звали! Слышно только, как по улице покатила повозка, да колокольчик зазвенел. Кузнецовы — за ворота и видят: дом их офрунчивают солдаты. Что за оказия? Оказия, батенька! Случилась эта оказия вот по какому побыту.

В тот же самый вечер часами двумя раньше сидел у атамана в гостях купец. Пришел другой купец, помолился образу, поклонился атаману, взглянул на первого купца и онемел! Два часа совсем без языка был. Тем временем первый купец встал, раскланялся с атаманом и ушел, как ни в чем не бывало. Часа через два у второго купца язык кой-как, кой-как и поворотился.

— Кто это был у тебя? — спросил он атамана.

— Купец! — говорит атаман.

— Не купец, а это сам Пугач! — говорит второй купец.

Он, значит, признал его сразу и от испугу онемел. Тут и атаман догадался, — сию ж минуту взял у солдатского командира солдат и кинулся к Кузнецовым, да не застал его. Офрунтил дом, да без толку: шиш взяли. Слышал только, как колокольчик заливался по дороге к Чувашскому умету. Не такой, значит, он человек был, этот, по-вашему, Пугач, одно слово: штукарь! в одно ухо влезет — в другое вылезет!

38

— Покойный родитель мой состоял при Петре Федоровиче енералом и носил через плечо голубую ленту, — говорил мне Филипп Ивано-

вич Павлов, житель Рубежного форпоста. — Жалован был от него суконным, из аглицкого сукна. кафтаном, малинового цвета, обшитым по борту, по полам и по подолу широким, в ладонь ширины, золотым позументом. После отца кафтан этот донашивал я, — насилу доносил: уж больно сукно-то было добротное, таких нынче нет.

— До объявки себя царем, — говорил Павлов, — он чаще всего надерживался у Толкачевых, под видом якобы работник, а на самом деле какой работник, только отвод один дела, выжидал удобного времени, чтобы дело свое начать. Когда явился в город с армией, стал на фатеру к Толкачевым. Тут соседи Толкачевых и признали его. «Смотрите-ка, смотрите-ка! Какое чудо! Право чудо! — толковали меж собой соседи. — Ну, кто мог подумать, что это царь был?»

С этого времени и началась война, и длилась она до самой женитьбы его. До женитьбы он воевал счастливо: все, значит, города ему сдавались. А как женился, так и отрубило!

На вопрос мой, каким образом Пугачев женился, — Филипп Иванович отвечал:

— Подгадил кто-то! Поговаривали про Толкачевых, якобы они присоветовали ему жениться. Есть когда взаправду они присоветовали, — заметил Павлов, — то великий грех на душу взяли, незамолимый: от живой жены жениться не подобает. Да и его-то, батюшку, в искушение ввели; чай, спокаялся и он, да поздно: «снявши голову, над волосами не плачут», — старые люди так говаривали. После его женитьбы казаки наши стали уклоняться от него: значит,

усумнились в нем. Осталась при нем самая малость казаков. Правда, собирал он рати много, да все из крестьян: что толку-то? С такою ратью ничего не поделаешь, хоть бы и совсем ее не было. Разбил его князь Голицын под Татищевой, и с той поры пошел он наутек, — нигде удачи не имел. Напоследок попался в руки царицы, первой своей супружницы.

А был он, родитель сказывал, был он воин настоящий, за редкость таких: и храбый, и проворный и сильный, просто богатырь! В гору лошадь обгонял! А раз, под Оленбурхом, сам своей персоной один батареей управлял, всех двенадцать орудий было, а он успевал и направлять, и наводить, и палить, и в то же время полковникам и енералам своим приказанья отдавал. Вот он молодчина какой был! А деньги, порох и всякие снаряды из авропии получал: значит, сугласнички его высылали ему. И был он грамотный.

При этих словах я заметил, что по всем сведениям, какие мы имеем, самозванец Пугачев был безграмотный. Но Павлов возразил:

— Как не знать ему грамоты? Он немец был!! [1]

39

... Удалился он из Питера на кораблях, — говорил Семен Маркович Стольников, восьмидесятилетний старик, житель Генварцевского фор-

[1] Фразу *«как не знать ему грамоты? Он немец был»*, я не от одного Павлова слышал, а от многих и многих стариков. *(Примеч. И. И. Железнова.)*

поста, — и был в разных иностранных землях, а напоследок объявился на Яике.

— Шел со своею ратью из Яицкого городка к Оленбурху, Самарской стороной, — продолжал старик, — а Мартемьян Михайлович Бородин с своим отрядом пробирался туда же Бухарской стороной. С форпостов Петр Федорович забирал всех казаков в свою рать. В Генварцеве останавливался ночевать у нас в доме, родителя моего пожаловал в енаралы. В Берде остановился и всю разграбил. Весь товар из лавок перешел в руки к нашим казакам. И было пьянство в Берде от всего света, просто разливанное море. Из Берды казаки наши, то-ись генварцевские, вернулись и привезли с собой мешки. Бабы спрашивают: что у них в мешках? А казаки говорят: «портянки!» Бабы полюбопытничали, развязали мешки и ахнули: мешки битком набиты были штофом, левантином, парчей и всяким шелковьем! Из этих самых портянок бабы наделали себе и сарафанов, и фуфаек, и разного одеянья. Вот какие были портянки!

— Жутко приходилось Оленбурху, — говорил старик. — Мартемьян Михайлович и все, кто там в осаде сидел, ели лошадину, и ту за честь. Едва ли бы Оленбурх удержался, есть когда сам он не испортил дело свое безвременной женитьбой. Лишь только государыня узнала, что он женился на Устинье Петровне, точас же и послала самого вернейшего ей енарала, князя Голицына, приказала, чтобы непременно разбил его. И Голицын постарался, разбил его под Татищевой. С той поры он и пошел скитаться. Напоследок с Узеней сами же казаки представили его

в город, а оттуда к государыне в Питер препроводили. Государыня заключила его в монастырь; там он и дни свои скончал.

На вопрос мой: «кого же казнили?» Семен Маркович отвечал, как обыкновенно и другие отвечали, вот что: «бог весть кого, только не его! Знамо, подыскали такого человека».

40

— ...Когда он подступал под наш город, — говорил восьмидесятишестилетний старик, житель Илецкого городка, Василий Степанович Рыбинсков, — атаман Портнов подготовил команду, чтобы не впускать его в наш город и не кориться ему. Сначала казаки послушались атамана, — человек-то он был хороший, казаки любили его, и по его приказу подпилили сваи под мостом, чтобы нельзя было по нем пройти. А он, не будь дурен, заехал с яицкими казаками вверх от города и вплавь перебрались через Яик на нашу сторону. Атаман Портнов, Лазарь Иваныч, и команда в триста человек стоят у моста и ждут, думают, что он тут на них пойдет, а он задами вступил в город и взял его. Команда оробела и преклонилась ему. Лазарь Иваныч и тут вздумал супротивничать, и потому самому Петр Федорович велел казнить его, и повесили Лазаря Иваныча!.. А есаул Жеребятников успел ускакать в Оленбурх и тем самым избавился казни.

— Родитель мой, — продолжал рассказчик, — состоял при Петре Федоровиче, но не долгое время. Из-под Татищевой, когда князь Голицын

разбил их, отец мой бежал домой; а после при допросах отрекся, показал, что состоял при нем из-под неволи, смотря на других; а когда-де уверовал, что он не царь, тотчас же-де и бежал от него. Этим самым показанием отец мой и спас себя, остался без наказания. А других прочих из нашей братии куда как крепко жарили плетьми, кто до конца держал его сторону и считал его за царя, а иных смертию казнили.

— А кто он был по-твоему? — спросил я Рыбинскова.

— Знамо кто: Петр Федорович! Об этом и толковать нечего, — отвечал Рыбинсков.

А потом, когда я высказал совсем противное мнение, старик заговорил:

— Коли нам веры нет, можно, чай, поверить командирам. После того как он бежал из-под Татищевой, нагнали в наш город много солдат и гусар. Гусарский командир у нас в доме квартировал и почасту с отцом моим беседовал об нем, расспрашивал, каков он из себя. Отец, не таясь, сказывал: такой-де и такой.

— А нет ли на лице у него знака какого? — спросил гусарский командир.

Отец сказал: — Есть!

— Какой? — спрашивает гусарский командир.

— Под левым глазом маленький рубчик, — говорит отец.

— Ну, так и есть! — сказал гусарский командир и вскочил индо с места. — Самый он и есть, Петр Федорович!

— А другим прочим командирам куда как противно было, коли казаки показывали об *нем*, что он не Пугач, а царь, — продолжал Рыбин-

сков. — Бывало, пригонят к допросу казаков, поставят в ряд и по одиночке с крайнего начнут допрашивать:

— Как признаешь Пугача? — спрашивают командиры.

— Как вы, так и я! — отвечает иной казак.

— Однако как? — спрашивают командиры.

— Знамо как: анператор! — скажет казак.

— Врешь!!! — говорят командиры и цыкают. — Он подлый казачишка! Понимаешь ли, пустая твоя борода?!

— Понимаю-ста, — говорит нехотя казак. — Быть по-вашему: казачишка — так казачишка.

— То-то же! — говорят командиры. — И вперед так говори: он подлый казачишка!

— Слушаю-ста! — говорит казак, а сам думает, как бы только отделаться.

А со стороны иной казак не вытерпит, да и скажет:

— Зачем напрасно корить человека? какой он казачишка? Разве казак, — вот это дело!

— А! — кричат командиры. — Не казачишка, казак! Так мы же вам покажем. Э! Плетей!

И отдерут бедняжку, словно сидорову козу. А за что? Не хотел Пугача назвать паскудным именем: казачишкой. После того всякий и говорит, что угодно командирам, а в душе-то у каждого другое... Да ничего не сотворишь, супротив начальства не пойдешь: сила солому ломит. Есть когда бы в самом деле то был Пугачев, то-ись донской казак Емельян Пугачев, а не Петр Федорович, то Мартемьян Михайлович Бородин не пропал бы! — прибавил Рыбинсков. — А ведь всему миру известно, — заклю-

чил старик, — что Бородин сгинул в Питере. А от кого? Все от него же, то-ись от Петра Федоровича: он его и допек!

41

— ...Не умер наш Мартемьян Михайлович своею смертью, а допек его лишь Пугач, а наш Петр Федорович!—говорил мне один старик. [1]— Хотел он выслужиться перед государыней и сам повез Пугача в Москву. Мартемьяна Михайловича провожали сродственники и знакомые. За башней на прощанье стали по обычаю пить водку, наливку и все такое. Пугач сидел в закрытой телеге, выглянул оттуда и спросил: «Мартемьян Михайлович! Что пьете одни? Поднесите-ка и мне!» А Мартемьян Михайлович ему в ответ: «Куда тебе, паршивому бесу, из одной посуды с нами пить!» Пугач побледнел и сказал: «Хорошо же! Ты хочешь видеть мою смерть — не удастся: я скорее твою увижу!» Немного погодя один из старшин, Михайлов, подошел к телеге, где Пугач сидел, и поднес ему из своего стакана. Пугач выпил, крякнул и сказал:

— Спасибо, дружище! Не забуду я тебя. Господа честные! Запомните, что скажу, — сказал Пугач ко всем, кто тут был: отныне род Михайлов возвысится, а род Бородин падет!

— Так и случилось,— прибавил рассказчик.— За две станции до Москвы выехал навстречу к

[1] Один и тот же вариант настоящей легенды мне доводилось слышать от нескольких лиц. *(Примеч. собирателя.)*

Пугачу царевич Павел Петрович и увез его с собой. «А с тобой, — сказал он Мартемьяну Михайловичу, — с тобой увидимся после, в Петербурге, бог даст, там и потолкуем!

Приехал через сколько-то времени Мартемьян Михайлович в Питер, и отвели ему там где-то по край города фатеру. Живет Мартемьян Михайлович и ждет, что-то будет. Раз является к нему на фатеру офицер и требует его во дворец. Побледнел Мартемьян Михайлович, сделался словно полотно, и нехотя пошел за офицером. «Чует кошка, чье мясо съела». Пошел Мартемьян Михайлович и пропал, словно в воду канул. Никто из наших казаков больше уж не видал его. Чрез сколько-та времени двое из казаков, что были с ним в Питере, пошли во дворец понаведаться об нем, но там сказали им, что старшина Бородин умер. Так на том и положили, умер да умер Мартемьян Михайлович, а никто и мертвого-то его не видал. Ложь ли, правда ли, говорили, что его живого в столб заклали. А Михайловы пошли с того времени все в гору да в гору! Значит, как Пугач сказал, так и вышло: род Михайлов возвысился.

42

—. . .Когда Мартемьян Михайлович ехал с Пугачем в Питер, Пугач часто с усмешкой говаривал ему: «Мартемьян Михайлович, куда едешь? Зачем едешь? Не вернуться ли домой? Лучше будет. Эй, Мартемьян Михайлович! Поверни-ка оглобли назад, покуда время есть.

Не слушаешь! Ну, бог с тобой! После сам на себя пеняй».

Приехали в Питер. Мартемьяна Михайловича тотчас же позвали в сенат, а казаков, что с ним были, в сенат не впустили, остановили на улице у крыльца. Чрез некоторое время вдруг во всех церквах зазвонили в сполох. Казаки подумали, что пожар, но ни дыму, ни полымя нигде не видать, и народ по улицам спокоен. Казаки дивуются, что бы это такое значило, а то и в голову никому не придет, что звонят о рабе божием Мартемьяне Михайловиче. Напоследок вышел из сената какой-то енарал, весь в крестах да в звезде, и объявил казакам: «Бородин умер!»

После того одному из казаков трафилось быть в комнатах у государыни. Вдруг, братец ты мой, из-за ширм вышел Пугач и прямо к казаку:

— Здорово, дружище! Узнаешь ли меня?

— Как не узнать! — говорит казак.

— То-то же! Думали, что я умру: умер Мартемьяшка Бородин! Сам виноват. Зачем, шут, тащил сюда? Не без чего говорил дураку, чтобы воротился. Однако не хочешь ли винца? Выпей!

И поднес казаку целую кружку какого-то заморского вина, насилу тот ноги дотащил до фатеры, — больно уж захмелел. А Мартемьян Михайлович пропал. С живого с него, говорили, шкуру содрали, как хивинцы с Бекича. И поделом, — прибавил рассказчик, — не суйся не в свое дело. Однако Павел Петрович, когда на царство сел, сжалился над сыном его, над Давы-

дом Мартемьяновичем, дал ему атаманство. С того времени Бородины опять пошли в ход, а дотолева их и пару не знать было.

43

— Во всю дорогу от Уральска до Питера Мартемьян Михайлыч и Пугач грызлись меж себя, перекорялись и грозили друг дружке. Мартемьян Михайлович грозился царицей, а Пугач — царевичем. Мартемьян Михайлович говаривал Пугачу: «Дай срок доехать до матушки-царицы; задаст она тебе такую баню, что до новых веников не забудешь!» А Пугач говаривал Мартемьяну Михайловичу: «Дай срок доехать до царевича Павла Петровича: задаст он тебе такого жару, что небо в овчинку покажется!»

Случилась еще такая история. На какой-то станции переменяли телегу. Мартемьян Михайлович приковывал Пугача к новой телеге, да, видно, больно сжал кандалами ему ноги. Пугач не вытерпел, сказал: «Мартемьян Михайлович! Сжалься! Ослобони немного кандалы. Могуты моей нет, больно ноги жмет». А Мартемьян Михайлович усмехается, да говорит: «Потерпи! В Питере, бог даст, совсем снимут»...

— Ну, Мартемьян! Не забуду я этого! — сказал Пугач. — На Яике ты мне много солил, да я забыл то. А этого вовеки веков не прощу. Переехал ты мне теперича через ногу: бог даст, придет время, перееду я тебе через шею. Попомни!

Приехали в Питер. Пугача взяли во дворец, а Мартемьяна Михайловича поставили на обы-

вательской квартире. Чрез недолгое время позвали и его во дворец. С ним пошел вестовой казак. Мартемьяна Михайловича ввели в горницу, а вестового остановили в прихожей. Вестовой полюбопытничал, отворил немного дверь в горницу и заглянул туда. Что же увидал он? Увидал он, сударь мой, диво дивное, чего и не ожидал!

На кровати, за белыми кисейными занавесками, лежит Пугач, — похоже, только что вышел из бани: волосы мокры, а лицо красно. У ног его, на стуле, сидит царевич Павел Петрович, а у окна сидит царица. И все плачут, платочками слезы утирают. А у притолки, словно солдат, стоит на вытяжку Мартемьян Михайлович, — стоит и дрожит, словно на морозе. Вестовой тое ж минуту попятился назад и вышел из прихожей в сени, будто ничего не видал. Знамо, боялся, как бы беды какой не нажить. Долго вестовой ждал Мартемьяна Михайловича, — не выйдет ли из горницы, — и не дождался, ушел на квартиру. На другой день все казаки, что находились при Мартемьяне Михайловиче, человек с шесть, пошли во дворец понаведаться о старшине. Когда они пришли, их спросили: «Кого вам надо?» — «Атамана!» сказали казаки. «Какого?» — «Мартемьяна Михайловича Бородина!» сказали казаки. «Атаман у вас теперь другой в Уральске, Иван Кирилыч Акутин», сказали казакам, «а Мартемьян Михайлович приказал долго жить: вчера волею божиею умер в одночас!»

Тут же вынесли и отдали казакам кафтан и саблю Мартемьяна Михайловича.

— Возьмите! — сказали казакам. — Отвезите на Урал и отдайте сродственникам Бородина. А завтра, — сказано казакам, — завтра приходите хоронить его.

Ни живы ни мертвы, казаки воротились на квартиру, взяли с собой кафтан и саблю Мартемьяна Михайловича. На другой день, как было приказано, пришли казаки во дворец и видели гроб заколоченный, а что было в гробу — не видали. Сказано только им, что в том гробу лежит тело атамана Бородина, а правда ли? — богу одному известно. Однако по секрету кой от кого слышали, что Мартемьян Михайлович и не думал умирать, а засадили его в темницу, там он и кончил жизнь свою, не видя света божьего. А удружил ему все-таки не другой кто, а сам Пугач. Известно, не его казнили, а казнили подставного. Сам же он изжил век свой по секрету, не показывался народу.

— Есть когда я должен жить по секрету, — говорит он государыне, — то и супротивника моего, Мартюшку Бородина, посади в секретную же, чтобы не досадно мне было. А есть когда не так, то, говорит, убегу, не удержат меня никакие замки и караулы, убегу, говорит, и опять взбунтую всю Расею, да не так, а почище.

По этой самой причине и засадили Мартемьяна Михайловича в темницу. А кто говорил, что ему поднесли яда, и умер он от яда. То ли, сё ли, а доконал Мартемьяна Михайловича Петр Федорович! И по делам, — прибавил рассказчик. — Мартемьян Михайлович обращался с ним оченно грубо, когда вез его в Питер.

44

— ...Собрался Мартемьян Михайлович ехать из Питера в Уральск и пошел проститься с государыней, а денщику велел исподволь укладываться. Вдруг прибежал на квартиру испуганный, бледный, словно кто гнал за ним. «Скорей беги за подводами!..— кричал он денщику.— Живей укладывайся! Едем!» Денщик в один миг сбегал на ямской двор и привел коней. Поехали. «Погоняй!» — беспеременно кричит Мартемьян Михайлович на ямщика. Проехали сколько-то станций. Мартемьян Михайлович пришел в себя и говорит денщику по-киргизски, чтобы ямщик не понял:

— Какое, братец мой, я чудо видел, если бы только ты знал! Стою это я у матушки-царицы в опочивальне, рассказываю ей, как мы стражались супротив злодея Амельки Пугача. А он, Пугач-то, вдрут из-за ширмы как выскочит, словно зверь лютый, да как ринется на меня с кулаками,— я индо обмер, не знал, куда деваться. Спасибо, на мое счастие царевич подоспел, пришел из другой комнаты, и за меня заступился, не дал ему бить меня, а то бы, верно, пересчитал он мне ребра и вычистил зубы; пожалуй, и хуже бы что сделал. Теперь, братец мой, вижу, что дал маху: не ездить бы мне совсем сюда... бог с ними... Хоша и публиковали, что он Амелька Пугачев, а выходит, вон какой он Пугач... за ширмами в опочивальне обретается. Однако помолчи об этом до поры до времени: бог знает, что может выйти.

Лишь только проговорил Мартемьян Михайлович эти слова, не отъехали после того и с версту, как догоняет их кульер и велит Мартемьяну Михайловичу ехать назад в Питер. «Матушке де царице ты спонадобился чтой-то», — говорит кульер. Ни жив ни мертв, Мартемьян Михайлович пересел из своей повозки в бричку кульера и поехал с ним обратно в Питер, а денщику велел ехать следом за собой. На другой день денщик приехал в Питер, но Мартемьяна Михайловича не застал: отдал Мартемьян Михайлович богу душу. Денщик и мертвого-то его не видал, а видел только гроб один. Так и пропал Мартемьян Михайлович! А отчего пропал? От того самого, что никакого почтения не оказывал ему, то есть Петру Федоровичу: он его и допек! — заключил рассказчик.

45

— Болтают, болтают, батюшка, якобы Мартемьяна Михайловича нашего погубил Пугач. Совсем не Пугач. Пугач какую имел власть? Пугач был самозванец, буян, разбойник: Пугача самого казнили, пятерили. За то, что Мартемьян Михайлович не корился Пугачу, сражался супротив него, когда тот бунтовал и за царя себя выдавал, — за это самое государыня Катерина Алексеевна и полюбила Мартемьяна Михайловича, выписала его к себе в Питер, наградила полковничьим чином, деньгами обдарила и сделала его атаманом над нашим войском.

Пора была ехать Мартемьяну Михайловичу из Питера в Уральск, а государыня не пущала. «Поживи, да поживи. Что торопишься? Успеешь еще!» — говорила государыня. Очень уж полюбила она Мартемьяна Михайловича. Покуда он жил в Питере, не проходило дня, чтобы государыня обедала без него: каждый божий день приглашала его к столу и сажала около себя на первое место.

Видя в такой чести Мартемьяна Михайловича, питерские князья и бояре испугались, чтобы он не пошел в гору, не перебил у них дороги; обозлились на него, взяли да и отравили его! Зазвали его в удаленные покои во дворце и поднесли ему рюмку вина. Он выпил да тут же, голубчик, не сходя с места, и умер, — царство ему небесное!

Государыня очень тужила и соболезновала о Мартемьяне Михайловиче, плакала, когда его в гроб клали. Допытывалась, кто погубил его, да не допыталась. Все лекаря были подкуплены боярами, заодно, значит, были с ними. Потрошили Мартемьяна Михайловича и донесли государыне, что Бородин умер от прилива крови. Так и предали дело воле божией. А мы наверное знаем, что Мартемьян Михайлович умер не от прилива крови, а от мышьяку иль-бо от другого какого яда.

ПЕСНИ И ПРЕДАНИЯ О РАЗИНЕ И ПУГАЧЕВЕ В ЗАПИСЯХ ПУШКИНА

ЗАПИСИ ПУШКИНА

Интерес Пушкина к Разину и Пугачеву (особенно к Разину) можно проследить с 20-х годов и до последних месяцев жизни поэта. М. Н. Покровский, характеризуя вкусы Пушкина, указал яркую его особенность, именно, что «поклонник ультрамонархического историографа (Карамзина. — *А. Л.)* в истории больше всего любил бунтовщиков».[1]

Разин привлекает Пушкина своим поэтическим ореолом. Непосредственный интерес к Разину пробуждается у Пушкина уже в начале 20-х годов. В период ссылки на юг и разъездов по степям и казачьим станицам Пушкин наблюдает жизнь казаков, восхищается их боевым духом и привычкой к опасностям. «Видел я берега Кубани и сторожевые станицы, — писал он брату из Кишинева 24 сентября 1820 года. — Любовался нашими казаками. . .» И далее: «Когда-нибудь прочту тебе мои замечания (об) на Черноморских и Донских казаков — теперь тебе не скажу об них ни слова».[2]

С материалами о донских казаках Пушкин знакомится также в 1824 г. в «Русской Старине», альманахе Корниловича, где была напечатана монография В. Д. Сухо-

[1] М. Н. Покровский, «Пушкин-историк». Полное собрание сочинений Пушкина. Приложение к журналу «Красн. нива» на 1930 г., т. V, кн. 9, стр. 6.

[2] Пушкин, Письма под ред. и примеч. Б. Л. Модзалевского. «Труды Пушкинского дома А. Н.» ГИЗ, 1926, стр. 12—13.

рукова «Общежития донских казаков в XVII и XVIII вв. (с особой главой «Донские песни»). Об издании материалов по истории войска Донского Сухорукова Пушкин ходатайствует через Бенкендорфа в 1826 году.

Вместе с своим другом, Н. Н. Раевским-сыном, который, по свидетельству современников, собирал материалы о Разине и мечтал написать о нем монографию, — Пушкин, вероятно, слышал во время разъездов по Кубани и Донской области рассказы, предания и песни о разинщине. Яркая личность Разина и предания о нем вдохновляют поэта. Тогда же задумывает он «Братьев-разбойников», где, по первоначальным наброскам, действие должно развертываться на Волге. [1]

Высланный в Михайловское, Пушкин увлекается «народной» поэзией. Повидимому, он уже располагает какими-то поэтическими материалами о Разине, так как просит брата прислать ему «историческое сухое известие о Стеньке Разине». В письме от конца октября 1824 года он рисует брату свою жизнь в деревне. «Знаешь ли мои занятия? До обеда пишу записки, обедаю поздно: после обеда езжу верьхом, вечером слушаю сказки и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания! Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма. Ах боже мой, чуть не забыл. Вот тебе задача: историческое сухое известие о Стеньке Разине, единственном поэтическом лице русской истории». [2] Затем через несколько дней на ряду с другими поручениями просит прислать «Жизнь Емельки Пугачева». [3]

[1] Зап. кн. Пушкина, хранящаяся в Публ. б-ке. Л. 19, стр. 2. Н. О. Лернер, «Труды и дни Пушкина». Изд. 2. А. Н. Спб. 1910, стр. 71.

[2] П у ш к и н, Переписка, изд. А. Н., т. I, № 101.

[3] Там же, № 105.

Из ссылки Пушкин возвращается уже с готовыми к печати песнями о Стеньке Разине. 12 октября 1826 г. в Москве у Веневитинова, в кругу молодых литераторов, Пушкин читает свои «Песни о Стеньке Разине».

Летом 1827 года Пушкин стремится поместить «Песни о Стеньке Разине» в «Северных цветах» на 1828 год и посылает их вместе с некоторыми другими рукописями Плетневу для представления через гр. Бенкендорфа на высочайшую цензуру. Однако напечатать песни о Разине отказано. По этому поводу Бенкендорф пишет Пушкину 22 августа 1827 года: «Песни о Стеньке Разине при всем своем поэтическом достоинстве по содержанию своему неприличны к напечатанию. Сверх того церковь проклинает Разина, равно как и Пугачева». [1] 31 августа об этом запрещении Пушкин извещает Погодина: «Стансы к царю им позволены; песни о Стеньки не пропущены». [2]

По всей вероятности. Пушкин посылал в «Северные цветы» под заглавием «Песни о Стеньке Разине» и записанные им народные песни и сочиненные на основе народных образцов баллады о Разине (Как по Волге-реке, по широкой; Ходил Стенька Разин; Что ни конский топ, ни людская молвь).

Копии их были обнаружены Гротом в бумагах Плетнева.

Пушкин вспоминает о Разине и в «Евгении Онегине», изображая странствия Онегина по Волге:

Надулась Волга; бурлаки,
Опершись на багры стальные,
Унывным голосом поют
Про тот разбойничий приют,

[1] Пушкин, Переписка, изд А. Н., т. II, № 333
[2] Там же. № 335.

Про те разъезды удалые,
Как Стенька Разин в старину
Кровавил волжскую волну...

(Странствования Евгения Онегина, гл. VII.)

Скупыми, но чрезвычайно яркими художественными штрихами Пушкин подчеркивает социальную действенность разинских песен в их бытовании. Образ Разина у Пушкина прочно ассоциирован с картинами Волги и *поющих* бурлаков. Это подтверждают также и черновые вариации данной строфы.[1]

С 30-х годов Пушкин начинает в упор заниматься пугачевщиной.

В конце лета 1833 года он отправляется в главные районы восстания: посещает Казань, Симбирск, Оренбург, Бердскую слободу, с целью собрать воспоминания и рассказы очевидцев. В Бердской слободе он слушает песни о пугачевщине в исполнении старухи-казачки. В письме к жене он шутливо признается: «В деревне Берде, где Пугачев простоял шесть месяцев, имел я une bonne fortune нашел 75-летнюю казачку, которая помнит это время, как мы с тобой помним 1830 год. Я от нее не отставал; виноват, и про тебя не подумал».[2]

Устное творчество о пугачевщине отразилось и в «Капитанской дочке» и частично в «Истории Пугачевского бунта». Пушкин дает характеристику Пугачева, как она представляется ему из документов и живого предания. Несмотря на трудности николаевской цензуры, и в «Истории» и в «Капитанской дочке» Пугачев обрисован почти исключительно положительными чертами.

[1] М. Л. Гофман. Пропущенные строфы «Евгения Онегина». Пушкин и его современники, в. XXXIII—XXXV, стр. 240—241.

[2] Пушкин, Переписка, изд. А. Н., т. III, Спб. 1911, № 748.

Пушкин отмечает его быстрый ум, сметливость, знание военного дела, организаторские способности, подчеркивает любовь и доверие к нему в массах. Все эти черты получили художественное воплощение в «Капитанской дочке»; великодушие Пугачева явилось организующим мотивом всей повести. М. Н. Покровский подчеркивает, что на основе характеристики Пугачева, данной Пушкиным, можно сделать вывод, что «Пушкин его любил, этого архизлодея, нет никакого сомнения...» «Первым идеализатором вождя последней крестьянской революции в России был именно «барин Пушкин...»

Однако пугачевщина не заглушает интереса Пушкина к Разину. П. Х. Граббе вспоминает о своей встрече с Пушкиным у Раевских в начале зимы 1834 года: «Он занят был в то время историей Пугачева и Стеньки Разина; последним, казалось мне, более. Он принес даже с собою брошюру на французском языке, переведенную с английского и изданную в те времена одним капитаном английской службы, который, по взятии Разиным Астрахани, представлялся ему, потом был свидетелем казни его».[1]

Среди заметок Пушкина, относящихся к так называемой «Статье о русской литературе с очерком французской», имеются записи: «О Ст[еньке] Раз»[ине] и неразборчивая запись: «все... песни о Раз»[ине]. Эти заметки показывают, что Пушкин предполагал посвятить песням о Разине особый отдел. Интересно отметить, что заметки сделаны на листе с наброском «Путешествия Онегина», где, как уже говорилось, также упоминается Разин.

Из писем к А. С. Норову (Петербург, ноябрь—декабрь 1833 г.) мы узнаем, что Пушкин живо интересуется

[1] Из памятных записок гр. П. Х. Граббе. «Русский архив» 1873, 5, стр. 786. То же, Архив Раевских. Под ред. Б. Л. Модзалевского, т. II, стр. 190.

книгами о разинщине, особенно иностранными: «Отсылаю тебе, любезный Норов, твоего Стеньку; завтра получишь Struys и одалиску. Нет ли у тебя сочинения Вебера о России (Возрастающая Россия или что то подобное?) А Пердуильонис, то есть: Stephanus Rasin Don. cosacus perduellis, publicae disquisitionis. J. J. M. Schurtzfleisch». [1] Здесь Пушкин упоминает главнейшие иностранные сочинения о разинщине. Struys — это известное описание России XVII века голландца Johann Struys, который оказался свидетелем взятия Астрахани. Его «Путешествие» выдержало целый ряд изданий и переводов на различные европейские языки. Французский перевод Struys 1827 года, был у Пушкина в его библиотеке. [2] Вероятно, у Норова Пушкин брал одно из старых изданий, может быть 1681 года, — «Les voyages de Jean Struys en Moscovie, en Tartarie, en Perse et aux plusieures autres pays étrangères». Amsterdam, MDCLXXXI. [3] Сочинение Вебера, о котором спрашивает у Норова, это «Das veränderte Russland»... Все три тома этого обширного сочинения (I—1744; II—1739; III—1740) имеются в личной библиотеке Пушкина. [4] Вероятно, он приобрел их позднее. Последнее сочинение, о котором упоминает Пушкин в письме к Норову, — это Stephanus Rasin donicus cosacus perduellis publicae disquisitioni exhibitus paraeside Conrado Samuele Schurtzfleisch respondente Johanne Justo Martio. Wittenbergae, 1683».

[1] Пушкин, Переписка, изд. А. Н., т. III, стр. 162.

[2] Б. Л. Модзалевский, «Библиотека Пушкина». Отд. отт. «Пушкин и его современники», IX—X, Спб. 1910, № 1414.

[3] Иностранная литература о разинщине сейчас наиболее полно приведена в библиографии о Ст. Разине М. Н. Сменцовского. «Каторга и ссылка», 1932, № 7.

[4] Библиотека Пушкина, № 1476.

На ряду с французским переводом «Путешествия» Struys в личных книгах Пушкина находится и знаменитое «Relation» во французском переводе, вышедшем одновременно с английским подлинником в 1672 году.[1]

Летом 1836 года, за полгода до смерти, Пушкин переводит для французского литератора Леве Веймара одиннадцать русских песен. Большая часть из них так называемые «казацко-разбойничьи». Две из них — чрезвычайно красочные старинные песни о Разине: «Как у нас было, братцы, на тихом Дону» (Разин и голытьба) и «Казачий плач о Разине».

Здесь помещаем фольклорные материалы о разинщине и о пугачевщине, которые оставил Пушкин. Вероятно, этот материал был бы богаче, если бы не запреты цензуры. Однако, несмотря на трудные условия работы, Пушкин дал записи красивейших устно-поэтических памятников о Степане Разине и о Пугачеве.

Дальнейшее раскрытие устно-поэтического богатства о разинщине и пугачевщине подтвердило и подтверждает подлинную «народность» пушкинских материалов.

[1] «A relation concerning the particulars of the rebellion, lately raised in Muscovy by Stenko Razinu... 1672. В библиотеке Пушкина это сочинение по-французски: «Relation des particularitez de la rebellion de Stenko Razin contre le grand duc de Moscovie. La naissance, le progrès et la fin de cette rebellion; avec la manière. dont fut pris ce rebelle, sa sentence de mort et son éxécution». Traduit de l'Anglois par C. Desmarcs, Paris, MDCLXXII. Библиотека Пушкина, № 1307. Эта книга указывается в примечаниях к VIII гл. «Истории Пугачевского бунта» с замечанием: «Книга сия весьма редка; я видел один экземпляр оной в библиотеке А. С. Норова, ныне принадлежащей князю Н. И. Трубецкому».



1

Пѣсня о сынѣ Сеньк Разина

Въ городѣ-то было въ Астраханѣ,
Проявился дѣтина, незна́мой человѣкъ.
Онъ щеголемъ по городу похаживаетъ,
Черный бархатный кафтанъ на распашечку
надѣтъ.
Черна шапка пуховая на его русыхъ кудряхъ,
Свой персидской кушачокъ во правой рукѣ
несетъ.
Онъ боярамъ государевымъ [1] не кланяется.
Къ Астр[аханскому] воеводѣ [2] подъ судъ нейдетъ.
Какъ увидѣлъ молодца воевода [3] со крыльца,
Закричалъ онъ, воевода, [3] громкимъ голосомъ
своимъ:
«Ой, есть ли у меня слуги вѣрны молодцы?

[1] В рукописи Пушкина зачеркнуты два слова, из которых первое неразборчиво; второе — «офицерам»; вместо них поставлено: «боярам государевым». Все отмеченные поправки сделаны другими чернилами по сравнению с основным текстом.

[2] В рукописи зачеркнуто: «губернатору», вместо этого, написано «Астр. воеводе».

[3] В рукописи зачеркнуто: «губернатор».

Песня о сыне Степана Разина, записанная Пушкиным (начало)

Автограф хранится в Публичной Библиотеке им. Ленина в Москве

Песня о сыне Степана Разина, записанная Пушкиным
(продолжение)

«Вы сходите, приведите удалаго молодца».
Какъ поймали молодца во царевѣ-кабакѣ,
Приводили удалаго к воеводѣ на дворъ.
А какъ сталъ воевода [1] его спрашивати:
«Ты скажи, скажи, дѣтина, незпáмой человѣкъ,
«Чьего рода, чьего племени, чей отеческій сынъ?
«Иль изъ нашего городу — изъ Астр[ахани], [2]
«Или со Дону казакъ иль казацкій сынъ?»
«Я не съ вашего городу, не съ Астр[ахани],
«Я не съ Дону казакъ, не казацкій сынъ.
«Я со Камы со рѣки Сеньки Разина сынокъ.
«Взялся батюшка у васъ завтра въ гости побывать.
«Ты умѣй его принятп, умѣй потчивати».
Разсердился Губерн[аторъ] на удалаго молодца,
Закричалъ тутъ Губ[ернаторъ] громк[имъ голосомъ своимъ]:
«Что есть ли у меня [слуги вѣрны молодцы]?
«Вы возьмите, отведите уд[алаго] м[олодца],
«Посадите удалова въ бѣлу-каменну тюрьму».

2

Какъ на утренней зарѣ, вдоль по Камѣ по рѣкѣ,
Вдоль по Камѣ по рѣкѣ легка лодочка идетъ.
Во лодочкѣ гребцовъ ровно 200 молодцовъ.
Посреди лодки хóзяинъ, Сѣ[нька] Р[азинъ] отоманъ.
Закричалъ тутъ х[озяинъ громкимъ голосомъ своимъ]:
«А мы счерпне[м]те воды изо Камы со рѣки».
Мы изчерпнули воды изъ Камы со рѣки.

[1] В рукописи зачеркнуто: «губернатор».
[2] Поставленное в скобки в рукописи не дописано.

Припечалился хоз[яинъ] [1] С[енька] Р[азинъ]
А[таманъ]:
«Знать-то знать, что мой сыночикъ во неволюшкѣ сидитъ,
«Во неволюшкѣ . . . . [сидитъ],
«В бѣлокаменной тюрьмѣ».
«Не печалься нашъ хозяинъ С[енька] Р[азинъ]
Ата[манъ]!
«Бѣло-каменну тюрьму по кирпи[чи]ку разберемъ,
«Твоего милаго сын[очк]а изъ неволи уведемъ.
«Астр[аханскаго] Губ[ернатора] подъ судъ
возьмемъ.

3

C'étoit sur le Don paisible, dans la ville de Tcherkask: il est né un brave jeune homme. Stepan Timoféevitch Razine. Le bon Stepan ne fréquentoit pas les Krougs des Kozaques. [2] Il n'y délibéroit pas avec nous autres. Le bon Stepan fréquentoit le Kabak du Tsar, il y délibéroit avec les va-nus-pieds. Messieurs mes frères les va-nus-pieds! Allons un peu nous promener sur la mer bleue, attaquons y les vaisseaux des mécréants, prenons de l'or autant qu'il nous en faut. Et puis, frères, nous irons dans Moscou bâtie en pierre. Nous y achèterons des habits de couleur, et nous reviendrons chez nous.

У нас-то было, братцы, на тихом Дону,
На тихом Дону, во Черкасском городу,
Породился удалый добрый молодец,

[1] Эти слова поставлены в рукописи вместо зачеркнутых. «как. наш хозяин».

[2] Assemblées publiques où l'on délibéroit en commun. *(Примечание Пушкина.)*

C'étoit sur le Don paisible, dans la
ville de Tcherkask : il est né un
brave jeune homme. Stepan Timofée-
vitch Razine Le bon Stepan ne
fréquentoit pas les Krougs +) des Kozaques,
Il n'y délibéroit pas avec nous autres.
Le bon Stepan fréquentoit le Kabak
du Tsar, il y délibéroit avec les va-nus-pieds
Messieurs mes frères les va nus-pieds!
allons un peu nous promener sur la mer
bleue, attaquons y les vaisseaux des mé-
-créans, prenons de l'or autant qu'il nous
en faut. Et puis, frères nous irons dans
Moscou bâti en pierre, nous y achèterons
des habits de couleur, et nous reviendrons chez
nous.

+) assemblées publiques où l'on délibéroit
en commun

Песня о Степане Разине, переведенная Пушкиным на французский язык

Автограф хранится в Институте Русской Литературы Академии Наук СССР в Ленинграде

C'étoit, frères, à la pointe du jour, au lever
du rouge (beau) soleil +), au coucher de
la claire lune: ce n'étoit pas un faucon
qui planoit dans le ciel, c'étoit le
Yasaoul ++) qui se promenoit par le bourg,
& qui réveilloit les braves jeunes gens
Levez-vous braves jeunes gens; éveillez
vous, Kozaques du Don! Il ne fait pas
bon chez nous; Le glorieux, le paisible
Don s'est troublé depuis sa source, jusqu'à
la ~~mère~~ mer d'Asof Tout le peuple Kozaque
s'est ému. Nous n'avons plus d'Ataman,
Nous n'avons plus Stepan Timoféevitch,
dit Stenka Rasine On a pris le brave;
On lui a lié ses blanches mains On l'a

+) expression consacrée & invariable
++) officier Kozak

Песня о Степане Разине, переведенная Пушкиным на французский язык

Автограф хранится в Институте Русской Литературы Академии Наук СССР в Ленинграде

mené à Moscou bâtie en pierre & au milieu de la glorieuse Krasnaïa-Plo-shtchade +) on lui a tranché sa tête rebelle.

+) grande place au Kremle

Песня о Степане Разине, переведенная Пушкиным на французский язык (окончание)

Автограф хранится в Институте Русской Литературы Академии Наук СССР в Ленинграде

По имени Степан Разин Тимофеевич.
Во казачей круг Степанушка не хаживал,
Он с нами, казаками, думу не думывал;
Ходил гулял Степанушка во царев кабак,
Он думывал крепкую думушку с голудьбою:
«Сударги мои, братцы, голь кабацкая!
«Поедем мы, братцы, на сине море гулять,
«Разобьемте, братцы, басурманские корабли,
«Возьмем мы, братцы, казны сколько надобно,
«Поедемте, братцы, в каменну Москву,
«Покупим мы, братцы, платье цветное,
«Покупивши цветно платье да на низ поплывем».

4

C'étoit, fréres, à la pointe du jour; au lever du r o u g e (beau) s o l e i l [1] au coucher de la claire lune: ce n'étoit pas un faucon qui planoit sous le ciel, c'étoit le Jassaoul [2] qui se promenoit par le bourg, et qui réveilloit les braves jeunes gens; Levez-vous, braves jeunes gens, éveillez vous, Kozaques du Don! Il ne fait pas bon chez nous; Le glorieux, le paisible Don s'est troublé depuis sa source jusqu'à la mer d'Azof. Tout le peuple Kozaque s'est ému. Nous n'avons plus d'Ataman; Nous n'avons plus Stepan Timoféevitch, dit Stenka Razine. On a pris le brave, On lui a lié ses blanches mains. On l'a mené à Moscou bâtie en pierre et au milieu de la glorieuse Krasnaïa Plochtchade [3] on lui a tranché sa tête rebelle.

На заре то было, братцы, на утренней,
На восходе красного солнышка,

[1] Expression consacrée et inévitable. *(Примечание Пушкина.)*
[2] Officier-Kozak. *(Примечание Пушкина.)*
[3] Grande place au Kremle. *(Примечание Пушкина.)*

На закате светлова месяца:
Не сокол летал по поднебесью,
Ясаул гулял по насадику.
Он гулял, гулял, погуливал,
Добрых молодцев побуживал.
«Вы вставайте, добры молодцы,
«Пробуждайтесь, казаки донски!
«Нездорово на Дону у нас,
«Помутился славной тихой Дон,
«Со вершины до черна моря,
«До черна моря Азовскова».
«Помешался весь казачий круг,
«Атамана больше нет у нас,
«Нет Степана Тимофеевича,
«По прозванию Стеньки Разина.
«Поймали добра молодца,
«Завязали руки белые,
«Повезли во каменну Москву
«И на славной Красной площади
«Отрубили буйну голову».

5

В Озерной старая казачка каждый день бродила над Яиком, клюкою пригребая к берегу плывущие трупы и приговаривая: «Не ты ли, мое детище? Не ты ли, мой Степушка? Не твои ли черны кудри свежа вода моет?» — и, видя лицо незнакомое, тихо отталкивала труп.

6

Из Гурьева городка
Протекла кровью река.
Из крепости из Зерной
На подмогу Рассыпной

Песня, записанная Пушкиным в Оренбургском крае
Публичная библиотека в Ленинграде

Выслан капитан Сурин
Со командою один.
. . . . [1]
Он нечаянно в крепость въехал,
Начальников перевешал,
Атаманов до пяти,
Рядовых сот до шести.

7

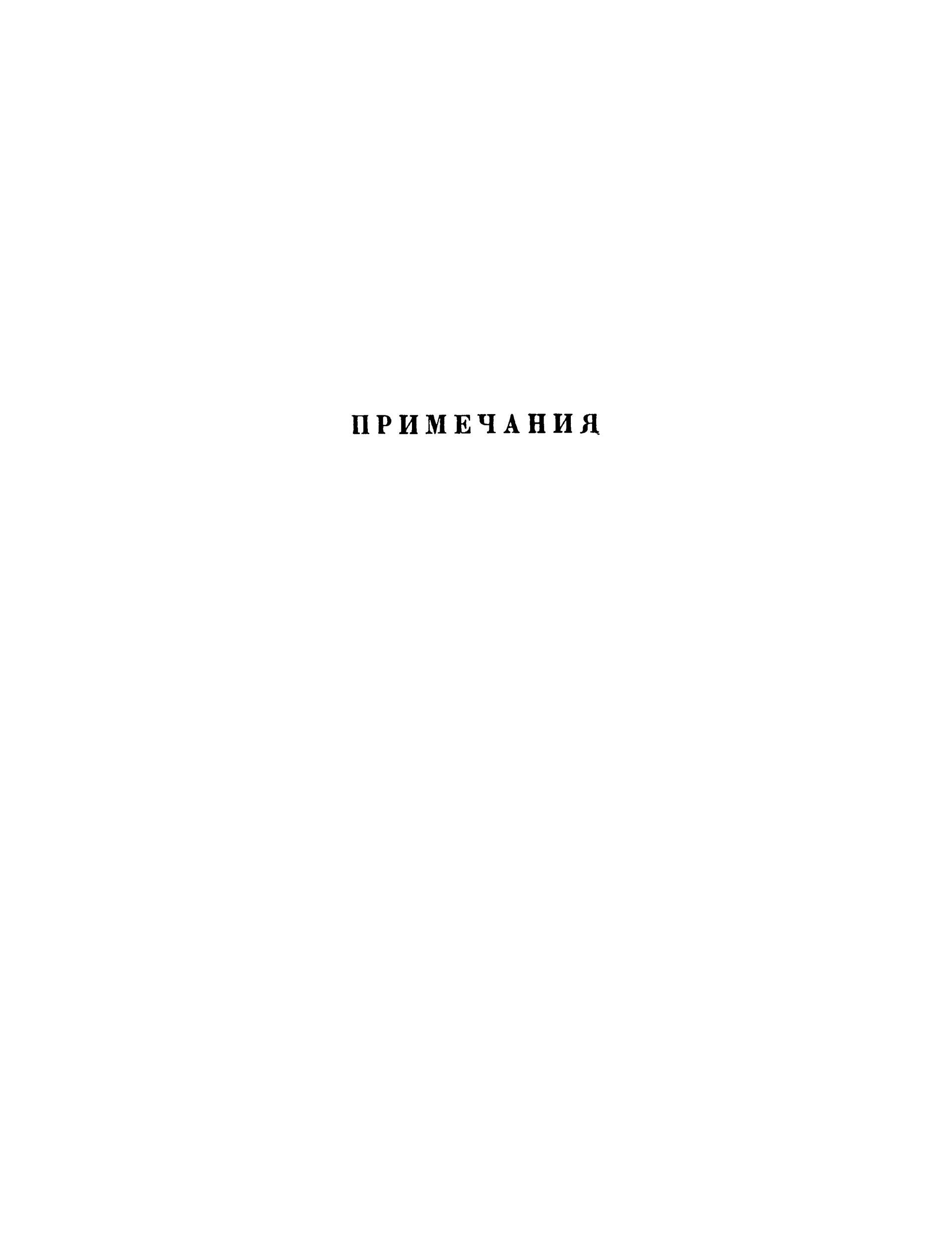
Ур[альские] казаки
Были дураки
Генерала убили
Госуд[арыня]...

8

Из крепости из Зерной
На подмогу Рассыпной
Вышел капитан Сурин
Со командою один.

[1] В автографе Пушкина отмечен пропуск.





ПРИМЕЧАНИЯ

ПЕСНИ, ПРЕДАНИЯ И РАССКАЗЫ О СТЕПАНЕ РАЗИНЕ

1. Записано А. Ф. Гильфердингом в 1871 г. на Водлозере от былинного сказителя И. Г. Захарова. Напечатано в «Онежских былинах», № 203; то же М. 277; Л. 6.

Все варианты, записанные на Севере, характерны обстоятельностью и подробностью содержания. Эта особенность объясняется силой эпической традиции в Северном крае и привычкой певцов к одиночному подробному исполнению. Северные варианты сохранили эпизод расправы Разина с астраханским губернатором, утраченный уже в значительном большинстве вариантов из других районов. По всей вероятности, этот эпизод в наиболее старших вариантах песни имел место.

Интересно изображение предчувствий Разина о беде, грозящей сынку. Он колдует над водой и таким образом узнает, что сын его находится в неволе. Мотив предчувствия и колдовства встречается также и в записи Пушкина.

В одном из вариантов, записанном П. В. Шейном в с Безобразовке, Саратовской губ., Хвалынского у., в 1872 г. (Чтения Моск. об-ва истории и древн. Росс. 1877, кн. 3, стр. 69—70), атаман предчувствует беду с сыном по недоброму сну. Он плывет со своим отрядом на богатых стругах:

Вниз по Волге по реке плыли-выплывали есаулушки три стружка.
Во первом во стружечке золотая его казна лежит,
Во другим во стружечке, гребцы-песельники сидят,
Во третиим во стружечке, — сам Степан Разин Тимофеев.
А возгаркнул он, воскликнул громким важным голосом:
«Уж вы, братцы мои, ребята. Мне нынче темной ночки не спалось,

«Не спалось мне темной ночки, много виделось во сне;
«Будто мой милый сыночек во поимани сидит,
«Во такой во поимани — белокаменной тюрьме»...

В северных и верхневолжских вариантах молодец, объясняя свое происхождение, чаще всего упоминает Каму-реку (не Волгу).

Возможно, что в формулировке этого ответа отразились настроения верхневолжской бедноты, которая поднималась уже после симбирского поражения Разина в Нижегородском и Костромском крае. Возможно, что в этих районах и поется о молодце именно с Камы-реки, а не с Волги или Камышинки (приток Волги близ Камышина), как поется в других вариантах.

Не из Питера купец,
Не купецкий сын,
Не с Москвы дворянин.
Не дворянский сын,
И не с Дону казак,
И не с Волги бурлак, —
Я со Камы со реки
Стеньки Разина сын.

(С. А. Чмутов, Народные песни, записанн. в Белозерске в 1874—1876 гг. Рукопись архива Русск. географ. об-ва, XXIV, стр. 41).

Интересен вариант, сообщенный Аристовым (в его работе «Об историческом значении русских разбойничьих песен», Воронеж 1875, «как она распевается в Липецком у., Тамбовской губ., т. Бутырках». То же, Л. 110); молодец появляется не один; он водит за собой голь кабацкую (ср. вариант № 4 настоящего сборника). Здесь молодец с Волги, сынок Разина, противопоставлен крепостным крестьянам.

Характерна формулировка его ответа:

«Я не княжеский, не барский,
Не купеческий сынок, —
Я со матушки со Волги Стеньки
Разина сын».

Характерен также финал песни, обещание Разина выпустить из тюрьмы всех невольничков.

Интересна по своей концовке песня, записанная М. Е. Соколовым в 1905 г. в слободе Елань, Аткарского у., Саратовской губ. (Труды Саратовск. учен. архивн. комиссии, вып. XXV, стр. 246—247):

Я эту белу каменну тюрьму
Всю по камню размечу,
Астраханский городок
Весь до камушка сожгу,
Ай да я, своих бравых ребят
По Рассеюшке пущу!

Возможно, что образ Разина-мстителя с особой яркостью возрождался именно в связи с событиями 1905 года.

2. Напечатано в Саратовском сборнике. Изд. Саратовск. статистич. ком. Саратов 1881, т. I, отд. II, стр. 14—17. Записано кн. Ф. С. Голицыным со слов восьмидесятилетней певицы-мордовки Филипповны из села Мордовский Карагуж. То же, Л. 99.

Вариант, замечательный по своей полноте и точности. Художественно изображены надежды молодца на нового батюшку, который должен притти весной и распустить всех невольников. Ожидание избавителя и хотя бы даже временного облегчения особенно характерно для настроений угнетенных народов крепостной России, особенно мордвы, принимавшей деятельное участие в движении Разина. Финал песни изображает исполнение этих надежд.

3. Записано Гациским в Бессарабской губ. в 1874 г. от рыбаков. Напечатано в «Киевской старине» 1882, XI, стр. 243—245. То же, Л. 115.

Украинский вариант песни о сынке. Соединение сюжета песни о Разине с рассказом о некоем казаке Гарасиме и его сыне. Желая итти в Россию, Гарасим предварительно посылает туда своего сына («щоб розпізнал тих людей и ту сторону»). Разинская песня вкраплена в рассказ и является организующим звеном для всего целого.

Главнейшие мотивы точно сохранены. В другом отрывке песни о сынке, привившейся на Украине, записанной Черняком в 1876 г. в Екатеринославской губ. («Киевская старина» 1882, XI, стр. 243—245), сохранились

также яркие черты протеста (дерзкий ответ молодца губернатору).

Но некоторые варианты отступают от обычной строгой схемы, напр. вариант, записанный А. М. Языковым в Сызрани. Вариант отличается от основной композиционной схемы песен о сынке Разина. На угрозы молодца губернатор, со своей стороны, грозит пулями и ядрами. Для гостей у него «пироги в Туле печены», и «сухари в Петербурге крошены», и т. д. Песня в этом ответе губернатора носит явные следы перелицовки текста, влияния предварительной бытовой цензуры, — сглаживания бунтарского содержания.

Вариант, записанный П. Таушевым в с. Мурзицах, Курмышского у., Симбирской губ. (рукописи. сб. уч. архива Русск. географ. об-ва, XXXVII, 33), интересен теми же мотивами угроз губернатора.

4. Записано В. Г. Богоразом в конце 90-х годов от среднеколымского казака Федора Даурова, 60 лет. Напечатано в Сборнике отд. русск. яз. и словесн. Акад. Наук, т. LXVIII, Спб. 1901. То же, М. 305; Л. 35.

Схема обычная для песен о сынке, но содержание трансформировалось.

Заметно соединение песни о сынке Разина с былинами об Илье-Калике и голях кабацких (см. Гильфердинг, №№ 239, 257, 220, 232).

Голь кабацкая — новый образ в устно-поэтическом творчестве, возникший на основе крестьянских восстаний в ответ на усиливающееся закрепощение в XVI и XVII вв., входит и в былины об Илье. Содержание и композиционная схема былины об Илье-Калике и голях кабацких очень близки данной песне о сыне Разина.

Параллельны также некоторые детали, напр. описание костюма и внешнего вида героев, поведение их в кабаке и на допросе (ответы губернатору и кн. Владимиру).

Вопрос губернатора: «Царь ли ты, царевич или царский сын?» отражает также крестьянские революционные движения XVI—XVIII вв. Имя царя — Петр Алексеевич, — по всей вероятности, измененное, под влиянием полицейского сыска, — имя Пугачева (Петра Федоровича).

Некоторые варианты выделяются своей ритмикой. Напр., очень интересен один из вятских вариантов (А. Васнецов, «Песни Северо-восточной России. Зап[исано] в Вятской губ.», М. 1894, стр. 140—141). Здесь особо выделен внешний облик молодца, напоминающий Мигача (см. «Пугач-Мигач», Пугачевщина, песня № 12; также в «Песнях» П. В. Киреевского, вып. 9, стр. 251).

Как у нас во славном городе
Во Астрахани
Проявился-то детина,
Разудалый молодец,
Словно чепетка из городу
Похаживает,
Он сапог о сапог
Поколачивает.
На нем бархатный кафтанчик
На распашечку надет,
Его шелкова рубашечка
Пошумливает,
Бархатны шаровары
Повздрагивают,
Козловы сапожки
Поскрипывают.
Он по городу соколиком
Полетывает,
Красным девушкам-разлапушкам
Примаргивает.
Городским-то он начальникам
Не кланяется,
Самому он губернатору
Почет не отдает...

Недавние записи 1925—1927 гг. являются живым доказательством яркости образа Разина, который еще живет в творческом сознании широких масс крестьянства.

В 1928 году, во время фольклорной экспедиции со студентами Саратовского ун-та, мне удалось слышать в Елшанке, Саратовского у., от слепой старухи-нищенки прекрасный полный вариант о сынке. Записать его не пришлось. Мы попали к этой сказительнице вечером, когда она была уже очень утомлена. Перечисляя старин-

ные песни, которые ей известны, она буквально за один дух сказала нам этот полный вариант о сынке, но петь для записи и даже повторить его наотрез отказалась, ссылаясь на усталость. Она позвала нас на другой день и охотно соглашалась на запись. Однако, когда мы пришли в условленное время, ее не было. Нам сказали, что она еще ранним утром ушла к родным в другое село.

5. Напечатано в 7 вып. «Песен» Киреевского, стр. 148, — из «Старшего песенника» Трутовского, ч. III. Спб. 1779. То же, М. 340; Л. 70.

Самая старшая запись (с нотами) песни о взятии разинцами Астрахани. Песня изобразила расправу восставших с астраханским воеводой кн. Ив. Сем. Прозоровским, который, действительно, был сброшен с раската, а его два сына были повешены головою вниз.

Во всех вариантах художественно изображается постепенное приближение разинцев к Астрахани. Гордое уверение атамана, что ему не страшны пули и ядра, — мотив, постоянный почти во всех записях песни о взятии Астрахани.

Интересно отметить, что тождественный вариант той же песни приведен Пальчиковым. (Напечатано в «Крестьянских песнях с. Николаевки, Мензелинского у., Уфимской губ.», зап. Н. Пальчиковым. М. 1896, № 41. То же, М. 296; Л. 25.) Здесь не сохранился лишь финал — расправа разинцев с астраханским воеводой.

6. Напечатано в 7 вып. «Песен» П. В. Киреевского, стр. 141—143, без указания, кем и где записано.

Вариант ее записан А. Александровым в с. Рыбном, на Ангаре, в 1893 г. со слов местного крестьянина Дмитрия Козырева. Напечатано в «Живой старине» 1897, вып. I, стр. 102, № 2.

7. Записано В. К. Добровольским в Смоленщине, напечатано в Смоленск. этнографич. сборнике, ч. IV, стр. 615. То же, М. 338; Л. 68.

Эти песни поются как бы от лица войска, посланного захватить Разина. Но отряд сочувственно настроен к Разину и рассматривает свой выход как торжественную встречу своего вождя.

Своим началом эти песни очень близки песням разинцев. Однако финал иной: атаман уверяет, что он в

Астрахани никого и ничего не боится, кроме девки-астраханки.

В смоленском варианте ясна любовная мотивировка власти астраханки над Разиным. Здесь песни с ясностью отразили мотивы чародейства Разина. Однако эти мотивы более развиты в преданиях и рассказах. Еще современники были уверены, что никакая цепь не может сдержать Разина. Уже после ареста Разина, из опасений его чудесного бегства, его сковывают предварительно освященной цепью и содержат в церковном притворе.

Возможно, что в основе песен войска лежит определенное событие.

Незадолго до взятия Астрахани произошел яркий случай, сильно взволновавший воевод. Рать, посланная дать отпор Разину, передалась на его сторону: «а которые наши, великого государя, служилые люди были посланы из Астрахани на него, вора Стеньку, воеводою с князь Семеном Львовым, и те астраханские служилые люди нам, великому государю, изменили и приложились к нему, вору, и воеводу князя Семена Львова отдали ему, вору, а начальных людей и московских стрельцов побили и в воду пометали» (Свод законов Р. И., № 480, стр. 847).

Упоминание о «староверском чудотворце» (№ 7), по всей вероятности, является отголоском отношений к разинщине раскольничьих групп, которые, вливаясь в разинское движение на борьбу с самодержавным гнетом, думали отвоевать себе свободу вероисповедания.

8. Записано А. А. Догадиным в 1902 г. в станице Ветлянинской от И. Е. Сотникова, А. С. Дивина и др. Напечатано в «Былинах и песнях астраханск. казаков», вып. I, № 20. То же, М. 330; Л. 60. Исполняется хором.

Единственная запись наиболее полно сохранившегося текста о взятии разинцами Яицкого городка в конце лета 1667 г. В песне он переименован в Гурьев — нижнеяицкий учуг, который подвергался нападению со стороны казаков в 1654 г.

Взятие Яицкого городка описано в современных разинщине документах. Разинцы еще в самом начале движения овладевают Яицким городком. Они выплывают с Волги в Каспийское море и, продвигаясь вдоль северного берега на восток, подъезжают к Яику.

Атаман с небольшим отрядом уверил местного воеводу, Ив. Яцына, что хотел бы здесь поклониться святыням. Таким образом разинцы проникают в город и берут его.

Астраханский воевода, кн. Хилков, пишет 7 августа 1667 г. в своем донесении царю Алексею Михайловичу о действиях разинцев в устье Волги и на море: «И для промыслу на тех воровских казаков посылан из Астрахани письменной голова Григорей Оксентьев, а с ним ратные люди; а на море посылан полуполковник Иван Ружинской и головы стрелецкие с солдаты и с стрельцы. И полуполковник и головы стрелецкие с солдаты и с стрельцы, которые посыланы за теми воровскими казаки, в распросе сказали: что они воровских казаков на море не съехали, и те-де воровские казаки пошли с моря к Яицкому городку; и встретилися-де с ними на море четыре человека татар и сказали им, полуполковнику и головам, что воровские казаки в Яицкой городок вошли, и приходили-де те воровские казаки, атаман Стенка Разин, а с ним человек с сорок воровских казаков, к городовым воротам, и просилися в Яицкой городок к церкве помолиться, и голова-де Иван Яцын тех воровских казаков, атамана Стенку Разина, а с ним казаков человек с 40, в город пустил, и те-де воровские казаки в Яицком городке ворота городские отперли и воровским казакам всем велели итти в город».

Затем кн. Ив. Хилков пишет, что высланному против разинцев правительственному отряду встретились яицкие стрельцы, которые рассказали... «что воровские казаки обманом вошли в Яицкой городок и с ним бились, и их полковника и голов с ратным людьми розбили врознь, и многие ратные люди остались в камышах...» «И они-де полуполковник с началными людьми и головы и сотники стрелецкие и с стрельцы и с солдаты, сведав про то, что воровские казаки в Яицкой городок вошли, пошли под Яицкой городок рекою Яиком и наехали-де они к реке Яике паузок, а на том-де паузке стрельцы, яицкие годовалщики четыре человека, и они-де, полуполковник и головы, тех стрельцов взяли к себе на струги...» (А. Попов, Материалы для истории возмущения Ст. Разина. Стр. 24—25). По всей вероят-

ности, песня о взятии Яика возникла и пользовалась известностью среди непосредственных участников походов Разина. Конечно, вначале она была более насыщена историческим содержанием, может быть, в первоначальном тексте она изображала даже расправу разинцев с яицкими служилыми людьми. Но со временем она подвергается изменениям и трансформации. Из всех известных печатных записей только в данной точно определена роль разъездов Разина по Яику. В других вариантах песня изображает лишь Яик и плавание по нему атамана с дружиной. Восхваление Яика-Горыныча очень часто встречается и как самостоятельная песня и как отдельный мотив в репертуаре Уральской области.

9. Напечатано в 7 вып. «Песен» П. В. Киреевского, стр. 140—141, без указания, где и кем записано. То же, М. 349; Л. 79.

10. Записано А. А. Догадиным в станице Дурновской от песельников одного из казачьих полков. Напечатано в «Былинах и песнях астраханск. казаков», вып. I, № 27. Исполняется хором.

11. Напечатано в приложениях к 8 вып. «Песен» Киреевского, стр. 316, с пометкою: «Песенники Чулковский и Новиковский». То же, М. 342; Л. 72.

Более краткий вариант этой песни, сообщенный А. Леоновым, напечатан в сборнике Пивоварова «Донские казачьи песни». Новочеркасск 1895, № 23. По свидетельству Догадина, в начале 900-х годов варианты этой песни исполнялись в ряде астраханских казачьих станиц («Былины и песни», вып. I, № 22).

Песни о походе разинцев в Персию отразили тяжелые условия зимовки разинцев на островах против Фарабата (1668—1669).

Астраханский воевода кн. Ив. Сем. Прозоровский доносит царю Алексею Михайловичу: «. . . воровские-де казаки Стенка с товарищи живут в Кизылбашской земле на острову меж Шаховых сел Фарабата и Астрабата» (Попов, Материалы, стр. 33).

Позднее кн. Прозоровский сообщает о том, что «. . . воровские-де казаки Стенка Разин с товарищи зимовали в Шахове области, взяв город Фарабат, на острову».

Здесь же, извещая о столкновении разинцев с персидским флотом, кн. Прозоровский пишет о потерях разинцев: «. . . а их-де воровских казаков на том и на иных боях побито и в зимовье до весны померло с 500 человек. . .» (Попов, Материалы, стр. 34—35).

Действительно, в ряде вариантов изображение трудностей походов — длительная стоянка-зимовка, вместе с тем дележ богатой добычи — восстанавливает обстановку похода разинцев в Персию. Характерно упоминание о корабле разинцев, который, действительно, назывался «Соколом». В некоторых песнях изображается молодец, брошенный на острове. Товарищи покидают его, и он захвачен посланными из Астрахани ратными людьми. Комментаторы разинских песен (Аристов, Бессонов) полагают, что это песня о гибели известного помощника Разина, Сергея Кривого. Он со своим отрядом присоединяется к Разину весною 1669 г., во время персидского похода. За ним высылается правительственный отряд, пытающийся догнать его в море. Подробно сообщается об этом в официальных донесениях: «. . . Как-де шли воровские казаки Серешка Кривой с товарыщи мимо Красноярского городка к Карабузану, и бояринде и воеводы, кн. Ив. Андреевич Хилков с товарыщи, посылали писменного голову Григорья Оксентьева с ратными людьми для поиску, и они-де, догнав тех воровских казаков в Карабузане на рыбном стану, и учинили с воровскими казаки бой, и Серешка-де Кривой с товарыщи астраханских служилых людей побили и многих поимали, а иные-де стрельцы, покиня струги и лодки, разбежались, а иные-де пошли к воровским казакам, человек со 100. . .» (Попов, Материалы, стр. 29).

Впоследствии, уже после присоединения к Ст. Разину, Сергей Кривой был убит во время боя разинцев с трухменами. Кн. Ив. Прозоровский, описывая бои и трудности разинцев во время похода, сообщает об их потерях: «. . . а их-де воровских казаков на том и на иных боях побито и в зимовье до весны померло с 500 человек, да и товарищ-де Стенки Разина, Сергушка Кривой, убит же в Трухменях, и они-де, воровские казаки, с того острова погребли к Волскому устью и бежали до устья парусы 10 дней а с устья-де хотели выйти на Волгу. . .» (Попов, Материалы, стр. 35).

Песня изменила и по-новому осмыслила действительность. В ней изображается гибель лучшего молодца не в бою с трухменами, а от воеводских ратных людей, которые, действительно, еще раньше посылались за отрядом Сергея Кривого. Повидимому, персидский поход воспринимался и осмыслялся творческим сознанием исключительно как яркая победа, слава и богатая добыча, отодвигая на второй план все неудачи. С другой стороны, все несчастья, в представлении разинцев, могли происходить лишь от московских и воеводских людей, т. е. карательных отрядов. Поэтому песня и изобразила гибель своего есаула от воеводской высылки.

В других вариантах (напр. Дотадин № 23) — заметно дальнейшее изменение песни. Разинцы изображаются охотниками. Ярко дано нарядное карательное судно:

Флачками лодка разнаряжена.
Косна лодочка была разнаряжена,
Весельцами-то изувешена,
Гребцами была изусажена.
Легка лодочка была изусажена.
Ай-да по бортам, бокам у коснушечки
Медные были там пушечки...

Просьбы покинутого молодца о спасении песня опускает. Его трагическое положение обрисовано лишь намеком:

Есаул-то по бережку похаживает,
Ай-да острой шашечкой подпирается,
Горючей слезой заливается...

12. Записано в Нижегородском у. Ф. И. Маракиным. «Нижегородский сборник» под ред. А. С. Гациского. Нижн.-Новг. 1890, стр. 597—599.

Мотив о выборах атамана встречается как постоянный эпизод в песнях о Ермаке. Имена атамана и есаула варьируются: нередко в эти песни входит имя Разина. По своему содержанию и общему фону они не противоречат событиям эпохи разинщины. Но, без сомнения, они более раннего происхождения.

13. Напечатано в сборнике Кирши Данилова, изд. под ред. П. Н. Шеффера, СПБ. 1901, стр. 135. То же, М. 298; Л. 27.

Старинная песня о расправе с астраханским губернатором является устно-поэтическим отображением ряда переживаний и событий, связанных с нижневолжским и донским казачеством в XVI и XVII вв. Здесь нет имени Разина, но по обстановке, настроениям и по изображаемому быту они ближе всего эпохе разинщины.

14. Напечатано с напевом в сборнике Д. Кашина. М. 1834, ч. II, стр. 37. Перепечатано в 7 вып. «Песен» П. В. Киреевского, с пометою: «...напечатано с напевом у Кашина», 1834, ч. II, изд. 1, стр. 149—150. То же, М. 353; Л. 83.

15. Напечатано в вып 7 «Песен» П В. Киреевского, стр. 33, с пометою: «Новиковский песенник». Переведено Пушкиным на французский язык. Самый старший из известных вариантов. То же, М. 343; Л. 73. То же, без приглашения в Москву, см. у Ф. С. Панкратова «Гребенцы в песнях», стр. 18—19, и в монографии Костомарова «Бунт Ст. Разина», стр. 241.

Основное содержание песни сводится к тому, что «добрый молодец — Степан Разин Тимофеевич», не ходит во казачий круг, а думает думушку с голытьбой. Ее он приглашает в походы: погулять на синем море, разбивать басурманские корабли, даже побывать в Москве. Перспективы, которые рисует Разин своей дружине, согласны с действительными стремлениями разинцев, особенно в первый период движения (кончая походом в Персию).

События, изображаемые в песне, точно локализированы и прикреплены к Донской области. Все варианты начинаются одинаково: «У нас то было на батюшке на тихом Дону, на тихом Дону, во Черкасском городу...» Содержание песни глубоко реально. Сюжет песни близок более всего казачеству. Действительно, эта песня записана по преимуществу в казачьей среде.

Самый старший вариант песни известен по «Новиковскому песеннику». Остальные — более поздние.

Из младших записей известны — А. А. Догадина в 1902 г. и А. И. Мякутина в 1903—1904 гг.

Интересна дальнейшая трансформация песни: Разин изображается пришедшим во казачий круг. Здесь реальное бунтарское содержание уже стерто. Может быть, оно сознательно заменено певцами, с целью ней-

трализации протестующего смысла. В позднейшем варианте казачий круг заменяется войсковой канцелярией; судя по отметкам собирателя, в 900-х годах эта песня пользовалась широкой известностью.

Иногда начало песни отличается от предыдущих вариантов. Разин изображается на своем корабле. Отсутствует эпизод приглашения голи в походы, но основной смысл песни тот же: «С старшинами он думушку не думает, к казакам он, Степан Разин, в круг не хаживает. . .» (напр., запись Д. А. Валуєва, Киреевского, вып. 7, стр. 32. То же, М. 320; Л. 50).

16. Записано А. А. Догадиным в 1902 г. в ст. Александровской от Д. П. Забурунова и др.; в ст. Александро-Невской от А. И. Догадина и др. Напечатано в «Былинах и песнях астраханск. казаков», вып. 1, стр. 17. То же М. 332; Л. 62. Исполняется хором. По мнению В. Ф. Миллера данная песня изображает братьев Разиных — Степана и Фрола. Действительно, по всей вероятности, эта песня является одним из поздних вариантов сохранившейся только среди казачества песни о братьях Разиных. Замена казачьего круга казачьей войсковой канцелярией, а оседлых казаков господами офицерами не меняет смысла социальных противоречий, но применяет их к более поздней эпохе. В сборнике 1902—1903 гг., Листопадова и Арефина, записана почти тождественная песня о двух братьях Боярченковых — и уже прикреплена к имени атамана Иловайского. Призыв голи гулять по синю морю здесь заменился приглашением седлать коней и отправляться по сухому пути за добычей.

Интересна позднейшая трансформация песни: Разин иногда изображается пришедшим во казачий круг (напр., Мякушин, № 10; то же М. 310; Л. 40; или «Песни оренбургск. казаков» А. И. Мякутина, т. I, стр. 14; то же М. 289; Л. 18; или Железнов, «Очерки», т. III, стр. 36—37).

Основанием для песен о приходе могло служить то, что разинцы собирали свой круг, для решения своих дел, напр. вопроса о дальнейших походах.

Характерно изображение «воровского» корабля Разина. Этот образ во многих разинских песнях является традиционным общим местом,

17. Записано И. И. Железновым в конце 50-х годов от старого казака Ив. Никитича Чакрыгина. Напечатано в статье Железнова «Предания и песни уральских казаков». «Русский вестник», т. XX, стр. 573—574. То же в «Очерках быта уральских казаков», СПБ. 1910, т. III, стр. 36—37. То же М. 307; Л. 37.

Содержание этого варианта значительно шире остальных. В начале введен эпизод необычайных обстоятельств рождения Ст. Разина. Песня не обрывается на моменте прихода атамана во казачий круг, но развивается далее. Так же, как и в песнях о неприходе Разина в круг, в данной песне атаман приглашает свою дружину в походы за добычей. Затем атаман призывает ехать к царю с «повинною» и отвезти ему драгоценные подарки. Мотив о повинной перед царем и просьбе о «прощении вин», возникший, без сомнения, на основе не раз повторявшихся фактов из истории казачества, главным образом связан с походами Ермака. В ермацких песнях этот эпизод постоянен; в разинском цикле он встречается лишь в единичных случаях.

По словам собирателя исполнителю данной песни было известно множество песен, легенд, преданий, связанных с местным краем; знал он также и былины. Это отразилось на первых эпизодах песни (необычайные обстоятельства рождения героя параллельно с былинами о Вольге). Хорошее знакомство певца с местными преданиями сказалось также на перечне точных названий местностей передвижения разинцев, мест, связанных с пугачевщиной (Узень) и даже с позднейшими походами уральского войска.

Следует отметить, что в этом распространенном виде песня встречается в единственной записи. По всей вероятности, этот вариант является как бы сводом известных устно-поэтических образов и ассоциаций сказителя.

18. Записано Ф. С. Панкратовым в ст. Щедринской со слов казака Ф. П. Пономарева. Напечатано в сборнике Ф. С. Панкратова «Гребенцы в песнях», Владикавказ, 1895, стр. 20—21.

19. — Вариант предыдущей песни. «Терские ведомости» 1868, № 44, ч. неофициальная. Трансформированный образец см. в сборн. материалов для описания

местностей и племен Кавказа, вып. XXVII. Тифлис 1900, М. П. Карпинский «Гребенские казаки и их песни», стр. 90.

Центральное звено всех этих песен — противоречие между разинцами и правительственной партией. Разин много раз заявлял о своем недоверии к боярам и к партии оседлых и богатых казаков, державших сторону правительства. На классовое расслоение донцов прямо указывают и документы, современные разинщине: «Ныне у донских казаков в меж собою стала разница, и говорят-де они — донские казаки, что им на Дону стало жить худо и от старшин их изгоня, а атаман-де Корнила Яковлев учал знатца с бояры, им, казакам, не радит» (Белгородский архив, связка № 10, стр. 4; хранится в Новочеркасском архивном бюро. Цит. по С. Г. Томсинскому «Разинщина». «Проблемы марксизма», Л. 1930, сб. 2, стр. 118).

Взаимное недоверие между беднотой и знатными казаками особенно ярко сказалось в эпизоде с Герасимом Евдокимовым. Последний был прислан на Дон с инструкцией от Москвы — тайно разведать, каковы намерения разинцев в следующую весну после персидского похода. Казачий круг и партия Корнилы Яковлева приняли Евдокимова мирно. Но Разин, неожиданно явившийся в Черкасск, открыто на круге обвинял Евдокимова, что он подослан боярами. Избитый разинцами московский представитель был утоплен. Возможно, что данная песня отобразила более всего именно это демонстративное выступление Разина на казачьем круге.

20. Напечатано в Саратовск. сборнике, изд. Саратовск. статистич. ком., т. II. Саратов 1882, стр. 371. То же Л. 103.

Вариант, подвергшийся трансформации. Приказ захватить Разина ассоциировался здесь с воспоминаниями о милостивой грамоте разинцам, по всей вероятности, о той торжественной грамоте с прощением вин, которая была официально послана правительством через князя Семена Львова к моменту возвращения Разина из персидского похода. Некоторые штрихи персидского похода сохранились и в песне.

21. Сообщено А. А. Леоновым. Напечатано в сборнике Пивоварова «Донские казачьи песни», Новочеркасск 1885, № 44, стр. 53—54.

Замечательный отрывок песни, раскрывающей классовые взаимоотношения на Дону в эпоху разинщины. По всей вероятности, здесь нашли свое отражение события уже после разгрома Разина на Дону. В награду за выдачу Разина правительство высылает казакам припасы и порох. Известно, что во время восстания Москва не высылала на Дон обычного хлебного жалованья, свинцу и пороху. Правда, хлебная присылка недостаточна «не токмо на пропитание, но и на квас». Кроме того с 1664 года хлебное жалование снизилось почти вдвое. Но все же лишение его было весьма чувствительно для казаков, тем более, что во время разинщины Москва запрещает въезд на Дон и торговым людям, со стороны. Таким образом казаки не имели возможности и покупать необходимые продукты. «Помираем голодною смертию» — пишут они летом 1671 года (уже после захвата Разина). Наконец запреты сняты. В ноябре 1671 года им прислано даже увеличенное сверх обычной нормы государево жалование. «Молотчее» казачество (рядовые) обещает верно служить Москве, однако не хочет давать «крестного целования». В связи с приездом представителя Москвы казачий круг продолжается четыре дня. Постановляет наказывать смертию тех, кто откажется от присяги. И песня, записанная почти через двести лет, все же сохраняет отголоски настроений угнетенных слоев казачества, более близкого разинщине:

Почто жалует государь-царь и князей и бояр,
Почто ж нас, казаков, не пожалуют ничем?

Упоминание о чудном образе — награде Корнилы Яковлева, возможно, есть отголосок действительности. Конечно, Корнила, лично сопровождавший арестованного Разина в Москву, мог получить такой подарок.

22. Напечатано из «Новиковского песенника» в 7 вып. «Песен» Киреевского, стр. 40—41. То же М. 339; Л. 69. Переведено Пушкиным на французский

язык. См. гл. Пушкинских материалов о Разине и Пугачеве.

Один из старших вариантов песни разинцев-казаков.

Отрывок этой же песни записан А. А. Макаренко в Сибири (Сибирские песенные старины. «Живая старина» 1907, вып. II, стр. 39). Здесь собиратель отмечает, что, по словам одного политического ссыльного, уроженца Саратовской губернии, эта песня там поется в более полном виде (писано в конце 90-х годов).

Эта же песня записана у астраханских казаков А. А. Догадиным, но уже без имени Разина («Былины и песни астраханских казаков», вып. I. № 38).

Варианты этой же песни отмечены А. А. Догадиным в ряде станиц (Догадин, вып. I, № 26; то же М. 331; Л. 61).

23. Напечатано в Приложениях к 7 вып. «Песен» П. В. Киреевского, стр. 153—154, с пометою: «Не известно, где записано». То же М. 351; Л. 81. Один из наиболее полных и художественных вариантов песни разинцев, оформившийся, вероятно, на основе безыменных молодецких песен, но органически слитый с настроениями разинцев. Разинцы, находясь в земляной тюрьме, обращаются к природе за помощью и защитой. То же, с незначительными разночтениями, в Морском сборн. 1854, № 6.

Песня подчеркивает совершенно особый социальный облик разинцев:

> Мы не воры, не разбойнички,
> Стеньки Разина мы работнички...

24. Рукописный сборник А. Н. Пасхаловой «Песни Саратовской губ.». Учен. архив Русск. географ. об-ва, XXXVI, 58 № 92. Текст печатается впервые.

Волжский плач о Разине представляет собой один из редких замечательных образцов песни волжской бедноты — бурлаков, судовых рабочих и пр. — об их любимом вожде.

25. Г. И. Прозрителев «Песня Стеньки Разина». Этнографический набросок из записной книжки народника 70-х годов. Ставрополь 1925, стр. 8.

Записано в 1878 г. Г. И. Прозрителевым от артели бурлаков в степи близ Моздока.

Песня позднейшего происхождения; по всей вероятности, она является стихотворением какого-либо народника или, возможно, крестьянского поэта. Благодаря своему классово-острому содержанию она могла войти в устное обращение.

26. Записано П. Н Рыбниковым в Петрозаводске, Олонецкой губ., от захожих крестьян-пермяков. Напечатано в «Песнях, собр. Рыбниковым», М. 1910, т. II, стр. 371. То же М. 282; Л. 11.

Смерть молодца у реки и обращение к товарищам — широко известный мотив, встречающийся и в лирических песнях и в былинах (напр. Соболевский, т. I, № 341, 343, 344. М. 172, 182; Рыбников, М. 1910, т. II, стр. 721; Григорьев, т. I, стр. 305—306).

Соединившись с именем Разина, мотив приобретает новое осмысление. Характерно понимание облика Разина, который постоянно оттеняется и в песнях разинцев (не вор, не разбойничек, а Стенька Разин сын).

Мотив — просьба похоронить между трех дорог, постоянный во всех вариантах, присущ вообще песням о смерти героя. Эту просьбу высказывает почти всякий герой, умирающий на поле брани или на чужбине, т. е. вдали от своих, при чем названия дорог варьируются. Дон заменен Дунаем, вероятно, более известным по былинам.

Финал песни художественно отображает, как после кончины атамана разинцы разбрелись «по диким местам».

Главнейшие варианты лиро-эпической песни о кончине Разина: Рыбников, т. II, стр. 721, то же М. 282, Л. II; Григорьев, «Архангельские былины», т. I, стр. 305—306; то же М. 272, Л. I; Киреевский, вып. 7, стр. 40—41; то же М. 337, Л. 67; Соболевский т. VI, № 401, с пометою; «Сахаров», кн. III, стр. 226; то же Л. 86; Мякутин, «Песни оренбургск. казаков», стр. 18; то же М. 291, Л. 20.

27. Записано от известной былинной сказительницы А. М. Крюковой в селе Нижняя Зимняя Золотица (восточный берег Белого моря); напечатано в «Беломорск. был.» Маркова, № 59. То же Л. 85,

Северная лиро-эпическая песня о кончине Разина.

Она является откликом населения северных районов (может быть, Беломорского побережья) на события разинщины, на гибель вождя.

Песня в своем содержании не передает точных исторических событий разинщины, но там показательнее она, как северная интерпретация образа вождя его приверженцами, которые были захвачены движением, но действовали в нем и переживали его самостоятельно. Вариант А. М. Крюковой — самый подробный из всех вариантов данной темы. Характерен богатством былинных элементов, распетостью, повторениями. Разин изображен богатырем (в других вариантах он просто добрый молодец), он ездит на коне по чисту полю «не год и не два, а тридцать лет...» Просьбу похоронить его между трех дорог молодец (Разин) обращает к своей «хороброй» дружине, он пишет завещание на сером горючем камне... Он просит похоронить его между трех дорог: Киевской, Владимирской, Муромской.

Где съежаютьце могуции сильни богатыри,
Во котором они месьти думу думают,
Думу думают они, совет советуют...

На своей гробовой плите он просит написать, «Шьчо лежит-то ведь Сенька тут богатырь Разин-от».

28. Записано Ф. С. Панкратовым в Терской обл. Напечатано в сборнике «Гребенцы в песнях», Владикавказ 1895, стр. 21.

Варианты: запись Н. И. Костомарова. «Саратовск. губ. ведомости» 1854, № 15, ч. неофициальная, стр. 10—11. То же в сборнике Н. И. Костомарова и А. Н. Мордовцевой «Русские народные песни, собр. в Саратовск. губ.» (Летописи русск. литерат. и древн., т. IV, стр. 9—10).

Та же песня с незначительными вариациями помещена в монографии Костомарова «Бунт Стеньки Разина».

Песня о Соколе-корабле является поздней былиной, сложившейся, вероятно, на основе крестьянских движений XVI и XVII вв. и казачьих набегов в Хвалынское море и в степи. Под влиянием событий трансформируются традиционные образы богатырей. Святогор, Доб-

рыня, Полкан, Илья-Муромец меняют характер своих подвигов. Вместо обычных разъездов по чисту полю и боев в сухопутной обстановке, в былине о Соколе-корабле они изображаются плавающими по Хвалынскому морю; они сражаются с новыми врагами — татарами, калмыками, персианами и т. д. В новой былине Святогор изображается атаманом, в есаулах у него Илья-Муромец. В отмеченных нами вариантах атаманом корабля является Степан Разин (вместо Святогора, Полкана, Ильи-Муромца и т. д.). Костомаров в своей монографии о Степане Разине высказал мнение, что эта былина явилась откликом на поход разинцев в Персию. Но все же больше оснований полагать, что былина сложилась на фоне всех событий XVI—XVII вв., в том числе и разинщины. Вероятно, она жила и до разинщины. Имя Разина вошло в былину уже после. Интересный вопрос о влиянии «Смутного времени» на былины освещался акад. В. Ф. Миллером (Очерки русской народной словесности, т. II).

В. Ф. Миллером и собирателем Ф. С. Панкратовым обращено внимание, что эта былина употребляется в качестве обрядовой песни. Былина о Соколе-корабле довольно широко распространена, многочисленные вариации ее отмечены Миллером в работе «Былины и исторические песни в качестве обрядовых». Очерки, т. III.

Запись былины о Соколе-корабле из Вологодской губ. (1887) имеется в Архиве Русск. географ. об-ва. Хозяин корабля Илья-Муромец пускает стрелу в турецкого Султана Султановича.

29. Записано П. В. Шейном в д. Александровке, Корсунского у., Симбирской губ. Напечатано в 6 вып. «Песен» Киреевского, стр. 33—35. То же М. 314; Л. 44.

Песня о взятии Разиным Казани по своей исторической основе, конечно, не относится к эпохе разинщины. Несомненно, она является переделкой песни о взятии Казани Ермаком (М. 166, 167, 170, 179, 183, 187, 190 и др.).

Песня о казанском походе Грозного очень часто притягивает к себе имя героя той же эпохи — Ермака; взамен его песня воспринимает сходный образ Разина.

Она характерна тем, что изображение героических действий, удачных завоеваний, успешных походов, связанных с Волгой, — ассоциируется с образом Разина, осмысляется как его блестящий подвиг.

Также здесь ясны некоторые разинские мотивы, — напр. описание костюма атамана тождественно описанию костюма сынка Разина. Рассуждение, как бы пройти мимо поволжских городов, — мотив, обычный для разинских волжских песен. Через мотив помощи царю песня воспринимает имя Разина (вместо Ермака).

30. Записано С. И. Гуляевым в Барнаульском окр. в 60-х годах XIX в. Напечатано в ст. акад. В. Ф. Миллера «Исторические песни из Сибири». СПБ. 1904, стр. 37. То же М. 299; Л. 28.

Налицо трансформация песни о сынке; она соединяется с песнями о правеже и развертывается в плане последних. Подобно тому как в песнях о правеже, здесь имеем центральный момент допроса, затем вызывающий ответ молодца и заключение судей (судьи) о наказании.

Среди оренбургских казаков отмечена песня о правеже, в которую нередко вставляется имя сынка Разина, напр. в сборнике Ф. Н. Баранова «Песни оренбургск. казаков». Оренбург 1913, вып. II, стр. 9.

Разинская песня о сынке возрождается отдельными своими мотивами при изображении более поздних героев, идущих против власти. Такова, например, песня о кн. Григ. Сем. Волконском и о событиях в уральском казачьем войске в начале XIX века.

Князь Волконский, присланный к уральским казакам в 1806 году, прославился жестокостью в проведении правительственных распоряжений. Песни о кн. Волконском представляют собою контаминацию песен о правеже с разинской песней о сынке.

Эпизод допроса вошел в песню о Волконском из песни о сынке:

На заре то было, все на зореньке,
Заре было утренней, *(2)*
На восходе-то было у казаченьков,
Было солнце красного; *(2)*
Среди торгу, все базарушки,
Среди Красной площади, *(2)*

Собирались тут все казаченьки,
Они во единый круг. *(2)*
Во кругу стоит у казаченьков,
Стоит раздвиженный стул; *(2)*
На стулу сидит у казаченьков,
Сидит сам-то Волконский князь. *(2)*
Перед ним-то стоит у казаченьков,
Стоит добрый молодец. *(2)*
Он стоит, стоит, разудаленький,
Сам не тряхнется, не ворохнется, *(2)*
И русы его кудерушки не шелохнуться,
Как ни бьют его и не ругают,
Но крепко спрашивают:
«Ты скажи, скажи, разудаленький,
«Расскажи ты правду истину, *(2)*
«Ты какого рода, племени.
«Ты не царь ли какой,
«Аль какой-нибудь сын княжеский, *(2)*
«Аль прислан ты, добрый молодец,
«Из иной земли к подговору нам?
«Аль пришел ты к нам ты послом каким?»
И добрый молодец, разудаленький,
Стал ответ держать перед допросчиком:
«Не тебе б меня, добра молодца,
«Не тебе б меня здесь допрашивать,
«И не мне бы, разудалому,
«На твои речи ответ сказывать. . .»
. . . .

Весьма часто, по словам собирателя, в вариантах этой песни вместо безыменного молодца фигурировал уральский казак Ефим Павлов. Это замечательная личность борца XIX в. за сохранение прежнего казачьего самоуправления. За организацию протеста правительственным нововведениям в уральском казачьем войске он был наказан кнутом и с вырванными ноздрями и клеймами на лбу и щеках сослан в Сибирь. Возвратившись на родину через тридцать лет, он не изменил своих убеждений и участвовал в подаче жалобы казаков наследнику, приезжавшему на Урал. За это он снова был осужден в ссылку, но она вследствие его старости была заменена тюремным заключением. Закончил он свою жизнь в Оренбургском остроге.

Таким образом разинская песня о смелом агенте-борце, идущем против власти, возрождается, воспринимая образы более поздних героев-протестантов. (Песню о кн. Волконском и о Ефиме Павлове см. в сборнике уральских казачьих песен Н. Г. Мякушина. СПБ. 1890, № 27, стр. 73—76, № 27 и № 28.

31. Запись от старика-казака Ф. С. Ж. Напечатана в «Песнях уральских казаков», собр. А. и В. Железновыми. М. 1889, стр. 12. То же М. 311; Л. 41.

Мотив вещего сна — один из известнейших. В казацких, солдатских, разбойничьих песнях он встречается очень часто. Недобрый сон видит или сам герой, или его близкие. Сон всегда истолковывается как предвестник несчастья, при чем картины несчастья варьируются.

32. Сообщено казаком Ив. Соболевым. Напечатано в сборнике уральских казачьих песен Н. Г. Мякушина. СПБ. 1890, № 12, стр. 41. То же М. 308; Л. 38.

Творческая память не запечатлела в особых песнях образа захваченной Разиным в плен красавицы-персианки. Но в молодецких песнях о безыменной девице могут быть отмечены некоторые черты как отпечаток разинщины. Напр. в данном варианте: изображение роскошно убранной лодки, золотой казны, нарядных тканей; также характерен образ девицы, завезенной в чужую землю. Сюжет о девице, захваченной в плен, широко известен в молодецких, казачьих и разбойничьих песнях в разнообразном окружении (Листопадов и Арефин, вып. I, стр. 39; Сборник Чулкова, т. I, ч. 3, № 93; Лопатин и Прокунин, № 51, 54, 55; Железнов, т. III, стр. 52—53; Соболевский, т. VI, № 408, 417 и мн. др.).

Иногда девица попадает в стан молодцев после дележа добычи и достается одному из участников раздела и т. д. Иногда она разгадывает вещий сон атамана или есаула.

33. Записано А. Я. Кокосовым в Камышловском у., Пермской губ., сообщено Л. Н. Майковым. Напечатано П. В. Шейном в Чт. в О-ве истории древн. Росс., 1877, кн. III, стр. 61—62. То же М. 285; Л. 14.

В песне, по всей вероятности, изображен приезд одного из агентов Разина.

34. Записано чл.-сотрудн. Русск. географ. об-ва А. Я. Кокосовым в Камышловском у., Пермской губ., и сообщено Л. Н. Майковым. Напечатано в Чт. Моск. об-ва истории и древн. Росс., 1877, кн. III, стр. 66.

Из всех известных в настоящее время вариантов этой песни только один (приведенный здесь) содержит имя Разина. Остальные или поют о безыменном молодце, или же о донском атамане Краснощекове, попавшем в плен к шведам.

По всей вероятности, это старинная безыменная песня о захваченном в плен воине, терпящем издевательства со стороны врагов. Имя Разина в ней является вставкой.

Варианты песни о соколе с подпаленными крыльями (безыменные): сборник Ф. С. Панкратова «Гребенцы в песнях», стр. 54—55; то же «Терский сборник», Приложения к терскому календарю на 1891 г., вып. I; «Песни терского казачества», отд. II, стр. 105—106; Сборник материалов для опис. местн. и племен Кавказа, вып. I, стр. 105; вып. XV, стр. 86 (Соболевский, т. I, № 487, 488, 489, перепечат. из различных изданий).

Варианты с указанием имени Краснощекова: Соболевский, т. I, № 490; также Киреевский, вып. 9, стр. 177—178.

В сборнике Пивоварова «Донские казачьи песни», Новочеркасск 1885, стр. 72—73, имя героя опущено и заменено точками, — возможно, по цензурным соображениям, или, может быть, имеется в виду смена имен героев, указание, что имя героя варьируется.

35. Записано А. А. Макаренко в д. Кежемская Заимка от крестьянина Вас. Ив. Сизых, 60 лет. Напечатано в ст. «Сибирские песенные старины», «Живая старина» 1907, вып. II, стр. 40.

Рассказ дан в героическом плане. Ярко выступает классовая сущность разинщины: «Вместе с бродяжный, вольный народ ходил к нему нарочи». Также подчеркнут уход лямошника от купца к Разину.

Разин умирает естественной смертью, — особенность, характерная для преданий о Разине-герое, в то время как по легендам о Разине-грешнике — земля его не принимает.

Интересны чисто сибирские штрихи рассказа, напр. бродяжничество.

36. Рассказы в передаче Костомарова, слышанные им, по всей вероятности, в Нижневолжском крае в конце 50-х годов. Напечатаны в монографии «Бунт Стеньки Разина», М. 1863, стр. 377—379.

Мотив власти над Разиным девки-астраханки известен в песнях.

В рассказе — соединение двух планов: героического (Разин-чародей) и религиозно-мистического (Разин-грешник).

Ясна позднейшая, в религиозно-реакционном духе, перелицовка некоторых эпизодов, напр. взятие разинцами Астрахани осмыслено, как защита православных христиан от «неверных». Однако, несмотря на перелицовку, здесь все же проступает и классовая сущность разинщины: Разин наказывает воевод; впоследствии он помогает беглым и беспаспортным.

Рассказ о смерти митрополита Иосифа встречается также и записях П. И. Якушкина (№ 43) и Садовникова (№ 42). На самом деле смерть митрополита произошла от есаулов Разина, оставленных им в занятой Астрахани.

Характерно в рассказе осмысление проклятия и отлучения Разина от церкви. После проклятия ни Волга ни земля уже не принимают Разина.

37. Напечатано в Трудах Саратовск. учен. арх. комиссии, 1908; М. Е. Соколов, «Предания о Ст. Разине и Ем. Пугачеве», стр. 147. Рассказ дан в сокращенном переложении собирателя.

38. Сообщено из Петровского у., Саратовской губ., кр. Заварицковым. Напечатано в брош. Мадуева «Вновь записанные легенды о Ст. Разине», стр. 4—5.

Мотивы заговора змей Разиным довольно широко распространены. Напр., в Уральском, Астраханском крае.

39. Напечатано в «Сказках и преданиях Самарского края» Садовникова, стр. 347, с пометкою: «Слышал от А. В. Чегодаева в Симбирске».

40. Напечатано у А. Н. Минха в работе «Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки крестьян Саратовской губ.», СПБ. 1890, стр. 40.

Подчеркнуты мотивы классовой борьбы (Разин нападает только на богатых) и мотив чародейства (Разина не берут пули).

В другой вариации этого предания классовый мотив (заступничество за бедноту) оттенен ярче. — Однажды атаман приказал Разину взять бедную лодку, нагруженную лаптями. Стенька отказался грабить бедноту. Из-за этого произошла ссора, во время которой Разин убил Урака и, сделавшись сам атаманом, ушел со своими товарищами на тот бугор, что и сейчас называется Стенькиным (Б. В. Зайковский, «Бугор Стеньки Разина», Саратов 1907; то же в трудах Саратовск. учен. арх. комиссии, 1908).

41. Записано П. П. Рыбниковым в Петрозаводске от захожих крестьян-пермяков. Напечатано в «Песнях», СПБ. 1910, т. II, № 220.

Ст. Разин изображен товарищем и первым помощником Ермака. Дает советы, как противостоять царскому войску и победить врагов. Сопоставление Ермака с Разиным характерно, особенно для Урала и Зауралья, где чрезвычайно распространены предания о Ермаке. Инициативе Разина Ермак и его дружина обязаны успехом. Походы Ермака отмечены преданием, как удалые приключения «станишников». Разин упоминается на ряду с Ванькой-Каином. В песнях это сопоставление встречается очень редко, как единичные случаи.

42. Записано Д. Н. Садовниковым в с. Новиковке, Самарской губ., Ставропольского у. Напечатано в «Сказках и преданиях Самарского края», стр. 328—346.

В целом произведение дано в плане фантастических рассказов о разбойниках. Воспитание и жизнь Разина в шайке разбойников; многочисленные убийства, ограбление купеческих домов, магазинов и пр. Разин-юноша с самого начала следует также обычаям разбойников: по их поверью для успеха в делах необходимо убить «первую встречу», кто бы она ни была. Дети Разина (после его смерти) изображены как разбойники. Но в данном повествовании также ясны моменты, характерные для волшебной сказки: мальчик Разин идет по запрещенной дороге; победа юноши-силача (Разина) над чудовищем, Волкодиром, в брюхе которого он находит волшебный камень, дающий возможность узнать «все,

что есть на свете». (Ср. Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л. 1929. 300, 560 и след.). Однако в дальнейшем рассказе мотив использования волшебного камня не встречается..

Характерна ритмика сказочного повествования, определяющаяся уже в самом вступлении: «В некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы живем, недалеко было дело от Чечни, близ речки Дону, в тридцати пяти верстах от Азовского моря, жил в одном селе крестьянин...» Или напр.: «Стал Стенька шашкой своей владать, все челюсти ему разрезать»; «Ура! и Степану честь-хвала»; «Заберемся мы к богатому купцу, он живет на самом краю, в полукаменном дому...»; «я теперь, где ни взойду, голодом не умру...»; «ни виду про них, ни слуху...» и др.

Отголоски событий разинщины, встречающиеся в преданиях и рассказах, вошли в сказку в виде отдельных эпизодов, приключений героя: напр., расправа с астраханским губернатором и с архиереем (астраханский митрополит Иосиф), отдельные штрихи похода в Персию, плаванье по Каспийскому морю и Волге, быстрота переездов. Эпизод с шубой, подаренной Разиным астраханскому воеводе (хронограф о Разине; предания, зап. П. Якушкиным, № 43), здесь дан в новом осмыслении: Разинцы-разбойники, разграбляя (в отсутствии Разина) лавку одного купца, приобретают таким образом дорогую кунью шубу с бобровым воротником. Обманув товарищей, шубу крадет и прячет есаул Абсалямка, но, когда разбойники возвращаются, Разин раскрывает обман есаула и отнимает шубу.

В сказку вошли также и основные мотивы чародейства, характерные почти для всех преданий о Разине: плаванье на кошме, епанче; чудесное избавление из тюрьмы, от оков; лодка, начерченная на земле мелом, и т. д.

Эти мотивы встречаются также в некоторых рассказах о Кудеяре, Ваньке-Каине и других разбойниках. Некоторыми отголосками вошла в сказку и легенда о Разине — великом грешнике. Хотя (по сказке) Разин умирает естественной смертью ста лет от роду, но все же тень его бродит по свету и ждет, когда над ней скажут: «Вечная память!» Это наконец выпол-

няется, и тогда труп Разина с грохотом проваливается в землю.

Ряд наиболее известных песенных сюжетов также вошел в сказку — в виде отдельных случаев из жизни Разина и его сыновей: напр. сюжет о сынке, данный здесь в свободном переложении (то же, но как точная передача песни, встречается в зап. Якушкина, № 43; о девице, которая пытается предать Разина в руки властей (песни о девке-астраханке); отголосок песни о выборе атамана: после выборов атамана шайка Разина направляется в Жигулинские горы.

Чрезвычайно интересны отголоски пугачевщины, которые находим в сказке. Напр., сын Разина, Афанасий Степанович, сообщает, что он взял Ленбург (Пугачев под Оренбургом); затем он же берет Пермь. Узнав об этом, Стенька захватывает Самарскую губернию и «речку Урал». Здесь поселились все «подданные» Стеньки, и он их награждает «землею и лугами, и лесом, и рекою Уралом» (известная формула пугачевских манифестов). Показательно осмысление героя, берущего Оренбург и Пермь, именно как сына Разина.

43. Напечатано в «Путевых письмах» П. И. Якушкина. Сочинения Павла Якушкина, изд. В. Михневича, СПБ. 1884.

Путевые письма из Астраханской губ., стр. 406—410; 411—413.

Якушкин Павел Ив., родственник известного декабриста Ив. Дм. Якушкина. Писатель-этнограф, самоотверженный собиратель памятников устно-поэтического творчества. Его «Путевые письма» печатались в различных журналах: в «Русской беседе», в «Современнике», в «Отечественных записках» и др. Наиболее полное собрание всего написанного им — в вышеуказанном издании 1884 г.; здесь помещены также биографические данные и воспоминания друзей Якушкина. Захваченный общим движением 40—50-х годов изучения произведений «народного творчества», Якушкин уходит с IV курса математического факультета, покидает Москву и превращается в собирателя-этнографа. Якушкин явился представителем новой фазы фольклорно-собирательского движения, когда собирательская работа фольклористов из

кругов высшего дворянства начинает распространяться в круги мелкого дворянства и разночинной интеллигенции. С офенским коробом за плечами, в самом близком общении с массами — Якушкин исходил всю Россию; тем самым он дал первый пример нового приема собирательской работы: *непосредственное* ознакомление с фольклором и наблюдение его в жизни, в обстановке его бытования.

Сам Якушкин несколько раз отмечал, что он не умеет составлять рассказы, — он записывает, как слышал. «Он ничего не сочинял», — пишут о нем его биографы и друзья... Но, безусловно, элементы известной литературной обработки и компановки материала имеются в записях Якушкина.

Рассказы и предания о Разине и Пугачеве опубликованы в виде путевых очерков. Реплики и обмен мнений со стороны слушателей, — что всегда внимательно отмечает собиратель, — восстанавливают картину бытования этих рассказов, а также и оценку их. О Разине и Пугачеве Якушкин слышал во время переезда с Дона на Волгу (из Калача в Царицын) в вагоне железной дороги. Он характеризует участников беседы: «рабочие на баржах, судах и донские казаки, несколько казачек...»

В записи Якушкина вошли главнейшие мотивы преданий о Разине. Разин-чародей рисует на полу или на стене лодку и, плеснув из ковша воды, переносится на Волгу. Этот мотив широко известен в преданиях и песнях о Разине. Рассказы об архиерее, которого Разин сталкивает с крыши, встречается также в записях Костомарова, Садовникова (№ 36, 42). В основе его лежит действительное событие: гибель астраханского митрополита Иосифа, который был умерщвлен по приказанию есаулов Разина в Астрахани. Подробный рассказ о шубе, подаренной воеводе, находим в хронографе о Разине («Москвитянин» 1841, ч. IV, стр. 168). «С великим ярым сердцем» атаман говорит воеводе: «Возьми, брат, шубу, только б не было в ней шуму...» То же встречается в поговорке «Возьми шубу, да берегись шуму!» «Возьми шубу, да не быть бы шуму...» (Даль, «Пословицы русск. нар.» Т. VI, стр. 158, изд. т-ва Вольф, Спб. — М. 1904.

В рассказе, приведенном Якушкиным, ясна дальнейшая рифмовка композиционно-организующих словесных образов: «шуба», «шкура».

Мотив заклятия Разиным комаров и других насекомых, беспокоящих человека, известен широко в Нижнем Поволжье и среди уральцев; он связан с чародейством Разина, который заклинает, заговаривает пули, змей и пр.

Характерно осмысление образа сынка Разина как родного сына; то же и в песнях о сыне. Рассказ о персидской княжне, брошенной Разиным в Волгу, — отголосок предания, впервые рассказанного иностранцем Стрюйсом. Никаких других документальных данных об этом факте не сохранилось.

Отголосок этого предания, но в ином оформлении, встречается в большой сказке, записанной Садовниковым в Ставропольском уезде, Самарской губ. (настоящ. сб., № 42).

44. Предания, слышанные И. И. Железновым от уральских казаков в 1858 г.

Железнов, Иосаф Игнатьевич (1824—1863), известен как этнограф и историк уральского казачества. Его очерки и статьи помещались в «Москвитянине», «в Русском вестнике», в «Библиотеке для чтения», в «Отечественных записках» и др.

Коренной казак по происхождению, Железнов воспитывался в обстановке давнишней борьбы казачества с правительственными ставленниками из-за оставшихся элементов самостоятельности казацкой общины. Эта борьба способствует выработке у Железнова определенных взглядов, с которыми он — молодой офицер — приезжает в Москву.

Здесь через своих знакомых, Шаповалова и Дрианского, Железнов начинает общаться с славянофильскими кругами, знакомится с Погодиным, Ив. Аксаковым, А. Н. Островским. С их помощью продвигаются в печать первые его очерки. Обладающий значительным литературным талантом, Железнов увлекается общим движением 40—50-х годов — собиранием материалов по истории народного быта и жизни.

Из всех очерков Железнова для фольклориста особенно ценны «Предания и песни уральских казаков»,

явившиеся результатом специальной поездки Железнова летом 1858 года к уральским казакам. В своих очерках Железнов не сочиняет. Но, безусловно, в оформлении и расположении материала ясны следы литературной обработки и, может быть, некоторой стилизации. Однако самый материал дан точно, на основе записей непосредственных впечатлений. Подлинные имена рассказчиков почти всегда сохранены.

Рассказ дан со слов старого казака Ив. Никитича Чакрыгина. Рассказ не о самом Разине, а об его товарище. Поэтому большая свобода повествования в сторону сказочного вымысла. Интересно сопоставление Харко с Соловьем-разбойником, — товарищ Разина устраивает свое гнездо (стан) на дереве. Однако организующим моментом всего повествования является мотив чародейства Разина, в связи с чем и развертывается рассказ о Харко. Рассказ о Харко, сохраняя самостоятельное значение, — в то же время подводит к преданию о разинском кладе.

45. Рассказ помещен в очерке «Картины» казацкой жизни». Дан со слов слепого старого казака Епифана Наумова. Рассказывается на севрюжном рыболовстве в 50-х годах.

Взято из третьего издания «Очерков быта уральских казаков», т. I, стр. 44—51.

В рассказ вошли эпизоды, основанные на отголосках некоторых подлинных событий разинщины (напр., взятие Царицына, пленная девица), однако он оформлен в плане сказок о красавице, похищенной разбойником или чудовищем. В отсутствие последнего девица принимает молодца, который пытается ее освободить. Похититель попавшему к нему герою задает трудную задачу.

Но здесь сказка отступает от традиционной схемы повествований о злом похитителе. Разин в ней изображен справедливым и великодушным, любящим удалой подвиг, лихое состязание (здесь — меткая стрельба в цель).

46. Взято со слов того же рассказчика, что и предыдущий рассказ. Железнов «Очерки», т. I, стр. 57—61.

По существу соединение двух целых: 1) фантастической сказки о странствиях матросов на «безвестных» кораблях и 2) рассказа о Разине — великом грешнике.

Мучения Разина даны в монологической форме, как сокрушение о своих грехах.

Возможно, что подобное оформление преданий о Разине — великом грешнике создалось на основании покаянных настроений раскольничьих групп уральского казачества.

По свидетельству собирателей уральские казаки вспоминают Разина большей частью враждебно. И Пушкин и Железнов указывают, что выражение «Разина порода» считается на Яике самым обидным. Старый казак, собеседник Железнова, уверяет, что уральцы с Разиным не имели ничего общего. Действительно, яицкие казаки почти не принимали участия в разинщине. Живя на далекой степной окраине, уральские казаки самостоятельно нападают на степных кочевников и эксплоатируют яицкие рыбные ловли. Приток беглых на Яик гораздо слабее, чем на Дон, поэтому в основном экономическое социальное расслоение не столь резко, как на Дону. Яицкие казаки в XVII веке по экономическому состоянию сравнительно далеки от бедноты, бездомного и бродяжного элемента, батраков и судовых рабочих, из которых формировались разинские отряды. Разинщина с ее стремлениями находит в уральском казачестве слабый отклик. Уральский песенный репертуар о Разине сравнительно очень скуден.

Предания о Разине, дошедшие до нас, носят на себе отпечаток скорее враждебного отношения окружающей среды. В них мы не найдем отражения классовых стремлений разинщины. Образ Разина рисуется главным образом в плане сказок об удалом разбойнике и в то же время великом грешнике. Чародейство Разина проскальзывает лишь в одном: Разин заговорил степных змей на Урале, поэтому они не кусаются.

47. Предания, слышанные Н. И. Костомаровым в Нижнем Поволжье. Даны (в переложении) в его монографии «Бунт Ст. Разина», М. 1863, стр. 376 — 380.

Изображение Разина, скитающегося в далекой чужой стране или на острове — среди моря, встречается и в других записях, напр. у Мадуева, Железнова и др.

Картина мучений Разина обычна. Характерна и оценка пугачевщины и Пугачева, как вторичного прихода Ра-

зина. Мотив вторичного прихода необходимо подчеркнуть. Хотя в данных рассказах классовое осмысление разинщины и образа Разина заменилось религиозным, однако и в этом понимании Разин должен явиться в роли наказующего судьи.

Возможно, что здесь со стороны рассказчиков (а может быть, и собирателя) мы имеем некоторое смягчение политического смысла преданий. Известный историк Костомаров, который был сослан в конце 40-х годов в Саратов, занимается историей и фольклором Нижнего Поволжья. Интересны его наблюдения широкой известности преданий о Разине в конце 40-х и 50-х годов.

«Имя Стеньки Разина известно и старому и малому в том краю, где совершались его похождения. Берега Волги усеяны урочищами с его именем. В одном месте набережный шихан (холм) называется «Столом Стеньки Разина», потому что он там обедал со своими товарищами; в другом — такой же холм называется «Шапкой Стеньки Разина», потому что будто бы он оставил на нем свою шапку, в третьем — ущелье, поросшее лесом, называется «Тюрьмою Стеньки Разина»: там, говорят, он запирал, в подземельях, взятых в плен господ.

На север и на юг от городов Камышина и Царицына (теперь Сталинграда. — *А. Л.)*, по нагорному берегу Волги — ряд бугров, которые называются «буграми Стеньки Разина», в память его, будто бы он там закладывал свой стан. Все эти бугры схожи между собою тем, что отделяются от материка ущельями, которые в весеннее время наполняются полою водою; все эти бугры — экземпляры одного идеального бугра, существующего в народном воображении.

В одном селе указывают на бугор и говорят: «вот бугор Стеньки Разина, тут был его стан»; а в другом селе говорят: «неправда, не там этот бугор, а вот он!» Старые люди рассказывали, что давно видны были тут окопы и погреба, и железные двери. В погребах Стенька спрятал свое богатство и теперь оно там лежит, да взять нельзя: заклято!» (Костомаров, «Бунт Ст. Разина», М. 1863, стр. 376).

48. Напечатано в брош. А. С. Мадуева «Вновь записанные легенды о Ст. Разине», стр. 6.

Рассказ дан в плане рассказов о великом грешнике: на героя наложено проклятие и эпитимья. Мотив искупления грехов через страдания не развит. Здесь также мотив вторичного прихода Разина, встречающийся и в предыдущих вариациях. Исследование сюжета о великом грешнике дано в работах проф. Н. П. Андреева. N. P. Andrejew «Die Legende von den zwei Erzündern», Folklore Fellows Communications, № 9, Helsinki 1924; и то же в кратком изложении: «Легенда о двух великих грешниках» («Известия Гос. Пед. И-та им. Герцена». В. I. Л. 1928.)

Библиография сюжета о великом грешнике приведена также в книге Ю. А. Яворского «Памятники галицко-русской народной словесности», вып. I, Киев 1915, стр. 282—284.

49—50. Предания, записанные акад. А. А. Шахматовым среди мордвы Саратовского края.

Напечатано в «Мордовск. этнографич. сборнике», СПБ. 1910, стр. 73—74 и 1—2. Дан мордовский текст и русский перевод.

Показательна известность легенд о Разине среди угнетенных народов царской России. К сожалению, этот материал собирался в свое время очень мало. О нем встречаются лишь глухие упоминания. Например, Н. В. Никольский сообщает: «Стенька Разин неоднократно бывал в Чебоксарском уезде. Прельщал чувашей обещанием больших выгод. Те верили ему. Держали его сторону. Спасаясь от преследований, Стенька избирал самые глухие места». (Н. В. Никольский, «Краткий конспект по этнографии чуваш». Изв. об-ва археологии, ист. и этногр. при Казанск. ун-те, вып. XXVI, Казань 1911). Несомненно, эти краткие замечания даны автором на основе устных преданий и рассказов. Но самый материал не представлен.

Мордва, принимавшая деятельное участие в разинщине, в некоторых районах играла даже ведущую роль. Среди мордвы пользовались известностью и песни о Степане Разине, напр. песня о сынке. Замечательный по своей яркости вариант ее (№ 2) от старухи-мордовки сообщен в Саратовский сборник кн. Голицыным.

В первом предании (№ 49) — соединение двух мотивов: 1) о кладе и 2) о мучениях великого грешника,

которого земля не принимает. Схема рассказов и преданий о кладах постоянна: для добычи клада предлагаются особые, трудно выполнимые условия. Интересен, напр., вариант № 44. Картина мучений Разина за грехи также почти одинакова во всех преданиях этого типа.

51. Напечатано в «Саратовском справочном листке» 1878, № 198; слышано на пароходе от крестьян поволжских деревень Царицынского и Камышинского у. Предание подчеркивает богатство Разина и желание помочь бедноте. Последний момент получил стилизацию в христианском духе.

52. Сообщено Мамакиным. Напечатано в «Живой старине» 1890, вып. 2, стр. 139, «Великорусские народные легенды, сообщ. Ив. Мамакиным из Лукояновского у., Нижегородской губ.».

53. Записано в Саратовском крае. Напечатано у Минха «Народные обычаи», обряды и суеверия крестьян Саратовской губ.», СПБ. 1890. Соединение двух тем: о Марине (Маринке) — безбожнице и о Ст. Разине. Образ Марины в устно-поэтическом творчестве почти всегда дается как воплощение коварства, безнравственности, но вместе с тем красоты. То же в песнях о Григории Отрепьеве и Марине. Напр., М. 212, 213, 214 и др. в образе Разина оттенены мотивы чародейства и богатства (владение кладами).

54. Записано в Среднем Поволжье. Напечатано в ст. Н. Я. Аристова «Предания о кладах», «Зап. Русск. географ. об-ва по отд. этнографии», т. I, СПБ. 1867, стр. 732—733.

Интересна кладовая запись, приписываемая Разину. Такие записи о том, как разыскать клад, встречаются довольно часто. Аристов приводит и самое письмо о кладе Разина. Подобные письма, безусловно, являются позднейшим сочинением и носят на себе яркие следы многократного переписывания.

55. Напечатано в отмеченной выше ст. Н. Я. Аристова, стр. 715.

56. Напечатано там же, стр. 723.

Все рассказы о кладах Разина интересны разнообразием своего содержания, именно богатством преданий о Разине, с которыми они связаны, при чем необходимо

заметить, что этот материал из одного лишь Симбирского края.

57. Записано в Симбирске Садовниковым. Напечатано в «Сказках и преданиях Самарского края», стр. 348.

ПЕСНИ, ПРЕДАНИЯ И РАССКАЗЫ О ЕМЕЛЬЯНЕ ПУГАЧЕВЕ

1. Сообщено В. И. Далем. Записано в Оренбургской губ. (вероятно, в 30-х годах XIX в. — *А. Л.)*

Напечатано в 9 вып. «Песен» Киреевского, стр. 244—245.

Песня яицких казаков. С 20-х годов XVIII в. правительство все более и более распоряжается внутренними делами яицкого казачества. Атаманы назначаются уже Петербургом. С каждым годом настроения недовольства нарастают. Создаются две партии: казаки «*войсковой стороны*» стоят за прежние порядки; казаки «*старшинской стороны*» стоят за подчинение требованиям правительства. Казаки жалуются в Петербург на старшин. В ответ на жалобы правительство присылает неоднократно комиссии для разбора конфликтов.

Незадолго до пугачевщины правительство решило составить московский легион как особое отборное войско. Туда должны были войти и яицкие казаки. Слухи об этом разнеслись по Яику и усилили волнения. Казаки просили не брать их в легион. Это было исполнено. Песня отражает события перед началом пугачевщины.

2. Записано И. И. Железновым в 1858 г. от старого казака Ивана Михайловича Бакирова. Напечатано в цикле «Предания о Пугачеве», «Уральцы», т. III, стр. 166—168.

Песня о ходе пугачевского движения. Начало ее тесно связано с предыдущей песней о назначении казаков в московский легион. Упоминается о волнениях на Яике 1771—1772 гг. и об убийстве генерала Траубенберга (январь 1772 г.). Вероятно, песня сложилась на Яике, но в рядах «старшинской партии» (действия пугачевцев расцениваются как бунт; передавшиеся на его сторону названы изменниками и т. д.). Возможно,

что эта песня была известна среди усмирителей пугачевщины. Интересно мнение самого исполнителя о ней. Он не оканчивает ее, отговариваясь, что дальше «запамятовал». «Да и с молоду-то я не очень любил петь ее: солдатска она! Солдаты же, чтоб их одрало,— прибавил рассказчик, — солдаты ж, знамо, и приплели тут «донского казака — Емельяна Пугача».

«А по-нашему, — продолжал старик, — по нашему, он был не Пугач, а настоящий Петр Федорович».

В другом варианте (№ 3), из Симбирской губ., как раз утрачена острота отрицательной оценки пугачевщины, бросающейся в глаза здесь, в яицком варианте.

3. Записано Языковым в Симбирской губ., с. Головино.

Напечатано в 9 вып. «Песен» Киреевского, стр. 245—246.

Вариант предыдущих песен. По сравнению с № 2 — более сокращенный.

Интересен финал песни, вероятно, иносказательно изображающий участие различных социальных групп в пугачевском движении («Мелка рыба вниз пошла»).

Отрывок этой песни был записан Пушкиным 1833 г. в Оренбургском крае. Запись Пушкина является отрывком той же песни, вариант которой записан 25 лет спустя Железновым. См. гл. «Песни и предания о Разине и Пугачеве в записках Пушкина.

4. Записано от К. Ослова в Симбирской губ., Корсунского у.

Напечатано П. В. Шейном в «Чт. в О-ве истории и др. росс.», 1859, стр. 146—147. То же в № 9 вып. «Песен» П. В. Киреевского.

По колориту и топографическим штрихам эта песня пугачевская. Аристов высказал мнение, что эта песня о стремлении екатерининского солдата проникнуть в стан пугачевцев изображает казака Перфильева, который, находясь в начале пугачевщины по делам яицких казаков в Петербурге, обещал начальству принять все меры к поимке Пугачева; однако, вернувшись на родину, превратился в одного из самых активных сторонников Пугачева. Нам думается, что едва ли можно отнести эту песню к точно определенному лицу. Возможно, что она родилась в станах пугачевцев под Орен-

бургом. Вероятнее всего, она имела продолжение, — и данная запись сохраняет лишь часть ее. Именование Пугачева генералом Пугачем, а также последние два стиха:

Не дают-то мне, доброму молодцу, волюшки —
Во Ленбург сходить, Пугача убить...

нам думается, представляют собою замену, принятую исполнителями с целью нейтрализации политической остроты всей песни.

5. Напечатано П. В. Шейном в «Чт. в о-ве истории и др. росс.», 1877, кн. III, стр. 127—128.

Песня о разгроме пугачевских отрядов князем П. М. Голицыным (весна 1774 г. — начало крупных поражений восставших). Она интересна как один из образцов антипугачевской песни, возникшей, новидимому, уже после ликвидации движения среди верных правительству (или желавших показать свою верность) войсковых частей. Вероятно, сложение подобных песен поощрялось начальством.

6. Записано П. В. Киреевским от семидесятилетней старухи, Катерины Андреевны. Напечатано в 9 вып. его «Песен», стр. 249—250.

Песня о появлении и казни Пугачева. Тон ярко осудительный. Аристов находит, что она «сочинена кем-либо из боярской партии» (Н. Аристов, «Об историческом значении русских разбойничьих песен», Воронеж 1875, стр. 87). Действительно, песня проникнута настроениями приверженцев императрицы (восхваление царицы, осуждающие эпитеты по адресу Пугачева; отношение к его казни).

7. Записано в Оренбургском крае, без указания кем. Напечатано в 9 вып. «Песен» П. В. Киреевского, стр. 247.

Песня изображает тоскливые предчувствия «доброго молодца Емельяна Ивановича». Он едет по чисту полю и замечает, что конь его спотыкается. В данном случае известный эпический мотив — предчувствие беды по поведению коня — ассоциируется с образом Пугачева (возможно, именно с поспешным его отступлением, попыткой спастись от преследований полковника Михельсона). В этом же плане осмысления известного мотива воен-

ных и казацких песен, мотива защиты знамени (казаком, солдатом), смерти героя на поле битвы со знаменем в руках и т. п., — интересна песня об «Алтынском знамени».

На зоре было, на зореньке,
На восходе было красна солнышка,
В полку у нас несчастье случилося,
Что убила в полку у нас хорунжего,
Что ни лучша из нас перва воина,
Что Иванушку Семеновича Барханскова.
Как убила его во белую грудь,
Во белую грудь, в ретиво сердце.
Он вскричал, возгаркнул громким голосом:
«Уж ты гой еси, мой племянничек,
«Что Степанушка сын Михайлович.
«Подбеги ко мне ты скорехонько,
«Поддержи, подыми знамя царское,
«Знамя царское, все алтынное.
«Не допусти ты знамя до сырой земли.
«Сбереги, соблюди знамя царское,
«Знамя царское, все алтынное.
И он пал-то к коню на черну гриву.
Со черной-то гривы на сыру землю.

М. Михайлов, «Уральские очерки», «Морской сборник» 1859, № 9, стр. 27—28, ч. III, неофициальная.

Перепечатано в «Сборнике уральских казачьих песен» М. Г. Мякушина, Спб. 1890, № 25. И у Михайлова и в сборнике Мякушина приводится сокращенный вариант песни, без упоминания о Пугачеве. На Яике эта песня ассоциируется с пугачевским движением. В отряде Пугачева было голштинское знамя. Пугачевцы очень дорожили им, как эмблемой подлинности царского происхождения «Петра Федоровича» (Дубровин, «Пугачев и его сообщники», Спб. 1884, т. III, стр. 355). Тревожно справляется о голштинском знамени императрица. 15 сентября 1774 г. она пишет из Петербурга кн. М. Н. Волконскому: «. . . При сем посылаю к вам гольштейнское знамя Дельвигова драгунского полка, которое было отбито Михельсоном у Пугачева под Царицыном и тотчас же сюда

отправлено... Хорошо было бы, если б вы открыли источник, каким образом сие знамя дошло до Пугачева, ибо вывело б много плутней наружу». В письме от 3 октября 1774 г. Екатерина опять напоминает генерал-аншефу: «...Когда привезут к вам Пугачева, то не забудьте спросить о гольштейнском знамени...» (Сочинения имп. Екатерины II, т. I, изд. Ал-дра Смирдина, Спб. 1850, стр. 289, 291).

8. Сообщено А. М. Языковым, Симбирск. губ., с. Головино. Напечатано в 9 вып. «Песен» П. В. Киреевского, стр. 248.

Одна из самых ярких песен о пугачевщине. Ясно выражен непримиримый классовый антагонизм борющихся сторон. Вся песня является поэтическим отображением и переосмыслением встречи графа Панина с Пугачевым в Симбирске. Когда скованный, в клетке, Пугачев был доставлен в Симбирск, на другой день туда же приехал и граф Панин. Он приказал привести Пугачева и показать его собравшейся толпе. В тот же день, 2 октября 1774 г., в письме к кн. М. Н. Волконскому он описывает эту встречу: «Пугачев на площади, скованный, перед всем народом велегласно признавался и каялся в своем злодеянии и отведал тут, от моей распалившейся крови на его произведенные злодеяния, несколько моих пошечин, от которых из своего гордого вида тотчас низвергся в порабощение» (Гос. архив, VI. д. 527; также «Москвитянин» 1841, кн. II, стр. 482; Н. Дубровин «Пугачев и его сообщники», т. III, Спб. 1884, стр. 307-308. Панин ничего не пишет о своем разговоре с Пугачевым. О разговоре упоминает Рычков, описывая это свидание: «...может быть по привычке своей, или по злой своей натуре, он (Пугачев. — *А. Л.)* ответствовал на вопросы его сиятельства *очень смело и дерзновенно*, то, раздража тем его сиятельство, тут же пред всем народом получил от собственных его рук несколько пощечин и ударов, из-за чего и начал уже быть кроток...» («Летопись Рычкова. Пушкин, Приложения к «Истории Пугачевского бунта»).

Возможно, что устное предание расцветило и развило разговор екатерининского сановника с предводителем восстания крепостных.

Возможно, именно на основании устных преданий Пушкин ввел в «Историю пугачевского бунта» разговор Пугачева с гр. Паниным. Пушкин так изображает эту встречу: «Пугачева привезли прямо на двор к графу Панину, который встретил его на крыльце, окруженный своим штабом: «Кто ты таков?» — спросил он у самозванца. «Емельян Иванов Пугачев», — отвечал тот. «Как же смел ты, вор, называться государем?» — продолжал Панин. «Я не ворон (возразил Пугачев, играя словами и изъясняясь, по своему обыкновению, иносказательно): я вороненок, а ворон-то еще летает». Панин, заметя, что дерзость Пугачева поразила народ, столпившийся около двора, ударил самозванца по лицу до крови и вырвал у него клок бороды». (Пушкин, «История Пугачевского бунта», гл. VIII).

Характерно, что в песне выступает мотив особого положения Пугачева—Петра III; его не могут судить сенаторы. Этот же мотив развивается и в современных пугачевщине рассказах (о чем ясно свидетельствуют показания пугачевцев на допросах. Этот же момент ясен и в рассказах уральских казаков.

9. Записано А. Н. Лозановой в 1930 г. в Нижнем Тагиле от жительницы гор. Невьянска (Средний Урал), Веры Васильевны Петровой, 52 лет, грамотной.

Замечательный фрагмент песни-плача о погибшем Пугачеве. Он особенно ценен для нас, как живой (до настоящего времени) след яркого и эмоционально богатого репертуара непосредственных участников пугачевского движения — горнозаводских крестьян.

Указывают, что эта песня больше известна в Кунгурском округе, где ее поют на больших сборищах, иногда на свадьбах.

Старшие родственники сказительницы, по ее словам, работали на Демидовских заводах. Старики (теперь уже покойные) рассказывали о пугачевщине, пели и песни. Теперь она помнит только этот отрывок.

10. Записано от казака Петра Плаксина. Напечатано в «Песнях уральских казаков», собр. А. и В. Железновыми, стр. 85—86 (дан и напев).

Здесь песня отражает настроения групп, мобилизованных в пугачевские отряды, которым после разгрома движения нередко приходилось скрываться и утверждать,

что их участие в пугачевском восстании было вынужденным.

Поэтический вариант ее, также с упоминанием Петра III, записан у гребенских казаков (Ф. С. Панкратов. «Гребенцы в песнях», Владикавказ 1895, стр. 53). В основе песня, вероятно, рекрутская (о принудительной солдатчине), так как в вариациях ее нередко поется вообще о «грозной службе государевой». Напр. в песеннике 1792 г.;

Сторона ль ты моя, сторонушка,
Сторона ль моя незнакомая,
Что не сам-то я на тебя зашел,
Что не добрый меня конь завез,
Завезла меня кручинушка,
Что кручинушка великая,
Служба грозна государева,
Прыткость, бодрость молодецкая
И хмелинушка кабацкая...

11. Записано В. А. Мясоедовой в Петровском у., Саратовской губ., напечатано в «Русской старине» 1874, кн. XII, стр. 817. Песня о сынке (агенте) Стеньки Разина осмысляется как песня о Пугачеве. Неизвестный молодец оказывается Емельяном Пугачевым, может быть, его агентом.

12. Записано в Москве. Напечатано в 9 вып. «Песен» П. В. Киреевского, стр. 252.

Одна из песен о пугачевских агентах. Оформление в стиле разбойничьих песен (разбойник приезжает к своей милой). Начало — песня о сынке Разина, появляющемся в Астрахани.

13. Записано П. В. Шейном от Н. Картавенко. Напечатано в 9 вып. «Песен» Киреевского, стр. 145—146.

Вариант с незначительными разночтениями помещен в труде Максимова «Сибирь и каторга», т. I.

Песня об одном из талантливейших помощников Пугачева — Чике-Зарубине, переименованном в графа Чернышева. Это предположение высказано также и Аристовым («Об историческом значении разбойничьих песен», стр. 85—86).

Песня о графе Захаре Григорьевиче Чернышеве, участнике семилетней войны, доверенном лице Петра III, записана в значительном ряде вариантов.

Известное имя вельможи эпохи Петра III явилось как бы прикрытием для песни о герое пугачевщины. По существу данная вариация песни о Чернышеве является песней безвестных разбойников, «сирот бедных, беспашпортных», очень часто прикрепляющейся к имени Разина, в данном случае через Разина к Пугачеву.

Село Лысково связано с верхневолжской разинщиной, но также оно связано и с действиями пугачевцев. По преданию, Чику-Зарубина везли на казнь окружным путем через Лысково, чтобы доказать массам, что он действительно пойман.

Здесь налицо опять поэтическое оформление глубокой связи разинщины и пугачевщины (то же в № 11, 12).

14—15. Зап. А. Н. Лозановой в 1930 г. на пароходной пристани Покровск—Саратов от урож. Пугачевского окр. М. Ф. Пяткиной, 60 лет.

Самые последние записи рассказов о пугачевщине.

Хотя в их содержании уже в значительной мере стерта классовая заостренность, — в сравнении с преданиями, приводимыми ниже, — но эти рассказы, записанные четыре года тому назад, ценны как указание на следы современной нам живой традиции о пугачевщине. Именно поэтому мы открываем ими собрание преданий о Пугачеве.

16. Рассказы о Пугачеве от донских казаков и волжских судовых рабочих даны Якушкиным (о нем см. «Разинщина», Рассказы и предания, примеч. № 43).

Напечатана в сочин. Павла Якушкина, СПБ. 1884. стр. 405—406, в очерке «Путевые письма из Астраханской губ», 1879 г.

Передача воспоминаний очевидцев и свидетелей пугачевщины. Пугачев именуется храбрым воителем (не царем). Участники беседы (и слушатели и рассказчик) вспоминают о Пугачеве на ряду с Разиным и Ермаком. Сопоставление этих образов характерно для волжских судовых рабочих и отчасти для донского казачества.

17. Дано А. Николаевым со слов старой пирожницы из Саратова, Вахрамеевны. «Саратовские губернские ведомости» 1860, № 25, ч. неофициальная.

18. Записано от того же лица, что и предыдущий рассказ. Напечатано в «Саратовских губернских ведомостях» 1860, № 14.

Обычные для рассказов о пугачевщине мотивы. Глухое упоминание о чародействе Пугачева — очевидно, отголосок преданий о чародействе Разина. Немецкий генерал, о котором упоминает предание, — вероятно, Михельсон, которому удалось захватить Пугачева.

19. Сообщено Ив. Мамакиным. Напечатано в «Живой Старине» 1890, вып. 2, стр. 139—140, «Великорусские народные легенды», сообщ. Ив. Мамакиным из Лукояновского у., Нижегородской губ.

Рассказ чрезвычайно показателен для осмысления образа Пугачева как защитника крепостных. Пугачев противопоставлен жестокой крепостнице, которая (по преданию) умирает, потрясенная встречей с Пугачевым.

Салтыкова Дарья Николаевна, помещица, современница Пугачева (1730—1801), прославилась своей исключительной жестокостью. В Московской области и в районах ее поместий о ней сохранилось много рассказов, ее прозвали «людоедкой», имя «Салтычиха» стало нарицательным. Есть данные, что Салтыкова не знала грамоты. Рано овдовев и оставшись полной хозяйкой своих имений, она за семь лет замучила около 139 своих крепостных. Все жалобы крестьян на свою помещицу, благодаря ее связям и взяткам, не достигали цели, — наоборот, жалобщики обвинялись в клеветничестве и подвергалась наказанию. Наконец, в 1762 году двум крепостным удалось подать жалобу императрице. Только шесть лет спустя юстиц-коллегия, установив, что Салтыкова «не малое число людей своих мужска и женска пола бесчеловечно мучительски убивала до смерти», — выносит ей смертный приговор (отсечение головы). Тогда Салтыковой было 38 лет. Но казнь, по распоряжению императрицы, была отменена. Салтыкову сослали в один из монастырей, где одиннадцать лет она просидела в подземной тюрьме, а остальные 22 года до смерти провела в застенке, пристроенном к стене храма, и даже от приставленного к ней караульного родила ребенка. (Студенкин, «Салтычиха», «Русская старина» 1874, т X;

П. Кичеев, «Салтычиха». «Русский архив» 1865, № 2; «Русские достопамятности», вып. V, М. 1862; В. И. Семевский, «Крестьяне в царствование Е. II», т. I, СПБ. 1903; Н. Дубровин, «Пугачев и его сообщники», т. I, стр. 338—342.

20. Сообщено Н. А. Аристовым. Напечатано в «Историческом вестнике» 1880, т. III, стр. 21—22.

Один из рассказов о верных правительству чиновниках, погибавших от пугачевцев. Имена действующих лиц в данном случае не сответствуют действительности.

Однако подобные эпизоды, без сомнения основанные на имевших место фактах, весьма часто встречаются в семейных хрониках дворянства и духовенства. Начиная с 70-х годов, эти материалы нередко печатаются в исторических журналах (в «Русской старине», «Русском архиве», «Историческом вестнике» и т. д.) как воспоминания о «бунте». Основное их содержание — это жестокость Пугачева и пугачевцев, переживания ужаса перед их приходом, гибель, иногда неожиданное избавление от смерти. Здесь часто можно встретить мотивы религиозно-мистического характера: спасение благодаря образкам, чудотворным иконам, фамильным святым, которые с этих пор начинают чтиться еще более.

Из рассказов подобного рода интересно предание о приходе Пугачева в Курмышский край (Н. Ф. Акаемов, «Город Курмыш в XIV—XVIII вв.». Изв. о-ва археологии, ист. и этногр. при Казанск. ун-те, т. XI, 1893, и А. Труворов «Былое из пугачевщины», СПБ. 1870).

Оба рассказа — о памятном событии дворянской семьи Бобоедовых. Семья была спасена благодаря маленькому сыну «Васеньке», который понравился Пугачеву своей пляской. В организации всего этого дела принимал деятельное участие пугачевский полковник Герасим Васильев, который работал в доме Бобоедовых печником и не раз видел искусство барского сына.

Маленький Бобоедов так раззадорил пугачевских полковников своей пляской, что (по рассказу Труворова) настаивавший на казни Бобоедова-отца казак-полковник забыл о казни, тоже бросился в круг и начал приговаривать: «ой жги, говори, ростабарывай...» Глядя на

него, и Герасим Васильев тоже вскочил с места и, притопывая ногами, помахивая своим бумажным клетчатым платком, приговаривал своему товарищу:

Ходи браво, гляди прямо, —
Говори, что вольны мы...
(*А. Труворов*, указ. статья, стр. 17).

Возможно, что эта поговорка была в ходу у пугачевцев. Может быть, она является тоже отголоском фольклора восставших крепостных масс.

21. Записано Д. Н. Садовниковым в селе Старом Урайкине, Ставропольского у., Самарской губ. Напечатано в «Сказках и преданиях Самарского края» № 115, стр. 377.

Один из типичных мотивов в рассказах-воспоминаниях о пугачевщине: добрая барыня (барин) спрятана крестьянами от пугачевцев.

Эти рассказы основаны на действительных событиях, иногда имевших место. Напр., семья помещика Кузнецкого у., Саратовской губ., Радищева (отца), которого очень любили крепостные, не была выдана пугачевцам, хотя крестьяне знали, где она находится: отец спрятался со старшими детьми в лесу, а младших оставил у крестьян.

22—25. Записано в 1905—1906 гг. акад. А. А. Шахматовым и под руководством его, от мордовского населения Саратовского уезда, в Сухом Карабулаке (№ 22) и в Оркине (№ 23). Напечатано на мордовском языке, с русским переводом в «Мордовском этнографическом сборнике», Спб. 1910, стр. 55—56 и стр. 12—13.

Предания № *24*, *25* взяты Шахматовым из историко-географического описания Озерской вол., Саратовского у., А. Н. Минха (А. А. Шахматов, «Мордовский этнографический сборник», стр. 699—700).

Мордовские предания о пугачевщине являются чрезвычайно яркими памятниками, выявляющими причины живого отклика мордовского народа на пугачевщину. Для него пугачевщина является мерилом времени; от пугачевщины считают возраст стариков и различные события. Когда необходимо подчеркнуть возраст старика — говорят: «Он помнит (знает) пугачевское время»,

26. Записано в конце 50-х годов учеником Симбирской семинарии, уроженцем села Туван, и напечатано в «Историческом вестнике» 1880, т. III, стр. 18—19.

К сожалению, нам неизвестны предания о пугачевщине из уст самих чувашей. Настоящий рассказ переложен собирателем в подчеркнуто-великодержавном духе. Однако, даже в таком виде, он представляет интерес своей фактической стороной (широкое участие чувашей в пугачевщине, надежды их на Пугачева, принудительная христианизация и ненависть к православному духовенству; отношение правительства к чувашам). Вся эта канва фактов, отразившихся в данном рассказе, дает возможность заключать о содержании и эмоциональной окраске подлинных чувашских преданий о пугачевщине.

27. Напечатано в работе Н. В. Никольского «Краткий конспект по этнографии чуваш», «Изв. об-ва археологии, ист. и этногр. при Казанск. ун-те», вып. XXVI, Казань 1911, стр. 607.

Содержание преданий и рассказов чувашей дано в конспективном переложении.

Несомненно, этот материал мог бы быть гораздо обширнее, но он в свое время мало собирался и почти совсем не записывался в своем подлинном виде.

28. Башкирское предание о речи Салавата Юлаева к своим соотечественникам — пугачевцам.

Сообщено Сагид Мирасовым, к сожалению, без указания места, времени и лица, со слов которого оно записано.

Напечатано на башкирском языке в «Трудах научной и исторической организации при Народном комиссариате Башкирской республики», 1922, ч. I, стр. 29—31.

Здесь помещаем полный перевод, сделанный сотрудником Историко-археографического института Академии Наук СССР, В. А. Забировым, под редакцией акад. А. Н. Самойловича.

Салават Юлаев — молодой предводитель и организатор восстания башкир во время пугачевщины, один из самых образованных и талантливых среди своих соотечественников той эпохи. Он оставил по себе память как герой-воитель (богатырь) и как поэт. Захваченный правительственными войсками, на допросах и пытках Сала-

ват все же не сообщил всех данных о ходе и развитии восстания в Башкирии. Тайная экспедиция выносит о нем и об его отце, Юлае, подтвержденное императрицей постановление от 16 марта 1775 г.: «Наказать его во всех тех башкирских селениях, где от него злодейства и убийства происходили, кнутом и, наконец, в последнем из оных селений, вырвав ноздри и поставя знаки «вор и убийца», послать для употребления в тяжкую каторжную работу вечно, в Рогервик» (Пугачевщина, т. II, ГИЗ, 1929, стр. 451). В ответ на этот приговор сохранилось донесение, что наказание исполнено.

Об этом борце за свободу башкир сохранились песни, ему приписываемые; о нем рассказываются сказки и предания, повторяются (будто бы им формулированные) изречения и поговорки. Действительно, песни, принадлежащие, по преданию, Салавату, проникнуты настроениями борьбы, жажды отвоевать права, веру и свободу Башкирии.

Высоко летает ворон,
Выше ворона — сокол,
Выше сокола — могучий
Орел, птичий царь.
Далеко там тебе, юный воин,
До богатыря —
Мощного орла,
Но крепися и мужайся,
Бога в помощь призови,
И иди на бой ты смело
И везде врагов рази.
Бог великий создал храбрых,
Храбрых воинов своих,
Чтоб они неверных били,
Защищая честь и веру,
Как велит святой коран,
Что пророк святой вещал.
Призовя на помощь бога,
Не боюся я врагов:
Знаю алчного киргиза,
И урусов (русских) не боюсь...

Некоторые песни Салавата ассоциируются в Башкирии с событиями пугачевщины. Такова, напр., песня о том,

как Салават, взяв пример с великих богатырей своей страны, один отбивается от трехсот врагов:

Было время, время храбрых.
Божьих всех богатырей;
Были Гали, Абутали,
Саш и Нариман,
Знал их целый свет,
Знал про их дела,
Во всю жизнь свою сражаясь,
Победили многих сильных
И величайших богатырей.
Много неверной силы
Меч их поразил.
Не боялись силы вражей,
Ни драконов, змей,
Ни коварств самих шайтанов,
Ни волшебников ужасных,
Лютых курада (колдунов).
Вот какие были люди
В прежние года.
Про дела ваши я слышал,
Духом возгорясь,
Оседлал коня, и в сечу
Конь меня понес.
Я сразился со врагами
И врагов разнес,
На меня напало разом
Триста человек.
Я от всех трехсот отбился,
Вынес конь меня
На широкую долину
К светлому ручью...

По поводу этой песни у башкир составилось предание, что ее сложил Салават про себя; он будто бы один отбился от трехсот казаков. Указывают даже место, куда вынес Салавата конь, близ Саткинского завода, при ключе Пермяцком.

Когда башкирские отряды в районах Саткинского завода спешно отступали, спасаясь от преследований полковника Михельсона, Салават, по преданию, сложил песню:

Поскакал бы я — да впереди болото,
Стрелял бы я — да стрел мало у меня,
Осмотрюсь кругом —
Мало у меня надежных людей...

По преданиям, необычайная богатырская сила Салавата появилась у него в молодом, даже отроческом возрасте. О нем башкиры поют песню:

Сколько лет Салавату?
Зеленая шапка на его голове.
Если спрашиваешь о летах Салавата, —
Четырнадцати лет он стал богатырем...

Эта песня известна в Башкирии в значительном ряде вариантов.

Предание, сообщенное Сагид Мирасовым, вначале является пересказом событий, связанных с борьбой башкир против надвигающихся русских.

Изречения, вкладываемые в уста Салавату, замечательны по своей политической остроте и, вместе с тем, художественности. Возможно, они явились и позднейшим оформлением понимания башкирами борьбы за свою самостоятельность. В них чрезвычайно показательно их соединение именно с образом Салавата. Ярко также даны отдельные образы, напр. свобода, которую Пугачев обещает башкирам: «...пусть они сами управляют своей страной, где они по своему желанию могут летать подобно птице и плавать подобно рыбе...» или еще символический образ: уголек в речи Салавата является символом сожженных и уничтоженных русскими башкирских селений.

Предания являются отображением той ведущей роли, которую играли среди угнетенных самодержавием кочевых народов башкиры в пугачевском движении. Р. Г. Игнатьев, «Башкир Салават Юлаев, пугачевский бригадир, певец и импровизатор». Изв. об-ва археологии, ист. и этногр. при Казанск. ун-те, т. XI, вып. 2; Пугачевщина. Центрархив, т. I и II. Типеев, «Очерки по истории Башкирии», Уфа. 1930, стр. 57—68. Ст. Злобин, «Салават Юлаев», Дешевая б-ка. ГИЗ, 1930.

29. Записано А. Николаевым в д. Средняя Елюзань, Кузнецкого у., Саратовской губ., со слов старика-татарина Абурахмана Хабибулина Усманова, современника пугачевщины. «Саратовские губ. ведомости» 1860, № 14,

30. Татарские предания о пугачевщине. Напечатано в кн. «Неизданные произведения Каюма Насырова и материалы к 100-летнему юбилею со дня его рождения». Изд. Бюро краеведения при Наркомпросе ТССР, Казань 1926 (на татарском языке). Перевод сделан сотрудником Историко-археографического Ин-та Акад. Наук СССР В. А. Забировым.

Эти предания изложены на основании материалов, собранных одним крупным казанским купцом — Мухамедзяном Аитовым, любителем старины.

Записи Аитова были помещены в журнале «Шуро» 1912, № 15, стр. 396 и след. (на татарском языке).

Передавая (вероятно, в 80-х годах) материалы о пугачевщине, собранные Аитовым, Каюм Насыров отмечает: «Из событий, происшедших в 1772 г., имеется также сказание о Пугачеве, *известное среди народа*».

В преданиях татар (№ 29 и 30) не встречаем той яркой политической заостренности, которую видим, например, в башкирских, мордовских преданиях.

31—32. Напеч. проф. Б. М. Соколовым в журн. «Красная нива» 1927, № 3, под заглавием: «В гостях у Пугаченка».

Рассказы отмечены во время этнографической экспедиции от Центрального Музея Народоведения в Марийскую и Вотскую области, летом 1926 г. Б. М. Соколов устанавливает действительное пребывание Пугачева в данном районе в 20-х числах июня 1774 г. Б. М. Соколову удалось выяснить, что изображенный на портрете «пугаченок» не мог быть ни сыном Пугачева, ни тем мальчиком, которого обласкал Пугачев Однако тем показательнее та настойчивость, с которой хранятся и передаются из поколений в поколения рассказы о Пугачеве, побывавшем в местных районах. Самое прозвище «Пугаченок» свидетельствует о ясном следе еще живой до настоящего времени эпической традиции о пугачевщине среди народов Прикамья.

33—44. Предания о пугачевщине в передаче И. И. Железнова (о Железнове см. настоящ. сборн., Разинщина, примеч. № 44).

Предания и рассказы о пугачевщине даны Железновым главным образом на основании его записей 1858 г., когда летом и осенью состоялась его специальная

поездка для собирания фольклорных материалов среди уральских казаков.

Собранные рассказы о Пугачеве были уже в 1859 году обработаны Железновым и приготовлены к печати. Но из цензуры они были присланы обратно с надписью: «Возвратить автору без одобрения». Вероятно, настроения их, в высшей степени сочувственные Пугачеву и пугачевщине, оказались неприемлемыми для печати. Лишь во втором, уже посмертном издании сочинений Железнова (1888) они были опубликованы. Помещаемые здесь материалы взяты из 3-го (самого полного) издания сочинений Железнова, «Уральцы. Очерки быта уральских казаков», СПБ. 1910, т. III, стр. 140—210.

Предания уральского казачества, которое, как известно, являлось наиболее активным ядром пугачевщины, составляют особую группу. Они отличаются яркостью и обстоятельностью рассказа, стремлением к точности хронологических и топографических указаний. В предисловии к «Преданиям о Пугачеве» Железнов пишет, что с самого детства он слышал на Урале много рассказов о пугачевщине. В 50-х годах, оценив все значение этого материала, он решил записать его.

«В 1858 году, в течение целого лета и осени, я разъезжал по Яику, отыскивал старичков и старушек и подбирал крупицы, оставшиеся от старинного пирования. Что собрал, то и представляю, прибавив, разумеется, и то, что запало в память мою из времен детства и юности. Представляю именно то, что собрал, представляю в том именно виде, как, что, а в иных случаях и от кого слышал.

«Из этой оговорки читатель догадается, что рассказ мой, составленный из разных лоскутков, будет не очень строен, последователен. Этого мало, прибавлю я: рассказ мой будет с некоторыми повторениями и даже противоречиями; но, смею заверить всех и каждого, взамен того недостатка, рассказ мой будет верен действительности, то есть в нем не будет ни одной черты присочиненной».

И далее: «Итак, предания о Пугачеве я оставлю неприкосновенными, в том виде, как слышал из уст народа, не делая относительно них здесь никаких пояснений и не пускаясь по поводу их ни в какие рассуждения. . .»

Такова характеристика своей работы самим. данная Железновым. Однако, конечно, материал передается им согласно собирательской манере 40—50-х годов, в известной компановке и в известном литературном обрамлении. Своими вопросами собиратель дает направление рассказу, определяет расположение эпизодов. Несомненно также, что предания не лишены и некоторых вставок и литературных украшений со стороны очеркиста (напр., сравнение характеров действующих лиц, с личностями древней Руси, подробная оценка политики «пруцкого короля» Фридриха и турского султана, перечисление военных приобретений екатерининской эпохи). Восхваление ума и государственных способностей Екатерины II (чему уделено значительное внимание в некоторых рассказах), думается, тоже представляет собой вставку собирателя-очеркиста, сознательно введенную в рассказ для цензуры, с целью смягчить политическую заостренность преданий. Все же, несмотря на эти моменты литературной стилизации, — их содержание и эмоциональная окрашенность переданы точно. Железнов вынес в основном те же самые впечатления об оценке пугачевщины широкими массами уральского казачества, что и Пушкин при посещении Оренбургских районов в 1833 г. В 900-х гг. те же впечатления подтверждены и Короленко. Важно указание Железнова на широкую, в некоторых случаях поголовную известность этих преданий среди уральцев.

Рассказы о жизни Пугачева (два варианта № 33, 45) включают в себя почти весь цикл уральских преданий о пугачевщине (уход «Петра Федоровича» из дворца; скитания; приход к яицким казакам; женитьба на Устинье Кузнецовой; эпизоды узнавания «Петром Федоровичем» старых знакомых; рассказ о гибели врагов «Петра Федоровича», о смерти «Петра Федоровича» и т. д.). Эти эпизоды встречаются и отдельно, превращаясь в самостоятельные рассказы.

Все уральские предания объединены одним композиционным центром (Пугачев — подлинный царь, это настоящий Петр III). К этому центру все сводится, им все объясняется. В рассказы вплетены моменты дворцового переворота, окруженные яркими бытовыми подробностями. Уход Петра Федоровича легенда объясняет

ссорой («несугласьем») с женой, которая приревновала его к заморской принцессе или (по другому варианту) к Елизавете Воронцовой. Об этой известной фрейлине двора Петра III, Елизавете Романовне Воронцовой, упоминает и Екатерина II в своих «Записках». (Записки имп. Екатерины II, «Исторический вестник» 1906, IX, стр. 701). О взаимоотношениях Петра III и Елизаветы Воронцовой сложилась даже песня, имевшая некоторое распространение в Москве. В 1764 г. по поводу нее возникает переписка, которую в делах Гос. архива (VII, 2164) обнаружил А. Н. Пыпин. (Дела о песнях в XVIII в. Изв. русск. яз. и словесн. Акад. Наук, 1900. т. V, стр. 587 и сл.).

Песня приложена к «делу»:

Мимо рощи шла одиниохонька,
Одиниохонька, младехонька,
Никово в роще не боялася,
Я ни вора, ни разбойничка,
Ни сера волка, зверя лютова.
Я боялася друга милого,
Своего мужа законнова,
Что гуляет мой сердечный друг
В зеленом саду, в полусадничке,
Ни с князьями мой друг, ни с боярами,
Ни с дворцовыми генералами.
Что гуляет мой сердечный друг
Со любимой своей фрелиной,
С Лизаветою Воронцовою.
Он и водит за праву руку,
Они думают крепку думушку,
Крепку думушку за единое,
Что ни так у них дума сделалась,
Что хотят они меня срубить-сгубить,
Что на мне хотят женитися.

Узнав об этой песне, генерал-фельдмаршал граф П. С. Салтыков обратился к императрице со следующей реляцией:

«Всемилостивейшая государыня!

Как приложенная при сем песня, которая здесь между простым народом в употреблении, в рассуждении глупости безумного и по всему виду подлого сочини-

теля, больше презрения и смеху достойна, нежели истязания, то я без особливого вашего императорского величества повеления не дерзнул сам собою следовать, от кого бы оная произошла, чего впрочем и сыскать едва ли возможно: а между тем не мог преминуть, чтоб всеподданнейше не донесть о том вашему императорскому величеству, всемилостивейшая государыня, вашего императорского величества всеподданнейший раб граф Петр Салтыков. 7 июня 1764 г.».

В ответ на это поступает распоряжение: «...чтоб оная [песнь. — *А. Л.*]... не продолжая большого время, забвению предана была, с тем однако, чтоб оное было удержано бесприметным образом, дабы не почювствовал никто, что сие запрещение происходит от высшей власти» (А. Н. Пыпин, «Дела о песнях в XVIII веке», стр. 589).

Без сомнения, отголосок слухов о Елизавете Воронцовой проник и в рассказы яицких казаков.

Для уральских легенд характерен мотив признания «Петром Федоровичем» своих прежних знакомых, старых казаков. Он входит почти во все легенды как эпизод, подтверждающий подлинность царского происхождения Пугачева. Объяснение смерти Пугачева (его казни) тождественно почти во всех уральских рассказах. Все они сходятся на том, что Пугачев «не казнен, а умер в мире, тишине и почете». Казнили, да не его, — даже никого из его приближенных не казнили. Один охотник вызвался умереть вместо него добровольно.

Рассказы об Устинье Кузнецовой и о женитьбе Пугачева передаются ее родственниками или лицами, близко знавшими семью Кузнецовых. Все рассказчики осудительно относятся к женитьбе «Петра Федоровича» от «живой жены». В этой оценке, вероятно, сказались тенденции уральского казачества, по большей части старообрядческого. Однако все вариации объяснений этого факта сводятся к тому, что «Петр Федорович», женясь от «живой жены» и на простой казачке, действовал не по своей воле: «лукавые люди соблазнили».

Короленко, приехав к уральским (яицким) казакам в 1900 году, отмечает ряд интересных следов пугачевщины, которые ему пришлось наблюдать (В. Г. Короленко, «У казаков»). В старом Уральске (Яицком

городке) сохранились вещественные памятники, с которыми связаны и предания.

«На углу Большой и Стремянной улиц показывают два скромных дома. Один из них, угловой, — деревянный, сложен, очевидно, очень давно, из крепкого лесу. Бревна отлично еще сохранились, хотя один угол сильно врос в землю, отчего стены покосились, а тес на крыше весь оброс лишаями и истлел, кое-где превратившись в мочало. Другой, — стоящий рядом в глубь Стремянной улицы — тоже очень старый, сложен из кирпича с некоторыми претензиями на «архитектурные украшения». Он тоже весь облупился. Слепые окна отливают радужными побежалостями, крыльцо, — выходящее во двор, весь заставленный кизяками, — погнулось под бременем лет до такой степени, что могло бы возбудить любопытство архитектора самым фактом своего равновесия.

«Местное предание гласит, что первый дом (деревянный) принадлежал казаку Петру Кузнецову, откуда Пугачев взял себе невесту, Устинью Петровну, ставшую на короткое время «казачьей царицей». В каменном жил будто бы сам Пугачев во время наездов из Оренбурга. . .»

В «делах», которые удалось читать Короленко в войсковом архиве, — не раз упоминается о «называемом дворце» Пугачева... «Этот невзрачный, покосившийся дом, — пишет Короленко, — видел в своих стенах своеобразный «придворный штат» фантастической царицы. Здесь толпились фрейлины — недавние подруги ее по куреням — и пажи-казачата».

Короленко говорит о печальной участи молодой жены Пугачева:

«Печальна дальнейшая судьба бедной казачьей царицы. Пугачев проиграл свое дело на Яике. Он умчался из-под Оренбурга, чтобы еще раз пронестись ураганом по заводской и крепостной восточной России, — а Симанов со старшинской партией вышли из ретраншемента, и началась расправа. Устинья со всем своим штатом попала из «называемого дворца» в тюрьму при войсковой канцелярии. Потом пошли этапы, кордегардии, тюрьмы, эшафоты. Существует очень правдоподобный рассказ, будто бы Екатерина пожелала лично ви-

деть свою фантастическую соперницу. Свидание состоялось. Екатерина нашла, что Устинья далеко не так красива, как о ней говорили. После всего, что пришлось перенести бедной казачке, полуребенку, на пути от этого скромного деревянного домика в куренях до дворца Екатерины, отзыву этому можно, пожалуй, поверить.

Это свидание могло бы послужить благодарным сюжетом для интересной исторической картины. После него Устинья исчезает надолго в казематах Кексгольмской крепости. Более четверти века спустя (в 1803 году) царственный внук Екатерины, мечтательный и гуманный Александр I, обходя эти казематы, встретил там, между прочим, и Устинью. На вопрос государя ему сообщили, что это вторая жена Пугачева. Александр тотчас же приказал освободить ее, но, конечно, это пришло уже слишком поздно...»

Короленко отмечает, что среди местных жителей о пугачевском «дворце» ходят рассказы. Утверждают, что в нем что-то «непросто», иногда под полом там слышны какие-то таинственные звуки.

Приезд Короленко, осмотр дома, расспросы — все это создало новую легенду: «Обыватели заключили, что цель нашего осмотра — покупка «казною» пугачевского дома, как бывшего царского дворца».

К записям Железнова Короленко сообщает чрезвычайно ценное дополнение.

Он явился свидетелем той же самой устной традиции, которую отмечал Пушкин в 1833 году, и так полно зафиксировал Железнов: предания о Пугачеве — Петре III были живы и в 1900 году.

«В Требухах» оказался интересный человек, старый 89-летний казак Ананий Иванович Хохлачев. Я слышал о нем как о человеке любознательном, собравшем в своей старой памяти много преданий. Хозяйка постоялого двора, на котором мы остановились, оказалась крестницей Анания Ивановича и охотно вызвалась пригласить его к нам для беседы.

Через полчаса во двор явился рослый старик, с очень длинной седой бородой, в старинной формы стеганом халате и, несмотря на жаркий день, — в валеных сапогах. Глаза Анания Ивановича были старчески тусклы, голос несколько глух, но память ясная, речь связная

и толковая. Он был из тех людей, с детства наделенных живой любознательностью, которые жадно прислушиваются к старинной песне, к преданиям и рассказам бывалых людей и стариков...

«Он отказался выпить с нами чаю, — скромно и не объясняя причины (на Урале многие не пьют чая, считая это грехом), но охотно взял яблоко, которое, впрочем, так и держал все время в руке (дело было еще до яблочного Спаса). Но на вопросы отвечал охотно и даже с некоторой гордостью и удовольствием. Это было удовольствие человека, много узнавшего в свою уже закатывающуюся жизнь и готового передать другим кое-что из этого запаса. О Пугачеве он говорил как о настоящем царе, приводил очень точно разные предания, называя лиц, от которых все это слышал, и перечисляя степени их родства с самыми участниками исторических событий. Заметив, что я записываю кое-что в свою книжку, он выпрямился и, положив руку на столик, сказал:

«— Пиши, старый казак Ананий Иванович Хохлачев говорит тебе: мы, старое войско, так признаем, что настоящий был царь, природный... Так и запиши... Правда это...

«— А как же, Ананий Иванович, он был неграмотен? Указы сам не подписывал?

«— Пустое, — ответил он с уверенностью. — Не толи что русскую, немецку грамоту знал... Вот как!.. — потому что в немецкой земле рожден. Как ему не знать. Царь природный!»

Кроме того, тогда же Короленко слышал и имел случай читать поэму самородка-поэта казака Голованова о Чике Зарубине. Автор ее, по словам очеркиста, благодаря своему «строптивому и свободолюбивому» нраву, много «терпел по службе». О поэме казаки говорили как о произведении, «основанном на рассказах стариков, будто бы лично знавших пугачевского атамана». Поэма называется «Герой-разбойник (поэма-предание из времен Пугачева)».

В предисловии ее автор указывает, что ему удалось познакомиться с одним 130-летним стариком, «горячим участником пугачевского бунта». Поэма не сохранила, может быть, самих рассказов стариков. В ней нашли

отражение личные переживания автора, кроме того на нее оказала известное влияние одна понравившаяся ему поэма 1828 года. Но все же это произведение, в котором выведен герой-пугачевец, показательно, как характеристика настроений известных групп казачества.

В поэме Чика изображается борцом за прежние казачьи вольности. Чика рассказывает о своих чувствах:

С мечтами детства возникала
Во мне к свободе милой страсть,
Меня томила, ужасала
Гиганта северного власть...
Стеснил он волю золотую
На берегах родной реки,
Но, твердо помня жизнь иную,
Скорбят и ропщут казаки...

Все замечания Короленко ценны как свидетельства о живом бытовании рассказов и воспоминаний о пугачевщине, еще таких свежих в начале нашего века.

Содержание и осмысление образов в яицких рассказах — в целом выражает настроения широких масс яицкого казачества. Хотя само казачество и различно по своему экономическому состоянию и положению, но все его группы объединены в борьбе против великорусского капитала. Казачество боролось за свою самостоятельность, за свободу эксплоатации отвоеванных у кочевых народов пограничных земель. Свободное развитие рыбного промысла — главного источника дохода на Яике — и рыбной торговли постоянно встречает притеснения со стороны государства — монопольного скупщика рыбы и поставщика соли.

Кроме того правительство через своих ставленников — столичных генералов — постоянно распоряжается внутренними делами казачества. Поэтому новый царь — защитник попранных интересов, жалующий казаков лесами, лугами, реками, озерами и рыбными ловлями, освобождающий от налогов и пошлин — является в представлении казачества единственным избавителем. Борьба за остатки самостоятельности казацкой общины и против политики правительственных ставленников остра еще и в 50-х годах. Поэтому рассказы о пугачевщине

так свежи и так актуальны. Эти стремления настолько реальны, настолько облечены в плоть и кровь, что устно-поэтическое их оформление в рассказ и предание строится в реалистическом плане. Сказочный элемент и фантастика в них совершенно отсутствуют. Повествование дается в виде семейного предания, рассказа о близком, всем известном человеке.

В образе Пугачева подчеркнуты самые лучшие качества и как личности и как вождя.

Эмоциональная окрашенность — теплота, любовь, уважение к вождю чувствуются в каждом слове, в каждом отдельном штрихе этих рассказов.

Рассказ № 33, слышанный Железновым в женском скиту близ Гниловского умета от столетней монахини, калмычки по происхождению, Анисьи Васильевны Невзоровой, в «Очерках» — «Рассказ монахини», был переведен на французский язык в «Revue Historique» 1878, VII, Juillet — Aout, p. p. 371—479, под заглавием «Traditions populaires dans la Russie orientale sur l'insurrection de Pougascheff», par A. Rambeau.

Рамбо, известный фольклорист, занимавшийся русским эпосом, повидимому, заинтересовался яркими преданиями о пугачевщине.

Железнов сообщает, что дед или прадед рассказчицы (она хорошенько не помнит), калмык волжской орды, перешел в христианство и, приняв фамилию «Невзоров», приписался к яицким казакам. Взгляды рассказчицы на пугачевщину совпадают с взглядами коренных казаков.

Рассказ представляет собой полный вариант легенды о Пугачеве, являющийся как бы описанием его жизни.

№ 34—45 взяты из «Очерков быта уральских казаков», Спб. 1910, т. III, стр. 140—218.

34. Дано со слов старого казака Ивана Михайловича Бакирова. Отец рассказчика, которому в то время было около двадцати лет, часто видел Пугачева, говорил с ним, целовал у него руку.

Интересна песня, которая введена в рассказ (см. о ней «Песни о пугачевщине», № 2, и примечания к ней).

Иначе по сравнению с предыдущим вариантом дан эпизод размолвки «Петра Федоровича» с женой. Также

развивается новая вариация рассказа о женитьбе Пугачева на Устинье Кузнецовой.

35. Рассказ дан со слов Никифора Петровича Кузнецова, из Круглоозерного форпоста, Свистуна. Рассказчик — родственник жены Пугачева, Устиньи.

Рассказчик подчеркивает трагическую судьбу предателей Пугачева.

36. Записано от жителя Чаганского форпоста, старика-казака Толкачева. Его родной дядя знал Пугачева. Та же уверенность (как и в предыдущих вариантах), что Пугачев настоящий царь.

Пугачев изображен имеющим власть над дичью, — по его слову она сама приближается к нему.

37. Записано от жителя Красного Умета, слепого старого казака Лоскутова.

Рассказ о жизни Пугачева до его объявления. Подчеркнута милость Пугачева к простому народу. Ловкость и хитрость Пугачева подчеркивается в эпизоде внезапного возвращения его в семью Кузнецовых под видом купца — уже после его поимки.

38. Записано со слов жителя Рубежного форпоста, Филиппа Ивановича Павлова.

В рассказе подчеркнуты военные способности Пугачева.

39. Записано со слов Семена Марковича Стольникова, 80 лет, жителя Генварцевского форпоста.

40. Записано со слов жителя Илецкого городка, Василия Степановича Рыбинскова, 80 лет.

Чрезвычайно яркий рассказ по своей классовой заостренности. Рядовые казаки, несмотря на угрозы командиров, не признают Пугачева самозванцем.

41—45. Легенды о враге Пугачева, атамане Бородине. Напечатаны там же, где и предыдущие, стр. 210—217.

Приводимые Железновым рассказы о Бородине были тогда среди уральцев настолько общеизвестны, что он даже не приводит имен рассказчиков. Каждый рассказ он слышал от нескольких лиц.

Мартемьян Михайлович Бородин, яицкий старшина, с самого начала шел против Пугачева. Он участвовал в обороне Оренбурга и преследовал отдельные отряды Пугачева в степях. По преданиям, он конвоировал за

хваченного Пугачева до Москвы. Затем — с некоторыми казаками, бывшими с ним в конвое, он отправился в Петербург, был там милостиво принят и награжден императрицей за твердость в борьбе против Пугачева. После казни Пугачева, в январе 1775 года, он был назначен войсковым атаманом уральского казацкого войска. Конечно, выбор правительства пал именно на него, как на надежного казака, зарекомендовавшего себя верностью. Вскоре после этого почетного назначения Бородин скоропостижно умер в Петербурге.

Легенды рассматривают эту внезапную смерть как прямое следствие враждебности Бородина к Пугачеву.

Легенды о Бородине однотипны. Все они одинаково осмысляют смерть яицкого старшины. В представлении уральских казаков он явился как бы собирательным образом врагов Пугачева, которые непременно погибают, в то время как его друзья и сообщники возвышаются.

Рассказы, по-иному толкующие смерть Бородина (отравление его петербургскими чиновниками из зависти к его быстрой карьере), по отзыву Железнова, гораздо менее распространены среди уральцев.

ПЕСНИ И ПРЕДАНИЯ О РАЗИНЕ И ПУГАЧЕВЕ В ЗАПИСЯХ ПУШКИНА

1—2. Впервые напечатано П. В. Анненковым в газете «Порядок» 1881, №. 11 (12 января), с пометкой: «Выписано из черновых тетрадей поэта в 1853 году».

В настоящее время рукопись записей Пушкина хранится в Библиотеке им. Ленина в Москве № 2368, Л. 51-52. Опубликовывая песни, Анненков высказал мнение, что песни эти сочинены Пушкиным. Но это мнение вскоре же встретило возражения. П. Д. Голохвастов, сопоставив песни с записями устных памятников, решительно высказался (газета «Русь» 1881, № 11), что песни эти записаны Пушкиным. Также Грот («Русь» 1881, № 13) выставил предположение, что песни были записаны в Михайловском в тот период, когда Пушкин просил своего брата прислать «историческое сухое известие о Ст. Разине». Впоследствии утвердилось мнение, что песни о сынке Степана Разина была записаны и, может быть, слегка стилизованы Пушкиным. Правда, исследова-

телями подчеркивалось, что к фольклорным записям Пушкина необходима особая осторожность, ввиду того, что поэт умел мастерски подражать народным образцам. Но по отношению к этим песням о сынке Разина, думается, можно с уверенностью утверждать, что они записаны Пушкиным. Подлинность их подтверждается их массовой известностью. В печати (не считая рукописных записей) насчитывается более ста вариантов. Запись Пушкина является одной из северных вариаций. Возможно, что, записав эти два образца, Пушкин заменил отдельные выражения, например, вместо «штапам-офицерам», — как встречаем во многих вариантах, — поставил: «боярам государевым»; затем слово «губернатор» заменил словом «воевода» (за исключением конца песни) и т. д.

Хотя интерес к Разину проявился у Пушкина в начале 20-х годов в период разъездов с Раевским-младшим по Кубании и Донской области (во время ссылки на юг), — возможно, что тогда еще Пушкин слышал и песни о Разине, — но в Псковщине этот интерес возрождается; по всей вероятности, эти «песни» были записаны тогда же. Возможно, Пушкин слышал их, а может быть, и записал уже, незадолго до письма своего к брату Льву Сергеевичу осенью 1824 года. М. А. Цявловский полагает (сб. «Рукою Пушкина» Academia 1935), что песни о Стеньке Разине были записаны Пушкиным от его няни, Арины Родионовны.

Местные краеведы отмечают песню о сынке в псковских районах. Кроме того по своей полноте и композиционному строю вариант Пушкина — ближе всего северным образцам. Обычно южные варианты более трансформированы и фрагментарны. Кроме того в северных вариантах весьма часто встречается измененное имя Разина «Сенька» (как и в записи Пушкина). В южных вариантах это изменение реже. Интересно отметить, что в 1902—1903 гг. вторая из пушкинских песен была записана А. И. Мякутиным в Оренбургском крае от полковых казаков в ряде станиц (М. 290; Л. 19). Вероятно, этот отрывок проник в казачьи полки уже книжным путем.

Копии пушкинских записей, переписанные (с незначительными разночтениями) писарским почерком, были

обнаружены в бумагах Плетнева. Вместе с этой копией была и другая, тщательно переписанная рукой Погодина. В ней оказались три стихотворения, озаглавленные «Песни о Стеньке Разине».

I

Как по Волге реке, по широкой,
Выплывала востроносая лодка,
Как на лодке гребцы удалые,
Казаки, ребята молодые.
На корме сидит сам хозяин,
Сам хозяин, грозен Стенька Разин,
Перед ним красная девица,
Полоненная персидская царевна.
Не глядит Стенька Разин на царевну,
А глядит на матушку на Волгу.
Как промолвит грозен Стенька Разин:
«Ой ты гой еси, Волга мать родная!
«С глупых лет меня ты воспоила,
«В долгу ночь баюкала, качала,
«В волновую погоду выносила,
«За меня ли, молодца, не дремала,
«Казаков моих добром наделила, —
«Что ничем тебя еще мы не дарили».
Как вскочил тут грозен Стенька Разин,
Подхватил персидскую царевну,
В волны бросил красную девицу,
Волге-матушке ею поклонился.

II

Ходил Стенька Разин
В Астрахань город
Торговать товаром.
Стал воевода
Требовать подарков.
Поднес Стенька Разин
Камки хрущатыя
Камки хрущатыя, — } (sic : bis)
Парчи золотыя.
Стал воевода
Требовать шубы.
Шуба дорогая,

Полы-то новы,
Одна боброва,
Другая соболия.
Ему Стенька Разин
Не отдает шубы.
«Отдай, Стенька Разин,
«Отдай с плеча шубу.
«Отдашь, так спасибо;
«Не отдашь — повешу
«Что во чистом поле
«На зеленом дубе,
«Да в собачьей шубе».
Стал Стенька Разин
Думу думати:
«Добро, воевода,
«Возьми себе шубу,
«Да не было б шуму».

III

Что ни конский топ, ни людская молвь,
Не труба трубача с поля слышится,
А погодушка свищет, гудит,
Свищет, гудит, заливается,
Зазывает меня, Стеньку Разина,
Погулять по морю, по синему:
«Молодец удалой, ты разбойник лихой,
«Ты разбойник лихой, ты разгульной буян.
«Ты садись на ладьи свои скорые,
«Распусти паруса полотняные,
«Побеги по морю по синему.
«Пригоню тебе три кораблика:
«На первом корабле красно золото,
«На втором корабле чисто серебро,
«На третьем корабле душа-девица».

Вероятно, в бумагах Плетнева и оказались именно те самые, записанные, а также и сочиненные Пушкиным «Песни о Стеньке Разине», о которых писал Пушкину Бенкендорф, не допуская их к печати. (См. Грот «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники». Изд. 2, Спб. 1899, «Песни о Стеньке Разине», стр. 135—142).

3—4. Переводы Пушкина песен о Разине на французский язык с текста «Новиковского песенника», М. 1780. Ч. I, № 137, 134; то же у Киреевского, вып. VII, стр. 33, 40 и 41; то же М. 343; Л. 73 и М. 339; Л. 69. То же настоящий сборник, Песни о разинщине, № 15 и 22. Переводы были сделаны Пушкиным для французского литератора Леве Веймара (Loëwe Weimars), гостившего в Петербурге в июне-июле 1836 г.

В 1884 г. рукопись перевода была приобретена И. И. Курисом (херсонским губернским предводителем дворянства) на аукционе в Париже и предоставлена П. И. Бартекову для опубликования. Последний издал ее в «Русском архиве» 1885 г. № 3, стр. 451—460. Затем текст пушкинских переводов перепечатывался в собраниях его сочинений. В настоящее время рукопись хранится в Ленинграде в архиве Института русской литературы Академии Наук СССР.

В статье Н. Н. Трубицына: «О русских народных песнях, переведенных Пушкиным на французский язык» (Спб, 1900, отд. отт. из LVII ч. Зап. историко-филологического факультета С.-петербургского ун-та) были перепечатаны переводы Пушкина с указанием вариантов народных песен. Песни переведены прозою.

5. Предание приведено Пушкиным в примечаниях к «Истории Пугачевского бунта», гл. V.

Здесь текст дан по изданию 1834 года, примеч. № 17, стр. 52 («История Пугачевского бунта», часть I, Спб. 1834).

В конце марта Пугачев был разбит под Татищевой соединенными силами правительственных войск. Пугачев отступал. Реки между тем вскрывались, и убитые под Татищевой плыли вниз по течению. «Жены и матери стояли у берега, стараясь узнать между ними своих мужьев и сыновей» («История», гл. V).

Легенда своим содержанием объединяет разинщину и пугачевщину.

В первоначальном тексте Пушкин поместил это предание в самый текст, но, по указанию Николая I, должен был перенести его в примечания. По преданию, старая казачка оказывается матерью Стеньки Разина. Она ищет своего сына между погибшими пугачевцами. Вероятно, этот рассказ Пушкин слышал в Оренбургском

крае (сентябрь 1833 г.). В предании налицо осмысление пугачевщины как возродившейся разинщины. Подобное толкование пугачевщины весьма ярко проскальзывает в пугачевском фольклоре. Эту связь отмечает также Пушкин, приводя небольшой рассказ в «Table-Talk» (X):

«Когда Пугачев сидел на Меновом дворе, праздные москвичи, между обедом и вечером, заезжали на него поглядеть, подхватить какое-нибудь от него слово, которое спешили потом развозить по городу. Однажды сидел он задумавшись. Посетители молча окружали его, ожидая, чтоб он заговорил. Пугачев сказал: «Известно по преданиям, что Петр I, во время персидского похода, услыша, что могила Стеньки Разина находилась невдалеке, нарочно к ней поехал и велел разметать курган, дабы увидеть его кости...» Всем известно, что Разин был четвертован и сожжен в Москве. Тем не менее сказка замечательна, особенно в устах Пугачева. («Современник» 1837, т. 8, стр. 229).

6—7. Отрывки песен о пугачевщине, записанные Пушкиным в Оренбургском крае (сентябрь 1833). См. Записную книжку Пушкина в бумагах А. А. Краевского, л. 5, в Публ. б-ке; описание ее в работе Л. Б. Модзалевского «Рукописи Пушкина в Собрании Публичной Библиотеки в Ленинграде», Л. 1929, стр. 27.

Песня № 6 впервые была напечатана в Отчете Публ. б-ки за 1889 г., стр. 56. Песня № 7 впервые опубликована Н. О. Лернером в статье «Забытые стихи Пушкина» в газете «Речь» 1910 г., № 45. Вошло в сочин. Пушкина под ред. С. А. Венгерова, т. VI, стр. 219.

Оба отрывка, записанные Пушкиным, входят в состав большой песни о событиях на Яике и о пугачевских военных действиях. Наиболее полный вариант ее записан И. И. Железновым (см. № 2). Однако возможно, что отдельные части этой песни могли складываться и бытовать самостоятельно.

8. Вариация отрывка о капитане Сурине, приведенная Пушкиным в примечаниях к II гл. «Истории Пугачевского бунта».

Свидетели поездки Пушкина в Оренбургский край сохранили ряд рассказов о собирании им пугачевских материалов. В. И. Даль, ездивший вместе с Пушкиным в Берды, сообщает несколько подробностей, по которым

можно судить, что рассказы и воспоминания о пугачевщине в Оренбургском крае в 1833 г. были настолько ярки и свежи, что обнаруживались при самом беглом знакомстве с местным населением. Пушкин и его спутники встретили старую казачку, которая хорошо помнила Пугачева. «Пушкин разговаривал с ней целое утро; ему указали, где стояла изба, обращенная в золотой дворец... указали на гребни, где, по преданию, лежит огромный клад Пугача, зашитый в рубаху и покрытый трупом человеческим, чтобы отвести всякое подозрение и обмануть кладоискателей, которые, дорывшись до трупа, должны подумать, что это простая могила. Старуха спела также несколько песен, относившихся к тому же предмету, и Пушкин дал ей на прощанье червонец» (Даль «Воспоминания о Пушкине», стр. 417). Вероятно, это и была та самая 75-летняя казачка, о которой, как о своей bonne fortune, писал Пушкин жене.

Другие свидетельства тоже подтверждают, что Пушкину пела и рассказывала о Пугачевщине старая казачка. В 1899 г. один из краеведов, ездивший в Берды по следам Пушкина, называет даже и ее фамилию — Бунтова. Показания очевидцев и свидетелей поездки Пушкина в Берды приведены в сборн. Л. Н. Майкова «Пушкин», Спб. 1899. — В. И. Даль «Воспоминания о Пушкине». — Также в статье Д. Н. Соколова «Пушкин в Оренбурге» — («Пушкин и его современники», вып. XXIII—XXIV). В настоящее время вопрос о собирании Пушкиным пугачевского фольклора вновь изложен в статье Н. О. Лернера «Песенный элемент в «Истории Пугачевского бунта» (Пушкин, 1834 г. Пушкинское об-во. Лгр. 1934). В этой работе сведены все материалы, касающиеся поездки Пушкина в Берды и, кроме того, записанные Пушкиным песенные тексты сопоставлены с другими вариациями песен о пугачевщине. Записанные Пушкиным отрывки здесь впервые напечатаны полностью.

В настоящее время эти пушкинские записи печатаются также в сборнике «Рукою Пушкина».

СЛОВАРЬ СТАРИННЫХ И ОБЛАСТНЫХ СЛОВ

Авропия Европа
анперия империя
антилерия артиллерия
асрыханский астраханский

Багренье лов красной рыбы на Урале
баско (сев.) красиво, щеголевато
батальица, баталище сраженье
бачка сокращенное батюшка, отец
бедность беда, неудача
безмен ручные весы с подвижной опорной ручкой
безменная шишка шишка от безмена
бударка грузовая лодка, уральская легкая лодка
букетовая с цветным рисунком
бурсый, вм. **бусый** — серый, дымчатый
буса большая долбленная лодка с набивными досками по бортам
бусы корабли

Варовинны вожжи веревочные, витые, пеньковые
Вастракань Астрахань
взбёг вбежал
взбулгачился встревожился
вершник верховой, конный
висло висящее
войничее воинственнее
восповальный всеобщий
втемяшиться прийти в голову
высылки военно-карательные правительственные отряды
вышний голос властный, высокий, сердитый
вчеред очередь

Гамить шуметь
гармизоны гарнизоны
голудба голытьба, голь
гомозятся вращаются в беспорядочной массе
гулёбщик (уральск.) охотник

Догон погоня
дотошники искусники, мастера своего дела

Епанча широкий безрукавный плащ
ерик часть покинутого русла реки

Железы цепи, кандалы

Задёба, задёва задира, задорный человек
зады задняя часть двора в селении

Измясничены изрублены подобно мясу
изневага притесненье, неволье, насилье
изусаженая сплошь усаженная
инералик генерал
истовый истинный

Каблищи, коблищи люди сильные, крепкие, испытанные в превратностях жизни
кобёл одинокий, бездетный
казамат каземат
камка́ шелковая китайская ткань с разводами
канават старинная шелковая цветная и узорчатая ткань
канаватный сделанный из канавата
канитель тонкая золотая нить
канифас льняная, прочная полосатая ткань
канифасные сшитые из канифаса
кармазинный ярко алого, багряного цвета
кизлярка виноградная водка
киянь океан
кладка откуп за невесту
косоуха легкое грузовое судно на Волге
косная, косна легкая лодка для разъездов, не для груза
кош стан, лагерь
кошка плеть с несколькими концами или хвостами
красовитое (лицо) красивое
крепушка крепость
кроволитье кровопролитье
кстить крестить
кулюкушки игра в прятки
купеченство купечество
курень шалаш, изба, казацк. селенье
кус, царский кус приношенье царю

Ленбурх Оренбург
лиционна милиционная служба
лутошка липка, с которой содрано лыко
лямошник бурлак

Музурики бурлаки
майдан площадь, место для игры в кости, орлянку, карты

маковица, маковка верхушка здания
матерый, матерóй большой, высокий, огромный, толстый
Митькой звали исчез удрал
могута могота
муница аммуниция
мушкетон короткое ружье с раструбом для картечи
мяч меч

На красе стоит на красивом месте
налога тягость, гнет
напоко, напока временно
нарочи нарочно, с намерением
насад речное судно с поднятыми бортами
неохотничек противник чего
нехресть не христианин, некрещенный

Обдарить одарить
ожерелочек ожерелье
окровеленная голова окровавленная
ордыночка уменьшительное от слова орда
отписка донесенье
отудобил опомнился, пришел в себя
офрунчивают окружают
очунь очень

Пахвы подхвостник, ремень от седла
перетурка перебранка, передвиженье с места на место
перщатки перчатки
плюха оплеуха
побыт обычай, способ
подгулёный навеселе
пометалися быстро вскочили
ни поногу ни ногой
пригрянуть пристать к берегу
приворачивать приблизиться поворотом
прозумент позумент
проточинка проток
присугласила пригласила
прокуратить прикидываться притворяться
прядь — «стреляют, как прядь делают» т. е. беспрерывно
пядень мера в четверть аршина
пятерить казнить, отрубая конечности и голову

Ражки, «встать на ражки» четвереньки
разгулка прогулка
раздуванил разделил добычу
раскат городская стена
распетлить, распетлять развязать, распутать
рели перекладины
робá страх, ужас
рудовать орудовать

Сабур растение, дающее смолу коричневого цвета
сайгак дикий козел
сакман, сакма лесная тропинка, брод по траве
саламата мучная кашица
салма саламата
самоловик снасть на рыбу
семьянны семейные
серпий желтая краска
скацёный жемчуг скатный, крупный, ровный
складчик пайщик, дольщик
славущий славящийся
согласнички единомышленники, сотоварищи
станочек стан, становище, стоянка
стень тень
стружек челн

Тавлея шашечница, игра в кости, в шашки на специально расчерченной доске
тавлеи шашки
таченые строченые
торновины ягоды торна, тёрна

Удобство удобное место
ужахнуться ужаснуться, испугаться
умёт (уральск.) хутор в степи
уплошать оплошать, сплоховать
урочище естественный межевой признак речка, овраг и т. д.
усильством усилием
ухачи лихие

Фузея ружье

Харунки знамена
холодничек среднее между шатром и навесом

Царский кус приношение царю

Чалочки причал, веревка, которою судно прикрепляется к берегу
чуда чудовище
чудился очутился

Шапионы шпионы
шефорочик шарф
шипом говорить шопотом

Щебетко, щепетно, щепетко щеголевато, нарядно
щуп острый железный прут

Ярышка, ярыжка низший служащий полиции

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕСНИ И ПРЕДАНИЯ О РАЗИНЕ И ПУГАЧЕВЕ В ЗАПИСЯХ ПУШКИНА

Примечания

Редактор Ю. М. Соколов
Художествен. редакция
М. П. Сокольников
Технический редактор
Л. А. Чалова

*

Сдана в набор 5. V. 34.
Подп. к печ. 2. III. 35.
Вышла в свет III. 35.
Тираж 5 300 экз. Уполномоченный Главлита
№ Б-39979. Индекс А-7.
Издат. № 144. Формат
бумаги 72 × 109 в 1/32.
Авт. лист. 27,25. Бум.
лист. 10,2 по 99 000 зн.
Заказ № 3067.

*

Тип. «Ленингр. Правда».
Ленинград, Социалистическая, 14.

Цена Р. 7

Переплет Р. 2

ФОЛЬКЛОР

Вышли из печати

КАЛЕВАЛА

СЕРБСКИЙ ЭПОС

СКАЗКИ И ПРЕДАНИЯ СЕВЕРНОГО КРАЯ

Выходят из печати

АФАНАСЬЕВ
РУССКИЕ СКАЗКИ

АЛТАЙСКИЙ ЭПОС

БУРЯТСКИЙ ЭПОС

ACADEMIA
[illegible]







ACADEMIA

Собранные в настоящей книге песни и сказания о Разине и Пугачеве представляют собою интереснейшие фольклорные памятники о крестьянских восстаниях XVII и XVIII веков. Эти памятники дают яркое отображение, как классовые битвы воспринимались и осмысливались на протяжении двух с лишним веков различными слоями крестьянства, казачества и мелкого мещанства старой России.

В сборник вошли также предания и рассказы народов, испытавших тяжкий гнет со стороны русского самодержавия и принимавших живое участие в двух крупнейших крестьянских восстаниях.

Книга не ставит своей целью дать исчерпывающее собрание всех фольклорных материалов о Разине и Пугачеве; ее задача представить лишь наиболее характерные их образцы.

Цена Р. 9—